

И.С. Урбанаева

ШАМАНСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
БУРЯТ-МОНГОЛОВ:
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЕ
ТЭНГРИАНСТВО В СВЕТЕ
ДУХОВНЫХ УЧЕНИЙ

УДК 211 (571.54)
ББК 87 + 86.39 (5А/Я)
У69

*Исследования проведены при финансовой поддержке
Международного научного фонда и Российского
гуманитарного научного фонда (проект № 96-03-04600)*

Рецензенты

д-р филос. наук **Ю. Б. Рандалов**
д-р филол. наук **С. Ш. Чагдуров**

Урбанаева И. С. Шаманская философия бурят-монголов:
У69 центральноазиатское тэнгрианство в свете духовных учений:
В 2 ч. Ч. 1. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

ISBN 5-7925-0024-X

Монография содержит исследование духовной традиции бурят-монголов, философии и религии Неба. Работа выполнена на основе анализа обширного фактологического материала по бурятскому и монгольскому шаманизму, включая неопубликованные архивные записи М. Хангалова, К. Хадахнэ, С. Балдаева, П. Баторова и других ученых, а также данные собственных наблюдений автора, источники по мифологии и фольклору Центральной Азии.

Автор применяет метод сравнительного эзотеризма, стремится к "расширению сознания", обращаясь к опыту постижения *потенциости бытия* в западной и восточной философии, библейской и каббалистической традициях, других духовных учениях.

Книга предназначена для философов, историков культуры, а также всех тех, кому небезразличны вопросы *Бытия, мудрости, смысла человеческого существования, жизни и смерти, философии Неба и духовной практики*.

ISBN 5-7925-0024-X

У 0403000000 - 31
042 (02) 5 - 2000   Без объявл.

© И. С. Урбанаева, 2000
© ИМБиТ СО РАН, 2000
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга явилась на свет в результате осмысления и ретроспективного переживания почти исчезнувшего ныне мира бурятской старины, который мне ещё удалось застать в годы детства, проведенного в улусе на побережье Байкала, и который время от времени возвращался ко мне, благодаря памяти матери, возбуждая к себе всё более глубокий интерес, подогреваемый легендами, преданиями, былями о бурятских ясновидцах, великих шаманах, загадочных происшествиях со знакомыми и незнакомыми мне людьми. Мир *урайни саг* - реальность бурятского прошлого, в которой мои предки жили, трудились, любили и ненавидели, умирали и рождались, как и все люди на земле, - был, несмотря на обычную, присущую человеческим будням рутинность и заурядную повседневность, всё же удивительно таинственным и в этой своей загадочности отличался от привычного мира современного человечества. Попытка разгадать тайну притягательности *урайни саг* и таинств *боо-мургэл*, являвшихся духовной сердцевиной иной реальности традиционного мира бурят, и вызвала это движение моего сознания, вылившееся в данную монографию. Начавшееся в пространстве бурят-монгольской и центральноазиатской духовности осмысление потаенных сторон бытия наших предков переросло первоначальные рамки понимания изучаемого предмета и вывело на уровень сравнительно-эзотерического исследования центральноазиатских древностей в масштабе универсалий мирового *небесного* опыта и космического сознания.

В этой книге представлен не только и не столько результат обычных академических исследований, сколько личный опыт расширения сознания и первоначального постижения *Тэнгэри Неба*. Не думаю, что будет преувеличением или ложью, если скажу, что *Небо* руководило мной в ходе этого опыта. Но я не всегда воспринимала чутко высшее водительство. И да простят мне Высшие Силы, если я исказила *движение бесконечного* своим ограниченным умом!

Мне безразлично отношение академической науки к предлагаемому в книге подходу, к её идеям и результатам. Я благодарна экспертам Международного научного фонда, благодаря которым мои исследования получили финансовую поддержку в 1994 г., а также руководству РГНФ, также поддержавшего мой исследовательский проект (1996-1998 гг.), благодаря чему я имела возможность ещё поработать над первоначальной рукописью, завершённой в 1995 г., и окончательно подготовить книгу к изданию. Это произошло в 1997 г. С тех пор она ждала своего времени, чтобы увидеть свет.

ГЛАВА 1

МИСТИКА БУРЯТСКОЙ СТАРИНЫ И НАШЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

1.1. От “сотворения мира *урайн*” по следам таинственных феноменов...

Замысел настоящей книги жил в моем сознании долгое время лишь смутной мечтой - когда-нибудь найти разгадку тем многочисленным мистическим явлениям, о которых еще в детстве приходилось слышать от матери и других людей. Эти поражающие воображение и потрясающе достоверные рассказы воссоздавали приметы некой таинственной реальности, в которую был погружен мир наших предков. И только теперь пришло время прикоснуться к тому загадочному миру и попробовать заглянуть в его глубь, попытаться понять туманный лик бурятской старины, прочувствовать заново образы и впечатления, сохраненные в самом заветном уголке души - в воспоминаниях, сохранившихся из раннего детства, проведенного в бурятском улусе на западном, приольхонском, побережье Байкала. Эти детские картинки оказались живучими и притягательными настолько, что уже после переселения семьи в Бурятию - сначала в леспромхоз, где наша семья была единственной бурятской семьей среди местного русского населения, а потом в хоринские и еравнинские степи, в среду восточных бурят, давно в массе своей расставшихся с древними шаманскими традициями своих предков, я в своем все еще детском сознании, правда, уже включившемся в советский менталитет той эпохи, продолжала бережно хранить образы утраченного мира и жадно впитывала воспоминания взрослых о родном Ольхоне (1), о временах минувших. Произносимые матерью слова *урайн* (в старину, во время оно), *урайнай сагта* (в стародавние времена), *урайнай хүнүүд* (люди прошлого) производили на меня какое-то магическое воздействие, вводя в состояние предчувствия или соприкосновения с иной, таинственной, но странным образом как-будто хорошо знакомой реальностью.

Нетускнеющие образы детской памяти, отдающие ностальгией, осели в душе значимым слоем, который до поры до времени, казалось, никак не соприкасался со знаниями, переживаниями, впечатлениями, накапливавшимися в ходе повседневной жизни и учебы. Однако именно этот глубинный слой моего сознания и послужил, как оказалось теперь, основой “вспоминания себя”, если воспользоваться выражением Георгия Гурджиева. Этот потайной уголок сознания стал ядром кристаллизации нового самосознания, когда позади остался долгий опыт жизни в рациональном мире, сполна исчерпавший для меня возможности интеллектуального освоения мира.

Образ мира, существовавшего во времена *урайн*, был полон тайны, которой не было места в круге повседневного бытия современного человека. Это было похоже на сказку и тем не менее было реальностью. Реальность проступала сквозь память о летних перекочевках и тайлагааих на ольхонской родине, о жизни в деревянной бурятской юрте, где сквозь дымовое отверстие были видны ночью россыпи звезд, а днем проникали солнечные лучи, по расположению которых можно было определить точное время. Прочная реальность этого мира находила подтверждение в памяти о ярчайших разноцветных коврах полевых цветов и сочных травах по пояс в той местности, которая традиционно служила нашим летником, - это был улус Булук, благодатнейшее место. Теперь здесь никто не живет. Но травы остаются и теперь высокими и сочными, а цветы - фантастически яркими и прекрасными, как и в дни моего детства. А скот, по рассказам родственников, оставшихся в родном улусе Загшон, более известном как Таловка, продолжает, видимо, по генетической памяти, убегать летом в Булук, где и остается, пока лето не кончится.

Реальностью мира *урайн* было также маленькое и бездонное, как мне думалось в детстве, озерко-ключ, откуда мы брали питьевую воду, и грязь которого была лечебной. А выяснилось это случайно, когда мой двухлетний братишка, доведенный до крайнего истощения и изнеможения каким-то кишечным расстройством, против которого оказалась бессильной местная фельдшерица, вылечил себя сам, когда, ускользнув от опеки матери и меня - няньки, - побарахтался вдоволь в этом ключе, - мать нашла его, когда он хлебал грязь из озера, размазывая её по лицу. Мама в отчаянии решила, что этот случай доконает и без того ослабевшего ребенка, но он, наоборот, чудесным образом выздоровел после этой грязевой трапезы. Мать постоянно повторяла впоследствии, вспоминая этот эпизод из нашей ольхонской жизни: *Бурхад харжи хубуумнай тэрэ шабарта абаада. То есть: Боги, наши хранители, отвели сына к той целебной грязи.*

Столь же реален другой эпизод из моего детства, который я отчетливо помню. Мне было три-четыре года, когда я упала с чердачной лестницы и после этого стала вялой, сонливой, сидела, забившись в какой-нибудь угол. По ряду этих специфических признаков взрослые установили диагноз "*һунэһэн гараа*", что в буквальном переводе можно передать так: "душа покинула тело", хотя понятия "*һунэһэн*" и "душа" не являются вполне эквивалентными.

Определив причину моего недуга, провели специальный обряд *хуришха*. Мне врезалось в память, как люди, в том числе моя мать и я сама, выстроившись цепочкой, брели на закате, держа в руках принадлежащие мне вещи, а также молочную пищу и детские лакомства, и выкрикивали моё имя, призывая вернуться домой: "*Ира, Ира! Йер!*

Йер! Йер наашаа!" Самым удивительным и странным показалось мне то, что эти люди вели себя так, как будто меня нет, хотя я шла рядом со всеми. И, в то же время, я понимала, что это не игра, и что меня ищут. Этот случай так и осел в сознании надолго неразрешимой загадкой. А после обряда я действительно сразу поправилась.

А вот ещё один реальный случай из моего мистического мира *урайн*, происшедший в ещё более раннем детстве. Это было в маленьком улусе Шулуты, где провели у родственников сиротское детство моя мать и её сестры с братьями после того, как попал под репрессию в 1938 году их отец, наш дед, а во время войны умерла их мать, наша бабушка. В самом начале 50-х гг. мать ещё продолжала жить в Шулутах, и лишь когда родился мой братишка, мы пересели снова в Загшон, то есть в Таловку, где были родовые усадьбы и отца, и матери, и куда они - дети репрессированных, круглые сироты, молодые люди с изломанными судьбами, вернулись, чтобы учительствовать и растить своих детей. Так вот, когда мы ещё жили в Шулутах, со мной произошла та странная история, которую мать запомнила по-своему, а я - по-своему.

Я помню, как играла в Шулутах с мальчиками, примерно моими ровесниками, в разные всесельные игры. Конечно, младенческая память - а мне тогда было чуть более двух лет -, не сохранила имен и других подробностей, но вне всякого сомнения, это были реальные дети. Мать же запомнила, что в то время в Шулутах я вела себя очень странно, на её взгляд: резво носилась и звонко смеялась, обращаясь к каким-то невидимым детям - Вовё и Гене, причём особенно тепло обращалась с тем из них, кого называла "хорошим мальчиком Геной". Память не могла её подвести, так как Шулуты - это был совсем маленький улус, и других детей моего возраста поблизости не было. Обеспокоенная моим психическим здоровьем, она обратилась за советом к своей соседке Айхай. Кстати сказать, то была внучка знаменитого бурятского ясновидца и прорицателя Барнашхи: Шулуты были родовым его улусом. О Барнашке мы ещё поведем речь ниже. Что касается Айхай, то она жива до сих пор, я встречалась с ней в Анге (2) летом 1994 г. и в марте 1995 г. Теперь это совсем древняя старушка, ей свыше девяноста лет, но и во времена моего шулутского детства это была уже немолодая мудрая женщина. Она объяснила моей юной матери, что девочка играет с душами детей и посоветовала назвать второго ребенка, которым моя мать была беременна, именем "хорошего мальчика Гены", если родится мальчик. Так и получилось. Будучи уже совсем взрослой и изучая эзотерические труды, я сталкивалась с понятием - "духи - товарищи детских игр", и, вспоминая этот эпизод своего раннего детства, поняла, что здесь имел место распространенный феномен детского ясновидения: ведь в моей памяти те мальчики фигу-

рируют как настоящие дети из плоти и крови, с которыми я наперегонки бегала, собирала цветы, играла на сделанной кем-то из них дудочке и т.д.

Осмысливая теперь эти явления, имевшие место на заре моей жизни, я начинаю воспринимать их как проявление какой-то прочной мистической связи с *Аргаахани-бабаем*, - так звали одноулуслики деда Барнашху. Видимо, не случайно так завораживали меня рассказы родственников о пророчествах Барнашхи и о его завещании, упоминания о таинственных письменах, которые должны были, по этим словам, появиться на белых костях его по прошествии времени. Косвенным подтверждением того, что за этим моим ощущением действительно что-то есть, могут служить слова одного современного бурятского шамана Семена Тулгеевича Байрова, как-то несколько лет назад сказанные после одного из *тайлаганов*-общественных молебствий: "*Ирина Барнашхын шанартай*", что в переводе означает: "Ирина имеет посвящение от Барнашхи". Я не придавала тогда этим словам какого-либо значения, но по прошествии времени мистическое значение Шулут и пророка Барнашхи в моей жизни и в истории бурят осознается мною всё глубже.

Загадочный образ человека из родного улуса, который непонятным образом сумел предвидеть все важнейшие события и явления XX столетия и основные вехи в судьбе своего народа, будоражил воображение, заставлял мысль биться над тайной ясновидения, невольно вызывал ассоциации с другими пророчествами. В новейшей истории бурят-монголов (3) известны имена и других ясновидцев, чьи пророчества были наполнены судьбоносными для бурят смыслами. Старики и старухи вспоминают слова закаменского мудреца Дужэрэй-нойона, западно-бурятского Малаани Гэргэсээ (Григорий), а особенно еравнинского Молона-багши (4).

О личности Молона-багши благодаря некоторым более счастливым, чем у других бурятских мудрецов и пророков, биографическим обстоятельствам, кое-что дошло до современных людей. Родился он в 1769 г. и умер в 1853 г. в местности Ульдурга (ныне село Ульдурга Еравнинского района Бурятии). Как странно! И другой знаменитый бурятский пророк каким-то неостижимым образом связан с судьбой моей семьи. Дело в том, что Еравна или по-бурятски Ярууна - это вторая родина моей семьи: сюда то ли в 20-х, то ли уже в начале 30-х гг. переселились из Загшона (Таловки) многие его обитатели - так что Загшон-2 (5) совсем обезлюдел. В числе их были также люди из рода моей матери *Олзонгууд*. Вообще инициатором этого переселения явился мамин отец, сторонник ербановской (6) политики концентрации бурят в пределах центральной части Бурятской республики - впоследствии репрессированный Илья Андриянович Андриянов. Дед

самолетом выезжал предварительно в Еравну, подобрал подходящую местность в долине Эгиты и заложил там новый колхоз - имени Карла Маркса. Но свою собственную семью из-за сопротивления его матери и сестры ему переселить не удалось, и он был вынужден остаться на родине в Приольхонье, работал заведующим Ольхонским райфинотделом, потом уехал в Иркутск учиться в комвузе, откуда его и забрали за "панмонголизм" Теперь уже почти никто не знает, каким образом часть ольхонских бурят оказалась в Еравне. Но у нас в семье эта история хранилась в качестве родового предания, и хотя мои родители родились и выросли в Загсоне, они знали о существовании второй родины в Еравне, милостиво принявшей наших родичей, и в конце концов сюда переселились со временем и мои родители, и их братья и сестры. Мои самые младшие брат и сестра родились уже на новой родине.

Что, кроме приверженности политике М. Н. Ербанова, побудило моего деда взяться за массовое переселение ольхонских бурят в Еравну? Не в пророчествах ли Барнашки о нескольких волнах переселения ольхонцев на другую сторону Байкала кроется скрытая причина, побудившая деда, являвшегося лидером своих земляков, позаботиться о сородичах, пока дорога не стала "*шуһан харгы*" (кровавый путь), о которой предупреждал Барнашка? Трудно сказать об этом что-либо определенное.

Зная, какое важное значение в судьбе каждого степняка традиционно имеет земля, где он родился, земля, которая осенена незримым покровительством родовых хранителей, начинаешь понимать мистическое значение Барнашки и Молона-багши в своей личной судьбе и в судьбе своей семьи. Примечательно, что как-то однажды посетив мою семью - присутствовали мать, сестры, младший из братьев,- великий современный монгольский шаман Цэрэн-заарин сказал: "Вы должны постоянно чтить Ойхони-баабая и Яруунын-баабая"(7). А ведь он ничего не знал из подробностей семейной истории и о двух наших родинах! Правда, он уникальный ясновидец и об этих его качествах как практикующего шамана речь ещё пойдет ниже.

Для меня несомненно, что наследие Барнашки, память о Барнашке непосредственно связаны с Ойхони-баабаяем, как наследие Молона-багши связано с мистическими хранителями Еравны, а тот и другой - выразители нашей древней духовной мудрости. Тем более велика ответственность за сохранение этого духовного наследия, тем значительнее долг по отношению к пророкам своего народа. Нам предстоит осмыслить их единую мудрость, собрав по разрозненным крупинкам, выявить и истолковать сокрытые смыслы.

Если сравнить пророчества этих провидцев, живших в разное время и в разных местностях бурятской земли, то можно обнаружить

ряд принципиальных совпадений и в самих пророчествах, и в обстоятельствах их биографии, и в отношении к ним со стороны их современников и сородичей. Прежде всего бросается в глаза, что в обоих случаях имеет место универсальное явление, не раз обнаруживавшееся в другие эпохи и у других народов: нет пророка в своем отечестве! Бурятский народ отнесся к обоим - и к Барнашке, и к Молон-багши, - как другие народы относились к Вестникам Истины.

2000 лет назад среди израильтян появился долгожданный Спаситель и приступил к исполнению своей миссии. "Сегодня перед вами исполнится Святое Писание", - сказал Он, приступая к своей проповеди в родном городе. И самое начало Его проповеди поразило и смутило присутствующих. *«Потом он обрушился на недостаток духовного развития среди еврейского народа, на их материализм, жажду наслаждений и на удаление от высших народных идеалов. Он проповедовал мистический догмат и требовал применения его к повседневной жизни. Он преподнес толпе учения Каббалы в простых, дельных словах. Он указывал, что надо стремиться к высоким, духовным достижениям, а не довольствоваться низкими идеалами. Он порицал все их привычки и предрассудки и говорил без всякого уважения о их мелких обрядах и традициях. Он требовал отказа от иллюзий мирской жизни и следования за духовным светом, куда бы Он их ни повел. Все это и еще многое другое сказал Он им.*

Среди слушателей воцарилось смущение. Они стали прерывать Его и обращались с вопросами; со скамеек посылались много противоречий и оприцаний. Некоторые насмеялись над Его самомнением, что Он вестник Истины, в доказательство этого требовали от него "чуда" Он наотрез отказался исполнить это требование, считая его непристойным и несоответствующим оккультным правилам, всегда отклоняющим чудотворство по заказу.

Тогда они стали оскорблять Его, и в синагоге посылались крики "шарлатан" и "обманщик" Они напомнили Ему скромное происхождение Его и родителей Его и отказывались верить, что такой человек, как Он, имел право присваивать такую власть и такие привилегии. Тогда Он изрек знаменитые слова: "Пророк уважается всюду, только не в своей стране"». (Йог Рамачарака, 1993, с. 57, 58)

Эта проповедь Иисуса Христа в родном Назарете после долгих лет странствий и учений кончилась тем, что бушующая толпа выпроводила его из синагоги и, протаскивая по улицам, чуть не скинула с обрыва. И сбросила бы, если бы Он не воспользовался своей оккультной силой для самозащиты. *"Те, которым подобало Его поддержать, первыми стали угрожать Ему, на Его же родине"* (Там же).

А когда еще задолго до этого, около 1200 года до н.э. стал проповедовать новую религию древнеиранский пророк Заратуштра, то

единственным человеком в родных местах, которого удалось обратить в свою веру, оказался его двоюродный брат (см.: Бойс, 1994).

Духовные открытия пророков именно в их родных местах воспринимают с наибольшим недоверием, а самих Учителей в этом их качестве родина признает в последнюю очередь. Мудрецы прошлого вели жизнь странствующих святых, - так было с пророками в Индии, Персии, Иудее, Тибете, Монголии - и происходило это, по-видимому, не только из их интереса к новым местам и из-за стремления просветить как можно больше людей. Дело было не в последнюю очередь и в том, что "нет пророка в своем отечестве" Мудрецы были гонимыми. Как не вспомнить тут древних греков и римлян, неоднократно изгнавших своих философов!

Эта отмеченная общая закономерность отношения толпы к Вестникам Истины вполне проявлялась и в отношении бурят-монголов к своим духовным лидерам. Ольхонский Барнашха знаменитым стал только теперь, когда весь ход XX столетия подтвердил правильность его пророчеств. Теперь то и дело в народе - далеко за пределами ольхонских земель - вспоминают те или иные его слова, касающиеся общественного устройства и природы советской власти (что она - порождение *шулмуса* - дьявола), срывков начала и конца второй мировой войны, а также технических открытий, и более конкретные прорицания о чьей-то индивидуальной судьбе или судьбе той или иной семьи. А на родине, среди ольхонцев, его теперь почти обожествляют. По крайней мере, он внесен в пантеон местных покровителей. В его честь близ районного центра села Еланцы установили священную коновязь - *сэргэ*, и люди, проезжающие мимо этого места, делают в его честь возлияния молочной пищей, *тарасуном* - молочной водкой или обычной водкой, оставляют монетки, обращаются к покровительству духа Барнашхи. Поговаривают также, что буддийские ламы собираются строить здесь храм в честь Барнашхи.

Родился Барнашха в тот же год, что и Ленин, и умер в 1924 г. При жизни же Барнашху одноулусники и родственники считали сумасшедшим, называли его *зунтэглээхэн*, то есть старым маразматиком, и никто не воспринимал его слова всерьез, как рассказывает об этом его внучка Айхай. До сих пор живы глубокие старики, которые малыми детьми знали Барнашху, - они, по их признанию, по примеру взрослых не воспринимали старика всерьез и не делали попытки прислушаться к его бормотанию. Особенно третировала Барнашху сноха - жена его единственного сына Аргаахана, умершего молодым. "Не слушайте старого придурка", - говаривала она. Ольхонцы до сих пор вспоминают, что женщина очень плохо относилась к свекру. Впоследствии она ослепла и ноги ей отказали. Старость она провела в сильных страданиях. Ольхонцы усматривают в этом наказание за её

плохое отношение к Барнашке. *“Хадам эсэгынгээ утэлхэдэ муугаар хараһандаа нугэлдэ хуртэжэ, нохор болоод, юушые хараха аргагүй ехэ зобожо, тулижа, наһа бараһан гэлсэдэг”* В переводе: “За то, что плохо содержала свекра, когда он состарился, она приняла на себя грех, и в наказание ослепнув, так что ничего не могла разглядеть, в сильных мучениях и страданиях умерла эта женщина”

Участь снохи Барнашки буряты трактуют как типичное выражение признаваемого ими традиционно универсального закона *“Эрьед зэм дээрэш ерэхэ, тойрод, толгой дээрэш тудаха”*, что в переводе означает: “Преступление твое бумерангом вернется к тебе; покружившись, вина твоя падет на твою же голову” Этот известный в буддизме и мировом оккультизме закон, связанный с понятием *кармы*, был всегда известен нашим предкам, и лишь современные люди в большинстве своем забыли о нем и не ведают о последствиях своих поступков.

Внучке Айхай было двенадцать лет, когда Барнашка умер, поэтому помнит она о нем немного. Существует предание о завещании Барнашки: говорится, что он просил похоронить его, подняв тело на *аранга* - специальное возвышение, - так хоронили в прошлом шаманов. *“На моих белых костях, говорится в этой версии завещания, появятся золотые письма, в которых вы прочтете продолжение предсказаний”* Но сноха, согласно этой же легенде, проигнорировала, как всегда, слова свекра и распорядилась провести обычный похоронный обряд, принятый в отношении обычных шулутских бурят, и тело предали земле. Ольхонцы до сих пор сокрушаются, что не выполнили последнюю просьбу провидца. Существует даже легенда, якобы Барнашка в наказание за то, что сноха ослушалась его и не подняла его на *аранга*, сказал ей:

“ХОЕР ХҮЛЭЭШНИ ЭДЕХЭБ, ХОЕР НЮДЭЭШНИ ЭДЕХЭБ” В переводе: “Потеряешь ноги и глаза” В народе говорят, что это был единственный в жизни Барнашки случай, когда он кому-то причинил зло, - а вообще он делал исключительно добро. Сноха в старости ослепла на оба глаза и обезножела, - так что не могла самостоятельно даже по дому передвигаться, - это уже не легенда, а факт.

Правда, бабушка Айхай уверяла меня, что всё было сделано, как завещал Аргааһани-баабай, а именно: предали тело земле в потаенном месте, и родственники знают место захоронения, но держат его в тайне. По её словам, дед наказал, чтобы его похоронили в земле, ибо *“замби ехэ сэбэр, замьһан сэбэриймэ юуныше байха угэ”*, то есть “земля- сама чистота, нет ничего чище земли”

Действительно, во всей истории жизни и смерти Барнашки есть какая-то большая тайна. Намеки на неё содержатся как в спорах по поводу завещания, так и в вопросе о том, был ясновидец сожжен или погребен тайно. Возникают вопросы также в связи с явно буддийским

подтекстом последних слов Барнашхи, которые запомнила девочка Айхай. Наконец, был ли Барнашха шаманом? Айхай однозначно утверждает, что дед не был шаманом и никаких шаманских призываний не знал. “*юушье мэддэг угэй байгаа*” Однако, в сообщаемых ею сведениях есть явные противоречия. С одной стороны, она убеждена, что дед был неграмотным и говорил лишь то, что понял, узнал собственным умом. С другой стороны, по её словам, Барнашха передавал, стараясь не исказить, слова какого-то очень высокого ламы. Что это за лама был, она не знает, кроме того, что “он мог руками развести непогоду и слякоть” Барнашха, по её воспоминаниям, пропал в молодости в течение двенадцати лет на другой стороне Байкала - у лам.

В связи с последним сообщением вместе со мной в марте 1995 г. посетившая старушку Айхай Р.А.Урханова вспоминает, что когда летом 1994 г. она была в Оке вместе с американцем Дэном Пламли, работающим в нашем регионе по совместному российско-американскому экологическому проекту, ей приходилось слышать от старых окинцев рассказы о том, что когда-то давно Барнашха восседал в здешнем буддийском храме - дацане (8) рядом с самым главным ламой. Если же учесть, что бурятские дацаны прежнего времени насчитывали по нескольку тысяч монахов и являлись настоящими буддийскими университетами и местными центрами культуры и образования, то сам этот факт присутствия Барнашхи в буддийском дацане, причем, очевидно, с очень высоким духовным статусом, никак не согласуется с сообщением Айхай о том, что дед “ничего не знал” За двенадцать лет занятий буддийской духовной практикой Барнашха мог достигнуть очень высоких реализаций и ступеней посвящения.

Сохранившийся в памяти Айхай образ неграмотного старика наглядно отражает общее отношение одноулусников и родственников к провидцу: он не был духовным учителем и авторитетом для них, даже если в действительности достиг настоящих вершин *Знания*. Есть основания утверждать, что личность Барнашхи воспринималась на родине его современниками далеко не адекватно тому, чем и кем он в действительности являлся. А был он на самом деле истинным хранителем древней духовной традиции бурят и знатоком тайных знаний. У нас отсутствуют документальные сведения о буддийском прошлом ясно-видца, зато имеются архивные сведения, говорящие о том, что Барнашха был носителем эзотерического *тэнгрианского* знания.

Известный бурятский этнограф С.П.Балдаев, собиравший материалы о байкальских писаницах во время поездки в Ольхонскую степную думу в 1913 г., которую он предпринял вместе с известным иркутским исследователем Б.Э.Петри, встречался с ольхонскими знаатоками-краеведами жителем Ангинского улуса М.Ангадаевым и

жителем Шулутского улуса Барнашкой Балтхановым (Балдаев, рук. № 3514, л.6), которые объяснили ему значение фигур писаницы на скале Сахюртын Саган Шулуун и рассказали шаманское предание, связанное с этой скалой. Как следует из этих данных, Барнашка не только знал древние ольхонские предания и призывания, но и сам совершал важные обряды на тайлаганах - общественных молебствиях ольхонцев. С.П. Балдаев пишет, что население улусов Еланцы, Шулу-ты, Борсой и Анга - представители рода *Шоно* (Волк) устраивали тайлаган девятью баранами и молочной водкой - тарасуном *эжину*, то есть духу-хозяину скалы Саган Заби, что с писаницей. Этот эжин - *Буурал саган ноен* и его супруга *Буга саган хатан* спустились с неба. Обряд в их честь совершает, как и вообще при исполнении культа писаниц, особый старик "*хаялгаши*" Во время посещения Приольхонья С.П. Балдасвым *тайлаган* совершал как раз Барнашка. Он дал ряд пояснений С.П. Балдаеву, в частности, объяснил, что *Буурал саган ноен* является уполномоченным западных *хатов* (*царей-сыновей тэнгриев*) на северном (западном) берегу Байкала.

Вот русский перевод текста призывания эжина Саган Заби, услышанный С.П. Балдаевым от Барнашки (9):

Соог!

Золотое солнце

Мать наша!

Призываем к вашим заслугам,

Красавец месяц,

Отец наш!

Обращаемся к вашему сиянию!

Призываем к вашим милостям,

Находясь под защитой

Эсэгэ Малана отца!

Обращаемся к вашим добротам,

Пребывая под покровительством

Эхэ Юран-матри!

Спустившееся великое божество,

Восседающая великая богиня!

Спустились вы с молнией,

Появились по божественному велению,

Местопребывание ваше - гора,

Изображение ваше - писаница,

С неба сошедшие великие божества,

Восседающие на земле великие богини!

На горе вы имеете

Местопребывание свое.

На скале вы оставили Изображение свое!

Седовласый старец,
Буга белая старица!
Бедную жизнь нашу осчастливьте,
Бездетную жизнь нашу благословите детьми!
Полную изгородь
Пошлите нам скота,
Полное одеяло
Подарите детей!
Если придут болезни и несчастья,
То направьте их за горы,
Если посетят зло и лихолетие,
То отправляйте их за бугры!
При наступлении тяжелых лет
Не откажите в своем соболезновании,
При наступлении трудных лет
Не обделите своей добротой!
Соог!

(там же, л.9)

Судя по тому, что в тайлагане, гостем которого оказался С.П.Балдаев, участвовали люди шоноевского рода, а исполнителем ритуала был Барнашка, - он был жрецом рода *Шоно*. С.П.Балдаев записал от Барнашки и другие весьма интересные сведения, которые подтверждают нашу гипотезу, что он был носителем *Знания*. Более того, он был потомственным посвященным: его отец, Бутухан, был жрецом-исполнителем очень мощных обрядов в честь *хатов* - сыновей тэнгриев и, по-видимому, был также *тэнгэри дуудаш* - призвателем Неба. Так называли в прошлом буряты-шаманисты посвященных наиболее высокого уровня. В XX веке их уже не было среди бурят. А отец Барнашки был из тех, кто владел мощными знаниями и энергетикой, благодаря которой достигался поразительный эффект, вроде того, который описан С.П.Балдаевым. Вот этот рассказ, записанный им от Барнашки.

“В 1850-60-х гг. какой-то иркутский купец прибыл на судне с рабочими. Он остановился недалеко от скалы Сахюрта. Облюбовал там камни, нагнал ещё рабочих и стал делать надгробные памятники. Памятники выходили хорошие. Он транспортировал их на своем судне в Иркутск. Купец стал угрожать бурят-монголам, что он арендует все здешние места и выгонит бурят-монголов на ближайшие сопки. Местное население переполошилось, так как люди вложили огромный труд в расчистку усадеб, покосов и пастбищ, отвоевали их у камней, удобряли навозом в течение столетий и превратили в роскошные утуги и пашни.

Местные бурят-монголы устроили большой суглан и решили организовать грандиозный тайлаган в честь западных добрых хатов. Они закололи 9 лошадей и 18 баранов, во время сасли (10) выступили 99 стариков - по числу хатов. "Жертва оказалась угодна,- говорил старик Барнашха,- западные хаты через своих представителей - эжина истока реки Ангара Ама Саган нойона, эжина Голоустного (11) Уха Шара хубууна, эжина маяка Песчаный Шодой-мэргэна и эжина Сяхургы Сарма Саган нойона поразили ненавистного купца. Купец проболел одни сутки и умер на каменоломне. После его смерти рабочие испугались бурятских бурханов, так как в день смерти купца троих рабочих задавило обвалившейся скалой, и они погрузили на свое судно своего хозяина и троих товарищей и уехали в Иркутск. С тех пор они не возвращались"

На этом тайлагане старики делали такое призывание, сообщенное Барнашхе его отцом:

"Соог!

Призываем западных хатов!
Обращаемся к нашим защитникам!
Первенствующий между ними
Хан Шаргай господин!
Хозяин горы Шабарта!
Бухан господин отец!
Хозяин местности Улгэй!
Булгата господин!
Хозяин местности Култук!
Эмнэг белый господин!
Хозяин реки Иркут!
Ама белый господин!
Хозяин реки Ангара!
Тулами белый господин!
Хозяин местности Туран!
Хэрмэши белый господин!
Хозяин местности Кырен!
Мунгэтэ белый господин!
Хозяин местности Мона (Монды)!
Хилман белый господин!
Хозяин города Кяхта!
Хираасагай белый заарин!
Хозяин речки Урака -
Стремянный, держащий повод
С правой стороны крепко!
Лонхоев сын, нагаадай-заарин!
Хозяин пади Уляха -

Стремянный, держащий повод
С левой стороны надежно!
Саганов сын,
Сам Сагаан господин!
Посол западных хатов!
Эрбэг белый господин!
Хозяин реки Идь (Ушановка)!
Уха Шара хубууи!
Хозяин пади Голоустное!
Шодой-мэргэн!
Хозяин маяка Шорто (Песчаная)!
Хухэ тологой старец!
Хозяин местности Кургум!
Гамнаев сын, Барлак!
Покровитель горы Хайдай!
Хиһа белый господин!
Хозяин Святого Носа!
Сарма белый господин!
Хозяин скалы Сахюрга!
Сахилаши белая госпожа!
В тяжелые годы
Не откажите преподать счастье!
В хворые годы
Не обойдите нас милостями!
Свое золото спрячьте
Позади себя, далеко!
Свое серебро утаите
В своих пазухах крепко!
Протягивающим свои руки
На наши породные места
Отсеките руки,
Наступающим своими ногами
На наше священное тоонто (12)
Перебейте ноги!
Свое счастье дайте нам,
Свою помощь преподайте детям нашим!
Высокие наши божества!
Добрые наши хранители!
Западные 99 хатов!
Добромыслящих направляйте!
Зломыслящих убирайте от нас подальше!
Зубы им иступите!
Орудия их поломайте!

Обуздав обротью (лошадь),
Подносим жертву нашим господам,
Западным хатам!
Взнуздав уздой (лошадь),
Подносим жертву нашим ханам,
Высоким хатам!
Сберегите нам тоонто!
Защитите породные
Наши земли и воды!
Соог!”

(там же, л. 12)

После этого случая бурят-монголы Ангинской долины устраивали подобные тайлаганы от случая к случаю. В 1900-х гг. около Еланцов какой-то иркутский купец нашел каменный уголь. Местные тоже устроили тайлаган *западным хатам*. Произошел взрыв во время работ и тяжело ранило рабочих. Работы были прекращены. Аналогичным образом ольхонцы поступили, когда иркутский купец Ланин нашел недалеко от Еланцов железную руду и начал её обработку. По словам Барнашхи, население улусов Хисинский, Тирганский, Шулутовский и Еландинский устроили тайлаган местным покровителям и просило их скрыть свои богатства и недра от расхищения “*за свои пазухи и рукава*” После этого тайлагана в семье Ланина произошло одно несчастье за другим. Сам Ланин умер, а сыновья разбрелись по разным местам. Строение и оборудование остались на произвол судьбы (там же, л. 10-13).

К покровительству хатов бурят-монголы обращались в чрезвычайных ситуациях - это были очень мощные молебны, которые проводились от имени большого количества людей, а исполнителями были родовые старейшины и мудрецы. Обратим внимание читателя на эффективность принимавшихся бурят-монголами сверхфизических мер по защите своего жизненного мира, когда их собственных усилий оказывалось для этого недостаточно. Старик Барнашха и подобные ему жрецы и мудрецы и были носителями этой древней традиции взаимодействия людей и их божественных покровителей. Не вдаваясь здесь глубоко в оккультную природу последних, отметим, что *хаты* и *эсины* являлись для бурят-монголов важнейшими элементами их системы защиты жизни, они представляли собой традиционные формы действия высших, сверхприродных или космических, если хотите, законов их бытия. Именно космический (оккультный) закон возмездия действует таким образом, что любая попытка активного проявления зла бумерангом возвращается на голову того, кто породил это зло, причем кармическое последствие оказывается всегда тяжелее исходного импульса зла. Каким образом наши предки открыли для себя

действие этих закономерностей и научились использовать их, создавая свою традиционную систему защиты жизненного мира, это предмет особого изучения.

Когда эта традиционная оккультная система срабатывала, результат бывал, как правило, поразительным. Поэтому и сами бурят-монголы, и русские переселенцы очень боялись вызвать гнев бурятских богов. Буряты старались не злоупотреблять оккультными возможностями, которые были в их распоряжении.

Итак, ольхонский старец Барнашха, выглядевший в глазах родственников и земляков, уже вкусивших плодов российского и советского просвещения, неграмотным старым маразматиком, который “ничего не знал”, был в действительности потомственным хранителем очень мощных тайных знаний, и ему доверялось отправление чрезвычайно ответственных ритуалов. А если учесть, что он двенадцать лет “пропадал с ламами”, то образ Барнашхи становится ещё более загадочным. Пророчества его дошли до нас фрагментами, частично.

Наиболее известным среди афоризмов Барнашхи является такое:

“ХААН ХУУЛИҺААН ҺАЛХА,
ХААНИ ХУУЛИ ХАТАРЖААН АБАХА”

В переводе: “Царь будет свергнут, царскую власть захватит каторжник” Сказано это было задолго до того, как была установлена Советская власть.

В марте 1995 года я вместе с Р.А.Урхановой и В.В.Хагдаевым посетила одного из старейших знатоков ольхонских древностей Орлоба Орбодоевича Орбодоева, которому тогда исполнилось 85 лет. Сам он воплощает живую историю: в 30-е годы был в руководящих рядах ольхонских коммунистов, был репрессирован и осужден на 10 лет лагерей, провел почти весь срок на Колыме, как и мой дед Илья Андриянов, и вернулся на полгода раньше срока, заслужив досрочное освобождение “за дисциплину в годы войны” После войны, будучи чабаном, он стал проводником и сотрудником многих археологических экспедиций, был дружен со знаменитым сибирским академиком А.П.Окладниковым. Так вот, этот дед поведал нам, что когда в ольхонских местах появилась нечисть “урда бэеин шулма”- Барнашха провел с ними переговоры. Это случилось в 1922 г. Он задал им вопрос: “Надолго ли вы прибыли?” Те ответили: “На 70 лет” Орлобаабай передал также такие слова Барнашхи:

“ШОНОЙН ҮҮДЭН ХАГДАХА, ШУЛМАЙН ҮҮДЭН НЕЭРЭХЭ”. В буквальном переводе: “Закроется дверь волков, откроется дверь дьявола”. И ещё сказал Барнашха:

“ШУЛМАЙН ҺҮҮЛДЭ ШОНО САГ ЕРХЭ” То есть: “После ухода дьявола придет время волков”

Буряты до сих пор толкуют скрытые смыслы этих речей. В последние годы интерес к ним ещё более возрос.

Другой бурятский мудрец Молон-багши еравнинский тоже в течение длительного времени воспринимался своими земляками не иначе как юродивый. Одноулуслики, как и в случае с Барнашкой, говорили, что Молон от старости лишился рассудка, и никто не прислушивался к его словам. По одному из преданий, Молон до преклонного возраста не посещал храмов, не умывался, и все лежал. Лежа он предсказывал будущие перемены. И никто не воспринимал эти предсказания всерьёз, пока Эгитуйский дацан, в прошлом известный духовный центр Бурятии, не посетил знаменитый в буддийском мире Хоршод-гэгэн, являвшийся мастером тантры очень высокого ранга. Когда Хоршод-гэгэн ещё только направлялся в Эгиту, Молон, как рассказывают, заявил: “Вот едет истинный лама” и направился в дацан. Когда Хоршод-гэгэн устроил аудиенцию для еравнинских богомольцев в Эгитуйском дацане, то он поднялся, заведя в толпе Молона. “*Молон багшатай урда урдаһаа адис абалсажа*” - они приветствовали-благословили друг друга по древнему обычаю, принятому у буддийских посвящённых, практикующих высшие тантры, и затем долго беседовали.

Хоршод-гэгэн объяснил верующим, что он и Молон хорошо знают друг друга со времен предыдущих воплощений. “*Урдань минии наймадугаар ороной бодисада байхада, Молон ондо ороной бодисада, намһаа дээгуур зэргэтэй дээдэс байһан*”, - сказал он (Газета «Буряд Унэн», 1993). В переводе: “Когда в прошлом я был бодхисаттвой в восьмой земле (на восьмой планете?), Молон был бодхисаттвой в соседней земле (мире) и имел там положение выше моего” Для еравнинских верующих, сведущих в буддизме, это была информация, достаточная для того, чтобы оценить истинный статус своего земляка и относиться в будущем с должным почтением к Молону-багши. Оказывается, Молон-багши был бодхисаттвой высокого уровня, “сыном Будды”, достигшим Просветления и высшего Освобождения освобождения от круговорота неконтролируемых перерождений и принявшим на себя миссию помогать страдающим живым существам, в неведении вращающимся в сансаре - в круге страстей и привязанностей. Бодхисаттвы могут жить рядом с людьми, принимая обычное человеческое рождение, но, в отличие от обычных людей, они принимают воплощение не под влиянием случайных порывов кармического ветра, а по собственному выбору, чтобы оказать наиболее действенную помощь живым существам, мучающимся в сансаре. Таким человеком-бодхисаттвой и был еравнинский Молон-багши. Уже в прошлых рождениях в иных мирах он достиг уровня эволюции, с которо-

го уже невозможно падение в сансарические миры, он был свободен от колеса перерождений и кармических долгов, и по своему добровольному выбору он родился в улусе Ульдурга в образе обычного бурята, чтобы нести на нашей земле миссию сострадания в качестве вестника Истины. Уже одно только его присутствие в нашем мире было наполнено глубоким мистическим смыслом.

После приезда Хоршод-гэгэна земляки стали прислушиваться к словам Молона-багши. Молва о нем стала распространяться по бурятской земле и шире - по всей Центральной Азии. Какой-то агинский бурят специально приезжал издалека в Ульдургу и записал слова Молона-багши от его внучки - старушки Цэбэгэй Санжаал, и эти записанные пророчества Молона получили хождение на буддийском Востоке. Однако ещё при жизни ясновидца к его мудрым речам проявляли интерес туземцы. Так, земляки запомнили, что с одной из станций Московского тракта, что между Верхнеудинском и Читой, приходили к Молону беседовать какие-то русские люди - Федот и Сергей.

Из многочисленных пророчеств Молона-багши буряты помнят, пожалуй, лучше всего его слова о том, что в результате появления большого количества русских станет сложно проживать с ними на одной земле, и что из-за этого произойдет переселение бурят на юг, в местность, где есть Белый Камень с письменами.

“Бэшэгтэй Сагаан Шулуунай убэр хурэтэр

Зоожэ ошохо ушартай юм.

Тэндэ хурэжэ ошоһон хунууд - хун болохо,

Хурэжэ ошоһон мал - мал болохо.

Хори хоер зоохэ,

Байгалай буряад гурба зоохэ” (там же).

В переводе:

“До солнечных склонов Бэшэгтэ Саган Шулуна

Будет переселение.

Люди, достигшие этой местности,

Станут по-человечески жить,

Скот, ступивший на эти луга, преумножится.

Хоринские [буряты] пусть готовятся в два этапа,

Прибайкальским предстоит - в три”

(там же)

Пророчества Молона-багши касались не только судьбы бурят-монголов. Он видел грядущие события и изменения, касавшиеся наступающей эпохи, и поэтому эти его видения волновали многих людей далеко за пределами бурятских земель. Н.К.Рерих усматривал некий скрытый многозначительный символизм в притчах Молона-багши, которые ему удалось услышать во время путешествия по Центральной

Азии. Он включил некоторые из этих притч в свой цикл "Эрдэни Мо-ри" Приводим текст Н.К.Рериха:

«Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон Бакши, записанного его внуком Санки Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондор Дабаевым.

«В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест свою голову, а змей же краснопегий - мясо своего туловища. Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда, начальник, присваивавший народное достояние, заплатится своею головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоять с коня, а простая - с быка.

Плюхому коню путь далек, а скупому человеку друг далек.

Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества.

Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова.

Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир - огненный змей.

В 1903-4 годах произойдет большое событие.

В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время, так называемое "ни мое - ни твое", будет нужен медный котел и кожаный сундук.

Во времени переселений повсеместно будет огненный змей.

На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью:

"Вырубишь топором эту надпись - она не исчезнет, она появится снова"

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные - животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете выучить даже на быках, на коровах и на лошадях. Иконы и книги будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить черный чай - питательно"

Со слов Селаринов Молон Бакша предсказал, что позже придут два-четыре человека, которые подъярят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные государственные правопорядки.

Молон Бакша скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь была:

“По правой стороне Селенги

Почему качается камыш?

По той стороне Худара

Почему качается камыш” (Рерих, 1993, с. 64)

Мыслитель-мистик, Н.К.Рерих, сам известный в качестве посланца Истины, безошибочно узнал в Молоне-багши собрата по великой миссии, духовного учителя, с помощью легенд, притч, смеха и сарказма помогавшего людям выдирать бессмертное сознание из мертвечины повседневности и из-под господства ограниченного и воинствующего здравого смысла. В сказке самого Н.К.Рериха, называющейся “Граница царства”, ограниченность сознания осуждается им как “всесветное зло” Молон-багши, как и Барнашха, как и сам Рерих, подрывал незыблемость житейских стереотипов, взрывал основу обыденной рациональности своим ясновидческим прорывом в будущее - в “*иредуй саг*”, возвращая сознание к истокам истинной реальности, естества и подлинной свободы, в мир “*урайн*” Это мудрецы, раздвигающие для людей границы их мира, причастные к Тайне Бытия и готовые прийти на помощь тем, кто в них нуждается.

Для меня многочисленные бурятские предания о мистических событиях, всевозможных необычных явлениях, о сверхъестественных способностях прежних бурятских шаманов и лам - услышанные собственными ушами и прочитанные в архивных полевых материалах этнографов, фольклористов и др. имеют не только историко-культурное значение. Все это - не просто предмет научного анализа. Это лично для меня значимый материал, содержащий ключ к пониманию реальности *урайн*. Это фрагменты знания о *Том, что пребывает за пределами повседневности*.

Мудрец, сказитель, улигершин-рапсод конституируют для нас мир, существующий в ином измерении, но являющийся не менее реальным, чем мир повседневности. Эта другая реальность, в которую мастер вводит обычных людей, является местом, где они имеют возможность встретиться в своей подлинности. Существование и мастера, и слушателя (ученика) в этом особом пространстве сопряжено с переходом сознания в измененное состояние. Это сравнимо с изменением режима функционирования сознания под воздействием галлюциногенов, которые употреблялись шаманами сибирских народов. Аналогичным образом индейские маги использовали пейот. Но ни сибирский шаман, ни индейский нагваль не были бы магами, если бы

их искусство сводилось только к переживанию галлюцинации, вызванных мухомором или пейотом. То, с чем они имеют дело, не есть лишь плод воображения и иллюзии. Иначе говоря, это не субъективная реальность в смысле классической психологии. И мухомор, и пейот, и другие наркотические, психотропные вещества используются *мастерами учения* лишь для начального толчка сознания и вывода его на тонкие уровни реальности. Умелый, сильный мастер, как объяснил К.Кастанеда, не пуждается в такого рода "толчке" для входа в другую реальность.

В бурят-монгольской традиции был выработан в коллективном бессознательном народа тот механизм, который вводил мастера и слушающий его коллектив в тонкую реальность. Улигершин или шаман обладали соответствующим звуковым кодом. В этом смысле они конституировали альтернативную реальность реальность улигера или шаманскую реальность, занимались сотворением своеобразного тонкого мира. Сказитель в состоянии исполнения преданий или поэм - это не обычный человек, каковым он является в иное время. Само по себе исполнение улигера в бурят-монгольской традиции было священнодействием, а исполнитель находился в состоянии транса, иногда длившегося по многу часов подряд. И если я говорю, что духи героев рассказывают потомкам устами рапсодов о былых деяниях, то вкладываю в эти слова не переносный, а самый прямой смысл: в состоянии транса сказителем действительно овладевают духи персонажей, о которых он повествует. Чтобы понять это, мне пришлось пройти долгий путь познания. Но об этом - о специфическом явлении *онгоо оруулха* - речь пойдет ещё в другом месте монографии.

На то обстоятельство, что устное творчество вообще в центрально-азиатской культуре имеет весьма прагматическое назначение, связанное с обеспечением жизнеспособности социума, уже обращал внимание Р.Стейн, отмечая, что рассказывание космогонических мифов, состязания в разгадывании загадок, рецитация эпоса, например, сказания о Гэсэре, оказывает здесь влияние даже на урожай и на преумножение скота. "И группа, вновь связанная со своим прошлым (происхождение мира и предков) и со своей средой обитания (предки - священные горы), ощущает прилив сил" (Stein, 1959, с. 440-441).

Благодаря исполнению эпоса, песен, сказаний наши предки поддерживали животворную и охранительную связь с Богом (Богами), Знанием. В традиционной культуре монгольских народов старинные культы, сопряженные с жутковатой для современного человека мистикой и овеянные тайной, были связаны с такого рода Знанием. Многочисленные персонажи пантеона и пандемониума *тэнгрии, хаты, заяны, ээсины, онгоны, гуйдэл, дахабари, бохолдои* и т.д. - это существа тонкой реальности, которые по-разному воздействовали на мир лю-

дей и с которыми у бурят были сложные взаимоотношения, регулировавшиеся традиционными представлениями и ритуалами, основанными на Знании.

Многие современные буряты, утратившие связь с традиционным миром своих предков и не понимающие основ древней бурятской религии и философии, относятся к “шаманизму”, как они называют эту древнюю духовную традицию, отрицательно, считая всё, что связано с “шаманизмом”, однозначным злом и делом “черным”, хотя в большинстве своём не имеют ни малейшего представления об этих вещах. В действительности, думается, с точки зрения высших интересов человека настоящую опасность для человека представляют не колдовство или шаманская магия. Не этого следовало бы бояться. Страшиться надо исчезновения из мира людей таинственного. Опасна утрата Знания. Помните, у Н.К.Рериха:

“Бойтесь...

...Когда забудут

о знании. И с радостью разрушат
узнанное раньше. И легко исполнят
угрозы...

Когда листы писаний станут непрочными,

а слова злыми. Ах, соседи мои!

Вы устроились плохо. Вы все
отменили. Никакой тайны дальше
настоящего!” (Рерих, 1993, с. 7)

Помимо широко известных ныне ольхонского Барнашхи и еравнинского Молона-багши буряты помнят и других мудрецов и ясновидцев. Один из знатоков реальной бурятской истории последних веков А.В.Тумахани рассказал, что был современник Барнашхи - бродячий мудрец Гурсэб-сэсэн, который ходил по всей бурятской земле и тоже пророчествовал. По происхождению он был, видимо, из самых западных бурятских местностей, судя по тому, что его называли “Ахайн саада бэин Гурсэб-сэсэн”, то есть “Гурсэб сэсэн, пришедший из-за Оки” Ока - это местность в Восточных Саянах.

Был также осинский пророк Малаани Гэргээсэ (Григорий), изрекавший предсказания, которые во многом совпадали с видениями первых двух старцев. Он жил задолго до Октябрьской революции. Я слышала предание о нем от Сэржэмы Сергеевны Скольжиковой, 1928 г. рождения. Ей, в свою очередь, когда она была девочкой, рассказала о пророчествах Гэргээсэ пожилая родственница, знавшая историю Гэргээсэ со слов его жены. Вот это предание.

“На рассвете к окошку Гэргээсэ подлетали два голубка и стучали в стекло. Гэргээсэ, услышав стук, стремительно поднимался, наспех одевался и поднимался на высокий холм. Он просиживал на горе с

раннего утра до заката летнего солнца. Вернувшись, он рассказывал, какие произойдут со временем перемены в обществе, какие изменения будут в жизни людей:

“Будет свергнута царская власть.

Люди станут воевать друг с другом.

Иные будут скрываться в тайге,

Таская на себе очень тяжелые ружья.

Потом придет время,

когда скот и имущество станут общими.

Богачи будут сосланы в далекое края.

В ваших домах со стен будет звучать
бестелесный голос.

По всей земле будут бегать огненные змеи.

Станет много металлических телег,

мчащихся сами по себе по железным дорогам.

С запада придет большая война,

та война не дойдет до бурятской земли,

но все, кто способен держать в руках ружье,

уйдут на эту войну.

Из каждых десяти ушедших вернутся

лишь трое-четверо.

Оставшиеся дома дети и женщины намучаются.

Война будет продолжаться четыре года.

После этой войны будете долго жить в мире,

но все же многие семьи будут страдать.

Желтая нестрая змея проглотит свою мать.

Ещё позднее придет война с востока,

та война достигнет нашей земли.

Ни одному человеку не удастся остаться в стороне.

Всем будет грозить опасность.

Покажется дно ваших источников.

Вашим потомкам суждено покинуть родные места.

Они будут вынуждены переселиться к югу.

Вижу три дороги.

Самая первая дорога - это тоһон харгы, как по маслу -
переселившиеся первыми будут жить в благополучии.

Вторая дорога - уһан харгы, водная дорога.

Из тех, кто пойдет по ней, половина достигнет цели.

Третья дорога - шуһан харгы, кровавый путь.

Кто отправится по ней -

из ста лишь один дойдет”

В последнее время буряты стали чаще вспоминать все эти пророчества, сравнивая их между собой и пытаясь расшифровывать их

смыслы, имеющие судьбоносное для бурят-монголов значение. Думая над этими масштабными предсказаниями бурятских ясновидцев, я хочу осмыслить сам феномен ясновидения, проникнуть в тайну, связанную с этим даром. Что есть судьба? Располагают ли отдельные люди и народ в целом возможностью выбора её очертаний? Может ли человек стать творцом своего счастья? Почему мы так много страдаем? И как объяснить факты удивительным образом сбывающихся предсказаний?

Эти и многие другие вопросы я с детства задавала себе и до последнего времени не могла найти на них удовлетворительные ответы. Но когда младший братишка, с детства фаталист, яростно-обреченно в трудные минуты говорил: "Что суждено - то суждено", во мне всё восставало против идеи предопределенности и неотвратимости человеческой судьбы. И тем глубокомысленнее и загадочнее казалось понятие судьбы, тем таинственнее - феномен предвидения, тем непонятнее - занятия бурятских шаманов и лам.

Над сформулированными выше, а также другими важными вопросами - такими как "существует ли Бог?", "есть ли что-либо по ту сторону смерти?", "в чем смысл жизни человека?" задумывается, наверное, каждый человек в тот или иной момент своей жизни, рано или поздно. Но большинство удовлетворяется общепризнанными ответами, принимает консенсус, установленный на сей счет, и хотя многих не устраивают предлагаемые наукой, церковью или обществом консенсусные установки, они слишком глубоко погружены в повседневный жизненный процесс - в добывание средств к существованию, в заботы о семье и т.п., чтобы уделить этим вопросам часть своего времени. Поэтому принято считать в современном обществе за единственную несомненную истину **человек смертен**, - а существует ли что-нибудь за пределами смерти - то является областью принципиальной неопределенности. "Ведь никто ещё с того света не вернулся" - таков обычный аргумент. У многих просто не хватает духовных сил и энергии, чтобы работать с экзистенциальными проблемами.

Правда, возможна и сознательная позиция: "Зачем вообще думать об этом? Надо просто жить." Именно так заявил когда-то мой тогда ещё маленький сын, когда я попыталась ему объяснить суть своей профессиональной деятельности - в философии- и стала говорить о проблеме смысла жизни и тому подобных вещах. "Надо просто жить." простота и одновременно присутствующая в этой простой мысли сына глубина подлинности поразили меня тогда, ещё переживавшую в своем внутреннем развитии период "воинствующего" интеллектуализма. Впервые возникло подозрение о никчемности интеллектуальных изысков в пограничных вопросах, о существовании некоего изъяна в философских штудиях вообще и в собственных раз-

мышлениях. Но в чем он - этот изъян, и в чем заключается истинная глубина высказанной сыном мысли, я не могла ещё вполне осознать. Тот мой разговор с ним оставил в сознании предчувствие чего-то настоящего серьезного из области “вечных проблем” Это был, как я теперь понимаю, мгновенный отблеск Истины. Но этого мгновения хватило, чтобы возникло бессознательное стремление расширить границы сознаваемого, прикоснуться к трансцендентному, лежащему за пределами рационально-логического знания.

Изречения и сами образы Барнахи, Молона-багши, Малаани Гэргээс помогают приподнять занавес, за которым *тонкая* реальность мира скрывается от людей с их здравым смыслом и материалистическими предрассудками. Старые бурятские мудрецы помогают проснуться от сна “прочной” реальности, сдвинуть человека с окружности его бытия на которой обычно проживает он свою жизнь, к центру этой окружности, к поиску истинного “я”, являющегося “хозяином” в гурджиевском смысле.

Когда начинается собственно сознательное существование, актуализируются параллельные миры человека. Представляющийся единственно реальным и возможным повседневный трехмерный мир наших рациональных знаний и атеистических догматов, сотворенный для нас нашими воспитателями и преподавателями, поддерживаемый всеми знаниями, защищающими концепцию его незыблемости и прочности, наконец, апробированный нами в повседневном опыте, мир, в котором многие из нас уютно устроились, - по какому праву он претендует быть для нас единственно реальным, несмотря на все бреши, которые были пробиты в современной картине мира многими научными открытиями и идеями, начиная со старых теорий о множественности миров и кончая современными релятивистскими теориями и полевыми концепциями, несмотря на все интуиции, благодаря которым наиболее развитым из людей удавалось проникнуть в *другую реальность*?

Привычка жить в стенах уютно обставленного мира обыденного сознания заставляет нас строго различивать теории и реальность. Для человеческого рассудка реальностью продолжает являться трехмерный мир обыденности и повседневности, воспринимаемый нятю органами чувств, которые, согласно консенсусу, полагаются работающими одинаково у всех. А то, что пребывает за пределами восприятия наших органов чувств, наш ум привык считать существующим с известной степенью неопределенности, то есть принимать в качестве гипотезы, а не как реальность того же порядка, что и объекты перед глазами.

Но стоит обратить внимание на качество человеческого восприятия и возможности сознания, как мир перестает быть таким ста-

бильным и прочным, каким кажется, ибо поднимая вопросы о границах восприятия и познания, человек оказывается у истоков конституирования своего мира, без преувеличения - у начала творения мира. В этом случае вопрос о реальности вообще и о существовании чего-либо оказывается весьма непростым делом. Когда выясняется активная конституирующая функция сознания и значение качества человеческого сознания или его развитости в процессе конституирования реальности, с которой имеет дело данный человек, речь идет уже о возможности существования человека в параллельных мирах или на разных уровнях реальности - в зависимости от степени развития сознания данного человека. Но тем самым сознание оказывается коренной проблемой и тайной. Это тайна, тождественная тайне реальности. Иногда мы видим отблески её в мире повседневности.

Для меня "параллельным миром", почти не имевшим ничего общего с миром повседневности, был мир *урайн* - старобурятская реальность, конституированная детским восприятием и рассказами матери и других родственников. И только спустя многие годы, когда сознание созрело до более тонкого восприятия и познания, параллельные миры детства и старобурятской мистики - с одной стороны и мир повседневности - с другой стороны - оказались единой реальностью, и эта реальность гораздо сложнее, чем я прежде могла подозревать. Пришло время для нового знания и самоосознания.

Иногда кажущиеся мелкими детали мироощущения оказываются по-настоящему значительными и о них помнишь всю жизнь. В самом раннем детстве, когда я начинала осваивать родной язык, у меня были некоторые проблемы с принятием языкового консенсуса, возник определенный зазор между объектами и их наименованиями. Некоторые слова почему-то никак не хотели прочно "приклеиться" к тем объектам, к которым их обычно относят люди. Так, я никак не могла усвоить, что слово "эльгэн" обозначает печень. Мне оно казалось очень подходящим для названия легких. А взрослые не задумываясь, безошибочно пользовались словами. Ещё я обнаружила, что когда я повторяю много раз одно и то же слово, то перестаю понимать в нем какой-либо смысл: сознание как бы погружалось в какую-то досмысловую нерасчлененную реальность. По-видимому, это был первый медитативный опыт. Об отставании в развитии не было и речи - говорить я начала сразу целыми фразами и в один год была вполне сознательным человеком. Я даже помню некоторые наиболее яркие эпизоды из той золотой ольхонской осени, когда мне ещё не исполнился один год, и я чуть не умерла от двустороннего воспаления легких.

При усвоении бурятского языкового консенсуса мне открылась цель, существующая между реальностью и нашим языком, и, тем самым, я как бы получила прямой доступ к реальности - можно было

конституировать реальность способом, альтернативным общепринятому. Мир людей обнаружил для меня ещё в детстве свою условность, свой номинальный характер. Привычка принимать этот условный мир за реальность настолько укоренилась в нас, что взрослому человеку очень трудно продрасться к реальности, не оформленной нашими человеческими условностями, схемами, конструктами. Особенно трудно пробиться к самому себе истинному. Трудно из-за нашей привычки воспринимать своё “я” в качестве субстанциональной сущности, существующей сама по себе.

Существование “я” - это настоящая непреодолимая для нас проблема, как и сама смерть. И мы цепляемся за своё “я”, за иллюзию прочного и стабильного существования. Но что есть в действительности наше “я”? Когда сын был маленьким, я однажды решила поработать над его философским развитием. “Вот ты говоришь всё время: “Я, я, я - я сделал, я хочу, я думаю” А где же оно - твоё “я”? Ребенок сначала указал на голову. “Нет, там находится головной мозг и нет никакого “я”, - заявила я сыну. - Где же всё-таки твоё “я?”. Тогда он показал на область груди. Я опять не согласилась с ним, перечислив органы, находящиеся в грудной клетке. Тогда мой сын заявил, обведя вокруг себя руками: “Вот весь - я” Я не согласилась и с этим его решением и стала перечислять все части тела человека и органы, доказывая, что в этом пространстве, очерченном сыном, нет никакого “я” Тогда он спросил меня: “А как ты думаешь, где твоё “я”?” Тут уж мне пришлось признать поражение. Тогда я только приступала к поиску своего “я” и не могла ответить на такого рода вопрос. Правда, с детства я чувствовала, что это какая-то мистика, не поддающаяся пониманию, как и факт смертности человека. Невозможно было признать сей факт как непреложность. Было что-то глубоко противоестественное, парадоксальное, не поддающееся никакому пониманию в том, что из-за какой-нибудь нелюбой, ничтожной причины цветущий, здоровый человек в расцвете сил и таланта превращался в разлагающееся мертвое тело и всё - больше ничего! Нельзя было признать нормальным порядком вещей то, что от чуда, каким является живой, чувствующий, любящий, мыслящий человек, не остается **ничего**. Путь рационального познания при размышлении над этими вопросами заводил в тупик.

Случилось так, что однажды летом, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, я вышла во двор и невольно запрокинула голову в бездонную черноту неба, ярко расцвеченную алмазным сверканием звезд, - а у нас в Бурятии небо ощущалось очень близко и звезды действительно похожи на алмазные россыпи. постояла так некоторое время, вслушиваясь в безмолвие и вдруг, как будто сделала открытие, поняла: **“Я буду всегда”** Вопреки рациональному опыту это откры-

тие продолжало жить в сознании и помогало “вспоминанию себя” в смысле Гурджиева. Только много позднее я поняла, что *Хухэ Мунхэ Тэнгэри* - Вечно Синее Небо, покровительствующее моему народу с сотворения нашего мира, оказалось милостивым ко мне, даровав это открытие. Оказывается, в разных школах буддизма существуют специальные медитативные тренинги по созерцанию неба, помогающие осознать Пустоту, реальность за границами всех определений и представлений о существовании.

Другой яркий эпизод моей жизни, который я тоже расцениваю как попытку бессознательного прорыва к высшей реальности, произошел, когда я училась в аспирантуре, во время моей первой самостоятельной работы в философии и был связан с попыткой исследования границ философского знания. И тогда случилось так, что идеи, подаренные человечеству от имени Сократа, Платона, Канта, стали восприниматься мной не как отвлеченные умственные идеи, а как выражение некоего универсального человеческого образа жизни, реализуемого в ином пространственно-временном измерении, нежели мир повседневности. Они послужили толчком к переживанию реальности гораздо более высокого порядка, чем та, в которой мы проживаем свою жизнь. Чувства, переживаемые при этом, были похожи на предчувствие счастья. Кантовская “вещь-в-себе” волновала, интригуя и завораживая, внушая онтологический ужас и обещая неведомые открытия... Но эта возможность, подаренная мне свыше, не была тогда использована для того, чтобы отворить дверь, ведущую к *Знанию*. В самом конце аспирантуры, после пережитых битв с тогдашними “корифеями” марксистской этики, когда кандидатская диссертация была уже представлена к защите, мне приснился необычайно яркий сон, по характеру которого я поняла, что он имеет символический смысл, - я научилась отличать такого рода сны от снов обычных. Мне приснилось, что я карабкаюсь на высокую крутую скалу, - почему-то мне это очень нужно, и вот, наконец, я взбираюсь на её вершину. И что там? Там, наверху, ничего нет. Мой взгляд упирается прямо в открывающуюся бездну - в Ничто. Смысл этого сна был мной тогда истолкован так: “вершина”, на которую я долго поднималась, - это философский факультет МГУ, куда я поступила лишь после того, как поучилась в двух других вузах и отказалась от перспектив стать инженером-теплоэнергетиком и учителем физики. И вот когда прошли годы, связанные с философским факультетом, то есть с рациональным познанием высших истин бытия, мне снится этот сон с символом **бездны**. Достигнутая **вершина** оказалась на самом деле лишь порогом **бездны**. Тогда я восприняла эту бездну как **Ничто** и как символ бессмысленности совершенного мной восхождения... Теперь же, думается, смысл был несколько иной: единственная реальность, с которой имеет

дело восходящий в гору человек, и есть эта бездна, которая есть Всё. И второй шанс открыть заветную дверь к *Знанию* я не использовала в то время.

Параллельный мир *урайн*, сотворенный в детстве, продолжал тем временем существовать. В нем происходили вещи, непостижимые с точки зрения здравого смысла современного человека, но являвшиеся обычными в понятиях старобурятского мировосприятия. Таким обычным делом, которым иногда занимались мои родители, и которое плохо согласовывалось с современным мировоззрением, являлось старобурятское *узэл узэхэ*. Это понятие переводят как “гадание, ворожба” (см.: Черемисов, 1973, с. 497). Однако для адекватного понимания содержащейся в этом выражении мистической семаптики важно обратить внимание на основные значения слова *узэхэ*, лежащего в основе всего понятия *узэл узэхэ*. Этими значениями являются: 1) смотреть; рассматривать; просматривать; осматривать; проверять. 2) видеть, испытывать; изучать (там же, с. 498).

Учитывая спектр всех указанных значений, смысл бурятского ритуала *узэл узэхэ* следует понимать так: исполняющий этот ритуал шаман, ясновидец или просто мастер этого дела “просматривает”, “проверяет”, “видит”, “изучает” проблемное поле того случая или поведения, из-за которого проводится ритуал этого специфического *исследования*. Главная задача специалиста в этих делах *увидеть* причинно-следственные связи, которые не видны обычным зрением, понять то, что не поддается обычному познанию, и найти первопричину происхождения проблемы. Особенностью старобурятского и вообще традиционного центрально-азиатского мировоззрения было то, что область причинных связей не ограничивалась сугубо материальными явлениями. Наши предки придавали свое значение причинным связям, коренящимся в *тонкой*, невидимой реальности. Например, человек заболел какой-то болезнью. Внешне, в объективированной, материализованной форме проявляются, конечно, какие-то признаки болезни - температура, боли и т.д., так что современный врач при диагностике заболевания установит конкретную этиологию и скажет, что болезнь вызвана простудой, переутомлением, вирусной инфекцией или ещё чем-либо вполне материальным. И в ряде случаев такой материалистической диагностики по методам европейской медицины бывает вполне достаточно, чтобы справиться с заболеванием. Однако нередко случается и так, что медицина оказывается бессильной помочь человеку или происходит затруднение с диагностикой болезни. В этих случаях даже весьма образованные в современном смысле люди обращаются к целителям. Действующий в соответствии с наукой, переданной ему по линии устной передачи, традиционный бурятский (монгольский) целитель установит, что все наблюдаемые материаль-

ные симптомы и причины заболевания имеют первопричину, лежащую в *тонкой* сфере бытия: это может оказаться случай *бузартаа* (осквернение, загрязнение), случай *һүнэһэн гариа* (потеря души или жизненной силы), случай нарушения этических заповедей, случай забвения предков и родовых покровителей, случай чужого заклятия, случай неизлечимой кармической болезни и др. Любой бурятский целитель, имеющий *удха* мистическую линию преемственности своего *Знания*, знает, что нет особой пользы от лечебных процедур, если не выявлена первопричина заболевания методом *узэл узэхэ*. Я слышала об этом от многих современных шаманов и сама наблюдала их методы целительства. А агинская шаманка-целительница, бывшая школьная учительница, Должид Багажапова заявила об этом вполне однозначно, обобщая свой собственный опыт *баряашин* костоправа: "Можно сколько угодно массажировать и лечить, но толку не будет, если истинная причина болезни не выявлена шаманским способом" А у современных усть-ордынских шаманов, как поведал о том в своем выступлении во время международного симпозиума "Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты" (июнь 1996 г., Улан-Удэ - оз. Байкал) шаман Виталий Борисович Павлов, существует такое разделение труда: есть шаман, который умеет *узэл узэхэ*, и люди обращаются к нему для диагностики, и он, определив *тонкий* первоисточник болезни или проблемы, направляет пациентов к В.Б.Павлову как к мастеру-исполнителю ритуалов для исполнения конкретного обряда для исправления положения вещей.

Обряд *узэл узэхэ* основан на своеобразной идее детерминизма и довольно детально разработанной теории причинно-следственных связей, которые и применяются в шаманской целительской науке. Однако нам ещё предстоит заново открыть это *Знание* и понять его с помощью исследований переднего края науки и данных эзотерической литературы.

Видение или исследование типа *узэл узэхэ* может осуществляться многими методами: по тени - ныне это почти совсем забытый шаманский метод, по бараньей лопатке - наиболее распространенный традиционный метод, по внутренностям животных, с помощью *шагай* (альчики или бабки), посредством четок или камней, с применением *толи* - ритуальных металлических зеркал, на которых божества оставляли свои письма, а также гаданием на водке, с помощью *зурхая* - традиционной центрально-азиатской астрологии или непосредственно ясновидением.

В традиционном сознании бурят фигурирует понятие *узэлдэ ороо*, которое можно передать словами "выявлено при гадании" или "попало в поле проверки причин" Результаты исследования *тонких*

причин далеко не всегда имеют форму однозначных образов или логически четкой информации, поэтому очень важно уметь толковать их, что может делать не каждый человек, а лишь посвященный, имеющий право выходить на “тонкие” уровни реальности и владеющий традиционной эзотерической символикой. Кроме того, при традиционном гадании очень важна чистота мотивов, по которым данный специалист занимается подобного рода деятельностью. Как пояснил в одной из своих лекций по буддийской философии духовный представитель Его Святейшества Далай-ламы XIV в России досточтимый Геше Джампа Тинлэй, точность предсказаний в буддийских ритуалах гадания обеспечивается покровительством определенных божеств, но только в том случае, если человек, обращающийся к их помощи, не подвержен корысти и не занимается гаданием ради денег. В древней традиции бурят-монголов тоже имел место запрет корыстным людям заниматься искусством *боо* и *удиган* (*одигон*), основанным на тайном *тэнгрианском* Знании. Существовал даже специальный этический кодекс и соответствующие ритуалы принятия присяги при возведении в сан *боо* и *удаган* (*одигон*), - об этом подробнее речь пойдет в другой главе.

Некоторые современные шаманы, занимающиеся профессионально древней практикой и имеющие дело с массой пациентов, далеко не всегда располагают временем, достаточным для индивидуальной проработки и интерпретации *тонкой* информации в каждом случае, а потому просто передают её самому пациенту, и уже от уровня духовного развития последнего и от степени владения им традиционными знаниями зависит, насколько полезной для него окажется эта информация.

Ещё в самом начале моего знакомства с бурятской шаманкой Надеждой Ананьевной Степановой, являющейся ныне лидером возрождения шаманской культуры бурят, мне пришлось быть свидетельницей приема ею пациентов. Она обычно начинает работу с пациентом, если это бурят, с неизменного вопроса: “Какого Вы рода?” Если человек не знает свою родовую принадлежность, то она отправляет его за поиском необходимой информации, за исключением случаев, когда требуется экстренная помощь. Узнав, к какому роду принадлежит пациент, шаманка приступает к его *просмотру*, для чего сажает к стене, служащей как бы экраном. Для уточнения увиденного она выглядывает в окно посмотреть на небо или использует ладонь как зеркало. Потом начинает говорить. Если сидящий перед ней человек обладает сильным *удха*, то есть имеет в роду шаманов или лам, она определяет это сразу.

Как-то однажды при мне она принимала группу женщин - пожилых и молодых, являвшихся родственницами друг другу. Они жалова-

лись, что страдают от серьезных болезней и постоянных неразрешимых проблем. Степанова *просмотрела* их и сказала полуутвердительно-полувопросительно: "У вас в роду были *знающие люди - эрдэмтэ хуууд?*", имея в виду знание в специфическом духовном смысле. Понятие *эрдэмтэ хун* в шаманской семантике обозначает людей, наделенных, в силу шаманского *удха*, то есть корня, особыми шаманскими знаниями и способностями, а также соответствующей энергетикой. Буряты говорят, что даже хорошими ламами становятся обычно те, кто имеет шаманское *удха*. В прошлом, когда в монгольском мире буддизм проникал во все более северные территории, являвшиеся цитаделью шаманизма *боо-мургал*, буддийская церковь очень приветствовала и поддерживала сыновей шаманов, обращенных в буддизм. (13).

Так вот, эти женщины на заданный шаманкой вопрос лишь переглянулись недоуменно, не зная что ответить. Тогда Степанова уточнила вопрос "Были в роду шаманы?" Те поспешно заверили, что не было, - это были забайкальские буряты, предки которых давно исповедовали буддизм. Тогда шаманка спросила, у кого из их родственников, имеющих для них особое значение, имена начинаются с такой-то и такой-то буквы - она назвала конкретные буквы. Те опять переглянулись, но опять ничего определенного сразу не смогли сказать. Уже начиная раздражаться от непонятливости своих пациентов, шаманка стала расспрашивать: "Не совершили ли члены ваших семей каких-то больших ошибок, не происходило ли что-нибудь особенное с членами вашего рода в лихие годы?" И тут женщины осенило. Они разом вспомнили, что двое их дядьев, которые были ламами, подверглись репрессии и погибли в лагерях. "Как их звали?", - спросила шаманка. И тогда оказалось, что имена их начинались именно с этих букв, которые до этого называла шаманка. Таким образом, анализ результатов шаманского обследования привел к осознанию пришедшими женщинами своей общей вины перед безвинно погибшими родственниками-ламами, принявшими безмерные муки и оказавшимися совсем вычеркнутыми из памяти родичей. Шаманка посоветовала им устроить большой молебен на родине в память о них и в знак своего покаяния "*мультижса зальбарагты*", то есть "на коленях молитесь"

Этот случай мне вспомнился спустя какое-то время, когда я прочла книгу С.Н.Лазарева "Диагностика кармы. Система полевой саморегуляции" (1994), в которой автор, опытный психотерапевт и биоэнергетик, объясняет, что возникновение болезни вообще связано с нарушением законов этики, поэтому лечение должно быть направлено на осознание этих нарушений и на изменение мировоззрения человека. Оно начинается с покаяния! С.Н.Лазарев анализирует связи между поведением, этическими установками, здоровьем, формой деформа-

ции структур и лечит - через осознание этих нарушений. "Именно род, в основном до четвертого колена, находится в тесном полевом единстве" (с. 77). Следовательно, значимое для всех народов в прошлом понятие родовой чести базировалось на биоэнергетических законах, и потому оно имеет жизненно важное значение для человека. В свете этих знаний метод шаманской диагностики и лечения становится более понятным современному человеку, как и то, почему такое принципиальное значение придают бурятские (монгольские) шаманы знанию о родовой принадлежности человека. Название рода служит для шамана как бы кодом для входа в общую полевую систему человека, - именно на этом уровне он может получить информацию, необходимую для того, чтобы помочь своему пациенту, хотя любого индивида, точнее, его индивидуальный энергоинформационный комплекс, такие ясновидящие бурятские шаманки, как Надежда Степанова или другая шаманка Валентина Балдахимова могут читать, как открытую книгу, иногда с такими подробностями, что люди, шокированные феноменом психометрии, готовы молиться им, как божествам. В последние годы в Бурятии появилось очень много шаманов - и тех, что стараются придерживаться классической традиции, что само по себе трудно сделать, ибо она во многом утрачена, и тех, что ассимилируют оккультные знания из других традиций, и просто *космиков* - людей, вдруг "подключившихся" к какому-нибудь сверхфизическому каналу восприятия. Случаи необычных явлений, о которых мне рассказывают или к которым я была так или иначе причастна, теперь участились - их происходит гораздо больше, чем много лет назад, когда я только начинала писать данную книгу. Правда, я забываю о том, что во времена *урайн* практически каждый человек, живший под покровительством *Хухэ Мунхэ Тэнгэри*, владел этими кажущимися теперь необычными методами и знаниями, в частности простейшими способами *узэл узэхэ*.

Я помню, как в детстве, когда случалось, что терялась паша кова или коза и её не могли найти в течение иногда нескольких дней, наш отец, школьный учитель с материалистическим складом ума, проводил сам ритуал *узэл узэхэ*. Он клал перед собой перевернутую тарелку, на дне которой проводил черно-белый крест, в центре которого фиксировал острие - иглы или шила и кодировал это острие: "Если то, что я ишу, найдется - беги вдоль белой линии, если не найдется - беги по черной" Не было случая, чтобы острие указывало ошибочный ответ. Теперь я знаю, что биоэнергетики называют этот метод биолокацией. А наши предки пользовались этой методикой повседневно, чтобы получить ответы на те вопросы, которым они придавали очень важное значение. Мама рассказывала, что когда их отца репрессировали, и они, братья и сестры, остались на попечении

своей бабушки, то та каждый год, пока была жива, задавала во время гадания один и тот же вопрос: “Вернется ли мой сын в этом году?” И всегда ответ был отрицательным. И действительно, мамин отец так и не вернулся с Колымы.

Другим наиболее распространенным в повседневности проявлением параллельного мира *урайн* является обряд брызгания молочными или алкогольными напитками возле *эжинтэй газар* - мест, имеющих духа-эжина, которые отмечены коновязями - *сэргэ*, пирамидками из камней - *обо*, деревьями, украшенными разноцветными ленточками - *баргиса*. Если пет с собой ничего молочного или алкогольного, то можно просто бросить монетку, оставить сигаретку или спички. Традиция почитания этих особых мест, являвшаяся когда-то элементом *боо-мургэл*, то есть шаманизма, теперь живет в контексте буддийского и обыденного мировоззрения, заставляя людей считаться с собой подчас с помощью крутых мер: игнорирование *эжинов*, духов-хозяев местности может привести к самым плачевным результатам. Особенно шоферы неукоснительно соблюдают эту традицию в отношении придорожных священных мест.

О том, как эжины заставляют уважать себя, можно рассказать немало историй. Вот, например, много лет назад, когда наша семья жила в Еравне, родители решили на своей машине навестить родственников, живших примерно в десятке километров. Проселочная дорога была хорошо знакомой - по ней они уже много раз ездили. Но в этот раз случилось что-то совсем необычное: они попали в какой-то заколдованный круг, из которого никак не могли выбраться, пока мать, более сообразительная в этих вопросах, не догадалась, в чем дело, и они не побрызгали местному духу водкой, которую везли с собой в гости. Возможно, дело было не столько в том, что дух обиделся на моих родителей из-за недостатка уважения к нему, - они никогда не знали этого духа и не слышали прежде о нем, - сколько в том, что дух захотел упустить возможность “выпить”: с тех пор, как буряты стали делать *сэргэм* - *брызганье* божествам и духам не молочной водкой, а русской водкой, все они, говоря по-русски, “не просыхают” По крайней мере, как только родители побрызгали водкой, нашелся нужный поворот, ведущий к чабанской стоянке родственников.

Аналогичный случай произошел с моим братом, когда он после многолетней разлуки с ольхонской родиной съездил навестить проживающих там родственников. Вместе с теткой и двоюродным братом он поехал из райцентра на своей машине в родной улус, чтобы совершить ритуал почитания предков и покровителей своего рода на родовом *бууса* - на месте усадьбы деда. Они везли с собой красное вино и водку. По пути на том месте, где останавливаются почтить *Хайдай-кукшина*, духа великого в прошлом шамана, ставшего духом покрови-

телем местности, братья побрызгали красным вином. Немного отъехали от этого места, и мотор заглох. Брат, прекрасный механик, ничего не мог понять, что случилось с мотором. Как следует намучившись в попытках его завести, он решил снова побрызгать - на этот раз водкой. Тетка, не подозревавшая, что братья везут с собой помимо красного вина также водку, стала их ругать. Оказывается, духи предпочитают водку красному вину, и они сделали ошибку в первый раз, побрызгав духу Хайдай красным вином, в то время, как у них имелась водка, тем более предназначенная для ритуальных целей. И действительно, после брызганья водкой мотор тут же завелся.

Однако случаются и гораздо более серьезные случаи вмешательства существ параллельного мира в нашу жизнь. Я вспоминаю звучавший жутко для меня в детстве рассказ матери о том, что у неё был ещё один младший брат, который умер маленьким, замученный *ада* - вредоносными духами, охотящимися на маленьких детей. А дело было так, что она, сама ещё маленькая, оставалась за няньку, когда взрослых не было дома. И вот случился тот незабываемый день, когда маленький братишка он только недавно начал ходить - стал бегать вокруг очага, как будто его кто-то преследовал, и громко плакать. Было что-то ужасное в происходившем, тем более что непонятно почему громыхала и дребезжала посуда. Девочка сама испугалась и никак не могла успокоить брата, который до полного изнеможения носился по дому, как будто убегал от кого-то невидимого. Когда в конце-концов появились взрослые, все прекратилось, но она почему-то не стала им ничего говорить. Братишка умер. Его тельце оказалось сплошь в синяках, как будто его сильно щипали. Размышляя впоследствии над этой историей, она постоянно мучилась от сознания, что братишку можно было, наверное, спасти, сделав нужный обряд, если бы она не скрыла от родителей случившееся.

Именно это событие из *урайтай саг* пришло мне на ум, когда мы с двухлетним сыном, заболевшим двусторонним воспалением легких, попали в районную больницу и пережили там кошмарную ночь сразу после поступления туда. Уже спавший сынишка вдруг приподнялся и в ужасе заплакал, как будто отодвигаясь от кого-то невидимого. Я взяла его на руки и крепко обняла, успокаивая. На какое-то время он затихал, спрятав голову у меня на груди, но потом боязливо оглядывался и в ужасе опять начинал плакать, карабкаясь по мне, стараясь как бы подняться выше, чтобы его не могло достать невидимое существо, наводившее на него ужас, и которое я не видела, но чувствовала какой-то жуткий страх. Все в отделении спали, ни дежурный врач, ни сестра ничем не могли мне помочь - температуру у ребенка уже сбили до этого, он не бредил, вятно отвечал на мои вопросы и был в пол-

ном сознании. Когда я спрашивала его, кого же он боится, он указывал вниз и говорил: “Мышка, мышка”

Много лет спустя после этого случая, работая с архивными материалами по шаманству бурят, я поняла, что мой ребенок тогда действительно видел существо, похожее на мышку. По сведениям старушки З.З.Гомбоевой (74 года), записанным участниками экспедиции сектора буддологии Бурятского института общественных наук в Закаменский, Тункинский, Баргузинский районы в 1972 и 1974 гг. (рук. № 2265), “ада - это хархуу, навроде мыши” (л. 147).

Всю ночь я проходила с ним на руках в освещенном коридоре. Кошмар закончился только на рассвете. Впоследствии я слышала, что в этой больнице случаются иногда странные вещи. И даже моему отцу, убежденному атеисту, пришлось пережить что-то тоже ужасное, когда он попал в ту же больницу, он упоминал как-то об этом, но не рассказывал подробностей.

Эти и другие случаи, свидетельствовавшие о реальности параллельного мира, были для меня неразрешимой проблемой: за всем этим мерещилась зияющая бездна бытия, превышавшая любые возможности рационального познания. Я понимала при этом, что эта бездна страшна тем более, что связана с самыми последними вопросами, относящимися к границе не только познания, но и вообще существования. **Проблема существования** - эта громада для моего рационального сознания была неподъемной. Когда случилось так, что на втором курсе философского факультета МГУ я стала специализироваться по логике и мне Е.Д.Смирнова, один из самых авторитетных логиков того времени, мой научный руководитель, иметь такого ученого в качестве научного руководителя было большой честью и везением, - дала тему для курсовой “Проблема существования в логической семантике”, мой логический ум потерпел тогда полный крах, почувствовав всю мощь и необъятность этой проблемы. По крайней мере для меня это была не логическая задача. Мне пришлось из-за нерешаемой проблемы существования сменить специализацию и кафедру вместо логики заняться этикой. Но все последующие годы зов трансцендентного, услышанный в теме курсовой, продолжал звучать, несмотря на все интеллектуальные игры, в которые я вовлекалась, отдавая дань времени, на которое выпала моя молодость и мои поиски себя.

Толчок, благодаря которому плотный занавес, скрывавший подступы к **Знанию**, распахнулся, и я впервые увидела, что нахожусь в самом начале своего движения к себе, произошел в результате встречи с антропософами, когда они в 1990 г. организовали в Иркутске международный антропософский конгресс. Я не стала последователем антропософии, но эффект от разговоров с антропософами и от чтения

трудов Р.Штейнера оказался таков, что я как будто наконец-то очнулась от забытья или сна для истишной жизни и истинного познания, и что всё только начинается теперь, а впереди - уходящая в бесконечность перспектива. Я и до того антропософского конгресса интересовалась эзотерической литературой. Но тут произошел коренной поворот. Пробуждение от сна обыденности - так это можно определить. В последующие годы я активно изучала биоэнергетику, парапсихологию, познакомилась со многими современными шаманами и ясновидящими, работала в архивах, сама собирала полевые материалы. Шло параллельное проникновение в шаманское *Знание* и в буддийскую практику медитации.

Когда в 1993 г. как будто в ответ на мои мольбы о живом Учителе, обращенные к *Небу*, Его Святейшество Далай-лама направил в Россию в качестве своего представителя молодого буддийского философа Джампа Тинлэ, который тогда ещё не имел степени "геше", высшей в системе буддийского философского образования, и он начал в Бурятии давать Учение - *Буддадхарму*, у меня было удивительное ощущение: что это и есть подлинное *Знание*, это - Истина, и я всегда её знала. И теперь, по прошествии многих лет после тех первых лекций Геше Тинлэ я продолжаю воспринимать его наставления так же - будто он напоминает то, что я всегда знала. И удивительным образом буддизм помог мне лучше понять смысл и оценить значение древней духовной традиции нашего мира - *боо мургэл* и *тэнгрианства*, лежащего в его основе.

Я не понимала, почему меня так влечет этот мир *урайн*, пока ясновидящие не объяснили, что я являюсь *удхатай хун*, то есть имею шаманскую правомочность. Впервые это произошло в самом начале моих занятий биоэнергетикой. Преподавательница, проводившая практические занятия, посвященные изучению *тонких* оболочек человека, - это была Елена Рузавина, - объясняла метод диагностики состояния этих оболочек у человека с помощью биолокаторов - рамок, которыми только и могут работать с тонкими структурами человека люди "слепые", то есть не ясновидящие. На вопрос о том, насколько безошибочно могут работать рамки, она, указав на Юрия Антоновича Хараева и на меня, заявила: "У этих людей рамки никогда не должны врать, - они имеют шаманское происхождение" Я была потрясена сказанным: ведь она ничего обо мне не знала, даже имени моего, а кроме того, родители, оба выросшие сиротами изгоями своего общества, так как были детьми "гроцкистов" и "панмонголистов", и рано потерявшие почти все контакты с людьми своего рода, не знали хорошо ни родословной, ни биографий своих предков, и они никогда не говорили ни о каких предках-шаманах, тем более что оба были школьными учителями. Я не удержалась от во-

проса “А как Вы определили мое шаманское происхождение?” “У людей, имеющих шаманский корень, наблюдается специфическое серебристое свечение в ауре”, - сказала она.

После занятия мы познакомились с Юрисом Антоновичем Харавым. оказалось, что он действительно является представителем очень сильного рода потомственных шаманов из Бохана (14), и на эти курсы он ходил именно потому, что нуждался в *Знании*, так как с ним происходили странные вещи - пробудилось его *удха* - шаманский корень. Надо сказать, что в то время он был уже пожилым человеком, большую часть жизни проведшим в соответствии с материалистическим мировоззрением, будучи человеком высокообразованным, из семьи потомственной бурятской интеллигенции (15), сам получивший прекрасное гуманитарное образование в одном из московских вузов, он занимал в свое время высокие государственные посты в республике. Но *удха* оказалось сильнее образования, мировоззрения и жизненного опыта, и он был вынужден принять шаманский сан. Впервые *удха* дало о себе знать, когда Юрий Антонович только вышел на пенсию. Он, всё ещё крепкий могучий человек, стал позволять себе посидеть иногда в расслабленном состоянии. И вот однажды, сидя в кресле - он не спал, - увидел, как прилетели светящиеся фигурки - точно такие, которые изображены на писаницах Байкала (16). Светящиеся человечки приблизились и вошли в его грудь. С тех пор он и стал замечать в себе какие-то изменения и постоянную потребность выхода ощущаемого избытка внутренней энергии, начал заниматься - и очень успешно - целительством. Однако от того незабываемого эпизода до осознания своего шаманского призвания и принятия шаманского посвящения прошло известное время. И были ещё удивительные явления.

Однажды, когда он пребывал на грани между сном и бодрствованием, над ним какие-то невидимые хирурги произвели, как он понял, операцию замены сердца. Когда позднее он проконсультировался с известным специалистом по традиционным верованиям бурят Г.Р.Галдановой, то она объяснила ему, что это состоялся обряд шаманского посвящения. А монгольская шаманка Батчимэг, с которой я и Юрий Антонович встречались в 1995 г., интерпретировала этот рассказ так “Вас навестил *тумэрын сахюусан* (хранитель стихии “металлы” И.У)” В другой раз в подобном медитативном состоянии, когда он продолжал сохранять сознательный контроль над происходящим, он, оставаясь в кресле, увидел себя выходящим из комнаты и так опешил, что крикнул своему двойнику: “Ты куда!” и тут же воссоединился с ним.

У других моих знакомых шаманов был свой удивительный путь осознания своей шаманской миссии. Некоторые из них с детства *виде-*

ли и не подозревали, что остальные люди *не видят*. Правда, как потом они сами это осознали, и в детстве будущие шаманы и шаманки отличались от остальных детей некоторыми особенностями поведения.

С детства *видела* Надежда Ананьевна Степанова. Её мать, желая отвести от дочери шаманский дар, который мог вызвать в её жизни всевозможные серьезные проблемы - а это были годы советской власти и всеобщего воинствующего атеизма, организовала специальный обряд закрытия способности *видения* у дочери. И Надежда спокойно окончила школу, вуз, вышла замуж, родила и вырастила детей. Но мать поплатилась за то, что сделала: была на долгие годы парализована. Дар у Надежды исчез только временно. Когда он вернулся с новой силой, Надежда пережила ужасное время, когда она, казалось, дошла почти до сумасшествия. Много раз она молилась о том, чтобы она снова стала прежней, чтобы *удха* перешло к кому-нибудь другому из родственников. Но в конце концов те силы, которые заставляли её принять шаманское посвящение, поставили её на самый край, где нет уже никакого выхода, кроме принятия шаманского призвания или смерти. Ей было сказано одним из голосов, что она в такой-то день, в такой-то час, в таком-то месте будет раздавлена грузовиком, если не станет шаманкой. Пришлось пройти обряд посвящения. И теперь она - лидер бурятских шаманов.

Она стала вторым ясновидящим человеком, который независимо от того первого случая подтвердил моё шаманское *удха*, когда она, чтобы знать, с кем имеет дело, **просмотрела** меня при первом нашем знакомстве - уже много лет назад, в самом начале 90-х годов. Обычно силу *удха* она "видит" по уровню тех божеств, которые являются ей в качестве покровителей данного человека и чувствует эту силу энергетически. Когда ей приходится наблюдать очень сильное *удха*, - как в моём случае, по её словам, - она даже страшится со стороны этих чужих божеств *дайруулхая*, то есть получить энергетический удар, - так сильно их проявление, когда она "смотрит". При "просмотре" моего *удха* ей шла также информация в виде каких-то древних письмен и наскальных рисунков, смысла которых она не понимала, а я их даже не видела и мне так и осталось неизвестно, что это была за информация.

Следующей ясновидящей, сказавшей мне о сильном шаманском *удха*, оказалась потомственная шаманка Валентина Батуевна Балдахина. Её дед был известный шаман Тогоочи-боо (р. в 1888 г.), по происхождению из тех ольхонских бурят, которые в прошлом веке переселились в Бичуру - в Забайкалье. "Когда в него входил *онгон*, он почти летал, руками брал из огня раскаленную железную пластину и лизал её, а изо рта шла пена. Брат его Батор был послабее. Я не видела его лижущим раскаленное железо", - рассказывает Валентина. Ба-

бушка, по происхождению из Ашабагатского рода, тоже была шаманкой. Она упоминала имена Ахай-боо, Эрдэи-боо - шаманов, приходившихся им родственниками. Таким образом, Валентина обладает *удха* с обеих сторон. Среди её предков-шаманов оказался тот легендарный шаман, который, как рассказывают, уцелел единственным среди шаманов, сожженных ламами. “Пламя его не коснулось - таким он был сильным шаманом. От него пошел наш подрод”, - говорит Валентина. Другой её предок, великий шаман Ямап-ахай, сказал в свое время бабушке Валентины, что он переродится девочкой у её среднего сына и будет иметь отметину на груди в виде отпечатка большого пальца. Вообще у бурят - не только у буддистов, но и у шаманистов, является распространенным убеждение в возможности возвращения умершего в свою семью. Для опознания перерожденца-родственника и существуют особые отметины, появляющиеся вновь, в новом рождении. Говорят, что с этой целью ставят также специальные меты на ещё не остывшем теле умершего. Когда в семье рождается ребенок со специфическими отметинами на теле или похожий на кого-то из предков, буряты говорят “*Алтан хүнэһэин тэхэрээ*”, что буквально означает: “Вернулась его золотая душа”(17).

Так вот, у Валентины на груди имеется большое родимое пятно, как отпечаток большого пальца. Она и есть дочь среднего сына, о котором шла речь. Бабушка-шаманка, занимавшаяся её воспитанием, говорила, что внучке суждено стать ясновидящей и *ехэ хүн - большим человеком*, а последнее понятие у бурят по традиции обозначает людей, занимающих высокое - в традиционном смысле слова - положение. “Однажды, когда мне было десять лет и мы всем классом проводили урок природоведения на природе, я увидела у подножия горы старика, сидящего в старинной бурятской позе, похожего на персонаж из древнего мифа, и рванулась к нему с криком :”Зааря-убгэн! Зааря-убгэн!”, будто знала его.” (18) Одноклассники, хотя они, как оказалось потом, никого не видели, тоже рванулись вслед за Валентиной, и урок оказался сорванным, за что девочка была наказана учительницей. “И вообще я была настолько странной девочкой, что некоторые даже считали меня умственно неполноценной”, - вспоминает она. Родители собирались по совету учителей обратиться к врачам-психиатрам. Но, к счастью, приехала бабушка и защитила её. Валентина теперь сама иногда встречает подобных детей. “Так, не так давно в Загустасе Кижингинского района встретила семилетнюю девочку, которая **всё видит**, даже моих покровителей, сопровождающих меня, вплоть до деталей их одежды”, - рассказывает она и заключает: “Вообще видеть - это очень страшно”

Валентина Батуевна со времен нашей первой встречи, которая произошла в начале 90-х годов, неоднократно уточняла свое видение

мого *удха*. В частности, помимо наличия в роду шаманов, она “видит” сверхфизические силы, которые, как она говорит, мне покровительствуют. Меня очень поразило, что одна из этих сил - это *Саган Бургэд - Белый Орел*. Не упоминая пока мистической символики Орла в шаманской традиции бурят и индейцев, я отмечу лишь особое присутствие орлов в своей жизни. Например, когда я впервые спустилась почти тридцать лет поехала на свою ольхонскую родину, меня встретили орлы. Как сказала тогда родственница, постоянная жительница Еланцов, орлы теперь показываются очень редко. Когда летом 1996 г. мы с моими аспирантами и двумя иностранными исследователями - Евой Фридман из США и Штефаном Кристофом из Австрии совершили поездку на Ольхон и в Приольхонье, в первый же день нам встретились белые орлы.

После открытия своих шаманских корней я стала лучше понимать свою врожденную тягу к старобурятской мистике. Вместе с этим я осознала, что на самом деле я ничего не знаю. И только потом пришло время, чтобы подобно даосам “разбить свое знание, чтобы постигнуть науку безмолвия” (Древнекитайская философия, 1, с. 277), чтобы осознать свою жизнь, что “похожа на [стремительный] прыжок белого коня через скальную расщелину” (там же, с. 281) и выйти на Путь, всудущий в Бездну.

Как сказал уважаемый мною философ Мераб Мамардашвили, “истина не установилась, а всё время устанавливается” и “мир - это то, что я сейчас понимаю” (Мамардашвили, 1993, с. 47, 45). Свой мир я творю сама, и мой параллельный мир, мир *урайн*, реален, ибо теперь я его понимаю. Но чтобы продемонстрировать эту другую реальность читателю, я должна помочь ему сделать попытку понимания.

1.2. Повседневность и шаманская реальность

Продолжим знакомство с параллельным миром бурятской старины, с шаманской реальностью *урайн*, обращая особое внимание на соотношение последней с миром повседневной жизни и на ту специфическую человеческую способность, которую можно назвать, используя термин К. Уилсона (Уилсон, 1994, с. 20, 69), “способность X”. Этим понятием мы обозначаем скрытую в человеке возможность выходить за границы повседневности. “Способность X” является чувством реальности других миров и иных измерений времени. В то же время это возможность фокусировки на особых аспектах реальности. Об этом же говорил в “Картезианских размышлениях” Мераб Мамардашвили, анализируя значение “точек интенсивности” в философии Декарта (Мамардашвили, 1993, с. 32). Вообще говоря о *точках*

интенсивности, Мамардашвили имел в виду способ структурирования нашего отношения к миру и интенсификации психической жизни. По его мнению, "наша обычная психика - довольно нелепое создание природы и чаще всего находится в хаотическом или вялом состоянии" "Она мертва, если не существуют какие-то точки (она не одна), вокруг которых происходит интенсификация нашей психической жизни. То есть в этих точках существует одновременно и некая избыточность" (там же). Такой фиксированной точкой является смерть, Бог - такая точка. Их немного - таких точек интенсивности. "В них нет никакой утилитарной пользы. И в этом смысле они избыточны. Но оказывается всё же, что должны быть такие избыточные точки. Бессмысленная в своей избыточности интенсивность вокруг них меняет смыслы нашей жизни. Смыслы нам доступны и понятны, а сами эти точки недоступны и непонятны. Скажем, чтобы мы ни думали о Боге и как бы ни размышляли о смерти, они остаются для нас столь же непонятными, как и в начале размышления. Но что-то случается с нами" (там же).

Интенсификация психической жизни человека вокруг таких "избыточных точек" конституирует наш мир: "я сам творю свой мир" И в этом смысле, объясняет Мамардашвили, **Бог не предшествует мне во времени.**

Мирозозидающая сила человеческого сознания ярко проявилась в жизни и в феноменах личности Сократа, Платона, Декарта, Канта, Витгенштейна, Ницше, давая им убежище в том зазоре между повседневностью и Истиной, о чем Марина Цветаева написала:

"И домой:

В неземной -

Да мой"

"Избыточными" по отношению к повседневности наших предков были речи мудрецов, которых народ считал сумасшедшими или старыми маразматиками. Творящая мир сила сознания проявлялась и в бурятском исполнении древних улигеров или шаманских песнопений: всякий акт исполнения древнего ритуала был сотворением мира заново. Особенно наглядно это отразилось в символике *сагаалганских* - новогодних празднеств, - они имели непосредственный смысл сотворения мира заново. Сам порядок в традиционном мире бурят основывался на непрерывно возобновляемом, постоянно длящемся - посредством традиционных ритуалов - творении. Иначе говоря, всякий традиционный ритуал вводит человека в непрерывно длящуюся реальность творения мира. Непрерывное, постоянно возобновляющееся творение можно поддерживать только постоянными усилиями и бдительностью сознания.

В аналогичном смысле Паскаль когда-то сказал о мистерии Голгофы, что агония Христа будет длиться вечно и в это время нельзя спать. *“И Декарт считает, что, поскольку творение может быть только непрерывным, то есть постоянно возобновляющимся, постольку спать нельзя. Заснёшь - и порядка не будет, истины не будет, числа не будет, совершенных предметов не будет, так как совершенные предметы держатся на вершине усилия”* (Цит. по: Мамардашвили, 1993, с. 47).

Примечательно, что каждое традиционное молитвенное обращение бурят-монголов к своим божествам или духам-покровителям содержит в трафаретной формуле обращения строчки, в которых верующие просят их поддерживать их в бодрствующем состоянии “будить, если заснем”. Вне всякого сомнения, эти строчки говорят о значении духовного бодрствования в традиционном мировоззрении наших предков - о необходимости бдиль на страже реальности.

В истории мирового оккультизма описаны поразительные случаи, демонстрирующие возможности творящей силы сознания, и среди них наиболее знаменитые - чудеса, совершенные Буддой Гаутамой после Просветления и Иисусом Христом после возвращения в Израиль, когда он приступил к выполнению своей миссии. Можно вспомнить также имена Нагарджуны, Миларены, эксперименты Сен-Жермена и многие другие случаи и имена в истории человечества.

В истории центрально-азиатских кочевников также известны удивительные феномены, связанные с чудесной силой сознания творить реальность. Например, были бурят-монгольские шаманы, умевшие останавливать ход времени. Так, предание об одной такой шаманке мне довелось услышать, когда летом 1993 года мы с Н.А.Степановой и Ю.А.Хараевым побывали во время нашей “шаманской” экспедиции по Иркутской области в селе Нуга. Рассказал эту историю Агунов Н.Ц., сын шамана, умевшего плясать на раскаленной плите.

Шаманка, о которой идет речь, была молодой женщиной родом из Закамны, что в Забайкалье. Она вышла замуж за некоего Дармая. Они жили в прошлом веке. Свое умение останавливать течение времени жена Дармая проявила, когда они из-за того, что она не успевала закончить своё шитьё, опаздывали на свадьбу к родственникам в Закамну. Ей пришлось “остановить” солнце, воткнув иглу в центр тени, чтобы она не двигалась и день длился столько, сколько нужно было ей для того, чтобы завершить шитьё. Только скот продолжал вести себя в соответствии с прежним ритмом времени, удивляя хозяев несвоевременным возвращением с лугов, как говорится в предании. Эта же шаманка могла разделить течение реки надвое или повернуть его вспять. Ламы пытались её убить, но она умерла непобежденной ими - умерла

добровольно, сидя у своего очага. После смерти она превратилась в духа-эжиша.

Сильные бурятские шаманы могли ездить на санях без лошади, как, например, ольхонский шаман Онгони хубуун Орбодой (Орбодой, сын Онгона), о котором рассказывал нынешний ольхонский шаман Хадсев Илья Хаблаевич, которому во время нашей встречи с ним в 1995 г. было около семидесяти лет. А легендарный Хайдай-хукшин, дух-эжиш горы Хайдай, один из местных покровителей ольхонцев, был при жизни таким сильным шаманом, которому удалось доказать свою великую шаманскую силу на Топхойн-дабана (название холма - И.У.), где по приказу иркутского губернатора были собраны все шаманы Приольхонья, Качуга, Унгинской долины, чтобы продемонстрировать свои способности. Хайдай-хукшин вышел из этого испытания победителем. Так говорится в предании, рассказанном Хадсеевым. Другой знаток ольхонской старины, Бадаев Анатолий Бадуевич, рассказал, что когда поступил приказ иркутского губернатора об испытании силы бурятских шаманов, среди ольхонских шаманов был проведен предварительный экзамен возле скалы, напоминающей лошадь. Суть экзамена заключалась в том, чтобы применить к этой скале шаманский метод *таримадха*, связанный обычно с использованием раскаленного железа. Так вот, действия других шаманов на скалу не возымели никакого эффекта, а Хайдай-хукшин превратил камень в пену. После этого Хайдай-хукшин отправил других шаманов домой и один поехал в Иркутск.

Ольхонцы помнят и другого своего знаменитого шамана - Абзая Алганая из улуса Тоонты, являющегося предком нынешнего ольхонского шамана Валентина Хагдаева, моего аспиранта. Это был один из последних сильных шаманов. Он умер в 50-х годах нашего столетия. По свидетельству охотника Т.Бутуханова, охотившегося вместе с Абзай Алганаяем, последний, идя за ним следом, мог вдруг оказаться метров на триста впереди него. Во время шаманских обрядов в юрте, рассказывали родственники В.Хагдаева, Абзай Алганай взлетал наружу через *тооно* - круглое дымовое отверстие в середине крыши и возвращался через двери.

А.Д.Бадаев тоже приводил рассказы очевидцев о летающих шаманах, которые во время путешествия пребывали в *шабар-бэе* - земном теле, а свос *хунэнэн* - душу прятали где-нибудь, чтобы быть неуязвимыми во время своих путешествий. Они вылетали через *тооно* - дымовое отверстие в юрте и в мгновение ока переносились на вершину ближней горы, а оттуда передвигались всё далее. В Прихубсугулье монгольские дархаты тоже помнят о летающих шаманах - о знаменитых семи летающих шаманах, наделенных силой от божества Маха Гала.

Жительница села Баяндай Усть-Ордынского бурятского округа, Бутуханова Наталья Францевна, рассказывала, что её дед был очень сильным шаманом, способным превращаться в радугу. По её словам, *нэрьер удхатай, боо* - шаманы с силой от Неба, могут превращаться в радугу, *"дээгуур ябадаг"* - путешествуют по небу. Эта мысль о возможности шаманов превращаться в радугу не кажется столь уж фантастической, если познакомиться с тантрическими учениями. Так, в частности, в традиции Дзогчен (20) ритуальные практики направлены именно на психофизическую трансформацию человека в состояние радужного тела. А как объясняет Геше Джамна Тингэй, *дакини* (21) появляются в виде особенных радуг. Кстати, когда мы с Надеждой Степановой, Юрием Антоновичем Хараевым, совершая в 1993 году "шаманскую" экспедицию, проехали Иркутск и направились в Усть-Орду, чтобы далее поехать в Приольхонье, в чистом летнем небе - без дождя! - появились три радуги одновременно. Это было воспринято моими спутниками-шаманами как благословение наших небесных покровителей, а по приезде в Баяндай мы услышали историю о шамане, умевшем превращаться в радугу.

Про знаменитого Барнашху А.Д.Бадаев сказал, что он путешествовал, пребывая в *альбан-бэе* - тонком теле, и что он посещал *альбанай суглан* - совещание в тонком мире. Надо заметить, что о существовании *альбанай суглан* конференции существ параллельного мира, в котором могут принимать участие, будучи в тонком теле, некоторые люди из нашего мира, я сама слышала от разных информаторов в разных районах этнической Бурятии. А летом 1996 г., во время международного симпозиума "Центрально-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты" (Улан-Удэ - оз. Байкал) мне довелось услышать беседу бурятского шамана Дугара Очирова и монгольского шамана Цэрэн-заарина, случившуюся в перерыве между двумя ритуалами, проводившимися бурятскими шаманами. "А у вас там, в Монголии этот обряд в честь Ойхони-баабая проводят немного по-другому, не правда ли? - полуутвердительно-полувопросительно обратился к Цэрэн-заарину бурятский шаман. И описал в деталях, как это делается в Монголии. Цэрэн-заарин подтвердил, что это действительно так. Я, зная, что Дугар Очиров не посещал родину Цэрэн-заарина и никогда не принимал участия в монгольских шаманских ритуалах, вслух удивилась, откуда Дугар знает обо всех этих особенностях монгольского ритуала. Ведь он не был ни этнографом, ни хотя бы любителем-знатоком этнографической литературы - бывший сотрудник МВД республики, ныне пенсионер и практикующий шаман. В ответ на мой вопрос Очиров пояснил: "Я присутствовал там *альбан-бэеэрээ* (в тонком теле - И.У.). И вообще мы с Цэрэн-заариним, оказывается, были уже до этого зна-

комы, встречались на *альбанай суглан*, узнали теперь друг друга” Цэрэн-заарин спокойно подтвердил это. Я и раньше знала, что Дугар видит, но почему-то скептически относилась к его видениям, предполагая их относительность, то есть полагая, что это, возможно, субъективные медитативные образы, не имеющие реального содержания об иной реальности, существующей наряду с повседневным миром. Но когда обнаружился интросубъективный характер шаманских видений, сам вопрос о природе творящей силы сознания и проблема реальности получили для меня новую глубину осознания, где-то за пределами субъективно-объективных различий. После такого поворота сознания все эти предания о шаманах прошлого всё же не кажутся лишь легендами. Это - предмет для серьёзного исследования проблемы реальности.

Великий современный монгольский шаман Цэрэн-заарин, о котором за несколько лет до того, как он приехал на наш симпозиум, я слышала поразительные истории от моих монгольских знакомых, и является носителем этой таинственной реальности мира наших предков, живших под покровительством *Хухэ Мухэ Тэнгэри - Вечно Синего Неба*. Несколько лет назад о нем мне рассказывал журналист Ч.Зоригт, один из авторов фильма о монгольском шаманизме. Ему самому довелось быть пациентом Цэрэн-заарина и видеть огненные молнии, исходившие из сердца шамана. Президент Федерации монголов мира, бывший премьер-министр Монголии Д.Бямбасурэн, познакомившийся с Цэрэн-заарином, когда тот обратился к нему как к главе правительства за официальной поддержкой древней монгольской религии, рассказывал мне в личной беседе, что самолично видел Цэрэна-боо взлетающим на высокое дерево в полном шаманском облачении (22). А в дни международного симпозиума летом 1996 года довелось мне, шаману Валентину Хагдаеву и шаманке Валентине Балдахиновой вместе с Цэрэн-заарином и другими монгольскими шаманами, а также монгольскими учеными, приехавшими на симпозиум, совершить через Байкал путешествие к острову Ольхон, где Цэрэн-заарин совершил ритуал почитания *Ойхони-баабая*, эжина острова и покровителя всего региона. Эта поездка, как и симпозиум в целом, сопровождалась рядом неординарных глубоко символических явлений и видений, пережитых ясновидящими, которые были вместе с нами. Цэрэн-заарин это действительно великое явление не только традиционной культуры монгольского мира, но и современного мира. Он причастен реальности. В нем есть подлинность вечно дрящегося творения мира, которой так не хватает повседневности.

Прежде чем продолжить разговор о шаманских феноменах, стоит обратить внимание на то, что умение бурятских шаманов останавливать мир является выражением неких общих эзотерических знаний. Об

“Остановке мира” пишет К.Кастанеда, излагая учение индейского мага дона Хуана. “Остановка мира” была одним из важнейших методов обучения в тайной школе Г.Гурджиева. **Остановка мира** - это понятие, обозначающее эзотерическое расширение сознания и выход за границы повседневности через зазор, имеющийся в ткани повседневного мира. Дон Хуан, индеец племени яки, представитель традиции древнего тайного знания толтеков, учил Кастанеду тому, как научиться пройти зазор и выйти через найденную расщелину в другой мир. Он научил Карлоса останавливать внутренний разговор, которым мы постоянно поддерживаем свой повседневный мир - делаем одни и те же выборы снова и снова, пока не умираем. Дон Хуан учит: *“Мир такой-то или ещё какой-нибудь потому, что мы говорим себе, что он такой. Если мы перестанем говорить себе, что мир такой, он перестанет быть таким”* В действительности мир - таким, каков он на самом деле, - непостижим. *“Мы никогда не сможем понять его; мы никогда не разгадаем его тайны. Поэтому мы должны относиться к нему как к тому, чем он является, как к чудесной загадке! Однако обычный человек не делает этого”* (Кастанеда, 1991а, с. 187).

Старый индеец учил современного антрополога, обремененного типичным набором представлений здравого смысла той технике, с помощью которой “можно заставить обрушиться тот мир, который мы знаем” (Кастанеда, 1992, с. 97). Встреча с койотом, говорящим по-испански и по-английски, была первым случаем, когда начинающему ученику индейского шамана удалось **остановить мир и увидеть линии мира**. В момент видения в Карлосе остановилось то, на что, как говорили ему с момента рождения люди, похож мир - что мир такой-то и такой-то. Видение происходит только тогда, когда удается найти зазор между реальностью обычных людей и миром магов. Но найти расщелину очень трудно - невозможно без помощи учителя, и даже найдя её, чтобы пройти через неё в другой мир, нужно победить Стража другого мира - хранителя и его часового - и победить его (Кастанеда, 1991а, с.102).

В каждом отдельном случае образ Стража зависит от личности того, кто ищет его: победа над Стражем - это победа над внутренними барьерами в человеке, ищущем путь в иной мир. “Трещина находится там, где два мира пересекаются. Чтобы попасть туда, человек должен упражнять волю. Воля - это сила. Её появление предвещается длительным дрожанием рук и ног и ужасной рвотой: тело должно быть подготовлено к путешествию” (Кастанеда, 1991б, с. 154). Собственно, воля - это сила отношения между человеком и воспринимаемым миром.

Степень развития воли прежних бурятских шаманов была потрясающей - настолько, что они не только обладали достаточным для

путешествий в другие миры развитием, энергией, видением, но и силой воли добивались расширения мира повседневности за его границы, доводя этот мир до пересечения с другим миром. Они могли искривлять пространство в целях своих путешествий. Им хорошо был известен другой мир, в который они проникали и в *шабар-бэе* - плотном брэнном теле и в *альбан-бэе* - негннном тонком теле. Известен в древней бурятской традиции и Страж, хранитель другого мира - под именем *уудэши бурхан* - божество, открывающее двери.

В западном оккультизме существует понятие **страж порога**. Так называют человеческое эго или животную природу человека - самоведение без Христа, которое противоположно духовному свету - энергии Бога. Антихрист - другое имя плотского разума человечества, то есть планетарного стража порога, змея, зверя, дракона. В книге, продиктованной из тонких миров почитателем Братства Хранителей Пламени Вознесенным Владыкой Сен-Жерменом своим посланникам Марку Л.Профету и Элизабет К.Профет (Сен Жермен, 1994, с. 242, 248). приводится глоссарий, в котором дано следующее определение термина "страж порога": *"Термин, используемый иногда для обозначения анти-я, не-я, синтетического я, антитезы Реального Я, конгломерата самосотворенного эго, тлетворно задуманного, зачатого через беспорядочное употребление дара свободной воли, состоящего из плотского разума и некоего "созвездия" лжеквалифицированных энергий, силовых полей, фокусов, животного магнетизма, составляющий подсознательный ум. Человек контактирует с пресмыкающимся антимагнитным я, которое является врагом Бога и его Христа и воссоединения души с этим Христом, через тело желаний или астральное тело, и через чакру солнечного сплетения. Страж порога является, таким образом, ядром вихря энергии, который образует в форме литавры "электронный пояс", окружающий четыре нижних тела вниз до пояса. Иногда можно увидеть змеиную голову стража, всплывающую из черной заводи бессознательного. Этот электронный пояс действительно содержит причину, следствие, запись и память человеческой кармы в её отрицательном аспекте. Положительная карма, как деяния, совершенные через божественное сознание, регистрируется в Причинном теле и запечатывается в электронных огненных кольцах, окружающих собственное Я ЕСТЬ Присутствие каждого индивидуума. Когда спящий змей стража пробуждается присутствием Христа, душа должна принять свободной волей решение сразить мощью Я ЕСТЬ Присутствия своевольного личного анти-Христа и стать защитником реального Я до тех пор, пока душа полностью не воссоединится с Тем, который есть праведный ГОСПОДЬ, ГОСПОДЬ-ПРАВЕДНОСТЬ НАША, истинное Я каждого жизнепотока на стезе посвящения"* (там же, с. 255).

Страж в оккультном знании олицетворяет, таким образом, порог сознательного видения реальности, точнее, барьер для видения. Этот порог не может миновать человек, стремящийся к воссоединению с Истиной, с Богом. Страж символизирует для западных посвященных противостояние человеческого эго, в действительности являющимся не-Я, и истинного Я - Христоразума человека.

Приведенный выше отрывок покажется странным и малопонятным человеку, привыкшему к рациональным понятиям науки и материалистического мировоззрения. Но я привожу его, несмотря на некоторую преждевременность использования здесь оккультных понятий - оккультной проблематики мы коснемся в другой части книги, - потому что это способствует нам в нашем стремлении "разбить своё знание", подобно тому как это делают в восточных духовных традициях, чтобы отважиться, как даосские мудрецы, на прыжок белого коня через опасную расщелину бытия. И это не просто аналогия. Речь идет о большем. Дело в том, что в бурятских шаманских текстах, хранящихся в РО БИОН СО РАН (ныне ИМБит СО РАН - И.У.), очень часто встречается образ всадников на белых лошадях - *сагаан моритон* (23). *Сагаан моритон*, всадники на белых лошадях пересекают, по преданиям, границы между мирами, появляясь перед людьми и напоминая им о том, что надо сохранять бдительность, не впадая в сон разума.

Вообще, как увидим ниже, шаманские притчи и образы бурят-монголов хорошо интерпретируются в терминах духовных учений и мировой эзотерики, ядро которой является универсальным для человечества и в той или иной степени сохраняется во всех регионах нашей планеты. Так, в частности, сказания о Гэсэр-хане, как и в целом центрально-азиатский эпос, имеют глубокий духовный, эзотерический смысл, упускаемый современными фольклористами и литературоведами.

Любопытно, что в одной из бурятских поэм-*улигеров* герой борется с гигантским желтым комаром. Здесь невольно возникает ассоциация с тем обстоятельством, что ученику дона Хуана страж иного мира показался в образе тридцатиметрового комара (Кастанеда, 1991а, с.103). Герои бурятских сказаний борются и с другими ужасными зверями, в том числе с чудовищными змеями. А змея, как известно из исследований по культурной антропологии и мифологии, является универсальным символом неявленного (Элиаде, 1987, с. 239). Змей символизирует хаос, бесформенность (там же, с. 43). Многообразие образов, в которых предстает бурятским героям страж порога, хранитель иного мира, то есть сила анти-Я, говорит о довольно многообразном опыте наших предков, накопленном в результате взаимодействия с другими мирами.

Подтверждением тому, что все эти образы чудовищ, с которыми борются эпические герои Центральной Азии, выражают оккультный, медитативный опыт, накопленный в духовной традиции её аборигенов, является специфическая включенность этих героических историй в контекст темы о сыновьях Неба - посланцах высшего мира, перемещающихся из одного мира в другой. Вообще говоря, шаманская техника в том и заключается, чтобы уметь переходить из одной области реальности в другую. "Шаману известна тайна прорыва уровней" (там же, с. 145). Всякое явление сакрального, - утверждает М.Элиаде, один из самых авторитетных исследователей шаманизма, само по себе предполагает прорыв уровней, то есть наличие щели между мирами, проницаемость этого мира для явлений иного мира. Бурятским шаманам двери в другие миры открывают *үүдэши бурхад*.

Бурятские *үүдэши бурхад* - хранители дверей обладают наряду с универсальными функциями стражей другого мира также функциями защиты этого мира от опасного вторжения параллельного мира. Юрта в представлениях наших предков служила моделью мира, - жилище вообще является моделью мира. Порог юрты был сакрально значим в качестве границы между мирами и охранялся особыми божествами, а именно *үүдэши бурхад*. Г.Р.Галданова во время экспедиций 1972 и 1974 годов в Закаменский, Тункинский, Баргузинский районы Бурятии сделала полевые записи об "*үүдэни 5 тэнгэри, үүдэни эзэн*", которые "охраняют людей от всего плохого" (Галданова, рук. № 2265, л. 59). По этим же данным, нельзя сильно стучать дверью, собирать под порогом мусор, нельзя садиться на порог, наступать на порог, воспрещалось ссориться, громко разговаривать, стрелять, прикасаться к дому чем-нибудь острым (там же, л. 59, 60). Одновременно с древнейшим и важнейшим обрядом почитания огня у бурят было принято делать также обряд почитания хранителей дверей обряд "*үүдэни тэнгэри тайха*"

Культ *үүдэни тэнгэри* сохранился и у бурят, принявших буддизм. В их среде принято *үүдэн тэнгэридэ* - тэнгрию дверей "*жасаа*" *унишуулха*, то есть исполнять специальную молитву "*жасаа*" (там же, л.61). С дверью у бурят связана защитная магия: принято класть под дверь конскую подкову, над дверью - пучок крапивы, боярки, на дверь прибавляли изображение *хас тамги* - свастики против нечисти, и тогда "*ямаршье юмэ орожо шадахгуй*", то есть "не пройдет никакая магическая сила" (там же, л. 63).

У современных прибайкальских бурят до сих пор принято говорить: "*Бурхандаа мургэнгуй боһогшье гэххэхэгоймэ*", то есть: "Нельзя даже наступать на порог, без того, чтобы не помолиться" Очевидно, эта пословица выражает древние представления о сакральном значении порога и об *үүдэни тэнгэри* - это знание, которое было жизненно

ощущаемым для наших предков. Во времена Чингис-хана того, кто спотыкался на пороге, подвергали, судя по сведениям Рашид-ад-дина, смертной казни. С точки зрения современного человека это совершенно непонятная жестокость. Но она вполне объяснима в терминах традиционного монгольского мировоззрения: человек, спотыкавшийся на пороге, которого не пропускали *үүдэни тэнгэри*, был в сакральном смысле слова опасен для системы жизненного мира.

Сакральный смысл дверей в другой мир был связан с системой магичности жизни этого мира. Когда в бурятском улусе происходили частые несчастные случаи или бедствия, шаманы - *боо* были призваны с помощью специальных обрядов закрывать "двери смерти". Об этом говорится в тункинских полевых записях П.Б.Балдацжапова: "*Бооцууд гэнтын аюлай болоходо аюлай үүдэ хааха гэжэ заһал хэдэг*" (рук. № 31116, л. 62). В переводе: "Когда случаются внезапные несчастия, стихийные бедствия, шаман делает обряд исправления-*заһал*, чтобы закрыть двери беды"

Что касается восточного образа лошади, преодолевающей бездну между мирами - в бурятских заклинаниях упоминаются "*сагаан моритон*", "*хухэ моритон*", "*хара моритон*" - всадники на белых, синих, черных лошадях, - то традиционная сакральная символика лошади связана, видимо, с тем, что конь является, как разъяснил М.Элиаде, психопомпным животным и обычно используется шаманом в различных контекстах для того, чтобы "выйти из себя" и совершить путешествие в другой мир. (См.: Элиаде, с. 173). Из фольклора монгольских народов известно, что *батор* - герой рождается вместе со своим конём. Это означает, помимо прочего, что *батыры* - это люди, от рождения обладающие психопомпными средствами, возможностью выходить за границы этого мира. Невероятная их физическая сила не была лишь телесной силой - то была сила, имеющая духовное, мистическое происхождение. *Баторы*, так же как *улигёришины*-сказители и *боо*-шаманы, были людьми Знания - *эрдэмтэ хунууд* в эзотерическом смысле, и поэтому обладали Силой.

Способность бурятских (монгольских) шаманов или людей с сильным шаманским *удха* к сотворению мира нашла осознание в традиционном комплексе представлений, выражаемых понятиями *заяан*, *заяагша*, *заяабари*, *заяатай* и другими, происходящими от древнего корня *заяа* (*дзая*). И.А.Манжигеев в своем словаре-справочнике мифологических, обрядовых, культовых терминов по бурятскому шаманизму приводит определение следующих терминов: "*Заяабари* - судьба человека, якобы предопределенная Вечным синим небом или *Заяабари-тэнгэрином*", "*Заяагша* - по шаманской мифологии, творец, демиург, дух", "*Заяан* 1) по анимистическим воззрениям бурят, демиург, создающий зародыши людей и домашних животных (см. *Заяан сагаан тэн-*

гэри); 2) по шаманистической мифологии, дух - защитник подопечных ему людей; 3) грубое схематическое изображение почитаемого духа в форме деревянной фигурки или рисунка на лоскутке материи" (Манжигеев, 1978, с. 52, 53). Он отмечает, что буряты различают "хайн заяан" - добрых духов и "муу заяан" - враждебных духов, а основой подобного различения являются, в соответствии с его историко-материалистическими воззрениями, социальные противоречия. В этом же словаре дается и более конкретная информация о представлениях, связанных с заяа. "Заяан сагаан тэнгэри (дословно "творящий белый небожитель") дух, пребывающий на небе и покровительствующий актам оплодотворения живых существ" "Заяатай хун - 1) человек, которому от зачатия или от рождения якобы predetermined счастливая судьба; 2) шаманист, владеющий изображением заяана..." "Заяаша баабай, Зарлиг тоодэй (досл. "спаситель-отец, повелитель-бабушка"). Заяаши-баабай собственное имя легендарного шамана, бежавшего из Забайкалья и нашедшего убежище от ламаистских преследований у мыса Бохан в Прибайкалье, которому впоследствии приписали роль "благодетеля-чудотворца", спасающего скот от чумной заразы" "Заяашан - предводитель боолоошинов или найгуришинов в поисках нового заяана" (там же).

В Бурятско-русском словаре К.М.Черемисова для термина "Заяа (н)" дается как основное значение - "судьба", и выражение "хайн заяатай хун" переводится как "человек со счастливой судьбой", а выражение "муу заяан" как "несчастливая судьба". Слово "заяатай" в этом словаре, как и в справочнике Манжигеева, имеет значение "имеющий счастливую судьбу". Заметим, что буквально оно означает "имеющий заяа(на)". Приводится у Черемисова и выражение "заяанай" в значении "природный", "естественный". Однако обратим внимание, что слово "заяанай" можно представить в форме "заяанай", и тем самым обнажится буквальный его смысл "принадлежащее заяа (ну)". Слово "заяанһаа", которое словарь Черемисова передает как "испокон веку", буквально означает "полученное от заяа(на)". Глагол "заяаха" Черемисов переводит как "предопределять; предвещать, провозвещать".

Учитывая приведенный спектр значений понятий с корнем "заяа (дзая)" и проведя небольшой дополнительный семантический анализ этого лексического материала, можно сделать вывод, что данный семантический комплекс выражает очень древний пласт центральноазиатской онтологии: круг представлений, связанных, во-первых, с идеей высшего творца и естественной спасительной силы Вечно Синего Неба, провозвещающего судьбу человека, во-вторых, с осознанием человеком древних и вечных истоков своей судьбы того, что от за-

чи(на), то есть от времени *урайнай саг*, уходящего к первоначалам сущего.

В круге этой семантики счастливый человек - это тот, кто обладает *заяа(ном)* - *заяатай хун*, то есть тот, у кого есть первоисток его собственного мира *урайн*, кто занят творением, умеет *заяаха*. Иначе говоря, человек, имеющий творческую силу сознания, знающий, как творить мир, является *заяатай хун*, имеет божественного покровителя *заяа(на)*. В-третьих, рассматриваемый семантический комплекс связан со знанием природы высшей творческой силы - силы *заяаха*. У бурят есть культ *заяанов*. Заяянами становятся исключительной силы шаманы, шаманки или люди с сильным *удха* - их сила достаточна для того, чтобы они стали носителями творящей мир спасительной силы космоса.

В рукописных материалах М.Н.Хангалова, хранящихся в областном Иркутском архиве, встречается выражение: “нельзя убить *заяатай хун* (человека, имеющего *заяа(на)* И.У.)” Это можно понимать буквально: “нельзя убить человека, имеющего покровительство *заяа(на)*” или “невозможно убить человека, обладающего счастливой судьбой” А можно понимать и в эзотерическом смысле: “человека, обладающего *заяа*, смерть не берет - он бессмертен (в оккультном смысле)” Природа *заяа* в этом последнем, эзотерическом, смысле есть загадка, тождественная тайне Бытия и Бога. К этой тайне были причастны мудрецы вроде Молона-багши еравнинского, Барнашки ольхонского, Соодой-ламы курумканского. А большая часть бурят-монголов знала лишь экзотерическую, внешнюю сторону учения о *заяа* - культ *заяанов*.

Феномен покровителей-*заяанов* был распространен среди бурят-монголов в прошлом. В году испытаний, лихолетья напир предки устраивали даже специальные поиски нового *заяана*. Это происходило во время массовых камланий, известных как хождения *боолоошинов* и *найгуршинов*. Сейчас этот феномен массового транса давно забыт.

Бурятские *заяаны* выполняли своеобразную миссию божественных спасителей. И подобно тому, как истинная миссия Иисуса Христа началась после мучительной смерти, спасительная миссия *заяанов* начиналась после их прижизненных страданий и мучительной смерти.

Среди рукописных материалов по бурят-монгольскому шаманизму, хранящихся в Отделе памятников письменности Востока БИОН СО РАН, встречаются записи о *заяанах* и *найгуре*, встречающиеся в контексте других данных о шаманских представлениях и ритуалах. Есть и специальные “Заметки о заяне, найгуре”(рук.№ 421), сделанные П.Т.Хаптасвым в январе 1941 г. в улусе Тухум Иркутской области. Эти “Заметки...” их автор рассматривал в качестве дополне-

ния к статье “Об одной вылазке классового врага - найгуре”, посвященной ликвидации ольхонского найгура 1934 года и опубликованной в “Записках института культуры”(Улан-Удэ, 1935). Они свидетельствуют, что буряты - жители Иркутской области различали *старого заяана*, появившегося лет 130-140 назад до наблюдаемых Хаптаевым событий, и *нового заяана*, объявившегося в 80-90-е годы XIX столетия. Заклинания старого заяана ему не удалось записать, но в одном из вариантов записанных им заклинаний нового заяана поется и о старом заяане. Вот эти строчки:

Сагытнай сайса

Сагаан заяан буулай,

Хуулитнай сайса

Хуушан заяан буулай.

В переводе П.Т. Хаптаева:

Пока не расцвела ваша эпоха,

Белый заяан явился,

Пока не расцвела ваша власть,

Старый заяан явился.

Но, думается, точнее было бы передать смысл строфы так:

До просветления вашего времени

Явился свыше белый заяан,

До просветления вашей власти

Спустился старый заяан.

Наиболее известными заяанами бурят были превратившиеся в заяанов после страданий и мучительной смерти две хоринские девушки *Хоршин хоер*, заклинания о которых известны под названием “*Хоршин хоер басаган*” Обращенные к ним песнопения исполнялись и при старом, и при новом заяане, как пишет в своей рукописной заметке П.Т.Хаптаев (24). Эти особенные песни пели группами в десять-тридцать человек. Такие групповые песнопения назывались у эхиритских и ольхонских бурят “*найгур*”, а у боханских и аларских бурят - “*боолоошин*”(совершающие камлание)- от слова “*боолоохэ*”, то есть “камлать” Найгур длился в течение двух-трех месяцев и захватывал многие бурятские улусы.

П.Т.Хаптаев, лично участвовавший в атеистической кампании ликвидации ольхонского найгура 1934 года, записал несколько вариантов заклинаний о хоринских заяанах со слов участников этих мистерий. Вот вариант, записанный им 25 августа 1934 года на острове Ольхон от двадцатилетней Харимовой Кирмен Халсановны:

ХОРИИН ХОЕР БАСАГАН

САГААШАЯ САГААНДА
САГААЛАЖА ГАРЫТА,
САГААН БУДАН ХОЕРОО
ТАРААСАЛАЖИ ГАРЫТА.
ХҮРЭГШЭЭ САГААНДА
ХҮРТЭЛДЭЖЭ ГАРЫТА,
ХҮРЭНГЭ БОЗО ХОЕРОО
ТАРААСАЛАЖИ ГАРЫТА.
БУЛИГДААН ГАЗАРТАА
БОРОЙ БААБАЙ ДУРДУУЛАА,
БОРОЙ БААБАЙН УДХЫЕ
БУЛИХА ЮУМЭ ҮГЭ.
ИЛАГДААН ГАЗАРТАА
ИЛЬХАЙ ТООДЭЙ ДУРДУУЛАА,
ИЛЬХАЙ ТООДЭЙН УДХЫЕ
ИЛАХА ЮУМЭ ҮГЭ.
САГЫТНАЙ САЙСА
САГААН ЗАЯАН БУУЛАЙ,
ХУУЛИТНАЙ САЙСА
ХУУШАН ЗАЯАН БУУЛАЙ.
ХОРИГДОХОЕО БОЛИОН
ХОРИН ХОЕР БАСАГАН,
ДАРАГДАХАЯ БОЛИОН
ДАЛАЙН ХОЕР БАСАГАН.
ХОРИИН ХОЙТО СУУЛГАНДА
ХОНОЛГОЕО ТАНИЛАЙБ,
ХОЛБОО САГААН ШУЛУУГААР
БАРИСАЯ ТАНИЛАЙБ.
УДЫН ХОЙТО СУУЛГАНДА
ҮНЖЭЛГЭЭ ТАНИЛАЙБ,
УАН САГААН ШУЛУУГААР
БАРИСАЯ ТАНИЛАЙБ.
АДУУХАН БАГСАЙН ҮҮДЭНДЭ
АРБАН ДОЛОО ХОНОЛОЙБ,
АТХА БОЛХОГУЙ ХОТИОРОО
АТХАН БАЙЖА НААДАЛАЙБ.
АРБАН САГААН ХУРГАЯА
АДХАН ТАБИН ХЭБТЭЛЭЙБ.
ХОНИН БАГСАЙН ҮҮДЭНДЭ
ХОРИН ДОЛОО ХОНОЛОЙБ,
ХОРМОЙ БОЛХОГУЙ ХОТИОРОО

БОЛНОДОЖО НААДАЛАЙБ.
ХОРИН САГААН ХУРГАЯА
ХОЛБОН ТАБИН ХЭБТЭЛЭЙБ.
ТҮГДЭЙНЬ ХАРААД БУУЛАЙБ,
ТУНХЭН ДЭЭРЭ БУУЛАЙБ,
ТҮРГЭН ШАРА МОРИНОО
МУНДАА ШҮҮРЭН БУУЛАЙБ.
АМАРЫНЬ ХАРААД БУУЛАЙБ,
АЛАЙР ДЭЭРЭ БУУЛАЙБ,
АРБАН ШАРГА МОРИНОО
МУНДАА ШҮҮРЭН БУУЛАЙБ.
БОРЖО МҮНГЭН ТОЛИ
БУРХАН ТАЛААН БУУЛАЙ,
БУРУУ ЁРЫН ЭЗЫ
БОГОНОО ДОРОО ЗООЛОЙ,
ҮДЭРТОО ГУРБА АЛХАЛАЙ,
ОГОО ТЭРЭ БУЗАР.
ЭРЖЭН МҮНГЭН ТОЛИ
ЭСЭГЭ МАЛААНЬАН БУУЛАЙ,
ЭНЭ ЁРЫН ЭЗЫ
ЭРХЭН ДОРОО ЗООЛОЙ,
ОРОН ГАРАН АЛХАЛАЙ,
ҮДЭРТОО ГУРБА АЛХАЛАЙ.
ДАЛАЙ ЛАМАЙН ҮҮДЭНДЭ
ДАМЖУРГАТАЯА ТУЛАЛАЙБ,
ДАСАН БОГДЫН ХОЙМОРТО
БОРЬБОТОО ТУЛАЛАЙБ.
БАЯИНЬ ХАРАЖА БУУЛАЙБ,
БАРГАЖАН ДЭЭРЭ БУУЛАЙБ,
БААБАЙН ДОЛООН ХҮБҮҮНЭЙ
ТИИРГЭН ДУНДА БУУЛАЙБ.
БААБАЙН ДОЛООН ХҮБҮҮИ
АРА ХОЙШОНЬ ЗАРАЛАЙ,
АБТАЙ ШЭЖЭТЭЙ ЛАБААРАА
ХЭНГЭРГЭЭРЭНЬ ҮЛДЭЛЭЙ.
БААБАЙН ДОЛООН ХҮБҮҮЕ
ХАРАХАЯА ХАРАХАБ,
ҮЗЭХЭЭ ҮЗЭХЭБ,
АДУУАН МАЛХАН ХОЕРЫШ
АБУУРЬАНДАА ЗАРАЛАЙБ,
АМИН САГААН ХҮНЬИЕШЬ
ЭРИЛГЭНДЭ ЗАРАЛАЙБ.
НАЙГУУРШАНАА УРАЙГУУР

НАЙМАН УЛААН ТАГША
НАЙГУУРШАНДА ЗОХИРНО,
НАЙМАН ХҮҮХЭЙН БАСАГАН
ШЭМХЭЭhЭНДЭЭ ЗОХИРНО.
ДУУЛАШАНАА УРАЙГУУР
ДОЛООН УЛАН ТАГША
ДУХАРЯАШАНДАА ЗОХИРНО,
ДОЛООН ХУУХАЙ ХҮБҮҮНДЭ
ДУУЛАЛГАНДАА ЗОХИРНО.
НАЙМАН УУЛЫН СААНАhАА
НАЙГУУЛАhААР ЕРЭЛЭЙБ,
НАРАН ХЭЭТЭЙ ПУЛААДААР
hЭБЭЛГЭЭ ТАНИЛАЙБ.
ДОЛООН УУЛЫН СААНАhАА
ДУУЛАhААР ЕРЭЛЭЙБ,
ДОБЕО ХЭЭТЭЙ ПУЛААДААР
hЭБЭЛГЭЭ ТАНИЛАЙБ.
НЭРЭЭГҮЙ ТОГООГОО
НЭРҮҮЛЭhЭН АБАГАЙ,
НЭРЭ СОЛО ХОЕРОО
ДУРДУУЛАhАН АБАГАЙ!
ШАБШАГҮЙ ТОГООГОО
ШАБУУЛАhАН АБАГАЙ,
ШАНАР СОЛОО ХОЕРОО
ДУРДУУЛАhАН АБАГАЙ!
ЧИТЫН СААНАhАА ХИЛГУУЛАА,
ХИЛГААhААН ДУГЫ ДУГЫЛАА,
УДЫН СААНАhАА ҮНЖҮҮЛЭЭ,
ҮБЭhЭН ДУГЫ ДУГЫЛАА.
ТАБАН СЭГЭЭ ЗАЯАН!
ТАХАЙН ГАЛАhАА ХҮРТЫГЭ!
ГУРБАН СЭГЭЭ ЗАЯАН!
ГУЛАМТЫН ГАЛАhАА ХҮРТЫТЭ!
ШАРА ДАЛАЙН ЭРЬЕДЭ
ШАБАРДАЖА ХЭБТЭЛЭЙБ,
ШАРА ЭРЕЭН МОГОЙДО
СҮМҮҮЛЭЖЭ ХЭБТЭЛЭЙБ.
ХАРА ДАЛАЙН ЭРЬЕДЭ
ХАШАГДАЖА ХЭБТЭЛЭЙБ,
ХАРА ЭРЕЭН МОГОЙДО
СҮМҮҮЛЭЖЭ ХЭБТЭЛЭЙБ.
МАЛГАЙ ҮГЭЙ БАЙХАДАА
МАЛГАЙЛАhАН АБАГАЙ!

МАНСАРАА САГААН ПУЛААДАР
МАЛГАЙЛААН АБАГАЙ!
ТОЛОГОЙ ҮГЭЙ БАЙХАДАА
ТООН СОО ЯРГАЛАЙБ,
ТУРАЙН ТОРГОН ПУЛААДАР
ТОЛГОЙЛООН АБАГАЙ!
МУШХААЛГАТАЙ АРЬАНДА
МУНДАА ШАНДА ХҮРЭЛЭЙ
МУУХАН ЁРЫН ЭЗЫДЭ
ҮРДЭН ШАРДАН ХҮРЭЛЭЙ.
ЭРЮУЛГЭТЭЙ АРААНДА
ЭДЭН ШЭРДЭН ХҮРЭЛЭЙ,
ЭНЭ ЭЗЫН ЕРОДО
УРДАН ШАРДАН ХҮРЭЛЭЙ.
ХЭЛХЭЙ ДУУТАЙ ШАНГИНУУР
ХЭЛЭНЭЭН ЯНГИНАА,
ХЭЛЭН АМАН ХОЕРНИ
ХЭБТҮҮЛХЭЭ БОЛЮУЛАА.
УРАН ДУУТАЙ ШАНГИНУУР
ОГТОРГООН ЯНГИНАА,
УРАЛ АМАН ХОЕРНИ
УНТУЛХАЯА БОЛЮУЛАА.

(рук. № 421, л. 7 - 12)

В другом варианте, записанном на Ольхоне 30 августа 1934 года со слов девятнадцатилетней Бадаевой, мистическое песнопение “Хориин хоер басаган” звучит так:

ЗАЯАНШ ХАДАА ЗАЛЬБАРТАЙ,
БУРХАНШ ХАДАА БОЛЗОРТОЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ЗАЯАН ТАНИ ХҮҮРЬЕЕ
ЗАЛГАА ХЭЛЭЖЭ БАЙДАГГҮЙ.
БУРХАН ТАНИ ХҮҮРЫЕ
БУЛТЫНЬ ХЭЛЭЖЭ ЯДАДАГГҮЙ.
АРБАН ГУРБАН ЗАЯАНИ
АХА САГААН ЗАЯАЛГА,
ХОРИН ГУРБАН ЗАЯАНИ
ХУУШАН САГААН ЗАЯАЛГА,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
АЛЯАДААН ДАЙДАТНАЙ,
АЛТАН ТАЛЯАН ХОРИ,
МУЛЬТИНЭН ГАЗАРТНАЙ,

МҮНГЭН ТАЛЯАН ХОРИ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ЭСЭГЭЛЭНЭН ЭСЭГЭ,
ХОРЕОДОЙЛОН БААБАЙ,
ЭХЭЛЭНЭН ЭХЭ,
НОБЕО МҮНГЭН ХОНШОРТОЙ,
ХОТОГО МҮНГЭН ДАЛИТАЙ,
ГАН ХАЛЗАМА ХҮЗҮҮТЭЙ,
ГАХАЛЗАМА ДУУТАЙХАН,
ДАЯАНАЙ САГААН ШУБУУН,
ОГТТОРГОЕО НАЛХИНААР
УРИЛДАЖА БУУЛАЙ,
ОЛОН САГААН ШУЛУУЯА
БУТАРГАЖА БУУЛАЙ.
ТЭНГЭРЭЭ НАЛХИНААР
ТЭМСЭЛДЭЖЭ БУУЛАЙ,
ТҮМЭН САГААН ШУЛУУЯА
БУТАРГАЖА БУУЛАЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ХОСОРОНОН ЯБАДАЛ,
ХОЙТО ЕРЫН ЭЗЫНЭЭ
АЛДУУРАНАН ЯБАДАЛ,
АДХАГ ЕРЫН ЭЗЫНЭЭН
ХУРГАНИИТНАЙ ГОЕОЛОО,
ХОЛЬСОГ МҮНГЭН УГААБАР
ХОРЬБО ЗОСОО ЕБЭРЛЭЙ,
ХОЙТО ЕРЫН ЭЗЫ
ҮГОО ҮГЭЙ ОРХИЛОЙ.
АЛЬГАННААН ХОЙШО ЗУХАА,
АРААТА ГУУЛИ УГААБАР,
АРАГ ЗОСОО ЕБЭРЛЭЙ,
АДХАГ ЕРЫН ЭЗЫ
ҮГОО ҮГЭЙ ОРХИЛОЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ХАЛБАН ХҮЛТЭЙ АДУУНДАА
ХАРАГША ҮНЭЭН ХАЛАГ,
АМИТАН ЗОНХОИ ХОЕРТОО
ХОЙТО ЭЗЫ ХАЛАГ.
ДҮРБЭН ЗҮНЭНЭЙ МАЛДА
ДҮНЖЭН ҮНЭЭН ХАЛАГ,
АМИТАН ЗОНХОН ХОЕРТО
НУУЛИ ЭЗЫ ХАЛАГ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!

АДУУҮАН БАГСЫН ҮҮДЭНДЭ
АРБАН ДОЛОО ХОНОЛОЙБ,
АДХА БОЛХОГУЙ ХОХЕОРОО
ХОЛИЛДОЖО НААДАЛАЙБ.
ХОНИН БАГСЫН ҮҮДЭНДЭ
ХОРИН ДОЛОО ХОНОЛОЙБ,
ХОРМОЙ БОЛХО ХОТЕОРОО
ХОЛИЛДОЖО НААДАЛАЙБ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙБ!
АБАРАХА АБАГА,
АДУУШАЛАЖА ТАЛИГЛАЙ,
АРБАН СУДХЭР ЕРЭЛЭЙ,
АРЮУН ТОРГОН ПУЛААДАР
УЛААН ДЭЭШЭ ҺЭБИЛЭЙ,
ОРОЙ ТУЛАСА ҺЭБИЛЭЙ.
ХУХЭ ТОРГОН ПУЛААДАР
ХҮЛЭҺЭЭН ДЭЭШЭЭ ҺЭБЭЭЙ,
ХҮЗҮҮ ТУЛСАР ҺЭБЭЛЭЙ.
АРАЙ ХҮНГЭН ТЭРЭ БЭЛЭЙ.
АРАЙ СЭБЭР ТЭРЭ БЭЛЭЙ.
ШАРА ДАЛАЙН ЭРЬЕДЭ
ШАБАРДААН ШАРГАЛДАЙ,
ШАРАЙ ЗҮНЭН ХОЕРОО
ХУБИД ХАЛҮААН ШАРГАЛДАЙ,
ШАРА ЭРЭЭН МОГОЙДОО
СҮМҮҮЛЭЖЭ ХЭБТЭЛЭЙ.
ХАРА ДАЛАЙН ЭРЬЕДЭ
ХАШАГДАЖА ХЭБТЭЛЭЙ,
ХАРА ЭРЭЭН НЮДЭЭ
ХАРАН АНИН ХЭБТЭЛЭЙ,
ХАРА ЭРЭЭН МОГОЙДО
СҮМҮҮЛЭЖЭ ХЭБТЭЛЭЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙ,
ХУДАРАЙН ХОЙТО АМАНДА
ХОРИН ЗУЛАЯА ШАТААЖА,
ХОРИН ЗУЛАЯА ШАТААЖА,
ХУЛТААН ЕДОО БАРИЖА,
ХУДАРИЙН ДҮРБЭН ТҮБИИЕ
ХУХА НУГА НАЙГУУЛАЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙ!
АРАЛАЙ УРДА АМАНДА
АРБАН ЗУЛАЯА ШАТААЖА,
АРБАН ЗУЛАЯА ШАТААЖА,

АЛТАН ЕДОО БАРИЖА,
АРЛАЙ ДҮРБЭН ТҮБИИЕ
АМХА ХОМХО НАЙГУУЛАЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ТҮҮНИ НААНА БОЛХОДО,
БАЯИНЬ ХАРААД БУУХАДАА,
БАРГАЖАН ДЭЭРЭ БУУЛАЙ,
БААБАЙН ДОЛООН ХҮБҮҮНИ
ТИИРГЭН ДУНДА БУУЛАЙ.
БАБАЙН ДОЛООН ХҮБҮҮЕ
АРА ХОЙШОНЬ ҮЛДЭЭЛЭЙ,
АМАТАЙ БУУГААРАНЬ ҮЛДЭЛЭЙ.
АБАТАЙ ШЭЖЭТЭЙ ЛАБААРАА
ХЭНГЭРГЭЭРЭЭНЬ ҮЛДЭЭЛЭЙ.
ШЭХЭ ХОЙШОНЬ ҮЛДЭЭЛЭЙ,
ШЭХЭЭТЭЙ БУУГААРАНЬ ҮЛДЭЭЛЭЙ,
ШЭЖЭТЭЙ АБАТАЙ ЛАБААРАА
ХЭНГЭРГЭЭРЭНЬ ҮЛДЭЭЛЭЙ.
БУТАГАЙН ДОЛООН ХААЛЮУД
УНЖУУЛАААР ЕРЭЛЭЙ,
БАРЯЛАЙН ДОЛООН ХААЛЮУД
БОДХУУЛАААР ЕРЭЛЭЙ,
АДААН МАЛХАН ХОЕРЫНЬ
АМУУРАНДАА ЗАРАЛАЙ,
АЛЬБАН САГААН ҺҮНЭНЭЙНЬ
ЭРИЛГЭНДЭ ЗАРАЛАЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ГЭГЭЭ ЛАМАЙН ҮҮДЭНДЭ
ГЭШХҮҮРГЭТЭЭ ТУЛАЛАЙБ,
ГЭСЭР БОГДЫН ХОЙМОРТО
ҺОРЬБОТОО ТУЛАЛАЙБ.
ДАЛАЙ ЛАМАЙН ҮҮДЭНДЭ
ДАМЖУРГАТАЯ ТУЛАЛАЙБ,
ДАСАН БОГДЫН ХОЙМОРТО
ҺОРЬБОТОО ТУЛАЛАЙБ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙБ!
ОЧИР-ВАНЬ БУРХАНҺААН
УДХАЛГАЯ АБАЖА,
ГЭСЭР-ВАНЬ БУРХАНҺААН
ГЭРШЭЛГЭЭ АБАЖА
ОЙХОНОО ЕХЭ БААБАЙҺААН
УЛААН ТАМГАЯ ДАРУУЛЖА,
ОГТОРГО ООДОО ГАРАЖА,

ОДОН МҮШЭН БОЛОЖО,
“ЯЛАЙ” ГЭЛДЭН БАЙНА.
ТЭНГЭР ООДОО ГАРАЖА,
ТҮМЭ МҮШЭН БОЛОЖО,
“ЯЛАЙ” ГЭЛДЭН БАЙНА.
ТҮМЭН ЗОНДОО ГАРЖА,
ТЭГШЭ НАЙГУУР БОЛЖО,
“ГҮРБЭС” ГЭЛДЭН БАЙНА,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ИЛАГДААНАН ГАЗАРТАА
ИЛАХАЙ ТООДЭЙ ДУРДУУЛАА,
ИЛАХАЙ ТООДЭЙН УДХЫЕ
ИЛАХА ЮУМЭ ҮГЭЭ,
ТАБИН ТАБАН ТЭНГЭРИ,
ТААЛГАНЬААН УДХАТАЙ,
ТАБАН ХОЛОР ДОШОЕО
САХИЛГАНЬААН УДХАТАЙ.
БУЛИГДААНАН ГАЗАРТАА
БООРЭЙ БАБАЙ ДУРДУУЛАА,
БООРЭЙ БААБАЙН УДХЫЕ
БУЛИХА ЮУМЭ ҮГЭЭ.
ДУШЭН ТАБАН ТЭНГЭРИ,
ДҮРООЛЭНЭН УДХАТАЙ,
ДҮРБЭН ХОЛОР ДОШОЕО
САХАЛГАНАН УДХАТАЙ.
НАЙХАН ЕХЭ ЗАЯАН!
НАРА ТАБИН ГАРЫЙТА!
ЭНЭ ЕХЭ ЗАЯАН!
ЭЛЬГЭЭ ТАБИН ГАРЫЙТА!
НАРАНАН ГАЗАРТА
НАРА НОГООН УРГАГДАА,
ХООРЭЛЭН ГАЗАРТА
ХУХЭ НОГООН УРГАГДАА.
ТАБАН СЭЕ ЗАЯАН!
ТАХАЙН ГАЛАНАН ХҮРТЫЙТЭ!
ГҮРБАН СЭЕ ЗАЯАН!
ГУЛАМТЫН ГАЛАНАЛ ХҮРТЫЙТЭ!
ДҮРБЭН СЭЕ ЗАЯАН!
ДУЛЫН ГАЛАНАА ХҮРТЫЙТЭ!
ДҮҮРЭН БАЙНААН ГАЛИ
ДҮЛЭН ДЭЭГҮҮР ХҮРТЭГТЫ!
ДООЖЭ БАЙНААН ХАНГАЙНААН
ОХЕНААН ХҮРТЭГТЫ.

ШАТАЖА БАЙНААН ГАЛИ
ШАНАР ДЭЭГУР ХҮРТЭГТЫ!
ШАБАРТАЙ БАЯАН ХАНГАЙНААН
ОХЕНООН ХҮРТЭГТЫ!
ШАБААГҮЙ ТОГООГОО
ШАБУЛАНАН АБАГАЙ!
ШАНАР НЭРЭ ХОЕРОО
ДУРДУУЛАНАН АБАГАЙ!
НЭРЭЭГҮЙ ТОГООГОО
НЭРҮҮЛЭНЭН АБАГАЙ!
НЭРЭ СОЛО ХОЕРОО
ДУРДУУЛАНАН АБАГАЙ!
ҮЛГЭН ДЭЭРЭЭ ДУРДУУЛАНАН
СЭРГЭЙ НОЕН АБАГАЙ!
ҮНДЭР ДЭЭРЭЭ ДУРДУУЛАНАН
ДУРАЛАЙ НОЕН АБАГАЙ!
ХҮЛЭЭ ХУРДАНДА
ХОЙТО ГАЗАР ДҮЛИЛЭЙ,
ХОЕР АШЫН ХОЙНОО
ЗАХЯА ЗАХЯНААР БУУЛАЙ.
АДУУНАА ХУРДАНДА
АРА ХАЛХА ДҮЛИЛЭЙБ
ХОЕР ХУБУУНИ ХОЙНОО
АШАЛАНААР БУУЛАЙ.
ҮНДЭР ХҮХЭ МОДОНОЙ
ҮЗҮҮРЭЭРЭНЬ ДҮЛИЛЭЙ,
ҮҮЛЭН ХҮХЭ ТЭНГЭРИИН
ХИРХАГ БАРИН ДҮЛИЛЭЙ.
НАМТАР ХҮХЭ МОДОНОЙ
НАМААГАРАНЬ ДҮЛИЛЭЙ,
НАЛХАН ХҮХЭ ТЭНГЭРИИН
ХИРХАГ БАРИН ДҮЛИЛЭЙ.
СЛГАЙ ТАНАЙ САЙСА
САГААН ЗАЯАН БУУГАА,
ХУУЛИЙН ТАНАЙ САЙСА
ХУУШАН ЗАЯАН БУУГАА.
ГАБАРГНАЙ ЯБАДАЛ,
ГАНСА НЭГЭ ХҮҮРЭЙ
БУЗАРГНАЙ ЯБАДАЛ,
БУРТАГ НЭГЭ ХҮҮРЭЙ,
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯЛАЙ!
ХҮНДЭЙ БУУГАН ХҮРЮУЛЖЭ,
ХАНГАЙ ТОГООГОО ХАРИУЛХА.

ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙ!
УРИЛХАН ДУУТАЙ ШАНГИНУУР,
ОГТОРГОНООН ЯНГИНАА,
УРАЛ АМАН ХОЕРНИ
УНТУУЛХАЯА БОЛИЛОЙ.
ХЭЛХЭЙ ДУУТАЙ ШАНГИНУУР
ХЭЛЭННЭЭН ЯНГИНАА,
ХЭЛЭН АМАН ХОЕРНИ
ХЭБТУУЛХЭЭ БОЛИЛОЙ.
ОРОЙМ ХАРА ҮНЬЕ
ОБОЛЗОСО НАЙГУУЛАА,
ОШОН СОГААН ШҮДЫЕ
ШИШАНАСА НАЙГУУЛАА,
ТАРХИМ ХАРА ҮНЬЕ
ТАБХАЛЗАСА НАЙГУУЛАА,
ТАНГАЛАЙМ САГААН ШҮДЫЕ
ШИШАНАСА НАЙГУУЛАА.
ҮЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙ!
БОРЖИ МҮНГЭН ТОЛИМНИ
БУРХАН ТАНАААН БУУЛАЙ,
БУРУУ ЁРЫН ЭЗЫ
БОГОНОО ДОРОО ЗООЛОЙ,
ҮДЭРТОО ГУРБА АЛХАЛАЙ.
ЭРЖИ МҮНГЭН ТОЛИМНИ
ЭСЭГЭ МАЛААННААН БУУЛАЙ,
ЭНЭ ЁРЫН ЭЗЫ
ЭРХЭН ДОРОО ЗООЛОЙ,
ҮДЭРТЭ ГУРБА АЛХАЛАЙ.
ЭРШЭЛЭЭТЭЙ АРНАНДА
ЭНДЭЭ ШАНДАА ХҮРЭЛЭЙ,
ЭНЭ ЁРЫН ЭЗЫ
УРИДАА ШАРАДАА ХҮРЭДЭЙ.
МУШХАЛГАТАЙ АРНАНДА
МУНДАА ШАНДАА ХҮРЭЛЭЙ,
МУУХАН ЁРЫН ЭЗЫ
УРИДАА ШАРАДАА ХҮРЭЛЭЙ.
БОРО ХЭРМЭН ЗАЛААТАЙ,
БОДООТО НЭРЭ БУГААНДАЙ!
ШАРА ХЭРМЭН ЗАЛААТАЙ
ШАНДАА НЭРЭ ШАРГАЛДАЙ!
САГААШАЯА САГААНДА
САГААЛАЖА ГАРЫЙТА!
САГААН БУДААН ХОЕРООРОО

ТАРСАЛАЖА ГАРЫЙТА!
ДОЛООН УУЛАЙН САНААА
ДУУЛААААР ЕРЭБЭ,
ДОЙБЭД ХЭЭТЭЙ ПУЛААДААР
НЭБЭЛГЭЭ ТАНИБА.
НАЙМАН УУЛАЙН САНАААН
НАЙГУУЛААААР ЕРЭБЭ,
НАРАН ХЭЭТЭЙ ПУЛАДААР
НЭБЭЛГЭЭ ТАНИБА.
ОЛЬХОНОЙ ДЕРЕВНИН
ОНЬЕ ХАНЬЯ НАЙГУУЛАА,
ОГОО УТА ТҮРМЭЙЭ
ДУНГИНАСА НАЙГУУЛАА.
ЯХАДАЙ ДОЛООН ГОРОДТО
ЯНГИНАСА НАЙГУУЛАА,
ЯНХАЛХАН УТА ТҮРМЭЙЭ
ДУНГИНАСА НАЙГУУЛАА.
АНГАРАА БАРУУГААР
АТАЛЛААР БУУЛАЙ,
АРЬБИН ДАЛАН ХОЕРОО
ТАТУЛААААР БУУЛАЙ.
АЛАГШИИН ЕХЭЭ ХАРАЖА
АЛАЙР ДЭЭРЭ БУУЛАЙ,
АЛТАН ШАРА НАРАНАА
ТУЯА БАРИН БУУЛАЙ.
ТЭГШИИН ЕХЭЭ ХАРАЖАА
ТУНХЭН ДЭЭРЭ БУУЛАЙ,
ТҮРГЭН ШАРА НАРАНАЙ
ТУЯА БАРИН БУУЛАЙ.
ШАБАРАЙ ТОЛГОЙ УЯН
ШАБАР ҮГЭЙ ГЭЛҮҮХЭН,
ШАСАН ШАРА ЗУЛА
ҮНИ ҮГЭЙ ГЭЛҮҮХЭН.
БУЛАГАТ ОРОЙН УЯН
БУЛАНХАЙР ҮГЭЙ ГЭЛҮҮХЭН,
БУРХАНАЙ ШАРА ЗУЛА
ҮНИН ҮГЭЙ ГЭЛҮҮХЭН.
ҮДЭЙН ХОТОЙН СУУЛГАНДА
ХОНОЛГОЕО ТАНИЛАЙБ,
ХОЛБОО САГДАН ШУЛУУГААР
БАРИСАЯА ТАНИЛАЙБ.
СААДА БЭЭНЭЭН УДХАТАЙ,
САЙТА НОЕН АБАГАЙ,

УРДА БЭЕНЭЭН УДХАТАЙ,
ОЧИР-ВАНЬ БУРХАНЬААН,
УРДА БЭЕЭН ХЭРЭНСЭЭ
УНАГАН ДААГАН ХОЕРОЙ,
УРИЛДАМА ХЭРНСЭЭ.
МАЛГАЙ ҮГЭЙ ОРХИЛОЙ,
МАНАН ЗОСОО ЯРГАЛАЙ,
МАНСАР ТОРГОН ПУЛААДААР
МАЛГАЙЛААН АБАГАЙ.
ТОЛГОЙ ҮГЭЙ ОРХИЛОЙ,
ТОНОН СОО ЯРГАЛАЙ,
ТУРАЙН СООХОР ПУЛААДААР
ТОЛГОЙЛОН АБАГАЙ.
ХОРИГДОХОЕО БОЛИОН,
ХОРИЙН ХОЕР ГЭЛҮҮЛЛЭЙ,
ХОРИН ТҮМЭН ЗОНДОО
НАЙГУУР БОЛЖО ТАРАЛАЙ.
ДАЛАЙН ХОЕР ГЭЛҮҮЛЭЙ,
ДАРАГДАХАЯ БОЛИЛОЙ,
ДАЛАН ТҮМЭН ЗОНДОО
НАЙГУУР БОЛЖО ТАРАЛАЙ.
САГААН МҮРЭН ДАЛАЙЕ
САГААН МҮНГООР ДУГИЙЛЛАЙ,
УАН МҮРЭН ДАЛАЙЕ
УЛАА МҮНГООР ДУГИЙЛЛАЙ.
НАЙМАН ТЭНЭЭН УДХАТАЙ,
НАРА ГАРАМА УДХАТАЙ,
ДҮРБЭН ТЭНЭЭН УДХАТАЙ,
ДҮЛЭ ГАРАМА УДХАТАЙ.
УЛИГЭР ТАНАЙ ЯАЛАЙ!
НАЙГУУРШАНАА УРАЙГУУР
НАЙМАН УЛААН ТАГША,
НАЙМАН ХУУХАЙ БАСАГАН
ШЭМХЭЭНЭНДЭЭ ЗОХЁО.
ДОЛООН УЛААН ТАГША
ДУХАРАЙШАНДАА ЗОХИРОО.
ДОЛООН ХУУХАЙ БАСАГАН
ДУУЛАНШАНДА ЗОХИРОО.

(там же, л. 13 - 35)

Из этих заклинаний видно, что “Хориин хоер” были реально жившими в Хоринской земле девушками-сиротами, отраженная в тексте призываний история их страданий и преследований со стороны жестокой мачехи, а также изгнавших их с родины местных властей и

преследовавших за исполнение шаманских ритуалов буддийских лам была когда-то широко известна. С.П.Балдаев донес до нас их реальную историю, происшедшую в начале XIX века в Нижне-Худунском улусе Кижингинского района. Вот она.

“Жили здесь двоюродные сестры Дорноевы. Матери умерли от эпидемии. Злые мачехи истязали девушек. Когда случилась эпидемия тифа, девушки ходили в бреду по улусу и камлали. Ламы запретили им шаманить. Их посадили в каталажку при Хоринской степной думе. Девушки умерли и похоронены по шаманскому обычаю в местности Хурэгтэ. Сводная сестра их тоже заболела тифом. Она устроила найгуур в улусе, собрала молодежь, ходили, излагая в песнопениях тяжёлую долю умерших сестер. Её тоже посадили в каталажку, где она продолжала камлать. Тогда её сослали в Прибайкалье. По дороге в ссылку она, проезжая через Тунку, устроила там найгуур, её отправили в Аларь, где девушка опять устроила найгуур. Аларские ламы и пойоны запретили ей исполнять свои песнопения, но она не послушалась. Тогда ламы схватили её и утопили в р. Аларь.”

“Найгуур, как определенный психоз, распространился по всей западной Бурятии, затем проник в Забайкалье”, пишет этнограф в своих “Очерках по религиозным воззрениям бурятского народа”, написанных в 1947 году. (Балдаев, рук. № 3514, л.26).

Историю хоринских заянок распевали по всей Бурятии. В 1970 году несколько видоизменённый её вариант был записан студентом В.Г.Ширабоном, участвовавшим в фольклорно-этнографической экспедиции БИОН (рук. № 3244, л.7). Здесь говорится:

“Злая мачеха девушек перешагивала через доставшийся им от предков угоёо - шаманский посох, необходимый для онгоо оруулха (впускание духа И.У.) - вхождения в экстаз, и забила их насмерть, втоптав в грязь за улусом. Духи умерших сирот обратились к тарасинским старикам - было пять добрых духов тарсайн убгэд, покровительствующих местности Тараса. Девушки обратились к ним, ища жилища и совета. Те отправили их к Эсэгэ Малаан Тэнгэри (25), которому сироты и рассказали о своих страданиях. Великий бог сказал:

Ваши страдания исходили от злой мачехи, но вам не помогли все окружающие люди, и поэтому вы должны просить и требовать коллективного признания и молебствия вашим духам” (подч. мною - И.У.).

С тех пор духи девушек опускаются, и в том месте начинается коллективный психоз: кто-нибудь падает без сознания под ударом духа и ближайших соседей этот удар касается в какой-то степени, что служит сигналом к началу найгуура - коллективного молебствия, продолжавшегося в течение 9 дней”

По-видимому, найгуур был коллективной формой покаяния и очищения. Но дело не только в этом. Ведь девушки были потомствен-

ными шаманками, обладавшими священными атрибутами, и, судя по всему, имели немалый шаманский ранг, коли умели *онгоо оруудха*, то есть впускать в себя онгонов - входить в транс, на что способны лишь шаманы достаточно высокого посвящения и личной силы. Их сила возросла к тому же после их смерти - в силу оккультных законов, и они стали заяанами.

В качестве *заяанов* им присуща та общая мистическая символика, которая восходит к древнему тэнгрианскому мировоззрению кочевников. В заклинаниях “Хориин хоер басаган” упоминается “*арбан гурбан заяяни аха сагаан заяалга*” - “высшее белое творение тринадцати заяанов”, *хорин гурбан заяяни хуушан сагаан заяалга*” - “старинное белое творение двадцати трёх заяанов” Упоминаемые в этом призывании числа 13 и 23 указывают как раз на общую природу *заяанов*, восходящую к *хадам* - сыновьям *тэнгриев* и к самим *тэнгриям*. Тэнгри и хады подразделяются бурят-монголами на две группы - *зууни* (восточные) и *барууни* (западные). В текстах призываний упоминаются часто 13 западных божеств-покровителей бурят и 23 - восточных. Так, например, у кабанских бурят во время молебствия божествам *Хуйтэн* - хозяевам вод, рек и морей было принято, по данным другого участника фольклорно-этнографической экспедиции 1970 года С.М.Бабушкина, записанным им от информатора И.П.Васильева (р. в 1887 г.), для *барууни 13 богов* наливать в блюдце по 5 капель ритуального алкогольного напитка, а для *зууни 23 божеств* по 9 капель (Бабушкин, рук. 3244, л. 85). И то, что во время *найгуура*, посвященного конкретным заяанам, буряты вспоминают о группах 13 и 23 заяанов, а также о линиях мистической преемственности - *удха*, восходящих к эзотерически значимым для монгольского мира *восьми/четырем* сторонам света, что называются другие эзотерические приметы культа *заяанов* - восходящая к *тэнгриям* их сила светлых (*сэгээ/сэе*) *хранителей*, их мистическая связь с божеством *Очирвани* (*Ваджрапани*) (26), с *Гэсэр-ханом*, почитаемым народами Центральной Азии в качестве *сына Неба*, *восхождение заяанов* на небо и др., - всё это свидетельствует об эзотерическом полисемантизме и древних мировоззренческих корнях бурят-монгольского культа заяанов.

О *заяанах* кабанские буряты говорили, что “это большие божества, которые разделяются на южных и северных”(27) и что “трудно найти человека, который мог бы выполнить обряд молебствия обоим заяанам”(Бабушкин, рук.№ 3244). С.М.Бабушкин записал текст призывания южным заяанам :

АБГАЙН АРСИ

ДОЛООН ХУШУУ ДУРДУУЛААН,
ДУРЛАЙ НОЕН АБГАЙ,
ҮНДЭР ДЭЭРЭЭ
СЕРГЕЙ НОЕН АБГАЙ,
ДАЙДА ДЭЭРЭЭ
ДУРЛАЙ НОЕН АБГАЙ,
БУЛИГТААН ГАЗАРТАА
БОРОЙ НОЕН БААБАЙ!
БОРОЙ НОЕН БААБАЙН УДХАНЬ
БАНУУНИ ТАБИН ТАБАН ТЭНДИР,
ИЛАГДААН ГАЗАРТА
ИЛХАЙ ТООДЭЙ,
ИЛХАЙ ТООДЭЙНЬ УДХАНЬ
ЗҮҮНИ ДҮШЭН ДҮРБЭН ТЭНДИР

*

ХУУХЭН ЗАЯАН,
ДАЛАЙ ДЭЭГУУР ДУЛЕЭ,
ДАЛИТАЙ БУРХАН,
ДАЙДА ДЭЭГУУР ДУЛЕЭ,
ГУШИН ГУРБАН ДАСАНДА
ЗУЛТА БУРХАН ДУРДУУЛАА.
ДАЛАЙ ЛАМАЙН ҮҮДЭНДЭ
ДАМЖУУРТАЯА ТУЛАА,
ДАНЖИР ЛАМАЙН ҮҮДЭНДЭ
БОРЬБОТОЁО ТУЛАА.
ТЭНДИРТЭ ГАРАЖА
ТЭРМЭ МҮШЭН БОЛОО,
ОГТОРГОДО ГАРАЖА
ОДО МҮШЭН БОЛОО.
АНГАРАЙ АМАНДА ГАРАЖА
АРБАН ДОЛОО ХОНОО,
ТУНХЭН ДЭЭРЭЭ ГАРАЖА
ТҮМЭН ЗОЁО НАЙГУУЛАА,
ИРХУУ ДЭЭРЭЭ ГАРАЖА
ИРХУУЕ ЭЖЭНЭЭР
АЛТАН ТАМГА ДАРУУЛАА,
АЛАЙР ДЭЭРЭЭ ГАРАЖА
АДУУНАЙ ТООЛЭЙ БАРЯА.
ТЭНДЭ БАЙХАДАА

**ТАРСАЙН УБГЭДООР
ҮГЭЁО ОЛОН БАЙГАА.
ТАРСАЙН ТАБАН БООЛИНГУУД
УРГЭ ҮГЭЙ ШАРГААРЛА
УНГЭЙН ДАЙДА ЭРГЭБЭ,
ГАСУУ ҮГЭЙ ШАРГААРАА
ГАЗАР ДЭЛХЭЙ ЭРГЭБЭ (28)**

(там же, л. 92-94)

В переводе:

Призывавший семь хушуу
Дурлай ноен абгай!
Восседающий высоко
Сергей ноен абгай!
Пребывающий на своей земле
Дурлай ноен абгай!
Пребывающий в местности,
где утопили безвинных,
Высокий старец Борой,
Источник силы старца Бороя -
Западные пятьдесят пять тэнгэри.
В местности, что стала местом страданий,
Пребывает бабушка Илхай.
Источник её силы -
Восточные сорок чегыре тэнгэри.

* *

Прекрасный заяан!
Ветрами освяти море!
Крылатое божество!
Освяти своим дыханием землю!
В тридцати трех буддийских храмах
Зажжены лампады,
Вознесены молитвы божествам.
У дверей Далая ламы на ступенях пребывали,
У дверей Дапжир-ламы
С посохом стояли.
На небо поднявшись,
Звездами засияли,
В космос взлетев,
Звездное небо собой украсили.
В устье Ангары появившись,
Семнадцать суток провели,
В Тунке появившись,

Тысячу людей повели за собой -
В мистерию найгуура,
В иркутской земле от духа-эжина
Золотую печать получили,
В Алари вас встретили с высшим почетом -
Тоолэй поднесли от коня,
В странствиях тех
Обрели вы с помощью тарасинских старцев
То, что не дали вам в жизни.
Пять святых тарасинских старцев
На безмолвных своих ездовых
Объезжают Унгилскую долину,
На повозках своих без коней
Проверяют мир - нашу землю.
В действительности, видимо, буряты подразделяли заяанов не на южных и северных, а на восточных и западных. В рукописных материалах К.Хадахнэ встречаются призывания именно восточных заяанов - ЗУУНЕШИ:

**“ЗУУНЭЭ ДУШЭН ДҮРБЭН ТЭНГЭРИ!
АХАЛХА ЕХЭ ТЭНГЭРИ!
АТАА УЛААН ТЭНГРИНЭЭН
АТХАРАЖИ БУУҺААН,
ИЛААҺАН БИТЭ ИИБИИНАЖИ,
ХОРХОЙ БИТЭ ХУБИНАЖИ,
ҮРГЭН ГОЛООР ДҮҮРСЭ
ҮҮЛЭ МАНА ТАТАЖИ,
НАРИН ГОЛООР ДҮҮРСЭ
ШАРА МАНА ТАТАЖИ БУУҺААН,
ШАРАБЛИ ГУРБАН ХААДУТ,
ШИМЭН ХААДУТ,
ЯБАГАН ХААДУТ,
АБАЙ ГЭСЭР БОГДОТОЙ
АТА МЫЖИ БУЛЯАЛДАЖИ,
АСА МОДО ХАХАЛАЛДАЖИ БАЙҺАН,
ДАБИРХАЙ ЙЕХЭ ИДЕЕТЭН,
ДАГДАГАЙ ЙЕХЭ ТОГООТОН,
ОРОЙ ҮБЭЙ МАЛГАТАЙ,
УЛА ҮБЭЙ ШАРШИТАЙ,
БАЙҺАН МОДОНДО
БАЛА БЭШЭГ ЗУРАЛДАЖИ,
ХЕБТЕҺЕН ШУЛУУНДА
ХЭЭ БЭШЭГ ЗУРАЛДАЖИ,
ҺҮЛ ҮБЭЙ МОРИТОН,**

ҺҮҮДЭР ҮБЭЙ БЭЙЕТЭН,
СЭЭЖЭДЭ НОЛМОДОҺОТОН,
СЭЛГЭЭДЭЭ ХАНЯАДҺАТАН,
БУРГААҺАНИ ҮЗҮҮРҺАА
БОРО МАНА ТАТАЖИ,
ХАРГААҺАНИ ҮЗҮҮРҺАА
ШАРА МАНА ТАТАЖИ,
ҮНДЭР ГОЛИ ООГХОДО,
ИЛЕ ҮБЭЙЕР,
НАРИН ГОЛИ УРУДХАДАА,
НАМША БИТЭ ХИИДХЭДЭЭ,
НААДА БИИГЭР
ХҮШЭЭ ХҮЗҮҮНДЭ АБАГТҮЙ,
БЭРХЭЙЭЭ БЭЕДЭЭ АБАГТҮЙ,
СЭЭЖЭДЭЭ НОЛМОДҺОТОЙ,
СЭЛГЭЭДЭЭ ХАНЯАДҺАТАЙ ҮБҮГЭД !”

В переводе:

Восточные сорок четыре тэнгэри!
Верховные великие тэнгэри!
От Атаа Улаан тэнгэри
Пролившиеся вниз,
Будто туча мошки надвинулась,
Извиваясь, словно черви,
Наполнив широкою долину
Облаками и туманом,
Наполнив узкую долину желтым туманом,
Спустившиеся на землю
Шараблинские три хада,
Плодовитые хады,
Вездесущие хады,
С Богдо Абай Гэсэром
В споре состязавшиеся,
Развилину дерева разорвавшие,
На голове у вас шапки без верха,
Обуты вы в обувь без подошв,
От вас - письмена-зарубки на дереве,
От вас - письмена-руны на камне,
Всадники на бесхвостых лошадях,
Ваши тела не оставляют тени,
Простуженную грудь вашу
Раздирает кашель (29),
Притягивающие серый туман
От корней низких кустарников,

Поднимаете желтый туман
От корней харгаиы,
Летящие, словно листья,
По этой стороне,
Возьмите силу в основание шеи,
Заберите в тело
Искусство и Знание,
Простуженные,
Охрипшие от кашля,
Старцы!

(Хадахнэ, рук.№ 121-122, л. 42)

Речь идет то о северных и южных заяанах, то о восточных и западных заяанах, но на самом деле - об одних и тех же группах заяанов. Дело в том, что разные переводчики переводят одни и те же термины - "хойто" и "урда" по-разному, так как исторически они выражали как южную, так и восточную ориентировку по направлениям света:

"за исторически обозримое время у монгольских народов трижды переосмысливалось понимание направлений стран света, напрямую зависящее от способа ориентировки: восточная ориентировка была сменена на юго-восточную, а та, в свою очередь, на южную." (Михайлов, 1996, с. 106).

Приведенное призывание содержит явные признаки тэнгрианской философии центрально-азиатских шаманистов. Из него видно, что культ заяанов непосредственно связан с культом *тэнгэри* - *неба*, являющегося источником высших творческих сил и особых способностей *бэрхэ*.

В то же время древнее абстрактное знание о покровительстве *Неба-Тэнгэри*, которое может реализоваться через посредничество *заяанов* - людей, вознесшихся на небо и получивших особые полномочия от *Тэнгэри*, выражалось в конкретных культах мучеников за древнюю веру. В текстах призываний содержатся прямые указания на исторические обстоятельства гонений на шаманизм со стороны властей и буддийской церкви. Так, в одном из вариантов заклинаний хоринских заяанок встречаются строчки:

**“ДАСАНТАЙХИ ЛАБАДА
ДАБХАР СААШИИН УНШУУЛАА,
ДАЛЬТАЙ ЗАЯАН ГЭЛУУЛЭБ.
ДАСАНТАЙХИ ЛАБАНЬ
ДАСАН ДЭРЭЭНЭЭН ШИЛЬЖЕРХЭ”**

(Хаптаев, рук.№ 421, л.4)

В переводе:

“Велели буддийским ламам

Снова читать молитвы.

Назвали меня летающим заяаном.

Лама, что читает те мантры,

Низринут будет из храма”

Речь здесь идет о том, что забайкальские буддийские ламы изгоняли заяанов с родины, читая тантрические тексты, то есть с помощью тайных знаний. Говорится в заяанских призываниях о том, что изгнанные заяаны оттесняются к берегам “желтого и черного морей”, в край страшных змей, что они странствуют по прибайкальским землям и везде поднимают найгуур. Кстати сказать, весьма примечательным моментом, который можно выделить в заяанских заклинаниях, является то, что несмотря на репрессии, которым заяаны подверглись при помощи буддийских лам, в этих текстах, воспевающих *удха* и историю страданий заяанов, не подвергается критике и отрицанию буддизм в принципе. Более того, буддийские божества упоминаются среди тех высших сил, к которым восходят заяанские *удха*, то есть они участвуют в мистическом посвящении мучеников веры в заяаны. Это кажется парадоксом, если не понимать глубинную суть древнего тэнгрианства и буддизма. Но об этом речь пойдет намного ниже.

Кроме хоринских заяанок была в прошлом очень популярна также Балаганская бабушка - *Ехэ Заяан*, - очень длинный текст её призывания приводится в рукописных материалах К.Хадахнэ (см.: Хадахнэ, рук. № 121-122, л. 26-42). Кабаинские буряты, судя по материалам С.М.Бабушкина, помнят о *заяанай тоодэй* - великой женщине, которую семейские хотели утопить в проруби, но она ушла в подводное царство.

Были и заяанки, при жизни являвшиеся обычными женщинами, - но они пережили женскую трагедию. Дело в том, что со времени организации степных контор (в сер. XVIII в.) и главным образом степных дум (по закону 1822 года), бурят-монгольская женщина совершенно утратила свои гражданские права, в то время как прежде она обладала ими наравне с мужчинами (См.: Балдаев, рук. 3514, л.32). Отсюда - многие личные трагедии молодых женщин, насильно выданных замуж или оказавшихся в несчастливом браке. После смерти эти несчастные становились заяанками. Правда, существенно, что, как правило, они обладали шаманским *удха*. Иначе говоря, эти страдалницы становились заяанками тоже в силу того, что было попорано их шаманское достоинство, их *удха*, - как и в случае с мучениками за веру.

Например, в 1860 г. в улусе Усть-Хамхар жил бурят Мирон Башонов - богатый и родовой староста. После смерти первой жены он женился на девушке, предки которой были шаманами. Звали её *хумэ*. Молодая жена полюбила батрака и сбежала с любимым от постылого мужа в лес. Нанятые мужем русские ссыльно-поселенцы нашли и прикончили их. После смерти она сделалась заяанкой. Народ устраивал

найгуур в течение трех лет, поставив её на второе место после хоринских девушек. (См.: там же, л. 28).

В союзе бурятских заяанок есть также Улейская бабушка. Это была женщина из шаманского рода Онгоева, которую выдали против её воли замуж в Нельхай. Она, будучи беременной, убежала от мужа зимой, в январские морозы, не выдержав мучений, которым он подвергал её - держал в колодках, - родила по дороге и замерзла с младенцем (там же, л. 30). После смерти она тоже стала заяанкой.

Феномен заяанов основан, очевидно, на пеком мистико-магическом механизме, заложенном в самой древней традиции бурят - в силу существования этого же механизма всякий, кто наносит вред или любой энергетический удар человеку, имеющему шаманское происхождение, бывает обязательно наказан, - удар непременно возвращается бумерангом, будучи усиленным. Этот загадочный механизм, благодаря которому соблюдается высшая справедливость, связан с действием общих оккультных закономерностей, в силу которых те, кто пострадал в *этом* мире, обретают особую силу, перейдя в *тонкий* план существования.

Чтобы понять мистическую основу культа заяанов, надо обратить внимание на архетип заяана, а не на конкретные исторические детали появления заяана. А архетип заяана несет в себе прежде всего такую характеристику: нельзя убить того, кто является заяаной хун - обладает заяа (31).

В этом качестве - наделенные заяа - люди, обладающие высшей силой и уда, являлись неподвластными смерти, и после физического ухода из *этого* мира продолжали выполнять свою миссию в нем, поднимая людей на коллективные мистерии, помогая их очищению и преодолению повседневной ограниченности. Особенно показательно, что найгуур устраивали в бурятских улусах во время эпидемий - перед лицом Смерти. Это был способ её преодоления.

Другой известной формой коллективного транса у бурят-монголов была забытая ныне совсем мистерия шуумар. О том, что это религиозное действие было сродни заяанским мистериям, свидетельствует то, что среди заяанских заклинаний встречается "Призывание заяана Шуумар" Этнографический архив бурятских исследователей сохранил предания о Шуумаре как о древнем истоке шаманства. Так, И.Б.Балданжанов записал в 1962 г. от семидесятилетнего Ш.Л.Цыдыпова в селе Жемчуг Тункинского района предание о Шуумар:

"В древности были Шуумар и шуумарнуд - люди, ходившие днем и ночью с песнопениями. Они рубили друг друга топорами, дрались дубинками, но тем не менее не умирали от этого. От шуумарнуд произошли боо - шаманы.

...Мой предок Цыден был участником Шуумара, однако не стал боо.

Были различные песни Шуумара, существовали определенные танцевальные правила. В прежние времена танцы исполнялись ночью: люди брались за руки вокруг костра, образуя как бы юрту. Начинали песню с того, что славили Юрту - гэрээ магтааха:

**“НАЙМАН ХАНАТАЙ ГЭРНАЙ!
НАРАН МҮНХЭ БАЙХА БОЛТУГАЙ!
НАРА ГАРАХА ЗҮГЪООННАЙ
НАЙМАН ҮНГЫН ШУБУУН
ДУУГАРАЖА БОЛТУГАЙ!
НАЙМАН ҮЕЕМНАЙ ХҮҮХЭД
НААНДАА ЖАРГАЛАН МҮНХЭ
БОЛОЖО БАЙГ!
АШАЯА ТАНИШАГҮЙ
ҮНЭР БОЛОЖО БАЙГ!
АДУУГАА ТАНИШАГҮЙ
БАЯН БОЛОЖО БАЙГ!”**

(рук. № 31116, л.33)

В переводе это звучит так:

“Восьмистенная наша Юрта!

Да вечно пребудет солнце!

Восьмицветная Птица

Да поет свою песню

Со стороны, где восходит солнце!

Восемь поколений детей наших

Счастливо проживая жизнь,

Да обретут Вечность!

Да умножится наше потомство -

Так что внуков своих не узнаем,

Да богатыми станут потомки -

Так что скот свой не опознают!”

Когда в бурятском улусе появлялись шуумарнуд, все, побросав свои занятия, присоединялись к ним (там же, л. 48). Судя по тому, что тункинский информатор показывал участникам экспедиции хадак (32), сохранявшийся в его семье в течение многих поколений и связанный с участием предков в мистерии Шуумар, последняя является, по видимому, более древней формой коллективного экстаза бурят-монголов, нежели найгуур XIX начала XX века. Косвенным подтверждением древности Шуумара служит упоминание в тэнгрианской мифологии, в частности, в Гэсэриаде, Эржэн-Шуумар батора, сына западного тэнгрия Сайр Сагаан тэнгэри. Однако не исключена и такая версия, что Шуумар является не древней мистерией, а найгууром, по-

священным конкретному заяану *Шуумару*. Ведь приводит же К.Хадахнэ “Призывание заяана Шуумара”(Хадахнэ, рук. 121-122, л. 62-63).

Но в любом случае бурятские мистерии - и *шуумар*, и *найгуур*, по какому бы конкретному поводу - того или иного заяана - они ни устраивались, имели некий архетипический смысл, восходящий к *небесной* по происхождению способности “*заяа*” Не случайно во всех заяанских заклинаниях рефреном проходит выражение “*буулай*”, то есть “сошел сверху - с неба” И хотя история конкретных заяанов была связана с разными местностями, места, где происходит сошествие свыше нового заяана, это, как правило, особые места. Таким совершенно уникальным местом, судя по шаманским заклинаниям, является Ольхон, где на землю впервые сошли многие сыновья тэнгриев, ставшие божествами-покровителями бурят-монголов, а также заяаны.

Роль тэнгрианского Знания в сотворении мира наших предков была определяющей, с ним были связаны сами критерии существования *реальности урайн*. До сих пор бурятские старики говорят: “*Ёһо мэдэхэгуй хундэ ёро хуртэхэгуй*” Это понимают обычно так: “Того, кто не знает законов, не коснется беда”, имея в виду, что если человек не выполнил какой-нибудь необходимый ритуал по неведению, например, проезжая мимо святого места, не знал о его существовании и о том, что положено делать в таких случаях, то его не накажут те, кого он невольно обделил своим вниманием и уважением. Но, как говорят сами буряты, последствия неправильного поведения всё равно скажутся так или иначе - независимо от того, *знает* человек или *не знает*.

Приведенное бурятское выражение можно передать с более глубоким и более точным, как мне представляется, смыслом: “Того, кто не посвящен в Традицию, минуют плохие знамения” Тем самым древний афоризм констатирует относительность шаманской реальности бурят-монголов - мира *урайн*. Но это не означает, что эта реальность является чисто субъективной - в том смысле, в каком о субъективной реальности говорится в психологии. “Относительно реальная” другая реальность реальность *урайн* бурят-монголов заставляет людей, судя по многочисленным архивным данным, считаться с собой. Так, например, когда в 1971 году туристы увезли каменное изображение Шаргая ноена (33), около Тор машина перевернулась, и они сгорели вместе с машиной (см.: Галданова, рук. № 2265, л. 88). Поэтому рассматриваемое бурятское выражение следует понимать в том смысле, что для человека, не обладающего *Знанием*, не *посвященного* в древнюю традицию, традиционная реальность и связанная с ней символика существуют за пределами того интервала существования, в котором они живут. Мир такого типа людей непроницаем для восприятия

другой реальности, хотя последняя так или иначе проявляется в этом мире.

Здесь мы вплотную приближаемся к осознанию проблематичности существования так называемой объективной реальности и очень важного положения: **то, как существует для человека реальность**, зависит от возможностей мировосприятия, которыми располагает человек. А возможности эти неодинаковы у людей — они варьируются у разных индивидов, представителей разных эпох и народов. Ещё в прошлом веке Макс Мюллер, редактор книги “Священные книги Востока” (1887), заметил, что люди две тысячи лет назад были почти такими же дальтониками, как почти все животные сейчас. Ксенофонт, по его мнению, различал только три цвета радуги — пурпурный, красный и желтый, и даже Аристотель говорит только о трехцветной радуге, а Демокрит знал не более чем четыре цвета — черный, белый, красный и желтый (см.: Уилсон, 1994, с. 10).

Новейшие исследования в области цветовосприятия представителей разных культур установили, что существуют выраженные особенности восприятия цвета в зависимости от этнокультурной принадлежности. В частности, только у северных народов присутствует в языке такое большое количество терминов для обозначения оттенков белого цвета (см.: Этнопсихопсихиатрия, 1987)

Современный исследователь оккультизма К. Уилсон называет потенциальную способность сознания, являющуюся скрытой в человеке “возможностью выходить за границы настоящего”, которая и является ключом ко всему поэтическому и мистическому опыту, “Способностью X” *“Она является возможностью схватывать реальность и объединяет две половинки человеческого мышления: сознательное и бессознательное”* (Уилсон, с. 21). Эта способность лежит на конце фиолетового спектра — ведь сознание можно рассматривать как определенный интервал вибраций.

Бурятские шаманы прошлого, как и вообще адепты тайного знания, обладают этой “Способностью X”, благодаря которой имеют возможность соприкосновения с реальностью без занавеса повседневных условностей. Шаман, адепт, маг — это, по выражению Уилсона, фундаментальный человеческий прототип: он символизирует “эволюционирующую человеческую судьбу” (Там же, с. 69). Но современные люди потеряли, как справедливо замечает он, **отношение** к тому, что делало магию шаманов эффективной — то, благодаря чему египетский жрец, произнеся “слова власти”, мог заставить часть воды подняться над верхом другой части, чтобы найти заколку для волос на дне озера, как это описано Уоллесом Бадгом, автором книг “Египетская религия” и “Египетская магия”. (См.: там же).

Что касается бурят-монголов, то они ещё два-три поколения тому назад сохраняли то, что потомки древних египтян, вавилонян, халдеев и других обладателей Знания утратили много веков назад. Чудеса, подобные описанному Уоллесом Бадгом египетскому эффекту - когда маги разделяли русло реки, - и многие другие были под силу бурят-монгольским шаманам недавнего прошлого. В Закамье, например, два-три поколения назад был Нолхой-заарин, который умел превращаться в собаку, хайнака (34), исчезал и снова материализовался в человеческом облике (Галданова, рук. № 2265, л. 133). Бурятские шаманы, играя на своем хууре, могли узнавать чужие мысли. Например, таким даром обладала шаманка Шоодаи Гананова в Курумкане (см.: Тугутов, рук. № 2004(2), л. 377), а уроженец Улона Могдой Ширхонович Кондаков (ум. в 1961 г.), не будучи ни шаманом, ни ламой, тоже умел читать чужие мысли. Он знал обо всём, что происходило с человеком, будто был вместе с ним при этом (там же). Сохранились предания о знаменитой шаманке, уроженке улуса Хаидала, вышедшей замуж в род Балтай, в честь которой был назван Шаманский камень на р. Ангара предание о ней, не приводя её по имени, описано М.Н. Хаигаловым, и о ней же записал рассказ И.Е. Тугутов. Вот эта быль:

“Иркутский губернатор решил устроить проверку шаманских способностей бурятских и эвенкийских шаманов и шаманок. В Иркутск поехали многие, в том числе кударинская шаманка Гулда, эвенкийский шаман и силач Хаишхай-Бухэ из Балтайского рода. У порога Ангары собрались 9 шаманов. Гулда говорит:

- Если хотите доказать шаманскую силу, то камляя у порога, мы должны скалу Улан хада выдуть так, чтобы она очутилась на улице - “Порог Улан Хадые уусэ гарсаран таримдаха” Кто сумеет это сделать, тот докажет свою силу.

Никто не смог это сделать, кроме неё. В завершение она подула и изо рта её появился Шаманский камень.

Ещё когда Гулда выезжала в Иркутск, то она распоролa свой живот и, вынув оттуда трехмесячного ребенка, завернула хадаком и зарыла в пепел очага - гуламта, а сверху опрокинула котел.

В Иркутск с ней поехали тунгусский шаман Найтын хубуун Хан-Цахация и балтайский силач.

Во время испытания, проходившего в помещении иркутского цирка, им было предложено двенадцатью клинками проткнуть себя. Гулда, пропикнув себя насквозь, почувствовала, что какой-то колдун задержал клинок, ухватившись за конец. Она попросила тунгуса выяснить, кто это. Оказалось, что за конец клинка ухватилась змея. Шаман превратился в орла, и орел унес змею на улицу. Тогда Гулда смогла вытащить клинок.

В другой раз их троих заперли в тюрьму. Они ушли оттуда через соломинку и стали через соломинку пить водку из подвала купца. Купец пожаловался властям. Тогда их троих решили сжечь под дровами. Но шаманы скрылись под семью слоями земли (газари долон хурхэн доро). Когда вышли из этого испытания, шапка тунгуса оказалась опаленной.

-Почему шапка опалена?

-Сила шамана убавится.

Когда Гулда вернулась домой, то сказала, что сильно измучилась из-за того, что домашние всё время заглядывали под котёл, где была её сила. А домашним было любопытно, что же она оставила.”(Тугутов, л.391-394).

После смерти она превратилась в духа *гуйдэл* и покровительствует местным бурятам. И.Е.Тугутов приводит строчки из её призывания:

ТЭХЭЭШХИН БАСАГАН ГУЛДА!

ҮНДЭР ХАНДАЛ ГҮЙДЭЛ!

ҮНДЭР ДҮРТЭ ЫУУДАЛ!”

(Там же).

В переводе:

От Тэхээши рожденная Гулда!

Высокочтимая хайдальская покровительница!

Высоколикая восседающая госпожа!

Суть вышеприведенного испытания “Шорог Улан Хадые уусэ (улица) гарсаран таримдаха” состояла в том, чтобы применить шаманский метод *таримдаха* к целой горе. Обряд “*таримдаха*” проводился обычно в целях излечения пациента двумя способами: 1) *гал тарим* - огненное заклинание с использованием раскаленного куска железа или нагретого камня, которым прижигали больное место, сопровождая действие чтением заклинания; 2) *уһан тарим* - водное заклинание, заключавшееся в опшаривании горячей водой или хлестания щучком травы, подмоченным в кипятке, по опухоли на теле больного, - действию, сопровождавшемся словами заклинания. Кроме указанных видов “*тарим*” существовал, по данным И.А.Манжигеева, третий вид *ламайн тарим* ламское заклинание, при совершении которого лизали языком, обильно смоченным слюной, раскаленный докрасна кусок железа, затем дули на опухоль, заговаривая болезнь (Манжигеев, с. 70). У современных бурят понятие “*таримдаха*” ассоциируется с раскаленным железом или камнями, а также с обдуванием больного. Какой конкретный *тарим* по отношению к горе сумела сделать Гулда? По-видимому, речь шла о том, чтобы раскалить целую гору и обдуть её с такой силой, чтобы она прикатилась до самой улицы (видимо, Иркутска - И.У.).

При восприятии приведенного предания, как и вообще шаманских историй, следует учитывать, что сами буряты воспринимали их

не как вымысел, а как вполне реальные истории. Даже совершенно сказочный для современного человека эпизод со вспарыванием живота и зарыванием младенца под очаг становится понятным в своей шаманской реальности, если учесть, что по шаманской анатомии и физиологии человека его жизненная сила не находится постоянно в одном и том же месте, а перемещается по определенным законам из одной части тела в другую. В силу тех же самых законов в эпосе о Гусэре, тоже имевшем для бурят смысл реально случившейся когда-то, но время *урайн*, истории, говорится, что душа и жизненная сила Атай Улаан тэйгэри находится в месте, тайну которого герою необходимо было узнать, чтобы победить его, что и случилось, когда он узнал, что местом этим в тот момент являлся мизинец правой ноги Атай Улаана. Бурятские и монгольские народные целители до сих пор придерживаются этой древней науки о циклическом перемещении жизненной силы в теле, занимаясь своими пациентами.

Жизненная сила шаманки Гулда находилась накануне испытания в её утробе - и связана была с тем младенцем, которого она носила, почему ей и пришлось прятать свою силу под очаг. А почему под очаг? Это было священное место - *тоонто*, источник силы и энергии семьи. Конечно, такую деталь как вспарывание живота, вряд ли нужно понимать в обычном смысле этого слова, как не следует в повседневно употребляемом смысле слова понимать и то, что шаманы и ламы прошлого *поедали* друг друга. Речь идет о действиях, происходивших в *тонкой* реальности. Историй о случаях *поедания* друг друга бурятскими мастерами Знания предостаточно. Вот одна из них, к примеру, - предание о состязании одного из последних великих шаманов Тугнуйской долины Ухин Шагая с 9 монгольскими гэлэнами(35), известными тем, что они *поедали* противников на своем пути:

“Шаман заявил им:

- Вас 9 человек, но всех вас я не “съем” - одного оставлю, чтобы он передал на родину о том, какая участь постигла вас.

Так и случилось. Восточнее Сагаан Нуура, правее Тугнуйской долины, имеется место, названное Олон Яхата (Много Костей). Здесь и произошло то сражение Ухин Шагая с буддийскими чародеями. А великий шаман и поныне существует рядом со своими почитателями. Тугнуйские шаманисты говорят: “Ухин Шагай запрещает нам, жителям южного склона горы Хабсал, пользоваться в обращении к своим дочерям словом “Ухин”(девушка):

- Когда вы говорите: “Ухин!” - то я всякий раз приподнимаю голову, думая, что окликают меня.”(Тугутов, л. 402).

Упоминаемая здесь мистическая способность шаманов и лам “съедать” своих врагов является элементом традиционной центральноазиатской науки астрального каратэ - знания и техники, позволяю-

щих мастеру контролировать энергию и управлять ею, в том числе для целей психической и энергетической защиты и борьбы - как в грубом теле, называемом в бурятской традиции *шорой бэе* или *шабар бэе* (земное тело), так и в тонком теле *альбан бэе*

В каждой региональной культуре есть своя техника астрального каратэ, развиваемая в тайных школах. В современной России и странах СНГ подобные школы действуют более или менее открыто и связанные с ними эзотерические общества распространяют свою литературу (см.: В.Аверьянов. Астральное каратэ.). Представители одной из таких школ, из Одессы, в начале 90-х годов активно работали в Бурятии, исследуя сохранившееся здесь **Знание**, собирая древние тексты, напитываясь энергией - наша родина в этом отношении представляет собой совершенно исключительное место на земле и ища что-то. Попутно они зарабатывали, преподавая основы магии и давая некоторые сведения о технике астрального каратэ всем желающим. Эта полученная от них информация помогает мне лучше понять феномен бурятского "эдохэ" - поедания врагов, если сопоставить эти сведения с полузабытыми ольхонскими воспоминаниями родственников об "эдимхэ" людях, которые, по представлениям бурят, умеют "поедать" других людей, вызывая их смерть. Из этнографического материала известно также существование у бурят особых людей *хунхэ баряашин* - ловцов душ. Говорят, что бывают целые семьи и даже роды *хунхэ баряашин*ов.

Не вдаваясь сейчас в детали понимания подобных феноменов, отметим, что сверхъестественная способность "съесть" или "ловить души" не является только лишь *тонким* способом убийства врага. Она служит цели - мистическому присвоению жизненной силы побежденного врага. Как рассказывал мне монгольский ученый Г.Гантогтох, когда один монгольский шаман побеждал в прошлом другого шамана, и тот умирал, то первый забирает *жулдэ* умершего, ибо в *жулдэ* находится шаманская сила, его *амин-хунхэн* - душа-дыхание.

В словаре-справочнике Манжигеева говорится: "*Жулдэ* - ливер жертвенного животного (легкие, дыхательное горло, сердце) и голова, отделенные вместе от туловища. По воззрениям шаманистов, в *Ж.* находится жизненная сила животного" (Манжигеев, с. 51).

По-видимому, шаман, "поедая" своего противника, не просто убивал его, то есть предавал смерти физическое тело, но стремился окончательно уничтожить врага - его жизненную силу и душу, чтобы он не мог ни переродиться снова в другом земном теле (*шорой бэе*), ни существовать в виде духа.

Об испытании, устроенном иркутским генерал-губернатором шаманам, существуют и другие предания. Д.Б.Балданов рассказал в свое время И.Е.Тугутову такую историю:

“Генерал-губернатор стал притеснять шаманов, и тогда они обратились к заарину Сэмэну, который дал совет:

Когда нас вызовут на испытания, садитесь так: худший шаман оденется лучше всех, а лучший шаман (заарин) оденется хуже всех. Тогда покажем свою силу.

Вызвали их. Начальство спросило у плохо одетого заарина, сидевшего в нижнем краю:

-Что ты можешь нам показать?

Заарин Сэмэн ответил:

- Вы будете сидеть в другой комнате, там пойдет дождь. Поплывет рыба, вы будете её ловить. Когда поймаете, дайте нам знать.

Пошел дождь. Оба экзаменатора поймали по рыбе. Когда вошел заарин, оказалось, что оба держат свои детородные уды.

С тех пор, говорят, за шаманами признали бесспорные их права: начальство испугалось, что если самый захудалый из их может сотворить такое чудо, то лучшие шаманы и вовсе их погубят.”(Тугутов, л. 409). Этому шаману Сэмэну - реальному историческому лицу - сохатый принес на своих рогах из тайги *толи* - металлическое шаманское зеркало, принадлежавшее его предку, так рассказывает потомок Сэмэна, шаман Буда Банзаров (там же).

У бурят сохранилось много преданий о состязаниях шаманов и буддийских лам, владевших тантрическими знаниями. Например, среди записей того же Тугутова встречается рассказ старика из улуса Дондо-Киреть о сражении ламы Хорчид-Нимы, одного из сподвижников Зая-хамбы, с шаманом Гомбо:

“Шаман расплавил пятак, подув на него на своей ладони, и дал ламе вытить, желая погубить. Но лама вернул это обезвреженным, а сам вызвал с неба гром и молнию на шамана. Тот поймал рукой небесную стрелу. Лама Хорчид признал силу шамана Гомбо и примирительно разрешил ему продолжать свое дело, но наказал не передавать силу наследникам. Они сражались в местности Хортын хушуу, вблизи Подлопатов. Это место священо таталгатай газар, обладает силой притяжения.”(Там же).

Аналогичные состязания происходили и в Монголии между ламами и шаманами. Об этом рассказал в докладе, сделанном на международном симпозиуме летом 1996 г. монгольский историк О.Пурэв. Так, он привел легенду о происшествии, случившемся в нач. XX века, - о том, как дархатский шаман Жав и настоятель дархатского монастыря Ягаан цоржи лама мерялись силами в совершении чудес и как шаман выиграл это состязание (см.: Пурэв, 1996, с. 73-74)

Среди бурятских шаманов встречались такие сильные, что умели отрезать себе голову и приживать её обратно (см.: Галданова, 1987, с. 87). Когда читаешь или слышишь об этих таинственных умениях

прежних шаманов, кажущихся чистым вымыслом, свойственным легенде как фольклорному жанру, невольно приходят в голову по ассоциации мысли, что в древнем Египте происходили аналогичные чудеса. В правление Снефруи и его сына Хеопса жила волшебница Тета, которая благодаря тайным знаниям из древних манускриптов умела приживлять голову к телу после того, как она была отрублена. Правда, Тета демонстрировала это на гусе и на быке. А другой волшебник, ученик египетского жреца, умел, как пишет историк Масуди, отрезать человеческую голову и соединять её снова. “И нет никаких указаний на то, что всё это проделывалось под гипнозом” (Уилсон, с. 68).

Было бы несколько преждевременно сейчас пытаться решить, реальными ли были чудеса, демонстрировавшиеся прежними бурятскими шаманами или это - иллюзии, игры сознания? Карлос после многих лет ученичества у индейского шамана дона Хуана выполнил успешно свой последний урок прыгнул вместе с другим учеником мага со скалы в пропасть и долго потом мучился над вопросом: в действительности ли был прыжок? Мучился до тех пор, пока в течение последующих нескольких лет он не восстановил половинки Знания, полученного от великого нагваля в состояниях сознательного и бессознательного ученичества. Так и для нас проблема *реальности* в принципе остается открытой, пока шаг за шагом не удастся восстановить частицы нашего Знания в некое единство.

Преодоление границ повседневности это необходимое первичное направление движения к Знанию, как и **расширение** и **уточнение** сознания. Скука повседневности не способна открыть человеку истину о мире и о нем самом. Особенно велики должны быть начальные усилия. Философия, так же как искусство, музыка, мистицизм, есть трудный путь этих первоначальных шагов в поисках Пути к Знанию. Лишь после мучительных исканий можно застать проблеск “вещи-в-себе” и увидеть ответ Вечности, обрести надежду понять **что же такое Реальность и на что Я могу рассчитывать.**

Осознание мира *урайн*, мистики старобурятского мира и реальности шаманских таинств предполагает уяснение философии этого мира - того отношения человека к миру, которое делало возможными шаманскую практику и само существование шаманов - *боо* и *удаган*. Ныне наблюдается обесценивание старобурятского мира. И дело не в девальтации бурятских национальных ценностей как таковых. Происходит вообще обесценивание реальности человека. Речь идет прежде всего об ограниченности и огрублении человеческого сознания. Но дело не только и не столько в этом, сколько в том, что человек постоянно живет не в центре самого себя, а на окружности, как говорил Г.Гурджиев, и “постоянно на более низком уровне смысла, чем заслуживает Вселенная”(Уилсон, с. 167). Мы используем в повседневности

более низкие вибрации сознания, чем те, что необходимы для того, чтобы слышать Бога или богов, видеть - реальность, которая всегда присутствует в самом человеке, но как бы за границами самого себя. И все же потенциально всякий из нас обладает "Способностью Х" выйти за границы самого себя, чтобы вернуться к своему истинному центру.

Повседневность - это консенсусный мир здравого смысла. Но и в него вторгается нередко - а теперь, на переломе тысячелетий, очень часто - *другая реальность* параллельных и высших миров. Конституирующая социокультурными и мировоззренческими образцами XX века консенсусная реальность, в которой живет современный человек, есть нечто условное, имеющее границы, задаваемые парадигмой восприятия и сознания. Сам консенсус - то всеобщее компромиссное соглашение, благодаря которому достигается взаимопонимание индивидов, относящихся к одной и той же культуре, обычно остается "за скобками" сознания и восприятия (см.: Тарт, 1992, с. 223). Наш современный мир, сформированный коллективным сознанием, является очень устойчивым по отношению к *иной реальности*. То, что заложено в основу современной повседневности, защищено картиной мира и всей системой здравого смысла, бессознательными стереотипами восприятия. Людям, взращенным в течение столетий в этой системе мировосприятия и в этом режиме вибраций сознания - европейцам, очень трудно понять старобурятский мир *урайн* шаманскую реальность именно как реальность. Ограниченность восприятия консенсусом, сформированным в европейской культуре в Новое время, мешает принять эту реальность как реальность, побуждая её проявления именовать "пережитками примитивных верований", а в лучшем случае - культурными традициями, фольклором.

Ч.Тарт об этой принципиальной ограниченности мировосприятия западного человека удачно выразился: "...*наша культура ловит нас в капкан "консенсусной" реальности даже тогда, когда мы верим, что встаем против последней*" (там же, с. 233).

Мы же, люди Востока, с детства впитавшие в себя ароматы и образы *другой* реальности, имеем больше шансов избежать капкана здравого смысла и современной картины мира, проникнуть в тайны мира *урайн*.

1.3. Возможности науки в познании шаманской культуры

Современная наука является по своим мировоззренческим и социокультурным основаниям феноменом западной культуры. Эта западная по происхождению наука всегда, начиная с древней науки гре-

ков, имела много общего с обыденным разумом и общие с последним корни в мире повседневности, создававшие внутренние барьеры в познании реальности. Существует нечто принципиально общее между современным научным познанием и обыденным разумом уже в самой логике. Взять хотя бы действующие там и здесь формально-логические законы, которые расчленяют познаваемую реальность на дихотомические оппозиции, и привычка воспринимать мир в оппозициях загоняет наш разум в тот трагический тупик, из которого не видится выхода. И мы в своем познании идем снова и снова по порочному кругу оппозиций “жизнь-смерть”, “добро-зло”, “черное-белое” и т.д. Или другой общий момент, присущий научному и обыденному разуму, это критерий “самоочевидности” чувственных данных, которые принимаются за основу познания. Таким “самоочевидным” фактом является то, что “люди смертны”. А из-за привычки к формально-логическому противопоставлению жизни и смерти и в науке, и в обыденности покажется абсурдом попытка мыслить смерть как продолжение или как форму жизни. Ученый на эту попытку возразит, что она противоречит “самоочевидным” фактам чувственного восприятия и логике познания.

И действительно, так это, как правило, до сих пор и было: всё, что противоречит “логическим законам” (в действительности имеются в виду законы классической формальной логики) и фактам чувственного восприятия (в действительности - консенсусной реальности) - принято относить к области вымысла - сказки, мифа, эпоса, то есть наделять статусом не подлинной, а воображаемой, субъективной реальности. Существует то, что объективно и независимо от сознания, и я его воспринимаю или могу воспринимать - вот краеугольный камень физикалистского и антропоцентристского мировосприятия, лежащего в основе и классической науки, и вечно торжествующего здравого смысла. Существование же всего того, что в принципе пребывает “вне опыта”, не дано в восприятии людей, - относится с этой точки зрения к области творческого воображения и метафизики и является, в этой традиции отношения к реальности и к решению проблемы существования-несуществования, открытым вопросом, на который человеку не получить ответа, как не открыть тайну “вещей-в-себе”

Антропоцентризм - характерная черта западной и выросшей из неё современной науки. Эта особенность классического западного мировосприятия тоже коренится в философии здравого смысла и в повседневном опыте. Некоторые современные исследователи связывают корни антропоцентризма с иудео-христианской традицией, другие - с новоязыческой картиной мира. Бесспорно, по крайней мере, то, что древние греки без сомнений приняли антропоцентристский критерий реальности сущего. Вспомним афоризм Протагора: “Человек

есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют” (АМФ, 1969, т.1, ч. 1, с. 316).

Само по себе это мудрое изречение таит в себе целый спектр различных типов философствования, начиная с вульгарно-материалистических учений и вплоть до высот буддизма - в зависимости от понимания, **что есть человек**. Европейская философская антропология в процессе самопознания человека выработала различные учения о сущности и природе человека, но в основу классической европейской науки легли довольно упрощенные антропологические предпосылки, которые выразил ещё Демокрит в своем тезисе: *“Человек есть то, что все мы знаем”* Подобного рода представление о человеке послужило основополагающей аксиомой античной науки - “непосредственно дан человек, т.е. его ощущения и представления. Эти ощущения и представления нет нужды ни объяснять, ни определять: они и без этого каждому ясны; в объяснении нуждается только то, что не очевидно” (Лурье, 1947, с. 430).

Человек для древнегреческих ученых выступал в качестве **“то, чем”**, то есть критерием и существования, и познания. Эпикур выразил этот присущий античному мировосприятию антропоцентризм несколько цинично: *“Если бы нас не смущали подозрения; не имеют ни к нам какого отношения небесные явления или смерть, и если бы не смущало неведение пределов страданий и желаний, то нам незачем было бы даже изучать природу”* (см.: Диоген Лаэртский, 1979, с. 438).

Этот **человеческий** масштаб восприятия реальности, когда человек служил в качестве **“то, чем”**- мерилем восприятия вещей и критерием их существования, был принят в античной науке в демокритовском, упрощенном варианте понимания человека как чего-то самоочевидного. Поэтому с самого происхождения наука исходила в познании реальности из предпосылки самоочевидного факта человека как меры восприятия реальности и критерия существования. Поэтому в системе Аристотеля человек выступает в качестве вещи среди вещей, причем наиболее доступной познанию. Иначе говоря, человек в этой традиции познания есть **“он”**, а не **“Я”**, не проблема и не тайна. Позднее, в новоевропейской науке, начиная с её основоположников, наблюдается то же самое: космологический восторг перед открывающейся им бесконечной вселенной *“словно перескакивающий через человека”* (Бубер, 1993, с.86). Так же, как когда-то человек Демокрита являл о себе как критерии существования всех вещей, человек Николая Кузанского похваляется, но меткому замечанию М.Бубера, что он *“содержит в себе все вещи и потому может познать их”* (там же, 87).

Однако аксиома самоочевидности человека в его качестве **“то, чем”** критерия существования вещей и познания была подвергнута принципиальному сомнению самими же древними греками. В наибо-

лее парадоксальной и яркой форме это гносеологическое сомнение было выражено Сократом, когда он заявил: *“Я ведь не знаю, человек ли я или ещё другой какой-нибудь зверь, ещё более пестрый, чем Тифон (37)”*. (См.: Секст-Эмпирик, I, 1975, с. 114). Сократ высказал подозрение, что человек - это не самоочевидная реальность, что человек - это в принципе нечто **таинственное**.

Та же тайна человека и мира, догадка о которой озарила Сократа, являлась стимулом философских поисков со стороны других мыслящих представителей человечества, живших в разных регионах нашей планеты и в разные эпохи. От этого мыслительного и духовного опыта остались традиции осознания **тайны человеческого существования** - различные школы религиозной и эзотерической философии на Западе и Востоке, направления оккультизма и т.д. Классическая наука меньше всех была ориентирована на осмысление таинственности человека и мира в аспекте **чуждости, потаенности, непостижимости бытия**. Но всё же сократовское сомнение в очевидности человека как **“того, чем”**, продолжающее и до сих пор оказывать своё стимулирующее воздействие на познающий разум, оказалось плодотворным и для науки. В логике появилась проблема онтологического статуса всеобщих понятий, стимулировавшая немало эпистемологических достижений. Но ещё более эвристически полезным оказался этот античный скепсис для европейской гносеологии. Благодаря сомнению в самоочевидности антропоцентристских предпосылок удалось зафиксировать принципиальную разницу между здравым смыслом и вырастающим на его основе жизненным опытом, с одной стороны, и между научным знанием - с другой стороны. Было осознано также существование зазора между предметом познания и знанием - зазора, который, возможно, является непроходимой бездной (38).

В древнегреческой эзотерической философии красной нитью проходит противопоставление вечно существующего логоса и человеческого знания. *“Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его - ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь всё совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разъясняя по существу. От остальных же людей скрыто то, что они делают бодрствуя, точно так же как они свои сны забывают”*, говорил Гераклит (МДГ, 1995, с. 41). Или ещё: *“Большинство людей не понимают того, с чем встречаются, да и научившись, они не понимают, им же самим кажется, [что понимают]”* (там же, с. 43).

Античные мудрецы это демиурги действительности, отличающейся от повседневной, они вводили человеческое сознание в режим переживания сущности бытия. Философия, в их понимании, служила

зеркалом, которое отражает человеческую сущность и учит жить в соответствии с сущностью, тогда как *"толпа же насыщается подобно скоту"* (там же) и ведет себя даже хуже животных. У Стобея говорится: *"Насколько умнее человека животное, которое, имея потребность, знает размеры её! Человек же не знает границ удовлетворения своих потребностей"* (там же, с.161)..

Подобно тому, как древние греки усматривали предназначение философии в том, чтобы способствовать очищению человеческой природы, освобождая душу от страстей, мудрецы древнего Китая осознавали бесконечность природы человека, совершенствующегося в *"борьбе со стихий скота в себе"* (Алексеев, 1978, с. 19). Восток, как и Запад, ценил мудрость, выводящую человека из ограниченного тупого состояния, в котором протекает существование *"толпы"* *"Большой ум, а не многознание должно развивать"* (МДГ, с.163) - это золотое изречение древних греков могло быть высказано и ближневосточным суфием, и китайским даосом, и бурят-монгольским ламой.

Философия вообще служила тем зеркалом, что отражала человеческую сущность, побуждала в нем **"стремление"** (достигнуть предмета) *эпистеме*, и в этом качестве она и служила основанием науки. Философия мудрых придавала древней науке импульс, необходимый для того, чтобы освободиться от диктата здравого смысла и сделать эпистемической задачей, задачей **"стремления"** те вещи, которые представляются обыденному разуму самоочевидной данностью опыта. Подлинная наука, в отличие от обыденного знания, исходит из ясного осознания оснований и границ знания и строит *"картину"* мира, сильно отличающуюся от образа мира, создаваемого обыденным мировосприятием. Но тем не менее *"нормальная"* наука в период действия общепринятого в среде ученых мировоззренческого и методологического консенсуса сохраняет очень прочную связь со здравым смыслом и во многом продолжает оставаться усовершенствованной системой здравого смысла с присущей последнему логикой и антропоцентристскими предпосылками. Исследователи всегда использовали здравый смысл как своего рода страховочную веревку, чтобы не свалиться в неведомую бездну *реальности*: привычные логика и аксиомы мировосприятия помогали сохранить равновесие по *эту* сторону *"вещей-в-себе"* балансируя на грани трансцендентного. Это характерно вообще для западного ума, но в особенности - для западных философов рационалистической традиции. Кант прямо писал об этом: *"Философы вынуждены ориентироваться с помощью обыденного разума, чтобы не попасть в запредельное"* (Кант, т.6, с. 226).

Вся европейская философия, так много трудившаяся над тем, как лучше использовать зеркало философии в целях самопознания человека, как правило, смертельно страшилась *"зазеркалья"*. Редкий евро-

пейский мыслитель обладал мужеством Гераклита, чтобы как он заглянуть в запредельное и обнаружить: *“Человек в ночи себе зажигает свет. Умерев, он жив. Уснув, угаснув очами, он соприкасается с мертвым и с уснувшим соприкасается, бодрствуя”* (МДГ, с. 43).

Человек, принятый классической наукой в качестве самоочевидного критерия существования и познания, с самого начала не укладывался в физикалистскую картину мира, стимулируя метафизические размышления о том, что есть человек, в направлении, как бы противоположном от познания природы. Но *“кривая, первоначально как бы устремленная в противоположные стороны - природу и свободу”* (Кант, 1974, с. 278) снова и снова замыкается на человеке. Онтологический тупик, в который загнала себя западная мысль, пытаясь преодолеть предпосылку самоочевидности человека, при этом оставаясь на жесткой связи со страховочной “веревкой” здравого смысла, был со всей отчетливостью осознан в той части философии Канта, где он имеет дело с понятием “вещи-в-себе”: настоящая реальность трансцендентна и в принципе недоступна человеческому познанию, ибо человек может иметь дело лишь с данными собственного опыта - с миром, конституированным **человеческим** мировосприятием. А то, что находится по ту сторону “вещей-в-себе”, есть **немыслимая тайна**.

Познание трансцендентного без прочной страховки здравого смысла внушает подлинный ужас. Этот европейский страх перед **реальностью** не смог преодолеть даже величайший ум Канта. В конце жизни, как и в начале своего поиска, Кант не знал, как ответить на вопрос: *“Каким образом и в какой мере сможет реальный человек, обремененный страстями, чувствами, иллюзиями, болезнями, семьей и общественными обязанностями, осуществлять свое должное существование, свое назначение?”* (См.: Тевзадзе, 1979, с.9).

Трансцендентальные размышления приводят к осознанию того, что смысл жизни человека лежит в “зазеркалье”, по ту сторону повседневности. Лишь встретившись со смертью лицом к лицу и осознав её как самую важную свою проблему, человек наконец-то начинает понимать что-то по-настоящему о своей жизни. Но чтобы сделать этот шаг к подлинному самоосознанию, требуется выйти за пределы самого себя, своего маленького человеческого “эго” с присущим ему набором способностей и возможностей. А именно на этот шаг обычно оказываются неспособными люди науки, боясь отпустить страховку здравого смысла.

И только тот, кому хватает сил и воли прорваться сквозь скорлупу консенсуса - науки и обыденности - к возможности истинного познания и свободы, может, как Ибн аль-Фараби, понять, что *“если человек обладает сильным интеллектом, то основная функция этого интеллекта состоит в том, чтобы показать, что интеллект есть толь-*

ко первая стадия на пути к чему-либо другому” (Цит. по: Шах, 1994, с. 171). Однако подавляющее большинство людей науки не представляет иных, кроме эго-интеллектуальных и эго-чувственных возможностей научного познания, относя всё, что постигается иными - сверхиндивидуальными сверхчувственными, внеинтеллектуальными и другими духовными способностями, к области ненаучного философствования, мифа, художественного творчества или к мистике и магии. Интеллектуализм науки и классической европейской философии есть следствие лежащего в их основе антропоцентризма и эмпиризма, из-за которых западный познающий ум привык сводить критерии познаваемости и существования к фактам обыденного человеческого чувственного восприятия, к опыту. Интеллектуализм, как и обыденный разум, имеет дело с осязаемыми вещами. Отсюда - стремление постоянно сужать предметное поле познания, тенденция к специализации и стихийный материализм современной науки. Но классические европейские схемы мировосприятия, материализм и здравый смысл не способны объять ни истину человека, ни истину реальности.

“Всю истину невозможно передать материалисту, говорит современный адепт и исследователь суфизма (39)Идрис Шах. - Истина основана на материализме не более чем на логике. Мистик работает на нескольких различных уровнях, а материалист - только на одном.” (Там же, с. 147). Реальность имеет многие измерения, недоступные восприятию материалиста, - их можно сравнить также с подводной частью айсберга, и эта часть может намного превосходить то, что видно над водой. Да и человек, как это знают посвященные в эзотерические науки, может существовать сразу на нескольких уровнях, но обычно он слишком мало знает о них, постоянно пребывая только на одном из них. Если говорить об этих уровнях, известных в суфийской традиции, то посвященные в эту традицию различают четыре уровня.

“На первом он подобен бабочке. У него есть зрение, но нет памяти. Он снова и снова будет обжигаться об одно и то же пламя. На втором уровне он подобен собаке, которая будет убежать при виде палки, если её до этого уже побили. На третьем уровне он подобен лошади или овце. И та, и другая обретается в бегство, если увидят льва или волка, которые являются их естественными врагами, но не станут убежать от буйвола или верблюда, хотя эти животные намного крупнее и львов и волков.” - Такое пояснение было дано когда-то суфием Газали, автором трактата “Возрождение богословских наук”(цит.по: Шах, с. 185). *“На четвертом уровне, - объясняет сам И.Шах, - человек полностью преодолевает рамки этой животной ограниченности. Он обретает некую способность к предвидению. Взаимосвязь между этими уровнями можно уподобить различным видам движения:*

1. Хождение по земле.
2. Плавание на борту корабля.
3. Езда в колеснице.
4. Хождение по воде.

Преодолев все эти уровни, человек достигает той стадии, о которой можно сказать, что на ней он получает возможность самостоятельно летать по воздуху.

Большинство людей никогда не выходят за пределы первых двух уровней, которые ни в коей мере не соответствуют их возможностям. Будучи статичными, они всегда враждебно относятся к тем, кто находится в движении." (Там же, с. 186).

Однако и в рамках интеллектуализма - рационально-логического познания мира средствами науки и философии - существуют возможности открытия и познания параллельных миров и иных измерений реальности, возможности многоуровневого бытия самого человека, но эти возможности, как правило, не используются исследователями. Правда, есть немногие яркие исключения из этого общего положения. Так, например, это относится к исследованиям Э.Я.Голосовкером логики мифа.

Свою книгу о логике мифа (Голосовкер, 1987) он начинает с анализа мифа об Эдипе: *Смысл мифа об Эдипе начинается не с загадки Сфинкса: "Кто ходит утром на четырех ногах, днем на двух ногах, а вечером на трех?" а с разгадки этой загадки Эдипом, когда он отвечает Сфинксу: "Человек" Загадкой Сфинкса оказалась тайна человеческого знания: что может знать человек? Сказание об Эдипе ставит перед нами проблему: миф как знание"*

Что может знать человек? Эту же проблему Кант, как известно, поставил в числе четырех вопросов "науки о последних целях человеческого разума" (см.: Кант, 1980, с. 589). Голосовкер заново актуализирует её, обращаясь к изучению логики **чудесного** и предпринимает редкую для рационалистической науки попытку сделать шаг в **запредельное**, отбросить у логики здравого смысла монополию на истину. Он рассматривает воображение как познавательную способность. Воображение, на его взгляд, *"искони обнаруживается как форма познания, имеющая наиболее древний познавательный опыт и язык, но при наиболее загадочном шифре. И все же, вместо того, чтобы заняться разгадкой, расшифровкой этого шифра воображения, мы выключаем самую тайнопись как текст и воспринимаем её только как рисунок, любимся им и истолковываем его, и без того уже явную, аллегоршо..."* (Голосовкер, с. 11).

Действительно, из-за недоверия к познавательной возможности творческого воображения (imaginatio) со стороны классической европейской философии и науки происходит сохраняющееся в современ-

ном менталитете противопоставление знания и мифа, познания и мифологического мышления, расцениваемого с точки зрения европейского разума как явление первобытное - "дологическое", "прелогическое" и т.п. Отсюда же берут начало концепты и категории современной фольклористики и этнологии, руководствуясь которыми исследователи шаманизма рассматривают традиционную духовную культуру народов-аборигенов как нечто примитивное и отсталое по сравнению с современной цивилизацией, трактуя её как проявление первобытного анимизма, тотемизма, политеизма или народного творчества. Центральнo-азиатский цикл сказаний о Гэсэре - Гэсэриаду воспринимают в отечественной фольклористике как памятник эпического творчества, исследуют различные мифологические сюжеты и т.д. И никому при этом не приходит в голову относиться к этим эпическим сюжетам иначе, чем к поэтическому вымыслу. Никто ещё из ученых не исследовал этот цикл как своеобразную систему знания, порожденную познавательной способностью наших предков. Аналогичным образом шаманские заклинания и другие материалы из области *боо-мургал* - древней религиозно-философской традиции бурят-монголов доходят до современных людей, будучи поданы их изданиями лишь как образцы поэзии - в качестве обрядовой поэзии, а также как памятники фольклора, то есть преподносятся в узком и неадекватном значении, с акцентом на историческую ценность их как памятника древней (в смысле неразвитой, донаучной, дофилософской) культуры. Безусловно, и как образцы художественного творчества эти памятники являются уникальными поэтическими произведениями. Но смысл их существования в культуре бурят-монголов намного глубже и сложнее одной лишь эстетической ценности. Это особым образом зашифрованное знание.

Следует признать, что постановка такой проблемы - **миф как особое знание** - углубляет само понятие "знание", освобождая его от предрассудков здравого смысла. Но главное, отношение к мифу как к особому знанию помогает изучить самый механизм конституирования миров человека, понять, как из одной и той же вещиности создаются повседневный мир здравого смысла и мир мифологии, альтернативный повседневности.

Я.Э.Голосовкеру в этом помогла осязаемая телесность образов илинской мифологии, с которыми он работал. Ни у одного народа, по его словам, мифологические образы не отличаются такой конкретностью. В древнегреческой мифологии чудесное *"проявляет себя сплошь в категориях материального чувственного мира, не выходя из его вещиности, и в то же время оно, чудесное, играет этой вещиностью так, как если бы законы и категории материального чувственного мира не носили для него характера общеобязательности и необходимости"*

(Голосовкер, с.12). И если взглянуть в выразительные образы античного мифа, то оказывается, что его имагинативный мир содержит некую “абсолютную логику”, но построенную скрыто на основе “логики относительности” и при этом - в конкретных телесных образах эвклидова мира, и этот воображаемый мир мифа обладает большей жизненностью, чем мир повседневности.

Миф часто содержит то, существование чего впоследствии доказывает часто наука. Объект мифа не есть только воображаемый объект, плод фантазии. Это и *“познанная тайна объективного мира...”*, *“в имагинативном, или воображаемом, объекте мифа заключен действительный реальный объект.”* (Там же, с. 13).

Миф был способом познания реальности в её ужасности и бесконечной глубине тайн. Древние знали кое-что о бездне **запредельного**. Она их страшила, и они стремились воображением из хаоса бытия воссоздать Единое - бесшовную ткань Универсума без опасных пугающих трансцендентальных трещин и разрывов. И процесс этого **сотворения мира** содержал, как показывает Голосовкер на примере эллинской мифологии, логику и законы, противоречащие здравому смыслу. Логика мифа кажется с позиций здравого смысла алогичностью и абсурдом. Но в действительности она выражает знание об иной системе организации *реальности* - отличной от системы здравого смысла. Голосовкер вводит для обозначения такого рода знания термин “энигматическое знание”(там же, с. 19) от греческого слова *“энигма”* (загадка).

Этот удивительный логик открыл, что здравый смысл и построенное на его основе научное знание - это знание об обусловленном, тогда как логика мифа - это знание о **необусловленном, об абсолютном**. Ему оставалось сделать лишь шаг до онтологического прорыва в **запредельное** и - к знанию посвященных. Но он остался верен рационалистическим предпосылкам науки и “научной” философии: всё-таки по-настоящему реальным для него остается эвклидов мир повседневности и науки, а мир мифа - это воображаемая, то есть как бы несамоделишная, реальность, что бы он ни говорил об особой действительности мифа и об эстетике как онтологии. Его признание мифа как особого знания является, по существу, не онтологическим открытием, а как бы методологическим приемом, направленным против ограниченности здравого смысла и во имя расширения логики научного познания - в конечном счете во имя логики. Иначе говоря, он остается представителем европейского интеллектуализма, привыкшего цепляться за страховку здравого смысла.

Как уже говорилось выше, классическая европейская наука и происходящая от неё современная наука имеют много общего в своих мировоззренческих предпосылках и основаниях с системой здравого

смысла. Однако история науки свидетельствует, что революционные открытия сопряжены с отказом от парадигмальных оснований и что движение научной мысли всё более отдаляет её от обыденного знания о мире, одновременно подрывая незыблемые устои Повседневности. Подобного рода революционное значение для человеческого знания о реальности имеет идея о множественности обитаемых миров вообще - как космологическая идея, а также и её логический вариант - восходящая к Лейбницу концепция возможных миров, получившая новую жизнь в современной эпистемологии и модальной логике в виде логической семантики возможных миров.

Если рассматривать в логическом смысле саму возможность альтернативных миров, то, оказывается, - согласно понятиям логической семантики, - она зависит от того, что человек знает в этом мире. Так, анализ так называемых пропозициональных установок в семантике возможных миров опирается, как пишет Я.Хинтикка, *"на допущение о том, что не все возможные миры равно важны для наших целей"*. *"Афористически это можно выразить так: не все возможные миры равно возможны. Если я рассматриваю некоторого субъекта, назовем его "а", в возможном мире W, то я могу заметить, что опираясь на то, что ему известно в мире W, этот субъект вовсе не будет считать каждый возможный мир альтернативой W Для этой роли будут подходить лишь некоторые из возможных миров. Я буду называть их эпистемическими а-альтернативами W"* (Хинтикка, 1980, с. 229). Основная идея анализа понятия знания средствами семантики возможных миров заключается в том, что совокупность этих альтернатив в свою очередь единственным образом детерминирует всё, что а знает в W. *"Поэтому, с абстрактной точки зрения модальной логики, говорить о том, что а знает в W, - значит говорить о множестве эпистемических а-альтернатив W Интуитивно говоря, они будут мирами, совместимыми со всем тем, что а знает в W."* (Там же).

Как видим, даже позиция логического интеллектуализма может привести достаточно далеко в понимании механизмов конституирования миров человека. Логическая семантика возможных миров помогает понять, что сама возможность альтернативного познания тем или иным индивидом *параллельных миров* или сверхчувственных уровней реальности находится в зависимости от того, что знает данный индивид в этом мире, на этом уровне бытия, на котором он привык существовать.

Иначе говоря, для того, чтобы осознать реальность мира, о котором повествует мифология, чтобы признать реальность шаманских феноменов, человек должен обладать определенным знанием о привычном этом мире (W), которое окажется совместимым с "а-альтернативами" данного человека. По-видимому, не всякий человек

обладает таким знанием об этом мире, которое совместимо с шаманской реальностью как с а-альтернативой его собственного мира. Хотя шаманская реальность является в логическом смысле возможным миром для каждого из нас, далеко не каждый из нас считает её на самом деле реальным параллельным миром, и причина этого - в характере знания человека об этом мире(W).

Можно сказать, что реальность имеет относительный характер для человека и зависит от его знания о бытии. Этот важный онтологический момент, касающийся конституирования мира со стороны познающего ума, по-своему осознавался в бурятской традиции. Так, говорят, что шаманские феномены и сущности другого мира проявляются для тех, кто знает традицию (Законы - *Ého*), то есть для тех, кто хорошо знает этот - традиционный - мир, и не существуют для людей, не знающих её.

Проблема возможных миров как проблема логики возникла *“благодаря неспособности людей осознать логические следствия того, что им хорошо известно.”* (Там же, с. 234). Такие явления, как НЛО, ясновидение, телекинез, левитация, экстериоризация и др., до сих пор лежат за пределами сознания большинства людей. Может быть, современная логическая наука поможет человечеству осознать их в качестве логических следствий современного уровня знания о реальности?

Особенно трудной для осознания является проблема смерти. Хотя продолжение бытия человека после его смерти в той или иной форме может быть вполне осознано и логически выведено из совокупности всех человеческих знаний, далеко не все способны признать смерть человека формой продолжения его существования, так как лишь немногие обладают таким знанием о себе, которое делает это признание другой жизни логически возможной “а-альтернативой”, совместимой альтернативой этой жизни.

“Человек, познай самого себя!” - этот древний мотив стимулировал осознание возможных миров человека в духовных традициях всех народов. Но на Востоке, в отличие от Запада, вся культура была основана на знании, свободном от ограничивающих предпосылок эмпиризма и антропоцентризма, благодаря чему для восточного человека стали реальными возможные миры запредельного. Мудрецы Востока нашли совместимые “а-альтернативы” этому миру и научились жить в этих параллельных мирах и на неведомых обыденному разуму уровнях реальности. На Западе же мыслители, боясь отпустить страховку здравого смысла, не отваживались пуститься свободно в путешествие по возможному миру. Первоначальный импульс, данный древнегреческими посвященными, не привел европейскую философию в деле осознания проблематики человека и реальности к духовным верши-

ним, сравнимым с достижениями Востока. Сократ остался непревзойденным пиком духовного восхождения в европейской традиции философского самопознания человека. Из-за боязни расстаться со здравым смыслом западная наука о человеке выбрала путь логического интеллектуализма, который оказался тождественным материализму.

В работах, о шаманизме подавляющего большинства и отечественных, и зарубежных ученых, будь то этнографы, фольклористы, религиоведы и т.д., нельзя не ощутить как бы заранее заданный - независимо от желания и способностей самих исследователей - потолок понимания исследуемого материала. Он существует именно из-за приращенности ученых здравому смыслу: каким бы утонченным он ни являлся, свойственные ему материалистические установки создают мировоззренческие ограничения, в рамках которых исследователям трудно понять, а следовательно, и объяснить изучаемые ими шаманские явления. Им удается всего лишь добросовестно, со всеми деталями, описать надводную часть того айсберга, каковым является древняя духовная традиция аборигенов Центральной Азии. Они остаются за пределами наблюдаемой культуры. И даже изучающие родную культуру бурятские этнографы и фольклористы, стремятся, поскольку они исходят из принятых в современной науке критериев научности и рациональности, воспроизводить в своих работах "объективное", лично никак не окрашенное, описание этнокультурных реалий, не подкрепленное собственным духовным опытом и *переживанием*.

В современной науке, изучающей явления духовности и человеческого бытия, нет места *переживанию* истины. Академические монографии и статьи содержат лишь сухое, рациональное препарирование фактов и нанизывание логических тезисов на эти факты. Мешает *пониманию* также узкая специализация, существующая в современной науке. Поэтому древняя духовная традиция бурят-монголов до сих пор ещё не становилась предметом познания и понимания со стороны выраженной в этой традиции тайны и *особого знания*. "*Для этнографа существенны не столько религиозные учения и догмы, сколько бытового уровня религии, прежде всего религиозное поведение, в том числе обусловленное различного рода суевериями*", - такого рода установка, исходящая от одного из ведущих отечественных авторитетов в отечественной этнографии (Бромлей, 1977, с. 14) имела значение методологического ориентира и руководства для целого поколения исследователей традиционных верований, в том числе шаманизма, отнюдь не способствуя глубокому пониманию шаманской культуры своего народа бурятскими религиоведами. Однако следует отдать должное иным бурятским этнографам и фольклористам: их работы (рукописи и опубликованные работы Хангалова, Балдаева, записи Хадахнэ,

Жамцарано, Балданжанова, Тугутова; Алексеевой; Бабушкина; а также опубликованные работы и полевые отчеты Галдановой - 1972 и 1974; 1987, 1996 и др.) содержат ценный фактический материал о древней духовности бурят, почерпнутый из их собственных полевых наблюдений. Многие материалы полевых экспедиций, предпринимавшихся ими в течение XX столетия, лежат до сих пор в архивах бесценным и никому не известным сокровищем. Вплоть до недавнего времени многие "шаманские" рукописи были закрыты и недоступны для изучения.

К сожалению, интерпретация шаманского наследия авторами этих исследований осуществлялась на основе принятых в историко-материалистической методологии критериев научности. Этой же особенностью отмечена весьма ценная в справочном отношении книга И.А.Манжигеева (1978), представляющая собой единственную до сих пор попытку обращения профессиональных философов к исследованию бурят-монгольского шаманизма. К сожалению, она могла быть реализована лишь настолько, насколько это возможно в рамках коммунистического атеизма.

Весьма впечатляющей является монография Д.С.Дугарова (1991). Изложенная здесь концепция происхождения белого шаманства отмечена полетом воображения и широким полидисциплинарным охватом материала, позволившим автору проводить неожиданные ассоциации при доказательстве основной своей идеи об индоиранском и шире - общиндоевропейском происхождении так называемого белого шаманства бурят. Исследователь обращает внимание на ряд действительно любопытных и возможных связей, существовавших между бурятскими верованиями, с одной стороны, и северогерманскими, скандинавскими божествами, а также древнетюркскими, переднеазиатскими, древнеиндийскими культурами - с другой стороны. Однако у меня вызывает сомнение обоснованная им гипотеза о том, что племенной бог тюркского происхождения - бог Айа и тюркского же происхождения божество земли Ёрд, были, якобы, восприняты бурятами, являющимися, по его мнению, потомками тюркоязычных курыкан.

Мнение о тюркском происхождении шаманских культов бурят является, по моему мнению, результатом искаженного понимания истории монгольского мира, все ещё широко распространенного среди отечественных историков. В силу этой аберрации восприятия прошлого монгольских народов принято объяснять многие культурно-политические и духовные явления в жизни монгольских народов как результат влияния соседних "культурных" народов - тюрков или китайцев. О причинах подобного историографического искажения я писала ранее (Урбанаева, 1995) и здесь не буду на этом останавливаться, сошлюсь только на подробно обоснованную мной на широ-

ком фактологическом материале концепцию преемственности духовной и культурной традиции аборигенов Центральной Азии (40) исключая Байкальскую Азию - на протяжении двухтысячелетней истории кочевых государств Центральной Азии - от хунну до монголов (XIII-XVII вв.). Речь идет не о заимствовании последующими кочевниками достижений и опыта кочевников более ранних эпох, а о том, что степняки бережно сохраняли и развивали Великое Наследие Степи, которое является общим достоянием центрально-азиатского кочевого суперэтноса, в состав которого с полным правом входили и предки бурят-монголов, независимо от того, жили ли они всегда в Прибайкалье и Забайкалье, или переселились сюда из более отдаленных от Байкала местностей Центральной Азии. Шаманские культы и писаницы, изучаемые на археологическом материале Байкальской Азии, являются в такой же степени **своими** для наших предков, как и сохранившиеся у современных бурят в их устной традиции обряды и песнопения, посвященные тэнгриам, хадам, эжинам и другим персонажам тэнгрианского пантеона. Они возникли в седой древности на базе самобытного мировосприятия наших предков-кочевников Центральной Азии и имеют общую природу с верованиями других народов этого региона. Так что говорить о заимствовании бурятами шаманских культов у тюрков нет никаких оснований - те и другие в течение тысячелетий жили в одном и том же культурном мире, сотворенном одним и тем же разумом - философской мудростью центрально-азиатской цивилизации.

Кроме того, я не из тех, кто принимает версию тюркоязычия курыкан. Для меня является более убедительной точка зрения Г.П.Румянцева, обосновавшего монголоязычие курыкан. Наконец, вспомним слова авторитета российского востоковедения Н.Я.Бичурина о том, что в прошлом кочевые народы Центральной Азии имели тенденцию "сидеть на своих местах" Они "сидели" на тех же самых местах, которые занимают их потомки: тюркоязычные народы - по северо-западным территориям Центральной Азии, тунгусоязычные - по северо-восточным её окраинам, а монголоязычные - на основной её территории, что раскинулась от Великой Китайской Степы до Байкала с юга на север и от Алтая до Приамурья с запада на восток (см.: Бичурин, 1950, с.10). Трансбайкалия входила в "коренной монгольский юрт", если воспользоваться выражением Рашид-ад-дина.

И в конце концов, различие между "тюркоязычными" и "монголоязычными" не имело абсолютно никакого этнодифференцирующего значения вплоть до Нового времени. Независимо от языка, на котором говорили аборигены Прибайкалья и Забайкалья, с глубокой древности они сохраняли ту же самую, что и в остальной Центральной Азии, духовную, философскую, экоэтическую и политико-

правовую Традицию (см.: Урбанаева, 1995). Тэнгрианство было тем общим центрально-азиатским мировоззрением, из которого произошли шаманские культы аборигенов и другие духовные явления, специфические для мира наших предков.

Предложенная Д.С.Дугаровым концепция белого шаманства бурят как явления заимствованного не может, на мой взгляд, удовлетворительно объяснить особенности древней религии наших предков, в том числе и существующее подразделение шаманов на “черных” и “белых”

К наиболее авторитетным российским исследователям шаманства относится В.Н.Басилов, перу которого принадлежит ряд работ, посвященных шаманству в Средней Азии и Казахстане. Его исследования насыщены фактическими данными о бытовании шаманских верований и обрядов во взаимодействии с исламом. Он указывает также на ряд моментов, говорящих о связи средне-азиатского и шире - тюркского шаманства с другими религиозными и духовными традициями, в частности, с буддизмом, с ритуалами уйгурского тантрического багши. (См: Басилов, 1992, с. 49). На последнее обстоятельство ранее обращали внимание также В.В.Бартольд (1968), Э.Эсин (1970).

В.Н.Басилов исследует также моменты связи изучаемых им форм шаманства с зороастрийскими культами, в частности, с культом ивы. Он анализирует видоизменения, которые претерпел шаманизм в этом регионе в условиях его исламизации. Особенно важным для меня является его наблюдение об особой близости шаманской практики с ритуальной практикой суфиев - носителей эзотерического знания в данном регионе.

Примечательно, что странствующие мусульманские мистики отмечали себя некоторыми внешними признаками, которые находят соответствие в шаманстве, особенно в сибирском - например, нестриженные волосы, ритмичные движения под музыку и трюки, детали одеяния - шапки из шкур, посох со звенящими подвесками, погремушки, а также посохи, на которых шейхи (смотрители святынь) могли летать по воздуху (Басилов, 1992, с. 288). Посохи-*хорьби*, служившие волшебными конями, были неперменным атрибутом бурят-монгольских и отдельных эвенкийских шаманов. Общей для суфиев и шаманов является также функция посмертного сопровождения души на “тот свет” Басилов приводит случаи, когда *зикр* - суфийский обряд совершался в рамках местной шаманской традиции в лечебных целях для изгнания духов, а также случаи, свидетельствующие о том, что, наоборот, шаманская обрядность впитала в себя ритуальные традиции *зикра* (с. 294).

Подобное ритуальное взаимопроникновение шаманства и суфизма В.Н.Басилов объясняет близостью этих двух разных форм экс-

тагической обрядности. Речь идет о том, что *“преемственная связь между шаманством и поздними формами мистицизма не оборвана и все разновидности религиозного экстаза имеют общую принципиальную черту: экстаз означает личную связь с миром сверхъестественного.”* (Там же). Это очень важное положение находит, как увидим ниже, подтверждение на бурят-монгольском и шире - центрально-азиатском материале, свидетельствующем о ритуальной близости шаманства и местных форм бытования буддизма. Эти средне- и центрально-азиатские данные служат в пользу развиваемой мной точки зрения, что духовная традиция бурят-монголов, которая именуется шаманством, выражает древнее эзотерическое *знание*, которое было известно многим народам. Исторически это эзотерическое знание существовало и передавалось по определенным линиям преемственности, сформировавшимся внутри каждой региональной или национальной культуры - в формах, специфических для данной культуры.

Добросовестные в этнографическом отношении исследования Басилова не доходят, к сожалению, до признания и понимания *чудесной реальности* описываемых обрядов и явлений. Для него в изучаемых феноменах нет тайны. Автор ограничивается в деле их интерпретации тем, что приводит объяснения, даваемые самими шаманами: *“Эти действия, которые удобно обобщению назвать трюками, были традиционными (одни и те же трюки совершались разными шаманами у разных народов). Способность шаманов к трюкам объяснялась с помощью их духов.”* (Там же, с. 214). Сам Басилов не может принять подобное объяснение, хотя и признает, что *“трюки”* совершаются шаманами в особом, измененном, состоянии психики в состоянии *экстаза*, причем абсолютно контролируемого шаманом с помощью невероятной воли и концентрации (там же, с. 217-223). Он трактует это особое состояние *“будто бы причиненное приходом духов”* - в терминах психологии условного рефлекса, а шаманские видения называет галлюцинациями. *“Экстаз вызывается самовнушением, основанным на глубокой убежденности шамана в том, что он - избранник духов.”* (Там же, с. 228). И даже в случаях шаманского целительства очень трудно доказать, как он полагает, *“что в том или ином случае воздействие шамана на пациента выходит за рамки внушения и самовнушения.”* (Там же, с. 214). Этнографу, по его мнению, лучше не браться за задачу исследования шаманского воздействия на пациента, как и за объяснение *“трюков”*

А что ещё остается добросовестному ученому, мыслящему в соответствии с критериями, принятыми в современной науке с её стихийным материализмом? Единственное, что может сделать последовательный ученый-материалист в разгадке шаманских *“трюков”* - это убедительно отклонить широко бытовавшее прежде мнение о *“ненормальности”* шаманов. Что и делает Басилов, когда доказывает,

что хотя шаманский экстаз обязан личностным особенностям шамана, но видения шамана не произвольны - они созданы не индивидуальными качествами психики, а социокультурными стереотипами. Воображению шамана, подчеркивает он, *"предстают хорошо знакомые ему духи, то есть образы, уже когда-то усвоенные его сознанием. Этих духов призывали себе на помощь многие поколения бывших до него шаманов. При этом шаман сохраняет прочную связь с реальным миром, чуткую реакцию на поведение присутствующих."* (Там же). В разных культурах, по его мнению, вырабатываются неодинаковые способы достижения экстаза (там же, с. 223).

Изложенная здесь в вопросе о природе шаманского экстаза и "чудес" позиция одного из ведущих в мире исследователей шаманизма вплотную подводит к проблематике измененных состояний сознания и к психологии коллективного бессознательного. Но сам Басилов эту проблематику не затрагивает, хотя и оказался к этому очень близок. Вместо этого он загоняет свой поиск в тупик, заявив, что технику шаманских "трюков" должны объяснять мастера иллюзиона, а не ученые (там же, с. 214). Впрочем, подобный ход - отклонение от объяснения шаманских феноменов - довольно типичен для этнографов.

На примере работ В.Н.Басилова можно наглядно увидеть и богатый фактологический потенциал современной науки в изучении шаманизма, и методологический потолок, ограничивающий её познавательные возможности чисто дескриптивными задачами. Одним из немногих исследователей, пытающихся понять ту идеологию, которая лежит в основе шаманизма, и соотнести её с реальностью, то есть дать определенную онтологическую интерпретацию шаманизма, является М.Элиаде (см.: Элиаде, 1987, с. 145-199), исследования которого интересны для меня тем более, что он является тем редким представителем современной науки, который, не ограничивая себя узкой специализацией, работает одновременно в целом ряде смежных областей науки - антропологии, мифологии, философии, истории.

Очень важным открытием Элиаде является, на мой взгляд, следующее. Речь идет о том, что космологическая идея Мировой Оси, изученная на материале сибирского и центрально-азиатского шаманства, не выражает исключительно шаманскую идеологию. *"Это повсеместно распространяемая идея, которая связана с верой в возможность непосредственного сообщения с Небом. В плане макроскопическом это сообщение изображается в виде Оси (Дерева, Горы, Столпа и т.д.), в плане микроскопическом оно обозначается центральным столбом жилища или верхним отверстием шатра; это значит, что всякое человеческое жилище проецируется в Центр Мира или что любой жертвенник, шатер или дом делают возможным прорыв уровня, а следовательно, и восхождение на Небо."* (Там же, с. 150). Но дело в том,

что эту известную у всех народов космологическую идею только шаманы преобразуют в конкретный мистический опыт, и этот последний "есть опыт индивидуальный и экстатический" (там же, с. 151) и как таковой он является неким особым феноменом, отличающимся от религиозной жизни народа. Верующим шаманистам, то есть народу, "Центр Мира позволяет направлять к небесным богам свои просьбы и приношения, тогда как вторым он дает возможность улететь в прямом смысле слова. Реально сообщение между тремя космическими зонами возможно лишь для этих последних." (Там же).

Открытие индивидуального характера экстатического опыта шаманов проливает свет на причины того, почему шаманский экстаз не поддается научному изучению: наука привыкла иметь дело с повторяющимися событиями, обобщать сходные, устойчивые, существенные, необходимые признаки и формулировать на этой основе закономерности и причины. Мысль Элиаде об индивидуальном характере шаманского опыта по-новому освещает для меня слова бурятской шаманки Н.А.Степановой, которая постоянно повторяет: "Я волк-одиночка, и каждый из нас, шаманов, такой же волк-одиночка. Мы собираемся на тайлаган, а проведя его, снова расходимся, такие же одинокие - каждый наедине со своими силами" Эти слова иногда люди воспринимают как выражение обычных амбиций - игры "эго" и чувства соперничества между шаманами.

Правда, большинство современных бурятских шаманов не впадают в экстаз, подобный тому, который овладевал шаманами прошлого, и о котором я знаю из этнографической литературы, архивных материалов и устных преданий. Судя по архивным записям Хангалова, Балдасва, Хадахнэ, сделанным ещё в начале XX столетия от стариков, живших в то время, уже тогда шаманы были не те, что прежде. Бурятский этнограф Г.Р.Галданова, анализируя свои полевые записи 1972 г., делает замечание относительно современного словоупотребления термина "шаман": "Это, конечно, совсем не тот шаман, которого подразумевают под этим названием. У современного "шамана" нет специфических атрибутов, он не знает экстаза. Функция его заключается в основном в заключении сэргэма (41), сопровождаемого текстами призываний, обращенных к духам-хозяевам местности и духам предков. Почему до сих пор, несмотря на отсутствие действительных шаманов, продолжает бытовать этот термин и существуют люди, которых называют шаманами?" (Галданова, 1987, с. 102). И хотя в 90-е годы бурятское шаманство находится в гораздо более благоприятных условиях, чем во все предыдущие периоды XX века, сказанные в 80-х гг. слова бурятской исследовательницы могут быть распространены и на сегодняшний день: нынешние шаманы не умеют онго оруулха, то

есть входить в экстаз и совершать поразительные чудеса, подобные тем, что совершали их предки.

По данным Басилова, современные шаманы в Средней Азии и Казахстане тоже не совершают шаманских полетов и путешествий в верхний или нижний миры, а в основном они занимаются лечением с помощью подчиненных им духов, а что касается шаманской космологии, то современный шаманизм, по его сведениям, совмещается с любой космологией.

Что же есть в таком случае шаманство - удивительный феномен, поражающий людей в прошлом, явление, выжившее и сохранившееся, хотя и в измененном виде, в течение XX века и бурно возрождающееся с невиданной силой накануне третьего тысячелетия? В чем тайна шаманства и его глубинная сущность, если экстаз - феномен исключительно индивидуальный и к тому же переживаемый не всеми шаманами, если и полеты - не универсальная шаманская способность, если и классические чудеса шаманы сегодня не совершают, а загадка шаманства всё-таки остается неразгаданной? Современная наука пока не справляется с пониманием ни прежнего, ни современного шаманства.

Почему? Ключ к разгадке шаманской тайны лежит, по моему убеждению, сформировавшемуся в ходе занятий "шаманскими" рукописями, бесед с современными шаманами и парапсихологами, изучения эзотерической литературы, в области тайноведения - эзотерического знания, то есть за пределами возможностей обычного научного исследования. Из всех ученых, занимавшихся изучением шаманизма, пожалуй, более всех в направлении эзотерического его понимания продвинулся М.Элиаде. Но он составляет исключение.

Современные ученые, изучающие шаманизм и вообще "чудесные" явления, делают это, исходя из того "проекта" реальности, который был выработан ещё в Новое время в Европе, и эта новоевропейская по происхождению современная наука является, по сути, ни чем иным как "способом исчисляющего опредмечивания сущего", если воспользоваться определением М.Хайдеггера (1993, с. 37). Иначе говоря, это такой способ отношения к сущему, который не оставляет места для Другого, для потаенности бытия и потому не представляет иного способа познания, кроме логического "исчисления" сущего - его описания, классификации, систематизации и т.п. Здесь нет места ни осмыслению, ни вопрошанию, ни диалогу, нет решимости испытать тот "сущностный ужас", который является "залогом таинственной возможности опыта бытия" (там же, с. 38) и рядом с которым обитает "священная робость", которая *"освещает и ограждает ту местность, внутри которой человеческое существо осваивается в Пребывающем"*. Современная наука лишена смелости узнать *"в бездне страха почти нехоженый простор бытия"* (там же, с. 39). В мире точного знания

каждая вещь есть лишь то, чем она считается. "Но то, что повсюду и постоянно заранее уже замкнулось в себе от нахрапистого расчета и всё же в своей загадочной неведомости оказывается ближе человеку, чем любое сущее, среди которого он со своими проектами устраивается, может иногда настроить человеческое существо на такое мышление, чью истину не способна схватить никакая "логика" "(Там же).

Пример такого мышления, не связанного логикой и всеобщим консенсусом реальности, обеспечивающим научному исследованию предметную сферу внутри сущего и строгость исследования, - Хайдеггер называет это "бытийным мышлением", - есть прежде всего фундаментальная онтология" самого Хайдеггера. Это одно из лучших достижений самой тонкой, глубокой и строгой человеческой мысли, обращенной к тайне бытия.

Мы здесь несколько преждевременно обращаемся к этому удивительному философу, чтобы, опираясь на его авторитет, подчеркнуть ограниченность возможностей, которыми располагает в деле познания тайны "чудесных" феноменов и мира *урайн* наших предков современная наука с её приверженностью к логике и "исчислению" мира.

Однако возможности науки гораздо шире тех пределов, в которых работает большинство научных "проектов" мира. К тому же люди науки имеют склонность выдавать за сущность науки свои собственные представления о ней. Критикуя науку за логичность, я отнюдь не призываю к алогичности и отказу от строгого мышления. Речь идет о том, что надо бы, познавая строгий мыслью таинственный мир *урайн* - старобурятскую мистику, не просто описывать, классифицировать, типологизировать шаманские феномены, но прежде всего - осмысливать, начать мыслить о шаманстве и о бытии наших предков.

Но для того, чтобы начать мыслить об этом, следует позаботиться о подготовке подобного осмысления. А в деле подготовки нам могут помочь не только и не столько описательные исследования о шаманстве, сколько опыт онтологии, достижения человечества в осмыслении бытия вообще и фундаментальных измерений человеческого существования, ибо только осмысление и способно впервые вывести познающего человека к месту его пребывания - родине бытия, ради чего и имеет смысл для меня изучение бурят-монгольского шаманства.

В надежде на обретение утраченного Дома Бытия в эпоху бездомности, всеобщего отчуждения и заброшенности человека для людей естественно обращаться к осмыслению предельных вещей в своем мире и к *просвету бытия*, в котором скрывается его захватывающая потаенность. Я отдаюсь этой силе притяжения, чтобы наконец-то попытаться выбраться из мира теней (42). Сделать это - поистине гяжелейшая задача для узников "пещеры" - каковыми мы являемся - и люди науки, и носители обыденного сознания.

Узники платоновской пещеры обречены целиком и полностью принимать за истину тени проносимых мимо предметов и, обмениваясь между собой впечатлениями, они думают, что воспринимаемые ими тени — это действительность, и пока они прикованы, им не дано знать ни действительных предметов, ни освещающего мир света. Но если бы кого-нибудь из них освободили от оков и понудили внезапно встать, повернуть шею, тронуться в путь и взглянуть на источник света, то это можно было бы осуществить, лишь преодолевая боль, да и то из-за мерцания огня он едва ли был бы в состоянии взглянуть на вещи, чьи тени раньше видел. А если бы и взглянул, то *“разве не захотел бы он тут же отвернуться и бежать (назад), к тому, смотреть на что ему по силам...?”*, — вопрошает Сократ в “Государстве” Платона. Ну а если бы кто-то насильно вытащил узника на солнечный свет, то *“разве не испытал бы таким путем влекомый боли и негодования? И разве не ослепило бы ему при выходе на солнечный свет глаза и не оказался бы он бессилён видеть хотя бы что-то из того, что теперь открылось бы ему как непознаемое?”* (Хайдеггер, с. 347). Должна произойти адаптация к свету и к реальности.

Но если бы бывшему узнику после того, как он познал свет и небо и все, что есть прекрасного под небом, пришлось вновь спуститься в пещеру к узникам и принять участие в их разговорах о значении теней, то эти прежние его товарищи по заключению стали бы о нем говорить, *“что из своего восхождения он вернулся с испорченным зрением, а значит, не стоит даже и пытаться идти ввысь.”* (Платон, с. 324). А того, кто попытался бы освободить узников, чтобы вести ввысь, к свету, *“того разве они не убили бы, попадись он им в руки?”* (Там же).

Древние греки две с половиной тысячи лет назад знали об относительности знания, которым обладает человечество, и о существовании внутренних “оков” в человеческом мировосприятии, препятствующих видению. Платон предсказал судьбу Иисуса Христа — Его распяли за то, что Он указал человечеству Путь к Свету. И распяли те, кто предпочел остаться “узником”. Эти узники и есть воинствующие носители здравого смысла обыденного сознания — они с рождения прикованы каждый к своему месту без возможности даже повернуть голову. Научное знание имеет больше степеней свободы, но его носители, как правило, тоже не подозревают, что есть реальность за пределами данной “пещеры”, в которой они находятся с рождения, будучи прикованными, они не знают или не хотят знать о том, что вне подземелья есть яркий свет, под которым существуют прекрасные вещи, живут другие люди. *“Пристрастившийся к своим “взглядам” человек пещеры не может даже предчувствовать возможность того, что его действительность способна оказаться вообще только тенью”* (Хайдеггер, с. 349).

Эта древняя притча о человеческом знании говорит нам о том, что возможность познания находится в непосредственной зависимости от степени свободы человека: четыре ступени знания, о которых повествует платоновский миф, соответствуют четырем ступеням восхождения к свободе. Обыденное знание и наука относятся к первоначальной ступени. Выйти из “пещеры” и взглянуть при свете солнца на реальность - это та общая онтологическая задача, которая связана с осмыслением шаманской мистики и старобурятской реальности *урайн*.

ГЛАВА 2 НА ПОДСТУПАХ К ОНТОЛОГИИ ТАИНСТВЕННОГО: ОПЫТ ФИЛОСОФИИ О ТАИНЕ БЫТИЯ И ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ

2.1. Философская мысль Запада о человеке и бытии

В этой книге я стремлюсь к тому, чтобы не только самой понять и осмыслить странные явления, присущие миру бурятской старины и традиции, но и попробовать сделать его понятным - как своеобразный духовный опыт наших предков - людям других миров, воспитанным на иных традициях мировосприятия и отношения к бытию, на иных культурных традициях. Чтобы это оказалось осуществимым, надо вывести сознание - и исследователя, и читателя - из порочного круга повседневного существования, развернув для осознания проблематичность самого человека и сущего. С этой целью обратимся к уже имеющемуся у человечества опыту понимания мира и человека и, в особенности, к достижениям мыслителей, являющих собой признанные вершины восхождения человеческого духа к Истине.

Рассмотрим опыт европейской философии в этом интересующем нас аспекте. В течение многих веков философы Запада снова и снова возвращаются к обсуждению метафизических проблем, относящихся к существованию человека и к бытию вообще, и находят всё новые позиции их рассмотрения. И одно это говорит о том, что бытие вообще и вопрос о существовании есть захватывающая тайна. Всякий, кто стремится к её постижению, становится её пленником, обреченным на нескончаемый поиск решений вопросов, которые, быть может, не имеют ответов. Не имеют ответов? А может, философствующая мысль Запада движется в некоем порочном круге - подобно тому как пребывает в круге повседневности обыденный разум с его жесткой привязкой - здравым смыслом? Пусть даже круги философской мысли значительно шире?

Подозрение такого рода и ощущение существования у западной философии некоего потолка мыслительных возможностей - несмотря на все её гносеологические претензии усугубляются неизбежным трагизмом философского опыта Запада в постижении истины человеческого существования. Чувство принципиальной ограниченности европейской философии в её попытках наделения бытия смыслом, невозможность установления в ней живой связи человека с трансцендентным - эти ощущения, возникающие у меня при восприятии европейской метафизики, являются не беспочвенными. Именно из-за неспособности западной философской мысли к постижению бытия со стороны его потаенности, отдельно от неё существует на Западе религия, являющая собой для человека гораздо более счастливую по

крайней мере, обнадеживающую - возможность постижения бытийственности и истины человека в её неограниченной полноте. По тем же причинам отдельно от философии здесь живут поэзия и мифология. Говоря словами Хайдеггера, поэт и мыслитель обитают на соседних вершинах - но они разделены пропастью.

Такое положение в европейском отношении к миру свидетельствует об отсутствии универсальности и целостности в самом европейском мировосприятии. Философский интеллектуализм отделен от всех других способов постижения мира расстоянием, которое можно преодолеть, прыгнув через бездну. Особенно наглядно эта расщепленность западного мировосприятия обнаруживается в различии, существующем между религиозной верой и знанием как её контрагентом - знанием "посредством концептуальной объективации", как называет его Маритен (Маритен, 1994, с. 29), и верой.

Там, где мысль ученого и философа не может продвинуться ни на полосок, вера осуществляется как *движение бесконечного*. Там, где философия констатирует парадокс и абсурд, для верующего происходит "блаженный прыжок в вечность" (Кьеркегор, 1993, с. 43) и невозможное становится возможным - благодаря силе веры удается постичь то, что помыслить не хватает энергии. Кьеркегор раскрыл эту пропасть, существующую между знанием-мыслью и знанием-верой на примере библейской истории Авраама.

Авраам - это *"тот, кто оживил невозможного, стал самым великим из всех"*, *"он был велик мощью, чья сила лежала в бессилии, велик в мудрости, чья тайна заключалась в глупости, велик в той надежде, что выглядела как безумие, велик в той любви, что является ненавистью к себе самому."* (Там же, с. 23).

"Через веру свою Авраам вышел из земли праотцев и стал чужаком на земле обетованной. Он оставил позади одно и взял с собою другое; он оставил позади свой земной рассудок и взял с собою свою веру; в противном случае он вообще не отправился бы в путь, решив, что это бессмысленно..."

Через свою веру Авраам получил обещание, что в его семени будет благословен всякий человеческий род на земле. Время шло, возможность этого всё так же была открыта, и Авраам верил; время шло, это стало невероятным, Авраам верил... Но затем время исполнилось...

Потому в доме Авраамовом была радость, когда Сарра стала невестой в день золотой свадьбы" (Там же).

Но Авраама ожидало ещё одно испытание веры: Бог потребовал от него принести в жертву единственного сына, обретенного в сто лет благодаря чуду веры. И этот поступок Авраама во имя веры на горе Мориа, когда он занес нож над сыном своей старости, - есть **парадокс**, не поддающийся вообще мысли. Кьеркегор признается, что уделил

значительное время изучению философии Гегеля и ему удалось её понять - так что голова от этого не страдает. *“И напротив, когда мне приходится думать об Аврааме, я чувствую себя как бы уничтоженным. Каждое мгновение у меня перед глазами стоит этот ужасный парадокс, который и составляет содержание Авраамовой жизни; каждое мгновение я оказываюсь вновь отброшенным назад, и моя мысль, несмотря на всю содержащуюся в ней страсть, не может проникнуть в этот парадокс, не может продвинуться и на волосок.”* (Там же, с. 34).

Сознание должно совершить **“движение бесконечного”**, чтобы постичь парадокс веры Авраама, чтобы не опуститься до примитивного толкования повести об Аврааме, с точки зрения здравого смысла или обыденной философии морали, как попытки Авраама убить своего сына. Кьеркегор прав, говоря, что понимание истории Авраама как феномена веры требует определенной **энергии понимания**, и энергия человеческой мысли - интеллекта всегда оказывается недостаточной для этого; даже если в ней присутствует страсть. У абсолютного большинства из нас энергии сознания слишком мало, чтобы хотя бы дать себе труд задуматься над этой историей. *“Прошли уже бесчисленные поколения тех, кто слово в слово знал повесть об Аврааме, но скольких из них эта повесть лишила сна?”* (Там же, с. 30).

Парадокс веры или **“движение бесконечного”** - это то бездонное, что отделяет западную религиозную жизнь и теологию от западной философии, несмотря на все размышления последней о Боге. Даже любя Бога и рассуждая о Нем, западно-европейские мыслители рефлектируют, как правило, о человеке, а не о Боге - отсутствует то **“движение бесконечного”**, благодаря которому совершается прыжок в абсурд, на который даже Кьеркегор, несмотря на весь его мистицизм, оказывается неспособным. *“Последнее движение, парадоксальное движение веры я осуществить не могу...” “Если бы мне самому когда-либо удалось осуществить такое движение, я после этого ездил бы уж только в упряжке четверкой.”* (Там же, с. 50). И это говорит самый религиозный в истории европейской философии мыслитель, теолог!

Поистине, есть в западной философии какой-то внутренний непреодолимый рационалистический предел, удерживающий мыслителей от свободного полета сознания; от **“движения бесконечного”** Признание Кьеркегора - это редкий в её истории пример предельной честности мысли, осознающей свою ограниченность и сами пределы, в которых она может что-либо постигнуть об истине бытия. Философия, по словам Кьеркегора, *“должна понимать самое себя и знать, что именно она предлагает, и она не должна ничего отнимать, и уж во всяком случае не должна обманывать людей, притворяясь, будто это (вера - И.У.) - ничто”* (Там же, с. 34).

Не совершил прыжка через бездну Кьеркегор, как не сделали этого и другие европейские философы, хотя они приложили бесконечно много интеллектуальных усилий для того, чтобы не дать человеческой душе рассеяться в конечном. Они остались в кругу философствующего интеллектуализма. В центре этого круга - проблема человека: Способ, каким человек дан философствующему разуму, задает также внутренний порог самоосознания и онтологическую глубину понимания бытия. Он определяет также самый смысл понятия "существование" и задает критерии существования.

Классическая философия Европы имела дело либо с миром вне человека - в космологических, натурфилософских и даже эстетических теориях, либо с самим человеком отдельно от мира, с "человеческой природой" в антропологии, психологии, этике. Но, как правило, человек был дан в познании как "он". И гораздо реже мыслители задумывались об отношении человека в качестве "я" или "мы" к миру и к самому себе. Совсем редко философствование шло от первого лица - "я" конкретного человека, решающего для себя тайну бытия.

Античный антропоцентризм, установивший самодостоверного субъекта в качестве "того, чем" - масштаба и меры познания и существования, лег в основание всей европейской онтологии. Аксиома самодостовренности разумного человеческого существа предполагает абстракцию "человека вообще" родовой человеческой сущности, которая едина для всех людей. Это понятие всеобщности человеческой природы превращало философствующего человека из существа, вопрошающего о тайне своего и мира существования в некое, как говорит М.Бубер, "оно" - в вещь среди вещей, в часть мира. Человек рассматривает себя лишь как экземпляр человеческого рода и как некий "случай" *"Человек мыслится лишь в мире, мир же не мыслится в нем."* (Бубер, 1993, с. 82). "Он" мыслился как часть конечного мира - самодостовренный субъект шарообразного мира эллипов и ещё более ограниченного мира европейского Средневековья. В Новое время положение принципиально не изменилось.

Даже Николай Кузанский, относившийся к человеку как к чудному произведению божьему, настолько чудному, что он объявляет: *"человек есть бог"* ("человеческий бог") и *"внутри человеческой потенции есть по-своему всё"*, всё же продолжает говорить о человеке в третьем лице и признает существование *"одной неделимой человечности"* (Кузанский, 1979, с. 165, 259, 260). Человек продолжает оставаться, как и во времена Аристотеля, вещью среди вещей, пусть и вызывающей восхищение тем, что в ней в свернутом виде содержится "вселенское целое"

В новоевропейской культуре лежат корни опредмечивающего познания, из которых произросли наиболее отвратительные, по словам А.Ф.Лосева, формы творения всего бытия из собственного субъекта, - материалистический и позитивистский нигилизм. *“Это полное отпадение от бытия, бессильная злоба и бесплодное нападение на бытие и изуродование, изнасилование себя самого во тьме сумасшествия и одиночества. Это тюремное заключение, когда тюрьмой является человек сам для себя и когда в злобе и свирепом бунте против жизни человек набрасывается сам на себя и с остервенением и мучительством убивает себя, думая, что этим он достиг полной истины”* (Лосев, 1993, с. 856).

Абстракция родовой человеческой сущности или человеческой природы, единой для всех, которая лежит в основе западной философской мысли о человеке и мире, делает возможным традиционный её ход при осознании таинства смерти и Воскресения Христа: через Его смерть человечество человек вообще стяжало бессмертие. Этот мыслительный ход стал возможен именно потому, что продолжает действовать онтологическая аксиома о всеобщей “единой неделимой” человеческой природе. У Кузанца это выражено так: *“Итак, через Христа сообразно природе его человечности наша человеческая природа стяжала (contraxit) бессмертие, и через Христа мы, родившиеся подвластными телесному движению, надвременно воскреснем в его подобие, когда это движение прекратится”* (Кузанский, с. 166). Или в другом месте: *“Христос пошел на смерть, чтобы вместе с ним воскресла к вечной жизни человеческая природа и животное смертное тело стало духовным и нетленным.”* (Там же, с. 162). Из этого мыслительного хода, обязанного своим рождением исключительно европейскому мировосприятию, развивается представление о спасении через Христа всего рода человеческого для вечной жизни. Отсюда же происходит и христианская нетерпимость к другим религиям, где отрицается посредничество Христа в восхождении человека к нетленному бытию, - эти духовные учения объявляются “суевериями”. Иной возможности помыслить для себя (и для рода человеческого) вечность европейский человек не видит.

Даже тогда, когда западное сознание делает посредством “умного незнания” скачок к вере, оно делает это в соответствии с исходными чисто европейскими предпосылками философствования - аксиомами о “человке вообще”, - и потому приходит к вполне определенной онтологии того чуда, которым является преодоление человеком смертности. “Первый возродившийся из мертвых” (там же, с. 165) является гарантом обретения всеми людьми вечности именно в силу признания европейцами “единой неделимой человечности”

Ум западного философа не задается более проблемой: “Что есть смерть? И как возможно человеку преодолеть свою смертность?” А ведь согласно преданиям об Иисусе, Он совершил многие чудеса, свидетельствовавшие о его богоизбранности, в том числе чудеса воскрешения умерших. Ему удавалось победить смерть, когда она уже владела тем, что ей принадлежит. Как Ему удалось это сделать? Разве это не тайна из тайн? Как помыслить такую тайну? Западный разум и не пытается это сделать.

Философия как способ объективирующего познания оказывается принципиально недостаточным, когда мыслитель пытается осознать, осмыслить предельнейшие вещи. Чтобы их осмысление стало возможным, познание должно начинаться с вопросов: “Что есть человек?”, “Кто я?” “Смысл - это бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и надлогическому” (Лосев, 1993, с. 816). А осмысление есть “*мужество ставить под вопрос прежде всего истину собственных предпосылок и пространство собственных целей*” (Хайдеггер, 1993, с. 41). Философы, работающие со смыслами, занимаются **вопрошанием** самого себя в своем первичном и фундаментальном отношении к сущему. Помните гераклитовское: “Я вопрошал самого себя” (Diels, 101 фр.) и сократовское: “Я не знаю, кто я...”

Те вопрошавшие мудрецы, которые стояли у истоков европейской цивилизации, знали - по какой бы дороге ты ни шел, не найдешь границ души; настолько глубока её основа - *логос*. И время от времени, в кризисные для европейской души периоды, вопрос “Что есть человек?” ставился снова, как, например, у псалмопевца и у Августина, повторившего его вопрос “*Что есть человек, что Ты поминишь его*” (Псалтирь: псалом 8, стих 15). (См.: Новый Завет и Псалтирь, 1990). Или у Хайдеггера: “*Что такое человек, что с ним в основание его существования совершается такое? Не есть ли то, что мы знаем о человеке, животное, шут цивилизации, хранитель культуры, даже личность, - не есть ли всё это в нем только тень чего-то совсем другого...?*” (Хайдеггер, с. 331). И тогда голос философии звучал как ностальгия, как тоска по чему-то очень значимому для людей, но знание о чем утрачено или ещё не обретоно.

В периоды же обустроенности европейского мира западная философия имела дело с человеком как с чем-то, что “все знают” (Демокрит) - с чем-то “самодостовверным” (Декарт), с “разумным живым существом”, - не давая себе труда помыслить об истоках этого понятия. По справедливому замечанию Хайдеггера, все учения о человеке и все виды гуманизма, вплоть до современного, предполагают максимально обобщенную “сущность” человека как нечто самопопятное. Человек считается “разумным живым существом”, *animal*

rationale. В этом понятии, восходящем к древнегреческой метафизике, заранее уже заложена, объясняет Хайдеггер, определенная трактовка “жизни” и “природы”, внутри которой выступает жизнь. *“Сверх того и прежде всего надо ещё наконец спросить, располагается ли человеческое существо - а этим изначально и заранее всё решается - в измерении “живого” animalitas. Стоим ли мы на верном пути к существованию человека, когда - и до тех пор, пока - мы ограничиваем человека как живое существо среди других таких же существ от растения, животного и Бога?”*- вопрошает Хайдеггер, руководствуясь обоснованным подозрением, что существо человека европейской метафизике до сих пор помыслить не удавалось (Хайдеггер, с. 197, 198).

Классическая западная философия всегда не домысливала человека, как не домысливала она “жизнь”, “сущее”, “бытие”, “существование”. Она сводила онтологию жизни и бытия к отождествлению “сущего” и “бытия”. А проблема существования не мыслилась классическими европейскими метафизиками во всей той экзистенциальной напряженности, с какой выражена у Хайдеггера мысль об укорененности человека в бытии и потаенности самого бытия, с той страстностью, с какой обращается к тайне чудесного в природе человека Кьеркегор, с проникновенностью, с которой Бубер призывает к постижению диалогической сущности бытия человека.

Осознаваемое современными философами “вопрошания” классическое недомысливание предельных оснований человека в его отношении к бытию было в определенном смысле задано самоопределением западной философии как рационального знания, опирающегося на чувственный опыт субъекта, и самоопределением субъекта познания как “разумного живого существа”, понятие которого было лишь бедной абстракцией человека вообще. Европейская мысль изначально задала себе такие параметры познания, которые были сопряжены с внутренними барьерами, возведенными по эту сторону тайны бытия.

Учитывая всё более исключительную укорененность европейского мироистолкования в антропологии - в антропоцентризме как позиции “человека вообще”, выступающего в роли “то, чем”, когда сущее в целом интерпретируется и оценивается от этого бедного “человека вообще” и по “человеку вообще”, трудно ожидать, что западная философия сможет истолковать бытие в его таинственности, чудесности, неведомости, в несоизмеримости с субъектом объективирующего познания. И трудно ожидать от современного человека, воспитанного на европейской онтологии и антропологии, что он, как древние люди, найдет в себе мужество заглянуть в “зияющий хаос сущего” и **принять реальность**. Хайдеггер в этом отношении - выдающееся исключение.

Наращение онтологического страха, отчаяния, ощущения бездомности и одиночества человека - по-своему закономерное следствие европейского способа саомосознания и осмысления бытия. Столь же неслучайно западная метафизика старается избегать говорить на темы магии, колдовства вообще чудесного, всего того, что не является предметом познания в европейской традиции науки и философствования. А то, что не является предметом познающей мысли, то и не наделяется статусом существования. Ведь провозглашенное ещё в античности единство бытия и мышления служило европейской философии долго, вплоть до Гегеля, критерием существования. И даже Бога в этой традиции мысли помыслить удастся постольку, поскольку *"чистый, не знающий пределов разум есть само божество"* (Гегель, 1976, с. 5).

Речь не идет о том, что западная мысль вообще не признавала тайн существования. *"Действительно, связь бесконечного с конечным... святая тайна, потому что она есть жизнь и, следовательно, - тайна жизни"*, - говорил тот же Гегель. (Там же, с. 151). "Святая тайна бытия" существует для европейской философии, но как её помыслить в человеческом знании человеком, живущим, по выражению Гегеля, под "ярмом действительности" (там же)?

Язык действительности, пишет великий философ в своей "Философии религии", - непригоден для того, чтобы выражать духовное, ибо сообщение о духовном *"более чем что бы то ни было, требует от воспринимающего способности постигнуть сказанное в последней глубине собственного духа;... поэтому такого рода объективный язык обретает смысл и значение лишь в духе читающего, причем смысл столь различный, сколь различным может быть осознание жизненных отношений и противоположение живого и мертвого."* (Там же, с. 154). Для самого Гегеля жизнь есть сущее, а сознание тоже есть сущее - рефлексированное сущее, и бог есть сущее - в форме логоса. Многообещающий ход, связанный с осознанием проблематичности различения живого и мертвого, оказывается холостым, ибо остается прежний критерий существования, привязанный к мышлению.

Нельзя сказать, что классическая философия Запада уклонялась от постижения священной тайны жизни - мыслители не раз пытались осознать её, поднимая вопрос о связи бесконечного с конечным, *"ибо эта связь и есть сама жизнь"*. (Там же, с. 157). Наиболее значительным символом этой тайны является в западном сознании богочеловечность Иисуса и его отношение к Богу, как Сына к Отцу. Европейцы пытались постигнуть природу Иисуса как воплощение связи бесконечного и конечного и на пути познания, и на пути веры. В традиции западного познания принято мыслить абсолютное различие Бога и человека, и при этом предпринимается попытка осмыслить эти две субстанцио-

нальности как единое. Но на пути познания это оказывается неосуществимо: приписывая рассудку способность постигнуть абсолютно различные сущности и одновременно их абсолютное единство, познание либо разрушает полагаемое единство, спасая рассудок, либо должно жертвовать рассудком, на что оно не может пойти.

Спасая рассудок, древние иудеи остановились на абсолютном различении божественного и человеческого и вознесли *“абсолютное разъединение, умерщвление, до последних высот духа”* (Там же, с. 160). С этих позиций иначе как богохульство нельзя было расценить слова Иисуса: *“Отец во мне, я в Отце, кто видел меня, видел и Отца, кто верит в Отца, знает, что речь моя истинна, я и Отец одно.”* - *“Да и как могли они познать в человеке нечто божественное, они, эти несчастные, которые несли в себе только сознание своего ничтожества и унижительного рабства, своей противоположности божественному, сознание неодолимой пропасти между человеческим и божественным бытием?”* (Там же).

По мнению самого Гегеля, божественное может быть познано только духом, ибо в этом случае нет *“пропасти объективности”*, а имеет место единение обоих, в то время как отдаленность от божественности есть *“пребывание в плену действительности”*, которое не позволило иудеям даже прославляя Иисуса, *“даже возвышая его над действительностью человеческой жизни”*, все же *“выйти за пределы действительности”* - и они увидели в нем лишь определенного индивидуума. *“Когда же Петр высказал свою веру в сына человеческого, познав в нем сына божия, Иисус сказал ему: “Блажен ты, ибо Отец небесный открыл тебе это.”* (Там же, с. 162). Петр познал сущность Иисуса не обычным познанием, а божественным откровением. Петр смог постигнуть божественную сущность Иисуса тем божественным началом, которое заключено в нем самом и созвучно сущности Иисуса, - объясняет Гегель особенность этого вида познания.

Гегелевское толкование связи конечного с бесконечным в бытии человека как *“живого единения”* относится к типу философствования, которое выше традиционной метафизики и так же значимо в деле постижения потаенности бытия, как и *“вопрошание”* Гераклита, Сократа, Августина, Кьеркегора, Хайдеггера. Тайна жизни и бытия открывает свой покров тем, кто не возводит перед собой *“пропасть объективности”*

Для тех, кто приоткрывает *“святую тайну”* бытия, кто постигает единство бесконечного и конечного, перестает так безысходно трагически восприниматься главный ужас человеческого существования - смерть. Она не является более абсолютным отрицанием жизни, да и вообще *“мы не можем быть уверены в полной тленности чего бы то ни было”* (Кузанский, 1979, с. 138). *“Всё гибнет лишь сообразно тому или*

иному модусу бытия... гибнет лишь способность существовать таким-то и таким-то образом, так что нет места смерти, по словам Вергилия... Может быть, живое существо, теперь существующее как индивид какого-либо вида в области Земли, конкретно определивший собой влияние звезд, при распадении возвращается к своим первоначалам, и его форма только возвращается на собственную звезду, от которой данный вид получает актуальное бытие на Земле как матери?" (Там же, с. 138). Так это происходит или иначе - для тех европейских мыслителей, кто дерзнул, как Николай Кузанский, заглянуть в бездну бытия, - это в принципе окутано "незнанием": существование вообще есть открытый вопрос. А это означает, что и смерть есть открытый вопрос, а не просто отрицание жизни, не-жизнь.

Осознание европейцами связи бесконечного с конечным, божественного с человеческим не происходило исключительно по линии веры. Мысль всегда претендовала на познание этой сферы. В новоевропейской культуре даже бытовало понятие "естественная религия", обозначавшее совокупность того, что человек в этой области может познать сам, в отличие от религии откровения. Гегель называет "естественную религию" также "метафизической религией" или "деизмом". Породили её, по мнению Гегеля, Просвещение и критицизм Канта (Гегель, с. 417). Во всяком случае, Кант действительно стимулировал в западной мысли тенденцию к метафизическому познанию сверхчувственного, но этот стимул не привел к преодолению традиционного для Запада логического интеллектуализма. Вывод Ницше "Бог умер!" является закономерным исходом этой логицистской направленности европейского сознания к познанию потаенности бытия.

Чтобы осознать неизбежность подобного исхода, надо понять, почему западная онтология подверглась жесточайшей критике со стороны западных же мыслителей, почему о Гегеле современный неомистический философ Жак Маритен сказал, что *"именно Гегель втянул современный мир в ошибки гораздо более значительные и более злополучные, нежели те, что принадлежат Руссо"*? (Маритен, 1994, с. 17). Сам ход поисков и заблуждений европейской мысли в этой области "священной тайны" жизни и бытия поучителен. Говоря словами того же Маритена, даже когда философы ошибаются, *"они подобны зеркалу в высотах духа"*, да и противоречия, в которые впадают мыслители, *"не являются доказательством иллюзорности или недоступности того, что ищут философы"*, но свидетельствуют о том, что *"этот объект труден, поскольку обладает решающей значимостью: то, что надделено решающей значимостью, не является ли оно единственно трудным?"* (Там же, с. 18). Хотя Кьеркегор мог бы возразить, что когда мифическим, чудесным, божественным потаенным вообще приходится

заниматься рассудку, из этого редко получается что-либо, кроме пустой болтовни (см.: Кьеркегор, с. 135).

Ограниченность западной метафизики в осознании пограничных проблем человеческого существования была во многом обусловлена возможностями познающего рассудка в отношении истины бытия. Мыслитель, предельно заостривший во всей онтологической глубине старые вопросы западной метафизики *“Что есть человек, что он может знать, на что он может надеяться?”* - это Кант. Он довел до онтологического осознания значение принципиальной координации, существующей между реальностью и познающим человеком. Благодаря кантовской критике метафизики удалось установить подлинный смысл того обстоятельства, что знание о бытии принципиально ограничено природой человека, и поставить вопрос о том, что существует предел познания реальности, обусловленный антропологически. В свете этой критики обнаружилась несобоснованность претензий философии на обладание истины о сущем и о бытии и несостоятельность её попыток *“законодательно”* определить место человека в мире и его отношение к Истине, пока не осмыслена сама принадлежность метафизики к природе человека как бы *“встроенность”* онтологии в человека.

До тех пор, пока не проведена особым трансцендентальным - методом критика, то есть пока не определены и не уточнены возможности и границы познающего разума, бессмысленно, как показал Кант, копаться в вопросах, традиционно признаваемых высшими проблемами онтологии, таких, как *“первый вопрос”* метафизики, заключающийся, согласно Лейбницу, в исследовании достаточных оснований существования Универсума: *“почему существует нечто, а не ничто?”* (Лейбниц, I, 1982, с. 408). До тех пор преждевременно и обращение к проблематике, выводящей к существованию Бога.

Кантовская *“критика”* и её результаты имеют огромное значение для современной онтологии, но её значение не является абсолютным: смысл *“критики”* относится к конкретной ситуации человеческого разума, возникшей в Европе тогда, когда субъективация человека - его превращение в субъекта - становится всеобщей и универсальной формой отношения людей к миру и самому себе. Европейский человек в Новое время *“делается тем сущим, на которое в роде своего бытия и в виде своей истины опирается всё сущее. Человек становится точкой отсчета для сущего как такового”* (Хайдеггер, с. 48). В эту эпоху *“есть”*, то есть принимается за существующее только то, что становится *“предметом”*, то есть дано в опыте, представлено в познании - как объект субъекту. Человек в качестве субъекта *“есть coagitatio, собирание всего вокруг ego”*, человек учреждает самого себя *“законодателем всех мер, которыми отмеряется и измеряется (вычисляется), что име-*

ет право считаться достоверным, то есть истинным и стало быть существующим". (Там же, с. 60).

Подобная антропоцентристская экспансия познающего рассудка - "воля к власти" - прослеживается на всем протяжении истории европейской философии, но лишь в Новое время это приводит к построению "картины мира" - достоверного образа существующего как сущего, данного в чувственном опыте человека, и уже нет места чуду, тайне. Человек как субъект уже неспособен задаваться вопросом, кто он такой. Кант своей "критикой" сделал попытку привести в чувство человека, превратившегося в субъекта, напоминая вечный вопрос: "Что есть человек?" Но удалось ли ему это?..

Прежде чем решить это, попытаемся понять, почему нам не нравится самоопределение человека как субъекта - со всеми вытекающими из этого последствиями в онтологии и гносеологии, каковыми являются классические научные критерии существования и истины. Понять это помогает Хайдеггер, обративший внимание на то, что "картина мира" представляет собой сугубо новоевропейский феномен. В "картине мира" происходит невиданное сужение бытия до природы в её специфическом современном смысле слова. Если раньше греческие мыслители понимали бытие как природу - *фюзис*, - то они имели под этим в виду спонтанное возникновение и изменение в отличие от устроенного человеком, а не современную "природу" в смысле предмета естественно-научного познания. В Новое время действительно произошло, как установлено историками науки, принципиальное смысловое сужение древней "*фюзис*" до "натуры" (см.: Ахутин, 1988). Бытие оказалось сведено к сущему. Сущее, сведенное субъектом к природе-натуре, становится данным в наблюдении, представлении и исчислимым. "*Человек становится репрезентантом сущего в смысле предметного*" (Хайдеггер, с. 50). Мир стал картиной - это необходимое следствие превращения человека в субъекта, когда сущее в целом истолковывается и исчисляется от человека и по человеку. "*Коль скоро мир становится картиной, позиция человека понимает себя как мировоззрение.*" (Там же, с. 51).

Но субъективность - это далеко не единственный способ самоопределения человека и выражения его существа. Солидаризируясь в этом с Хайдеггером, не станем спешить осуждать восходящий к новоевропейской "картине мира" современный способ отношения людей к миру. Гораздо важнее осознать, что этот способ мировосприятия не является единственно возможным для современного человека: с немалым правом на реальность и истину существуют наряду с европейским и другие способы самоопределения человека и его отношения к сущему, бытию, а также иные формы постановки предельных вопросов человеческого существования и познания и иные варианты отве-

тов на них. Хайдеггер помогает подойти к этому пониманию, но чтобы в полной мере осознать это, необходимо добраться до корня расхождений между западными мыслителями в истолковании человеческой бытийности и возможностей человека в реальности.

Тут неоценимую помощь окажет один из наиболее резких критиков европейской культуры Нового времени, А.Ф.Лосев, один из лучших знатоков европейской античности. Зная как никто истоки западной культуры, он смог обнаружить и ту мифологию, которая лежала в основе новоевропейской культуры и современной цивилизации - мифологию, которая ответственна за все трагедии современности, мифологию, которую мы всё ещё *"любим, лелеем, мы за неё проливали и будем проливать нашу живую и теплую кровь"*. (Лосев, 1993а, с. 773). Вот данное им описание этой мифологии:

"Мир без конца и предела, без формы и охвата; мир, нигде не кончающийся и пребывающий в абсолютной тьме межзвездных пространств; мир, в котором пребывает вечно неизменная температура в 273 градуса ниже нуля; мир, состоящий из мельчайших атомов, различных между собою лишь в количественном отношении и вечно двигающихся по точнейшим и абсолютнейшим законам, создавая нерушимую и железную скованность вечно и неумолимого механизма; мир, в котором отсутствует сознание и душа, ибо все это - лишь одна из многочисленных функций материи наряду с электричеством и теплотой, и только своекорыстие людей приводит нас к тому, что мы начинаем верить в какую-то душу, которой реально нет, и в какое-то сознание, которое есть пустой вымысел и злостная выдумка; мир, в котором мы - лишь незаметная песчинка, никому не нужная и затерявшаяся в бездне и пучине таких же песчинок, как и наша земля; мир, в котором не на кого надеяться, кроме как на свои руки и в котором никто о нас не позаботится, кроме нас самих; мир, в котором всё смертно и ничтожно, но велико будущее человечества, воздвигаемого как механистическая и бездушная вселенная, на вселенском кладбище людей, превратившихся в мешки с червяками, где единственной нашей целью должно быть твердое и неукоснительное движение вперед против души, сознания, религии и проч. дурмана, мир - труп, которому мы обязаны служить верой и правдой и отдать свою жизнь во имя общего: я спрашиваю, разве это не мифология, разве это не затаенная мечта нашей культуры, разве мы можем умереть, мы, новая Европа, не положивши свои кости ради торжества материализма? Нет, мы верим в нашу материю, поклоняемся и служим ей, и никто не вправе отнять её у нас." (Там же, с. 774).

А.Ф.Лосев, чей дух взошел на почве неиссякаемой мудрости древних эллинов - мудрости тех, кто отважно вглядывался в зияющий хаос сущего, был сторонником того, чтобы *"исходить из реально данной и проявленной действительности Бога и мира"* (Там же, с. 849), а не де-

дуцировать их из понятия собственного “я”, как Декарт, или из других столь же абстрактных самоопределений человека, которые придумали новоевропейские мыслители, уничтожая тем самым реальное явление жизни и мира “в угоду рационалистических рассуждений об абстрактных сущностях”. (Там же).

В связи с этой лосевской критикой новоевропейской мифологии и метафизики возникает вопрос: Что высказал в своей онтологии Кант такого, что вызвало со стороны Лосева столь резкую неприязнь, что он назвал кантовскую позицию “философией галлюцинирующего невротика”, “философией человекобожества” “когда Бог уже давно распят, а вместо него человек поставил сам себя и, подобно Богу, изводит и творит из собственного субъекта всё бытие...” “Философия Канта есть синтез тюрьмы и нигилизма, причем синтез этот основан на человеческом “я”, которое превратило всё реальное бытие и жизнь в ничто, а себя самого заключило в тюрьму своих собственных галлюцинаций” (Там же, с. 860). А.Ф.Лосев, всем своим творчеством стремившийся к живой истине бытия, считал теории о непознаваемости и непроявляемости сущности “выдумкой и праздным мечтанием” “ушибленного, уцербного, падшего и растленного человеческого сознания”. (Там же, с. 852).

Но почему так непримиримо критически был настроен Лосев по отношению к кантовскому учению о “вещи-в-себе”? Ответ, видимо, кроется в том, что для патриота бытия, мыслителя, имеющего **родину в бытии** - в том смысле, в каком об этом говорил Хайдеггер, - для Лосева было противосестественно и неприемлемо всё, что ведет к “отпадению бытия” (там же, с. 856). Он и позитивизм ненавидел за “полное, сознательное ухудшение жизни и бытия”, “за бесплодное нападение на бытие и изуродование, насильование себя самого во тьме сумасшествия и одиночества” (там же). А кантовская “вещь-в-себе”, означавшая признание и осознание Кантом онтологической пропасти - бездны между бытием и познающим человеком, как раз вела к тем ужасным последствиям, о которых говорит Лосев, ко “тьме сумасшествия и одиночества”

Конечно, есть основания упрекать Канта в агностицизме, но этот последний его грех, заведший мыслителя в тупик, сам по себе не столь уж интересен, если бы не связанный с этими “тупиковыми” поисками трансцендентализм, явившийся выражением честности кантовской мысли в отношении познаваемости бытия и всей предельной проблематики существования. Даже Лосев вынужден признать в этом философскую основательность Канта и высоко ценит его онтологические достижения периода критицизма. В докритический период для Канта проблема существования как таковая - как проблема - не стояла, когда он писал: “Понятие это [наличия и существования] столь просто,

что ничего невозможно сказать для его развертывания”(Кант, 1964, с. 403). Здесь Кант находится еще вполне в рамках классической онтологии. Трансцендентализм возникает, когда кантовская мысль начинает задаваться вопросом, которым в европейской философии мало кто задавался размышлением о том, “почему нечто есть”. Кант ставит этот вопрос в форме: “Каким образом нечто существует?”

Кантовское осмысление проблематики существования состоялось как размышление об отношении бытия к способностям человеческого рассудка, и в ходе исследования этих способностей Кант пришел к выводу, что бытие в его модальностях - возможности, существования, необходимости - *“не удастся посредством чего бы то ни было засвидетельствовать, [то есть доказать и обосновать со стороны их смысла]...если устранить всякое чувственное созерцание (единичное, которое мы имеем)”*. (Там же, с. 304-305). В “Критике чистого разума” Кант пояснил свое понимание существования вещей: *“В одном лишь понятии вещи нельзя найти признак её существования”* (Кант, 1994, с. 174). **Существование**, по Канту, связано *“лишь с тем, дана ли нам такая вещь так, что восприятие её может во всяком случае предшествовать понятию”* *“наше знание о существовании вещей простирается настолько, насколько простирается восприятие и его результат (Anhang) согласно эмпирическим законам. Если мы не начинаем с опыта или не следуем по законам эмпирической связи явлений, то мы напрасно претендуем на то, чтобы угадать или познать существование какой бы то ни было вещи”* (Там же).

Исходя из принятого им критерия существования, Кант критикует “идеализм” теорию, провозглашающую *“существование предметов в пространстве вне нас или только сомнительным и недоказуемым, или ложным и невозможным”*, как это делает, например, “проблематический” идеализм Декарта, с точки зрения которого несомненно достоверным является лишь одно эмпирическое утверждение “Я существую”. Но ошибкой, по Канту, является и *“догматический идеализм Беркли, утверждавшего, что пространство вместе со всеми вещами, которым оно присуще как неотъемлемое условие, само по себе невозможно, и потому объявляющего вещи в пространстве лишь плодом воображения”*. (Там же, с. 175). Беркли, с точки зрения Канта, неправ, рассматривая пространство как свойство, присущее вещам самим по себе, в этом случае пространство *“вместе со всем, чему оно служит условием, есть нелепость”* (Там же). Идеализм Декарта Кант считает более разумным, поскольку он только считает нас *“неспособными доказать непосредственным опытом существование [чего-либо], кроме нашего собственного существования”*, и эта позиция, по мнению Канта, сообразна *“основательному философскому способу мышления, которое не допускает никакого окончательного*

решения до того, как будет найдено достаточное доказательство". (Там же).

Однако Кант не был бы Кантом, если бы его понимание проблематики существования ограничилось этими размышлениями, вполне здравосмысленными и не дающими повода заподозрить его в тех ужасных вещах, о которых говорит Лосев. Кант идет дальше. Для него критерий существования вещей - это данность вещей в чувственном восприятии или возможность восприятия и их выраженность в понятиях рассудка, обеспечивающего единство и непрерывность эмпирического опыта. Но это очень ограниченный критерий существования, и Кант не мог этого не осознавать.

"Рассудок a priori дает опыту вообще только правила по субъективным и формальным условиям чувственности и апперцепции - правила, без которых опыт невозможен. Однако других форм созерцания (кроме пространства и времени), а также других форм рассудка (кроме дискурсивных форм мышления или познания посредством понятий), если бы даже они и были возможны, мы никаким образом не в состоянии ни представить себе, ни понять; а если бы нам это и удалось, то такие формы все же не принадлежали бы к опыту как единственному способу знания, каким нам даются предметы. Существуют ли другие восприятия, отличные от тех, которые вообще принадлежат ко всему возможному нашему опыту, и возможна ли, следовательно, совершенно другая по содержанию область - этот вопрос рассудок решить не может: он имеет дело только с синтезом того, что дано." (Там же, с. 179).

Говоря о данности вещей в возможном опыте как критерии существования вещей, Кант имеет в виду "возможный опыт" в специфическом кантовском смысле - как опыт восприятия, осуществляющийся по "правилам", источником которых является рассудок - в рассудке содержатся формы чувственного восприятия и схемы восприятия действительности, возможности, необходимости. То, что он называет эмпирическим опытом, есть на самом деле продукт рассудочной деятельности - благодаря содержащимся в рассудке формам созерцания, схемам, категориям опыт становится возможным, получает непрерывность и единство. Реальность, по Канту, - это "то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени)... противоположность бытия и небытия состоит в различии между одним и тем же временем в одном случае наполненным, в другом случае пустым. Так как время есть лишь форма созерцания, стало быть, форма созерцания предметов как явлений, то трансцендентальной материей всех предметов как вещей в себе (вещностью, реальностью) будет то, что соответствует в явлениях ощущению" (Там же, с. 126). "То, что соответствует", структурируется

рассудком же посредством схематизма категорий “субстанция”, “причинность”, “взаимодействие”, “действительность”, “необходимость” и т.д. Схема каждой категории содержит и дает возможность представлять, а трансцендентальный синтез воображения сводит многообразие содержания созерцания к единству во внутреннем чувстве. По Канту, *“схемы чистых рассудочных понятий суть истинные и единственные условия, способные дать этим понятиям отношение к объектам...”* (Там же, с. 127).

Как видим, то, что обеспечивает опыту в кантовском смысле достоверность, связность, непрерывность, *“рассудок черпает из самого себя”* *“Опыт получает единство только из того синтетического единства, которое рассудок первоначально и самопроизвольно сообщает синтезу воображения в отношении к апперцепции и с которым явления как данные для возможного знания должны уже a priori находиться в связи и согласии.”* (Там же, с. 186).

Конечно, если бы Кант ограничился только рефлексией познающего рассудка, замкнутого - несмотря на весь возможный опыт - на себя самого, его действительно можно было бы считать невротиком, заперевшим себя в тюрьму собственных представлений о своем, то есть типично европейском, рассудке, пусть даже “чистом” после его критики. А рассуждает он на самом деле типично по-европейски, когда не мыслит даже существования **других** форм созерцания и рассудка. Но когда он всё же допускает - **“если бы даже они и были возможны”** - то делает уже совсем не типичный для западного ума мыслительный ход, правда, тут же возвращается назад, продолжая: *“...мы никаким образом не в состоянии ни представить себе, ни понять”* В этом сказалась тишиная новоевропейская субъективность и ограниченность субъекта, противопоставленного познаваемым объектам, и чьим единственным возможным орудием познания признается рассудок, то есть логико-дискурсивное, рационалистическое мышление, основанное на чувственном восприятии. Несмотря на традиционный европейский рационализм, кантовская мысль оказалась настолько далеко идущей и тонкой, что ей удалось уловить, что если бы каким-то чудом “нам это и удалось” - представить себе или понять **другие** формы созерцания и мышления, - *“то такие формы все же не принадлежали бы к опыту как единственному способу знания, каким нам даются предметы”* Говоря о “нас”, Кант в действительности имеет дело с субъектом, а последний, как уже говорилось выше, является порождением Нового времени. Это не человечество вообще, как полагает Кант, не в состоянии представить **других** форм познания, - утверждение Канта относится именно к европейскому субъекту.

Человек вообще волен самоопределяться так или иначе, избирать этот или иной способ мировосприятия и познания. “Рассудок” и его

деятельность как европейская форма познания есть лишь один из возможных способов движения человека на пути к Истине. В совокупном опыте человечества существуют и другие формы чувственного созерцания и мышления. Речь идет прежде всего о восточном типе философствования и познания, в особенности о буддизме, чья философия и медитативная практика являет собой глубочайший опыт **другой** постановки и решения проблематики существования.

В учении индийского мага из племени яки, изложенном в трудах К.Кастанеды, тоже отражен принципиально иной, чем в западной традиции, опыт, который возможен благодаря иным, отличным от европейских, формам рассудочности и чувственного восприятия. Эти принципиально иные формы опыта ставят под сомнение существование общезначимого для людей **опыта**, который может быть признан в качестве **универсального критерия существования**. Обнаруживается, что чувственное восприятие, которое западная философия признает гарантом достоверности опыта, оказывается чем-то в принципе относительным. Можно сказать, что бытие вообще является открытым вопросом не только за пределами возможности чувственного восприятия, как утверждали в классической метафизике Запада, но и в пределах возможного опыта: **реальность** есть нечто проблематическое. Существование альтернативных миров человечества это не фантастика, а онтологическая возможность, существующая для людей в зависимости от типа их чувственного и ментального развития. Бытие как бы делает вызов человеку и люди отвечают на него по-разному. В классической западной мысли это не осознавалось. Впервые в европейской философии это важнейшее онтологическое обстоятельство было осознано мыслителем, в учении которого западная мысль превзошла себя - Хайдеггером.

Хайдеггер мыслит совсем не по-западному, когда говорит, что человек обитает перед лицом бытия с его вызовом в своем "доме бытия", и что восточный человек отвечает на "вызов бытия" иначе, чем западный: *"...мы, европейцы, живем, надо думать, в совсем другом доме, чем восточно-азиатский человек"* (Хайдеггер. Из диалога о языке..., с. 275).

Однако и Кант не был бы по-настоящему великим мыслителем, если бы его значение в деле разведки границ человеческого знания ограничилось только заботой о чистоте рассудочного познания и о достоверности опыта. Гораздо важнее именно то, что он указал **границы применимости рассудка** - его пределами, согласно Канту, служит чувственность. Одновременно он ограничил рассудком познавательные притязания чувственности, введя понятие *ноумена* - *"называя вещи сами по себе (рассматриваемые не как явления) ноуменами, он [рассудок - И.У.] оказывается не ограниченным чувственностью, а ско-*

рее ограничивающим её". (Кант, 1994, с. 194). Тем самым рассудок ставит границы и самому себе, "признавая, что не может познать вещи сами по себе посредством категорий, стало быть, может мыслить их только как неизвестное нечто". (Там же). В этом честность мысли Канта, не поддавшейся искушающему всякого философа соблазну фантазирования о сущем. Кант признал, что имеющихся у него средств интеллектуального познания в принципе недостаточно; чтобы сказать что-либо определенное о **реальности - независимо от её данности своим чувствам**. Европейский мыслитель в лице Канта впервые осознал себя в качестве "разумного существа" один на один с бездной бытия и установил, что помыслить её в формах, которые присущи его собственной "человечности", он не в состоянии. Он осознал пределы мыслимого и воспринимаемого. Здесь, где осознается граница доступного человеку бытия, и где начинается то, о чем ничего нельзя сказать, берут начало страх перед неведомым и тот онтологический ужас, который оставил в наследство последующим поколениям европейских философов Кант.

Великая заслуга Канта в осознании действительной ситуации человека заключается также в том, что он впервые после Сократа снова заострил проблематичность человеческого "я". Он установил факт существования "неизвестной нам сущности", которая дана нам через внутренние явления, и назвал эту сущность "трансцендентальным субъектом" (Там же, с. 306). Будучи понята в трансцендентальном смысле, идея "я" как мыслящей природы человека или души есть, согласно Канту, полезная для самопознания идея, но, как всякая трансцендентальная идея, имеет не конститутивное, а регулятивное применение, позволяет упорядочить "единство явлений внутреннего чувства". (Там же, с. 407). При этом следует остерегаться, предупреждает Кант, "принимать её за нечто большее, чем только идея" и говорить о "трансцендентальном субъекте", "как если бы этот субъект был действительной сущностью" (Там же, с. 408). Нужно помнить, говорит он, что это понятие "я" есть не более чем "схема регулятивного понятия", а не сама по себе сущность. Кант осознал **условность человеческого "я"**, и это был шаг, выводящий его мысль за границы западного типа философствования. Здесь Кант очень близок к буддийской концепции "я".

Ещё ближе к буддийской философии пустоты он оказывается, когда подчеркивает, что не только понятие "я", но и понятие мира вообще оказывается лишь **регулятивной идеей** чистого разума. Понятие Бога тоже должно иметь, с этой точки зрения, не более чем регулятивное значение. Разум может с пользой применять эти понятия, коль уж ему свойственно устремляться за пределы своего эмпирического применения, к познанию ноуменального, и ставить онтологические во-

просы. Трансцендентальный метод как раз позволяет разуму делать суждения о “я” “мире вообще”, “Боге” - как если бы они существовали на самом деле. Но, предупреждает Кант, разум не должен, увлекаясь онтологическими размышлениями, забывать об этом “как если бы” Есть предел пределов, за которыми онтологические понятия не имеют смысла.

Осознание “регулятивного” характера важнейших экзистенциальных понятий в учении Канта стимулировало западную философию в направлении признания принципиальной относительности и как бы иллюзорности человеческих суждений о мире, Боге и самом человеке. В этом отношении западное сознание вплотную приблизилось к восточной философии и одновременно обнаружилась условность и относительность западно-европейской традиции познания вообще. Современному мировосприятию, выросшему на почве западной культуры, во всей обнаженности предстало: бытие есть загадка, и вопрос о существовании есть открытый вопрос. Что есть человек и самосознающее “я” это великая тайна. И западная мысль честно в лице Канта - капитулировала перед громадой этой тайны, после того как предприняла попытку её штурма на пути логического интеллектуализма и являющегося его обратной стороной эмпиризма.

Принятые в европейской традиции критерии существования оказались принципиально недостаточными, чтобы о существовании или несуществовании чего бы то ни было говорить иначе, как только в зависимости от качества воспринимающего аппарата человека и от схематизма человеческого мышления, априори задающего формы опыта. Если Кузанский и другие религиозно развитые мыслители Запада надеялись, что человек пришел в этот мир, чтобы искать Бога (Кузанский, с. 260, 299), то после Канта и на это не осталось надежды. Как сказал Вл. Соловьев, Кант *“отнял подлинную действительность не только у видимого мира, но и у мира душевного”* (Соловьев, 1988, с. 243).

Абсолютно ли непроницаема граница между ноуменальным миром и реальностью человеческого опыта? Кант и классическая философия Запада даже не стали обсуждать возможность принципиального сдвига границ опыта и мира. Здесь не было и речи о возможности чего-либо подобного посредством **самоизменения** познающего человека - его форм чувственного созерцания и схематизма сознания. Европейский “субъект” - это жесткая конструкция, не допускающая каких-либо сдвигов в сторону восприятия ноуменальной реальности.

Что есть человек и на что он может надеяться? На эти вопросы ни Кант, ни вся классическая западная наука и философия не могли дать удовлетворительного ответа - в смысле реальной надежды на достойный человека исход существования. Самое важное, что удалось канти-

анству достигнуть в этом направлении, это интуитивное озарение о том, что нравственный закон внутри нас есть нечто, благодаря чему человек наиболее близко соприкасается с тайной трансцендентного, которая дана нам в восприятии звездного неба над головой. Если не логической мыслью, то более тонким сознанием Канту удалось прозреть высшие законы бытия, отделенные от “рассудка” покровом номенальности. И честная мысль Канта побудила - таки очнуться европейского человека от иллюзий “всемогущего” субъекта и взглянуться во “всеохватывающую ночь” субъективности, заострив вопрос “Кто я?” в постклассической философии.

2.2. Философствующее “я” европейца и страх бытия

Проблематика человеческого “я”, имплицитно так или иначе присутствовавшая в западной философии со времен античных мудрецов, в Новое время “созревает” и выделяется из антропологии. Уже декартовское “Я мыслю, следовательно, существую” есть не просто изложение идей или добытых знаний, а представляет собой, как заметил Мераб Мамардашвили, реальный медитативный опыт, проделанный Декартом “с ощущением, что на кон поставлена жизнь”. (Мамардашвили, 1993, с. 9). Как истинно вопрошающий философ, для которого честь философствующей мысли - “чуть ли не онтологический устой миропорядка и космической гармонии” (там же, с. 13), Декарт выступил один на один, лицом к лицу с миром, как в поединке, с тем особым воодушевлением, энтузиазмом, честолюбием, “связкой души”, которая является, на взгляд Мамардашвили, особенностью французского духа. Именно она проявляется у бальзаковского героя, когда он говорит: “Вот - Париж, справлюсь ли с ним?”, или у Пруста, когда он стоял один на один с временем и смертью. И то же самое ощущение - один на один - и посмотрим! - было, по словам Мамардашвили, свойственно всей философии Декарта, и отсюда - тот странный, на первый взгляд, онтологический постулат, который Декарт провел через всю свою философию: тот, кто сможет в воодушевлении обнаженного момента истины хорошенько расспросить себя, тот опишет всю вселенную.

Может быть, действительно *«звпящая прозрачность одиночества, - одиночества, оживляющего все душевные силы, всё, на что способен сам, из собственного разума и характера, без опоры на что-либо внешнее или на “чужого дядю”, в полной отдаче всего себя этому особому состоянию в “момент истины” (истины, конечно, о себе: смогу ли?!)*», - есть особая способность французской души. (Там же, с. 12, 11). Но

разве не в той же самой онтологической ситуации, что и французский “мыслящий тростник”, - наедине с вызовом бытия - находится герой Достоевского с его: “Посмею ли?”

Медитативный опыт Декарта содержит характерный привкус онтологии одиночества человеческого “я” среди других субъектов, ничем не отличающихся от объектов, и выражает предчувствие трагедии “я” чуткого к “вызову бытия” и не приемлющего европейскую картину мира и субъекта. “Я”, которое отвечает на “вызов бытия”, есть уже не субъект, а пробужденный человек. Их было не так уж много в западно-европейской философии, но они были - Сократ, Платон, Плотин, Августин, Декарт, Кьеркегор, Хайдеггер. И это не все имена, которых следует помнить в память о пробужденных.

Пробужденный от сна субъективности философ является уже не просто познающим субъектом или мыслителем - вся его жизнь становится осознанием “вызова бытия”, и сама его личность обретает смысл таинственного символа человеческой сущности. Более того, это некий универсальный символ, уже несоизмеримый с масштабом индивидуальной человеческой жизни, относящийся к бытию человека в надвременной реальности. Как говорит Мамардашвили, Декарт есть только другое имя Сократа, но в Декарте слышен и голос Платона (Там же, с. 33, 35). Кьеркегор - это одно из самых великих современных воплощений пробужденной европейской души духа Сократа, Платона, Декарта.

Во всех этих философах есть нечто общее, что отличает их от западных мистиков: они пробудились к бытию мыслью, и через мысль осуществляли дело преобразования своего духа. И настолько одухотворена их мысль и глубока, если понять её как весть пробуждения, что, кажется, вся восточная мудрость если представить её мыслительное содержание, - содержится в философии пробужденных мыслителей Запада.

Но пробуждению европейского сознания присущ внутренний трагизм, связанный с отпадением мыслящего духа от всеобщей субъективности и с углублением в самопознание “я” Из тьмы субъективности выплывает антиномия существования человеческого “я” Осознавая двойственность своей ситуации, “это” колеблется, по словам Ж.Маритена, в жалком состоянии между двумя перспективами, двумя образами “я” и ситуации “я” по отношению к другим субъектам. Относительно **моей субъективности** в действии **я** являюсь центром мира, наиболее важной личностью в мире.

“Моя судьба - наиболее важная среди других судеб; при всей своей ничтожности я более интересен, чем все святые. Существуют я и существуют все остальные, и что бы ни случилось с другими - это всего

лишь деталь картины, но то, что происходит со мной как таковым, и то, что я должен делать, имеет абсолютную значимость.

И тем не менее, если говорить о мире как таковом и с наиболее очевидной "точки зрения здравого смысла", я знаю достаточно хорошо, что "я не принадлежу к роду значимых существ" и что "ничего бы не изменилось в мире, если бы я и вовсе не существовал" Я хорошо знаю, что подобен всем другим, я не лучше других и не более ценен, нежели они: я - лишь маленький завиток пены на гребне волны, уходящей в мгновение ока в безбрежность природы и человечества." (Маритен, с. 31).

В осознании трагической ситуации "я", вытупливающегося из "субъекта" к бытию и самоосознанию, кроются истоки современной экзистенциальной онтологии и попыток спасения достоинства этого "я". Осознание одиночества "я" и взаимонепроницаемости разных "я" стимулирует обсуждение новых онтологических тем **тоска, страх, смерть, ужас, тревога, тошнота, забота** - как оптических вещей. Обобщенно говоря, это трагедия "я", порожденная европейской субъективностью и той ситуацией, когда "я" в своей глубочайшей интимности закрыто для познания и даже для самопознания.

Ведь "быть познаваемым в качестве объекта, быть известным другим, рассматриваемым глазами ближнего... означает быть отторгнутым от самого себя и пораженным в своей собственной тождественности, - как пишет Маритен. - Это означает всегда быть неверно понятым, независимо от того, порицает ли он являемое им "Я" или, напротив, что случается реже, он воздает ему должное... Я не открыт самому себе. Чем более я познаю мою субъективность, тем более она остается скрытой для меня. Если бы меня Бог не знал, то я был бы никому неведом, никто бы не знал меня в моей истине, в моем существовании для меня...

Это означает, что никто не воздает должного моему бытию. Нигде мне не воздается должное; мое сознание будет погружено в несправедливое знание обо мне всех других и мира, а также в мое самонепонимание. Но если не существует справедливости по отношению к моему бытию, никакая надежда для меня невозможна. Если человек не познан Богом и если у него нет глубокого опыта своего личного существования и своей субъективности, то тогда ему известен также опыт безысходного одиночества, страстное желание смерти, более того, тяготение к полному уничтожению является единственным источником, извергающимся в нем." (Там же, с. 32).

Конечно, можно упрекнуть неевропейцев, - что легко им, чьи предки не проливали свою теплую кровь за европейский миф субъективности, говорить об истоках этой трагедии и называть её вслед за Лосевым "криком субъекта, запертого в тюрьме своих представлений" (о самом себе и о мире), - того субъекта, что породила новоевро-

нейская мифология. Легко со стороны наблюдать, как бьется в онтологических тушиках философская мысль Запада и не видит выхода из экзистенциальной трагедии человека, в то время как выход есть - стоит лишь изменить самопонимание и самоизмниться. Проблемы здесь нет, сказал бы восточный человек. Легко это заявлять, не пройдя трудными тропами европейской экзистенции.

Предки бурят-монголов, представители типично восточной культуры, уже несколько столетий назад вступили в духовный диалог с европейцами. Наше восточное "Я" с XVII в. обращается к европейскому "Ты", вслушиваясь в него и надеясь на взаимность в понимании. Но накануне третьего тысячелетия после Рождества Христова мы всё ещё продираемся сквозь туники бытия навстречу друг другу, всё ещё плохо понимая самих себя и друг друга.

Экскурс в историю западной философской мысли предпринят здесь единственно затем, чтобы найти просвет в этой окружающей наше земное существование онтологической тьме, чтобы узнать тот путь, на котором современная цивилизация с успехом может справиться с "вызовом бытия" Ведь мир бурят-монголов - *урайн* - возник в современном мире. И мы, их потомки, так же, как европейцы, не знаем, кто мы, для чего живем в этом мире, на что мы можем надеяться после ухода из него, и что есть существование вообще. Мы не знаем, что есть реальность и что есть Истина. И никто не может предложить нам: "Вот это - Истина" - так чтобы мы не усомнились в этом.

Начав пробуждаться мыслью и через мысль, я не могу не чувствовать родство с честной и живой мыслью Запада. Сократ так же жив для меня сегодня, как и две тысячи лет назад, - а разве может быть иначе, если время - это форма созерцания, данная нам, то есть **наша** форма созерцания, и в **наших способностях** заключена возможность воспринимать Сократа, как если бы он был жив сегодня, сейчас, здесь. И Декарта, и Канта, и Хайдеггера... "*Ничто в мире не определено до конца, пока ты не занял пустующее место для доопределения какой-то вещи...*" (Мамардашвили, с. 26). Истина не установилась, а постоянно устанавливается...

Я хочу пройти теми "прослочными дорогами" (Holzwege), которые, по мысли Хайдеггера, ведут к **источнику**, и найти тот источник, из которого берет начало Знание о потаенности бытия, и живая вода которого пробудит от сна, вернет утраченную память о забытых смыслах существования - о мире *урайн* и о том, кто я есть. Во всяком сне, когда снится что-нибудь ужасное, спящий старается проснуться, чтобы избавиться от кошмара. Но чтобы это произошло, человек должен пережить этот ночной ужас как нечто очень реальное - реаль-

ное до невозможности, - тогда возникает сильное побуждение избавиться от своего страха - пробудиться.

Переживание ужаса - это как бы ступень, ведущая к освобождению от плена сна. Западно-европейская онтология ужаса берет начало, как почти все переживания западной мысли, в античном страхе бесконечности и Ничто. Эти старые страхи возобновились в Новое время. *"Меня ужасает вечное молчание этих безграничных пространств"*, - говорит Паскаль (Паскаль, 1974, с. 151). По мере разрастания мира объективирующейся предметности и крушения обжитого европейского дома западный человек оказался в ужасающей реальности надвинувшейся со всех сторон холодной тьмы бесконечности. Перед лицом вечного и бесконечного космического ужаса человек чувствует себя бездомным и беззащитным.

И система Гегеля является, как заметил М. Бубер, лишь грандиозной попыткой западно-европейского человека обрести уверенность в концепции абсолютного духа. Всеведущему человеку Гегеля досконально известны все смыслы. *"И даже если он честно углубится в метафизику, взор его будет предохранен от головокругительных перспектив, ибо здесь всё удообоозримо... Одиночество побеждено..."* (Бубер, с. 95). Но этот умозрительный образ мира, основанный на времени - новый дом мировой истории - совершенно непригоден для того, чтобы в нем жить, - считает Бубер. Он никогда не даст человеку того чувства надежности, как дом, построенный в пространстве. А эйнштейновский космос, продолжает Бубер, и вовсе ставит крест на самых заветных стремлениях души, и тот, кто помыслил его, *"уже не жилец в нем"* (Там же, с. 88).

Лишенный космического дома, западно-европейский человек испытывает новый страх. Вопрос *"Кто я в бесконечности?"* выступает уже не в философских одеждах, а в предельной экзистенциальной, лично значимой обнаженности. Философствование Кьеркегора - это ответ на вызов бесконечности человеку. Кьеркегоровский *"рыцарь бесконечного"* - это тот, кто *"опустошает глубокую печаль наличного существования, переливая её в свое бесконечное самоотречение"* (Кьеркегор, с. 41).

"Рыцари бесконечности суть танцоры, и у них есть полет. Они совершают движение вверх и снова падают вниз, но даже само по себе такое занятие - это не какое-то несчастное времяпровождение, и даже глядеть на них при этом очень приятно. Однако всякий раз, когда они падают, они не могут тотчас же принять надлежащее положение, они какое-то мгновение медлят, и это промедление показывает, что они всё же чужие в этом мире. Такое промедление может быть более или менее очевидным, в зависимости от того, насколько они владеют своим искусством, но даже искуснейшие из рыцарей не способны вполне"

скрыть такое колебание. Тут уж совсем не нужно видеть их в воздухе, достаточно взглянуть на них в то мгновение, когда они только касаются земли или минуту назад её коснулись; этого довольно, чтобы их распознать. Однако падать так, чтобы в ту же самую секунду создавалось впечатление, будто они стоят или идут, превращать прыжок всей жизни в своеобразную походку, находить утонченному абсолютное выражение в пешеходных привычках, - на это способны только такие рыцари; в этом и состоит единственное чудо." (Там же, с. 41).

"Рыцари бесконечности" живут среди повседневности, - изведав небесные высоты, они снова и снова спускаются к тем, кто прикован в платоновском подземелье. Так ведут себя бодхисаттвы (43). "Рыцарями бесконечности" были бурят-монгольский Молон-багши и Хоршод-гэгэн, ставшие бодхисаттвами ещё в предыдущих жизнях и достигшие возможности окончательного освобождения, но перевоплотившиеся на земле ради духовного служения людям. К этим же существам, которые умеют летать, но живут среди обычных людей - пешеходов, облекая свой дар в человеческую походку, относятся великие бурятские ламы - такие, как баргузинский Соодой-лама (44). К ним же относятся и великие бурятские шаманы прошлого.

Умеющие летать внешне ничем не отличаются от обычных людей. "В тот самый момент, когда он попадаетея мне на глаза, я тотчас же отталкиваю его, сам отступаю назад и вполголоса восклицаю: "Боже мой, неужели это тот человек, неужели действительно он? Он выглядит совсем как сборщик налогов." (Там же, с. 39).

В случае "рыцарей бесконечного" онтология одиночества имеет особый глубокий смысл: "полет" это движение выше всеобщего, а это всегда, в любом мире - "одинокая тропа, узкая и крутая". (Там же, с. 72). Этот смысл одиночества был хорошо известен Востоку. В "Гуань Инь-цзы" говорится: "На Пути нет хожёных троп. Тот, кто им идет, одинок и в опасности." (АСК, 1991, с. 36).

Ещё более одинок, по Кьеркегору, "рыцарь веры", "который в своем вселенском одиночестве никогда даже не слышит человеческого голоса, но идет один со своей ужасной ответственностью", "он ощущает боль оттого, что не может стать понятным для других, однако он не чувствует никакого тщеславного желания указывать путь другим. Боль и есть его уверенность... Но поскольку то, что он завоевал сам, отнюдь не досталось ему дешево, он и не спешит предлагать это по дешевке, он не настолько жалок, чтобы принимать восхищение людей, платя им за это молчаливым презрением; он знает, что всё поистине великое одинаково доступно всем." (Кьеркегор, с. 76). Вера как отношение рыцаря к бытию не имеет ничего общего с религией масс и с церковью. Рыцарь веры осуществляет движение бесконечного, и идея Христа - это идея Христа как представителя всей Вселенной, как

говорил основатель антропософии Р.Штайнер. К такой вере пробиться очень нелегко, и представленная официальной церковью *“христианская традиция Запада совершенно недостаточна для того, чтобы понять Христа в ближайшем будущем.”* (Штайнер, 1992, с. 63).

Но те же приметы христианского рыцаря бесконечного узнаваемы в поведении истинных мастеров Учения на Востоке. Они тоже являются представителями “всей вселенной” выше человеческого тщеславия и тоже не спешат предлагать свои сокровища по дешевке. Ни в шаманской, ни в буддийской традиции бурят-монголов не принято ни лечить людей без просьбы на то со стороны пациента, ни передавать Знание (*зрдэм*) без просьбы учеников: передача может состояться только для того, кто уже подготовлен, чтобы ценить **бесконечное**.

Онтология одиночества вообще является в то же самое время онтологией свободы. Восхождение к свободе в современном мире сопряжено с переживанием различных форм экзистенциального выражения одиночества - тоски или тревоги, страха, вины. Наиболее важным переживанием на этом пути оказывается восприятие собственной смерти и преодоление страха смерти, без чего немислим *“блаженный прыжок в вечность”* Речь не идет о психологических категориях - благодаря Кьеркегору эти переживания были изъяты из области чисто психологического изучения и признаны бытийными звеньями отношения человека к бесконечности. Как говорил Кьеркегор, тот, кто стремится преодолеть границу судьбы, должен научиться по-настоящему **страшиться**, а для этого он должен стать *“учеником возможности”* *“ибо судьба подобна страху, а страх, подобно возможности, является магической картинкой”* (Там же, с. 246). Тот, кто поистине научится страшиться, *“будет двигаться в танце”*, когда заиграют *“страхи конечного”* и *“ученики конечного”* потеряют рассудок и мужество. (Там же, с. 248). Научится по-настоящему страшиться, по мысли Кьеркегора, тот, кто полагает себя как дух, и *“как только полагается дух, страх оказывается снятым”* (Там же, с. 191).

Но что же является объектом страха? Кьеркегор отвечает: *“Ничто. Страх и Ничто постоянно соответствуют друг другу. Как только полагается действительность свободы и духа, страх оказывается снятым”* (Там же, с. 191). Эти размышления датского философа о судьбе, страхе и свободе любопытны для меня в связи с изучением особой склонности людей монгольского мира к исследованию судьбы - методом *“узэл узэхэ”* Как объясняет Кьеркегор, существует определенная связь судьбы, страха и Ничто в язычестве: Ничто страха есть судьба.

“Стало быть, страх язычника находил в судьбе свой объект, своё Ничто... язычник стоит к судьбе в некотором отношении, и этим от-

ношением является страх. Ближе язычник не может подойти к судьбе. Попытка, которую предприняло для этого язычество, состояла в том, чтобы стать достаточно глубокомысленным, пролить на это новый свет. Тот, кто призван объяснить судьбу, сам должен быть таким же двузначным, как и судьба. Таким как раз и был оракул... здесь и заключено глубоко не проясненное трагическое начало язычества. Трагическое состоит отнюдь не в том, что высказывание оракула двусмысленно; оно состоит в том, что язычник не смеет уклониться от обращения к нему за советом. Язычник стоит к оракулу в определенном отношении, он не может упустить возможности спросить его; даже в само мгновение вопрошания он стоит к нему в двузначном отношении... Именно так и следует понимать высказывания оракула." (Там же, с. 192).

Бурят-монгольский шаман или узел узэдэг хун - тот, кто исследует судьбу, тем самым вопрошает Ничто страха, страшась которого человек обращается к нему за советом. Сам же "исследователь" - фигура глубокомысленная и двузначная - он может существовать здесь и там по ту сторону страха. Он, как кьеркегоровский "рыцарь бесконечного", является учеником **возможного**.

Тот, кто учится у возможного, через "страшную борьбу" "должен становиться чем-то таким, что снимает само понятие судьбы, и таковым он должен становиться через судьбу" (Там же). Это парадоксальное определение вполне может относиться к буддийским монахам мастерам тантры и к бурят-монгольским шаманам: через судьбу - благодаря карме и удха, линии духовной преемственности, - они становятся свободными, так что понятие судьбы уже не имеет смысла в их отношении. В связи с этими размышлениями возникают ассоциации со словами Г.Гурджиева о том, что астрологические законы действуют с присущей природным законам неумолимостью, но некоторым из людей удается "перехитрить" их, чтобы не стать "пищей для Луны"

Как бы ни восхищался Кьеркегор "рыцарями бесконечного", он признается, что сам способен выполнить лишь интеллектуальный шаг в направлении бесконечного, да и то прилагая особые сверхусилия. Поэтому его учение -- не об этих гениях, учениках возможного, а об отчаянии этой смертельной болезни западного человека, болезни "я", которой был поражен и сам Кьеркегор.

Отчаяться в чем-то - это ещё не настоящее отчаяние, говорит он, - это только начало, назревание болезни. Болезнь проявляется открыто, когда человек отчаивается в самом себе и старается избавиться от своего "я" и не может сделать этого - даже смерть становится невозможной. В крайнем принятии отчаяния и заключена "смертельная болезнь" западного духа - "это противоречивое моление, этот недуг

Я: вечно умирать, однако же не умирая, умирать смертью".(Там же, с. 259).

Отчаяние в этом смысле и есть переживание смерти - такое переживание, при котором "умирать" постоянно преобразуется в "жить": тот, кто отчаивается, не может умереть. *"Смерть не является здесь пределом болезни, она служит скорее беспредельным пределом."*(Там же, с. 261). Переживать свою смерть даже одно единственное мгновение - значит переживать её вечно, говорит Кьеркегор.

Отчаяние как смертельная болезнь "я" является, по мысли Кьеркегора, универсальным свойством человека, ибо "я", от которого невозможно избавиться, есть всеобщее свойство. Но принимают отчаяние немногие - те, кто не отворачивается от "вызова бытия", как это делает большинство людей, пытающихся скрыть "смертельную болезнь" и понапрасну расстрачивающих сознание. Сколь много есть погубленных существований! - можем воскликнуть вместе с Кьеркегором. Как много погубленных существований, погубленных в отчаянии конечного - *в неведении*, неведении о бытии человека, о том, что человек есть синтез конечного и бесконечного. Отчаяние конечного происходит из недостатка бесконечного, когда человек *"заключает себя в глубины конечного"* и вместо того, чтобы быть Я, становится всего лишь *"ещё одним человеческим существом, ещё одним повторением вечно нуля"* (Там же, с. 270). Как бесконечно прав философ, говоря, что копаясь в наших маленьких различиях, мы не заботимся понастоящему о нашей единственной великой нужде - "стать собою"

Что же это такое - "стать собою" в понимании Кьеркегора? Задача нашей изначальной организации - некоего Я - "становление самого себя"- в направлении бесконечного, за пределами банального опыта. Но слепое углубление в бесконечное может привести к потере Я, и это тоже порождает отчаяние. Чтобы вырваться за пределы опыта, к "реальности возможного", поднявшись над "гуманом вероятного", человек должен, по Кьеркегору, научиться *страшиться и надеяться*. В возможном - противостояние отчаяния. А дело веры - сражаться за возможное. Именно благодаря верности той спасительной мощи возможного, Бога - благодаря вере чудесным образом вдруг возникает помощь. *"Помощь чуда зависит прежде всего от страстного осознания невозможности помощи, а затем от нашей верности самой этой мощи, которая нас спасает."*(Там же, с. 276).

Повседневность обывателей лишена прежде всего возможного. Обыватель, в отличие от верующего, пребывает в сфере вероятного, откуда не может узреть возможного, а человек, живущий внутри банального опыта, полагаясь на пределы вероятного, не имеет никакого шанса обрести Бога и у него нет Я, и, следовательно, по философии

Кьеркегора, никакого шанса спасти свое Я перед неминуемой гибелью.

Я привожу пространные цитаты Кьеркегора, чтобы лучше ощутить уже замеченную близость исканий одухотворенной западной мысли к основоположениям восточной мудрости в той онтологической проблематике, которая стягивается к теме “существования” и к вопросу о природе “я” Мы видим из этих западных исканий ответа на “вызов бытия”, из размышлений о связи конечного и бесконечного, Бытия и Ничто, времени и вечности, действительности и возможности, как важно для спасения достоинства человеческого “я” осознать бытийность человека в её открытости в запредельности “Я” по отношению к банальному человеческому “я” На пути одухотворенной логики решающим условием подобного осознания “Я” оказывается **переживание смерти** - как важнейшая онтологическая категория бытия человека. Осознание значения смерти и отношения к смерти занимает значительное место в онтологии и Кьеркегора, и Хайдеггера.

“Умереть значит: быть способным к смерти как таковой... - говорит Хайдеггер. - Смерть есть ковчег Ничто - то есть того, что ни каком отношении никогда не есть нечто всего лишь сущее, но что тем не менее имеет место, и даже в качестве тайны самого бытия. Смерть как ковчег Ничто хранит в себе существенность бытия. Смерть как ковчег Ничто есть хран бытия. И будем теперь называть смертных смертными не потому, что их земная жизнь кончается, а потому, что” (Хайдеггер, с. 324). Это определение человека как “смертного существа” того, кто способен умирать, в принципе отличается от классического понимания человека как animal - живого существа. Осознание людьми своей смертности Хайдеггер называет *“осуществляющимся отношением к бытию как к бытию”* - этого не было в классической философии Запада.

Переосмысленное по-хайдеггеровски понятие смерти не означает более просто Ничто. Если определение человека как “живого разумного существа” заключало его в пределы “жизни”, за которыми - ничто, небытие, немислимое и несуществующее тьма и холодная, зияющая пустота, то понимание его как существа, способного к смерти и осиливающего смерть как смерть, снимает прежнюю ограниченность существования человека модусом действительности банального опыта. Смерть в новой онтологии выступает одним из важнейших элементов бытия - это **хран бытия**, и в этом смысле уже не есть уничтожение жизни. Это нетрадиционное для европейской философии понятие смерти предполагает снятие дихотомической раздвоенности мировосприятия и того способа мышления о бытии посредством оппозиций типа “бытие-ничто”, “жизнь-смерть”, “добро-зло” и т.д.,

который был присущ прежней европейской традиции философствования.

Люди как смертные существа имеют существование в бытии, структура которого, по Хайдеггеру, имеет гораздо более сложный вид, чем “сущее” классической философии, которое получало выражение через упомянутые диалектические противоположности. Бытийный смысл смертности человека Хайдеггеру удается определить с помощью более сложного, чем диалектические противоположности, символа “мировой четверицы” или “собрания четверых”, образуемого землей и небом, божествами и смертными. (Там же, с. 323).

“Земля и небо, божества и смертные, сами собой единые друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы. Каждый из четверых по-своему зеркально отражает существо остальных. Каждый при этом по-своему зеркально отражается в свою собственную суть внутри одно-сложности четверых. Эта зеркальность не отображение какого-то изображения. Зеркальность, освещающая каждого из четверых, дает их собственному существу сбыться в простом вручении себя друг другу. В этой своей осуществляюще-высвечивающей зеркальности каждый из четырех играет на руку каждому из остальных. Осуществляюще-вручающая зеркальность отпускает каждого из четверых на свободу его собственной сути, но привязывает, свободных, к односложности их сущностной взаимопринадлежности”. (Там же, с. 324).

Мир и есть, по Хайдеггеру, “единосложность земли и неба, божеств и смертных” “Мирение мира”, то есть способ, каким образом пребывает в своей истине мир как четверица, нельзя “ни объяснить через иное, ни обосновать из иного”, ибо “такие вещи, как причины и основания, мирению мира несоизмеримы” (Там же, с. 324). Человеческое познание, требуя объяснения основы мира, “проваливается ниже сущности мира” “Единые четверо оказываются задушены в своем существе уже тогда, когда их представляют просто как четыре обособленных реалии, которые надо обосновать друг через друга и объяснить друг из друга.” (Там же, с. 325).

В этой части своего учения Хайдеггер очень близок к восточным учениям: первичная реальность, основа сущего пребывает за пределами причинно-следственного объяснения и нет смысла в попытках её объяснения и познания - тем способом, каким люди исследуют видимый мир, ибо сам этот способ несоизмерим реальности в её истине.

Давая людям определение “смертных существ” в том понимании смерти, которое не есть более антитеза жизни, Хайдеггер тем самым относит проблему существования человека к тайне “мирения мира” - “мировой четверицы”, той односложной структуры, из которой осуществляется веществование вещей. Быть способным к смерти в этом по-

нимании бытия означает, следовательно, способность смертного достигнуть односложного единства “мировой четверицы” Подобное истолкование смерти и смертности как определяющей сущностной характеристики человека задает новый для европейского мировосприятия горизонт осознания проблемы **существования** вообще и **возможного** для человека.

Учение о “мировой четверице” как космической первооснове сущего содержится в мистической философии всех регионов планеты, в том числе в европейской традиции У древних греков это учение о четырех стихиях или первоэлементах (огонь, земля, вода, воздух), представляющее собой теорию о различной организации пространства (см.: Лосев, 1993а, с. 249). Если “земля” - это пространство однородное и само по себе неподвижное, наиболее плотно организованное, то “огонь”, как это следует из текстов Плотина, есть наименее сгущенное и наименее плотное пространство, пребывающее в наиболее скором движении, наиболее бестелесное. Сфера этой стихии - небо. Два других элемента - “вода” и “воздух” - это тоже не физические или химические элементы, а структуры пространства. Каждому из четырех элементов соответствует геометрическая фигура. Но как соотносятся между собой эти четыре типа пространства и почему их **четыре**, а не больше? В пифагорейской символике Четверица - это “корень жизни” (См.: там же, с. 79). В восточных эзотерических учениях и в мировом тайноведении символика **четверицы** присутствует в качестве важнейшего элемента понимания мира. Хайдеггер в своем озарении о **смертности** человека как тайны, причастной к “мирению мира” “мировой четверицы”, прикоснулся к святой святых бытия. Тайна эта настолько глубока, что даже попытка помыслить её внушает Хайдеггеру “сущностный ужас” (Хайдеггер, с. 38). Но это не тот ужас, который заставлял Канта вцепиться намертво в страховку здравого смысла и ограничиться возможностями рассудка в познании. Тут речь идет об ужасе, которым прикрывается Ничто. Ничто, никогда не становившееся содержательным и осмысленным предметом онтологических исследований, поскольку традиционно оно выступало лишь отрицанием сущего и бытия, приоткрывается теперь для постижения. На почве “сущностного ужаса” человек выдвигается в Ничто, перешагивает за пределы сущего в целом - трансцендируется. **Сущностный ужас** это тайный союзник окрыленности. Ужас “ничтожения” был известен и прежней метафизике, но она не использовала его во всей онтологической значимости - для постижения потаенности бытия и самоосознания человека. Человек, чуткий к высшему вызову, находится в состоянии “готовности к ужасу” *“Ясная решимость на сущностный ужас залог таинственной возможности опыта бытия.”* (Там же).

Сущностная мысль, которая не отшатывается от бездны, есть "событие бытия"

Хайдеггер, как и Кьеркегор, осмысливает проблематику бытия и существования, определив те же самые исходные "точки интенсивности" что и восточная философия: "смерть" и существование "я". Онтологическое преодоление ничтожности смерти - смерти как голого, бесплодного Ничто, - выводит сознание на уровень новых бытийных возможностей человека, в ситуации, когда делается относительным понятие и жизни, и смерти.

Хайдеггеровское осмысление вопросов человеческой экзистенции в контексте переживания "отчаяния" и "сущностного ужаса" сопряжено с новым для западной философии пониманием Ничто - как Пустоты. В статье "Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим" он удивительно тонко уловил семантическую и онтологическую близость восточного понятия Пустоты и того понятия Ничто, которое употребляет он сам. С позиций японца, "пустота - высшее имя для того, что Вы скорее всего назвали бы словом "бытие" " (Хайдеггер, с. 283). Подобно тому как для восточных людей пустота в философском словоупотреблении не есть обозначение нуля, отсутствия, уничтожения бытия, так и в хайдеггеровском смысле Ничто, характеризующееся как пустота, есть некая вмещающая открытость бытия.

В заключение параграфа замечу, что хотя западная философская мысль исторически была представлена широким спектром осознания проблемы существования вообще и в особенности - отношения человека к бытию, начиная с Нового времени и по сегодняшний день люди, выросшие в лоне европейской цивилизации, привыкли сводить критерии существования к возможностям чувственного опыта и рассудочного познания. Но философской мысли Запада есть чем гордиться: в традиции "вопрошания к бытию" и ответа на "вызов бытия" были открыты наиболее существенные для человеческой экзистенции "точки интенсивности", размышляя вокруг которых европейским философам удалось на пути логического интеллектуализма сделать достоянием европейского разума многие важные онтологические идеи, известные с древности и в восточной традиции философствования. Примечательно, что эти открытия произошли не на пути объективистского рационализма западной мысли, они были сделаны в качестве личного онтологического открытия и опыта вопрошания к бытию, на основе того типа философствования, который сближает европейскую философию с восточными формами духовности.

Если говорить о различиях между западным и восточным типами философствования, - в области предельных вопросов бытия и человеческого существования, - то граница между ними существует, но она проходит не в сфере мысли и мыслимого, а в области **практического**

движения к бесконечному. На Востоке, в отличие от Запада, переживание “смертности человека” и испытываемый мудрецами “сущностный ужас” явился только началом к подлинному углублению в переживание бытия, в тайну “мировой четверицы”. Тантрический или шаманский опыт наших предков начинается там, где заканчивается “вопрошание” западного человека.

Проведенный историко-философский экскурс позволил убедиться, что классическая философия Запада и основанная на её онтологических аксиомах современная наука не располагают однозначными общепризнанными критериями существования-несуществования, жизни-смерти, которые исходили бы из бесспорных предпосылок о природе бытия. В современном мире продолжает действовать консенсус, сформированный в Новое время в европейской культуре - консенсус в отношении понятия “реальность” и важнейших понятий, посредством которых происходит самоопределение человека в реальности - “жизнь”, “смерть”, “я”, “Бог”, “мир”, “добро”, “счастье” и др. И сколько бы ни предлагалось в современной философии новых интерпретаций этих проблем и понятий, интерпретаций, выполненных в традиции мыслительности, логического интеллектуализма, всегда возможна (n+1)-я интерпретация тех же самых вещей. И все они пребывают в круге, очерченном самим подходом европейского человека к освоению потаенности бытия - в круге мысли, ограниченном страховкой здравого смысла, общезначимого консенсуса. Круг этот принципиально ограничен, ибо ограничены интеллектуальные возможности маленького человеческого “я”, не пытающегося выдвинуться за пределы себя самого. Поэтому и возможности европейской философской мысли самой по себе и основанной на её фундаменте современной науки являются ограниченными в освоении тайны реальности. Это всего лишь один из альтернативных способов конституирования миров человека.

2.3. Экстатическое выступление человека в истину, или Экстаз как способ познания потаенности бытия: путь восхождения европейского духа

Хайдеггеровская постановка экзистенциальной проблематики резко выделяет Хайдеггера из всех линий преемственности в истории западной философии и среди современных философов, если иметь в виду, что это интересует нас иод углом зрения тайн реальности *урайн*, поскольку мы находимся в поиске адекватного языка и понятийного аппарата, способных выразить в понятной для самих бурят-монголов и для людей иных миров форме потаенность мира бурятской старины.

Понятие экзистирования, употребляемое в хайдеггеровском смысле, может оказаться весьма плодотворным для онтологического прояснения сущности шаманского экстаза, вопроса, являющегося камнем преткновения для исследователей шаманизма.

Внешние выражения шаманского транса описаны многими этнографами, лично наблюдавшими ритуалы сибирских и центрально-азиатских народов. Во время исполнения обряда шаман, по этим данным, входит в измененное психофизическое состояние и доходит до крайней степени неистовства. У сибирского шамана появляется, как писали наблюдатели, ужасный, потрясающий голос, тело сотрясается пароксизмами, как в сильнейшей лихорадке, у рта выступает пена, он бежит с ревом, как охваченный в случайный период самец верблюда, подражает крикам и поведению животных или птиц. В экстастическом состоянии шаман пост десьни или произносит заклинания, которые сами собой приходят на уста, в трансе он может лечить и предсказывать судьбу.

Попытки старых этнографов объяснить сущность шаманского экстаза в терминах психопатологии, когда шаман воспринимается как человек с больной психикой и расстроенными нервами, а сама болезнь такого рода, как явление распространенное среди "некультурных народов", - как полагали дореволюционные российские специалисты по шаманству, в современной специальной литературе признаны явно несостоятельными (см.: Басилов, 1992, с. 217).

В.Н.Басилов обращает внимание на то, что психофизические странности шаманского поведения обнаруживаются, как правило, только во время проведения обряда, тогда как в иное время шаман является обычным человеком. Исходя из этого, Басилов развивает концепцию, что "припадки" и "обмороки" шамана неотделимы от обряда, будучи *"логически связаны с его задачами и содержанием"*, и что во время обряда он *"вел себя так, как требовали от него верования его народа"* (Басилов, 1984, с. 142).

Иначе говоря, все шаманские странности в этой концепции объясняются самовнушением шамана, *"который знал, что во время камлания обречен на "припадки""* (Басилов, 1992, с. 219). Вслед за Н.Чадвиком (Chadwick, 1936, p. 101) В.Н.Басилов полагает, что экзальтация шамана может *"сознательно и успешно контролироваться до конца и в соответствии с традиционными предписаниями"* (Басилов, там же). Согласно этой точке зрения, экстаз есть *"заранее (более или менее осознанно) запрограммированное измененное состояние, достигаемое шаманом при помощи самовнушения"*. (Басилов, с. 220). Шаман во время сеанса совершает предписанные традицией действия, - считает исследователь.

В основе шаманского экстаза лежат, по мнению сторонников приведенной позиции, не индивидуальные качества психики, все дело в культурном стереотипе. И если шаманы некоторых народов ведут себя как неменяемые, а шаманы других - сохраняют полный контроль над ситуацией, то значит, это предписано соответствующими культурными стереотипами и характером верований этих народов. Роль музыки, ритуальных предметов и всей обстановки Басилов объясняет *“действием механизма условных рефлексов”*. (Там же, с. 223).

Конечно, изложенная гипотеза объяснения шаманского экстаза и свойственных шаманизму загадочных феноменов является гораздо более рациональной и её можно считать более приемлемой, чем прежнее воззрение на шаманский экстаз как на форму нервно-психического расстройства “отсталых” народов, однако и она является всё же недостаточной, ибо в ней отсутствует понимание тайны. Есть в позиции Басилова и ряд неувязок - например, он говорит, что шаман ведет себя в строгом соответствии с традицией, а с другой стороны, считает, что в принципе все что угодно может служить введению шамана в экстаз, создавая необходимые для этого условно-рефлекторные связи. Природу экстаза он все же не раскрывает, не понимает его психофизической сущности, сущности - как измененного состояния сознания, сводя всё к условным рефлексам, связанным с культурным стереотипом, хотя сам же приводит данные, позволяющие предположить, что транс, переживаемый шаманами, имеет более общую экстагическую природу - экстаз широко встречается и вне шаманства (см.: Там же, с. 228).

В чем заключается необычность экстаза как состояния человека? В связи с вопросом о природе экстаза мое внимание привлекли размышления Хайдеггера об “экзистенции” и понятие “экстагическое выступление человека в истину”, употребляемое им в контексте осмысления “погаенности бытия” Хайдеггер подтвердил мое подозрение, что тайна шаманского транса и экстаза вообще не может быть постигнута в режиме “нормального” сознания - современного человека, заключенного в пределы банального повседневного опыта. Как говорит Хайдеггер, нужно вернуться к *“забытой тайне наличного бытия человека”*, преодолеть состояние *“забвения бытия”*. (Хайдеггер, 1991, с. 22), чтобы постигнуть экстаз.

Хайдеггеровское понятие экзистенции выражает “выдвинутость человека в Ничто” (Хайдеггер, 1993, с. 22). Это выступание человека за пределы сущего он называет трансценденцией. Человеческое присутствие в мире (Da-sein) - это особый вид бытия, связанный со способностью человека трансцендировать. Смертность человека в хайдеггеровском смысле как раз есть выражение человеческой способности трансцендирования. Только человеку, подчеркивает Хайдеггер, присущ этот способ бытия - экзистенция. *“Стояние в просвете бытия*

я называю экзистенцией человека... Так понятая экзистенция - не просто основание возможности разума, ratio; экзистенция есть то, в чем существо человека хранит источник своего определения." (Там же, с. 198). Экзистенция в этом смысле не совпадает с классическим понятием existentia, означающем действительность в отличие от essentia как возможности. Existentia в средневековой философии понималась как actualitas, в кантианской онтологии - как действительность в смысле субъективности опыта, в гегелевской системе как самосознающая идея абсолютной субъективности.

Хайдеггеровское "экзистирование" относится не к существованию человека в актуальной действительности, а к "существованию" человека, пребывающему в "просвете бытия". Экзистируя, человек призван "беречь истину бытия, чтобы в свете бытия сущее явилось как сущее, каково оно есть" "Явится ли оно и как явится, войдут ли в просвет бытия, будут ли присутствовать или отсутствовать Бог и боги... и как именно присутствовать, решает не человек." (Там же, с. 202). Со-размерно этому со-бытию человек как экзистирующее существо, призван хранить истину бытия. "Человек - пастух бытия." (Там же). Бытие - это местность, где экзистенция ищет бытийную истину посреди сущего. Бытие есть отношение, и экзистируя в этом отношении, "человек поднимается на ноги, экстатически вынося его [бытие] на себе, то есть принимая его с заботой" (Там же, с. 203).

По Хайдеггеру, человек в своем "существовании" находится в экстатическом отношении к истине бытия, экстатически хранит её от напора непродуманного сущего, - того, что он называет "отпадением от бытия". При таком определении существа человека - как экзистенций - существенным оказывается не человек, - подчеркивает философ, а "бытие как экстатическое измерение экзистенции" "Измерение это; однако, не есть некое пространство. Скорее наоборот, все пространственное и всякое время-пространство существуют в том измерении, в качестве которого "есть" само бытие." (Там же).

То, что пытался выговорить Хайдеггер в "Бытии и времени" есть, по его словам, "что-то простое". Речь идет о "самой близкой близости истине Бытия". Но именно самое близкое и не мыслится человеком, увлеченным сущим. Сущее не осознается им в своей выдвинутости в Ничто. Истина - в просвете бытия. Способность человека относится к существованию человека.

Хайдеггеру, таким образом, хватает мужества, чтобы сознательно устремиться в пугавший Канта трансцендентный мир. Он делает шаг в просвет бытия, навстречу Ничто, таящему иные возможности существования, чем те, которыми располагает человек, пребывающий в состоянии забвения истины бытия. Стояние в просвете бытия и есть экстатическая сущность человека. Это - "самая близкая близость", осоз-

нать которую довелось европейскому человеку лишь в XX столетии, пережив все перипетии “отпадения от бытия”, пока экзистенция человека не заговорила языком Хайдеггера.

Экстаз или пребывание в “просвете бытия” есть **сущностная** способность человека. В принципе об этом же говорит М. Мамардашвили, когда пишет, что бывает “*уход в зазор, подвес и глядение оттуда, как философы иногда любят говорить, каким-то смертным зрением, которое появляется после прохождения точек интенсивности*” (Мамардашвили, с. 39). “Смертное зрение”, появляющееся после того, как пройдены “точки интенсивности”, - это ведь та же способность человека как экзистенции к трансцендированию. Иначе говоря, это способность “*выдвинуться в Ничто*”

Постижение потасности бытия - священного, чудесного, таинственного в истине бытия - становится возможным благодаря этой сущностной экзистирующей способности человека стоять в “просвете бытия” - “выдвинутым в Ничто” Человек, осознавший себя как экзистенция и преодолевший состояние “отпадения от бытия”, обрел свою “близкую близь”: в “просвете бытия” высветилась и приблизилась открытость Бытия. Экстаз - это состояние истинного бытия человека, в этом состоянии он наиболее близок самому себе, тайне своего существования, Богу, Ничто, Пустоте.

Современный человек, человек “*поставы*”(46), “*отпадный от бытия*” и оставленный бытием, погружившийся под напором сущего в банальный опыт, имеет тем не менее шанс проснуться от “*забвения бытия*” и осознать себя в качестве “*пастуха бытия*” - через “*прозрение в то, что есть*”, и тогда “*человек задет в своем существе молнией бытия*” (Там же, с. 257). Говоря о **прозрении**, молнией озаряющей истину бытия, как **событию прозрения**, Хайдеггер, по существу, излагает важнейшее открытие, сделанное им на пути аналитической медитации о бытии и пережитое им самим, наверное, как яркое озарение. В восточной традиции философствования подобные по эффекту открытия-озарения, имеющие экстатическую природу, известны с глубокой древности, и в каждой школе существует сложная медитативная техника многоступенчатого развития такого рода просветленных состояний сознания.

То, что Хайдеггер говорит, по существу, о том же самом явлении, которое на Востоке является результатом духовных упражнений - в практике *шаматха*, направленных на достижение высшей цели, Просветления, подтверждается его словами: “*Лишь когда человеческое существо в событии прозрения как озаренное им отказывается от человеческого своеволия и бросает себя навстречу озарившему его свету, прочь от самого себя, человек в своем существе начинает отзываться на обращенное к нему озарение. Благодаря такой отзывчивости человек ока-*

зывается способен в хранимом событии мира взглянуть как смертный в лицо божественному.” (Там же).

Здесь речь идет о том же очень важном моменте, который в восточной йоге связан с очищением сознания от *клеш*, омрачений сознания, порождаемых *эго* и себялюбием, с преодолением иллюзий, связанных с существованием нашего “я”, и бытийных претензий маленького и своевольного человеческого “эго”. Путь к Ясному Свету, состоянию сознания, изначально и вечно существующего, в буддийской медитативной практике предполагает понимании того, что на уровне абсолютной истины о реальности “я” не существует, оно не имеет объективного, истинного существования, и наша личность не существует, по крайней мере, так, как мы себе представляем - на основе здравого смысла и всех наших знаний из философии и науки. А наше человеческое своеволие порождено иллюзиями существования о реальности и о человеческом бытии. Иначе говоря, с безначального времени наше сознание пребывает в *неведении* относительно способа существования всех явлений, и от этого - все наши злоключения в порочном круге бытия, в самом фундаменте которого заложено страдание. По мере очищения ума от *клеш*, происходящих из-за неведения и затемняющих ясную природу человеческого сознания, человек может преодолеть свое прежнее состояние - эгоцентризма, в котором он жил, когда еще не были осознаны “я” и связанные с ним иллюзии существования. Когда *клеши* и своеволие “я” оказываются устранены, человек, занимающийся духовной практикой, открыт для Ясного Света Истины и обретает новое качество бытия - свободу. В определенном смысле вся буддийская духовная практика - это опыт экстатического типа, это выход за пределы за пределы обыденных концептов, за пределы цепляния за видимость явлений, за пределы омрачающих сознание *клеш*, за пределы страданий, за пределы всех ограничений, определений, характеристик. И в природе экстатирования - отказ от *эго* и иллюзий, с ним связанных.

Как видим, Хайдеггер в понимании феноменов экстаза и прозрения очень близок к восточным Учителям. Благодаря посредничеству Хайдеггера мы можем осознать общую экстатическую природу буддийской и шаманской духовной практики. С другой стороны, когда он говорит об отзывчивости человека, пораженного “молнией бытия”, обращенному к нему свету, когда говорит о восхождении к божественному и о слиянии с ним в состоянии экстаза, он смыкается с христианской мистикой. И мы можем видеть близость восточной философии и мистической философии Запада - по крайней мере в понимании природы духовного экстаза и озарения. А в этом случае и опыт знакомства с европейской мистикой может оказаться весьма полезным для понимания шаманских явлений.

Для западных мистиков экстаз есть не обычное созерцание, а совершенно особый способ постижения. *“Душа вступает в область полного покоя, она отказывается мыслить о том, что обычно любит, потому что мысль есть движение. Душа в этом акте должна выступить за пределы сознания. Она должна уподобиться Первоединому, а Первоединое неподвижно и выше разума и жизни.”* - Так понимали природу экстаза ещё неоплатоники. (ИТ, 1994, с. 189). *“Будучи восхищен молитвою, человек объемлетя бесконечной глубиной того света и ощущает такое неизреченное удовольствие, что парящий и восхищенный ум его поглощен всецело восторгом; и в мыслях происходит забвение об этом земном мудровании, потому что переполнены его помыслы, и, как пленники, уводятся в беспредельное и непостижимое...”*, - говорил мистик Макарий о переживаниях экстаза. (Там же).

Христианские мистики, как и Хайдеггер, как и восточные мудрецы, призывают человека “поставя” отказаться от человеческого своевольия, чтобы обрести высший мир. Вот как, например, говорил об этом Бёме: *“Оставя мир, ты войдешь в то, из чего мир произошел; оставя жизнь свою и приведя в бессилие свою мощь, ты обретешь то, для чего ты сие оставил, то есть Бога, откуда и телесная жизнь истекла.”* (Бёме, 1994, с. 101). *“Но если ты оставишь внешний чувственный образ господствования, то перейдешь в сверхчувственный и тогда господствовать будешь над всеми тварями по основанию”.* (Там же, с. 102).

Хайдеггер своим пониманием существа человека в его открытости бытию возвел мост, по которому человек может сделать шаг навстречу своему истинному “Я” и к высшей реальности. Иными словами, это Путь, а всякий Путь - начинается ли он с онтологических и экзистенциальных поисков философской мысли или с мистической веры, как это было в истории западной культуры, или с преодоления человеческого знания и маленького человеческого “я”, с вслушивания в безмолвие высшего Знания и в тонкие вибрации Неба и Пустоты, как это было на Востоке, - ведет **вопрошающего** через экстаз прозрения в трансцендентное, во все более разреженные пространства бытия. Как не вспомнить здесь античное “небо” в его символическом значении - пространства наименее материального и плотного бытия, наиболее подвижной и проницаемой структуры!

Способность человека к “полету”, восхождению при движении в бесконечное коренится в его сущностной выдвинутости в Ничто, за пределы сущего, и осуществляется как движение к Небу - в пространство наиболее высоких скоростей бытия. *“Небо есть во всему миру и есть всюду вне мира, - говорил Бёме, - без всякого разделения и ограничения местом...”* (Бёме, с. 109). Но обычно человек заботится не о **бытии**, но об одном лишь **обладании в этом мире**, и поэтому не видит сущего как оно есть в открытости бытия, ибо пребывающий в забве-

нии бытия человек находится в наиболее плотном, лишенном внутреннего движения мире “земли”. Более тонкие и подвижные миры, присутствующие здесь же, в этом мире, недоступны человеку “постава”, который отделен от них как бы завесой или трещиной в самом теле бытия.

Но во все времена находятся люди, которые живут чутко и способны услышать “вызов бытия” Услышавший зов не может ограничиться банальным опытом повседневности. И бытие не оставляет ищущего: ищущий да обретет Истину. В Священном Писании христиан говорится: *“[И Я скажу вам:] просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят”*

Путь - это возможность обретения способности к “полету” Но как выйти на Путь незрячему? Христианский мистик говорит: *“Когда умолкнут хотения и чувствования самости, тогда откроется в тебе вечное слышание, зрение и глаголение; Бог будет чрез тебя слышать и видеть: собственное же твое слышание, хотение и зрение препятствует тебе видеть и слышать Бога...Когда ты замолчишь, то сделаешься тем, чем Бог был прежде естества и твари, и из чего Он естество и тварь создал; и ты будешь слышать и видеть тем, чем Бог в тебе видел и слышал до собственного твоего хотения.”*(Бёме, с. 101).

Нужно преодолеть своевольную человеческую самость - таково необходимое условие постижения сверхчувственных вещей во всех духовных традициях. Очень важно при этом понять, что постижение более тонких, чем “земной”, миров, не может быть осуществимо посредством “телесных”, “земных” органов чувств, которые используются людьми в их банальном опыте “земного”, то есть инертного, бездуховного существования. Высшие типы бытия доступны с помощью гораздо более тонких органов восприятия. А чтобы сформировались эти особые способности восприятия, нужно научиться внутреннему молчанию, то есть остановить бесконечный внутренний диалог. В этом знании механизма сверхчувственного постижения высших миров западная мистика удивительным образом совпадает с восточной наукой медитации.

Однако в отличие от ряда восточных школ, в частности, китайских и японских школ чань- и дзэн-буддизма, практикующих иногда жесткие методы трансформации сознания, христианские мастера духовного экстаза нашли щадящий сознание человека постепенный путь к Богу, - в этой постепенности духовного развития они сближаются с буддийским пониманием значения Пути и духовной практики в традиции постепенного Пути (*Лам-рим*) в тибетском буддизме. Так, Николай Кузанский, представляющий собой линию мистического католичества, в своем учении о Теосе подчеркивает, что очень важен путь

или лестница восхождений в искании Бога: *“нужно правильно искать бога” и тогда - на верном пути, когда мы полны величайшего стремления к неведомому богу, истина “несомненно откроется, явив сама себя”* (Кузанский, с. 298). Существуют особые знаки, по которым узнается *“идуший по пути”* (Там же, с. 299).

Восхождение связано с постоянным духовным тренингом - практикой созерцаний в этом мистический опыт Кузанца тоже очень напоминает буддийскую практику, в частности, методы *шамат-ха*. *“Упражняйся же в непрестанных делах и созерцательных (theoricis) восхождениях, - рекомендует он, - и пойдешь пажити всё более богатые, подкрепляющие тебя в пути и день ото дня всё более воспламеняющие твоё стремление.”* (Там же, с. 300). В западной мистике были выработаны даже детальные техники созерцаний и восхождения по ступеням пути. *“Есть, наконец, и ещё путь искания бога внутри тебя - путь снятия всего определенного...”*, отбрасывание тела, чувств, рассудка, интеллекта. *“Продолжая искания дальше, ты не находишь в себе ничего подобного богу и утверждаешь только, что бог - над всем этим как причина, начало и свет жизни твоей мыслящей души.”* (Там же, с. 303).

Есть также *“свернутый путь восхождения”*, - говорит Кузанский. Это осознание имени бога - *“ты можешь пробежать этим путем, на котором бог открывается выше всякого видения, слышания, вкуса, осязания, обоняния, слова, чувства, рассудка и интеллекта - открывается, что бог богов и царь царей не что-либо из всего этого, но над всем...”* (Там же, с. 292). Как ни парадоксально, возникают очень сильные ассоциации с буддийским учением о пустоте, изложенным в *“Сутре сердца”* и других текстах Праджняпарамиты.

На примере учения Кузанского мы видим, что западная философия реализовалась исторически не только как филиация идей, то есть как мысль, как интеллект, но и как выражение духа, и в этом качестве западный ум сделал ряд важных открытий в науке сверхчувственного познания, которые совпадают, по существу, с восточными духовными учениями и представляют собой, как и последние, в принципе иной, чем путь логического интеллектуализма и связанного с ним эмпиризма, способ постижения бытия и совсем другой род знания. Кузанский, кстати, и сам осознавал отличие духовного созерцания от мышления посредством понятий - это видно из тех строк, в которых говорится, что *“успокоение всякого движения интеллекта есть последняя истина”* (Там же, с. 309).

Озарения на пути восхождения, достигаемые западными мистиками об истине бытия, тоже очень напоминают изречения даосских или буддийских мудрецов. Особенно это чувствуется, когда Кузанский говорит, что *“истина есть не бог, как он торжествует в себе, а*

модус бога, каким он сообщает себя интеллекту в вечной жизни”
“Торжествующий в себе бог не есть ни умопостигаемый, ни познаваемый, не есть ни истина, ни жизнь, ни даже бытие...”

Поскольку бог превосходит таким образом всякое понятие, то он и не находится в области, или сфере интеллекта; интеллект не видит и того, что он вне этой сферы. Раз бога нельзя постичь вне интеллектуальной области иначе как негативно, то он постигается через наслаждение пребыванием в истине и жизни среди мира и покоя в небе эмпирии, то есть высшего восторга нашего духа...” (Там же, с. 309). Это состояние “восторга нашего духа” есть, по-видимому, состояние, сравнимое с тем, которое на Востоке, в буддийской традиции тантры, именуют “Великим Блаженством”(см.: Геше Тинлэй, 1996; Дхарма, 1996 и др.).

Там, на вершине духовного созерцания, интеллекту не место, но Путь начинается с плотного, земного движения интеллекта. Наша интеллектуальная сила, по словам Кузанского, обладает потенциально “поистине несказанными богатствами света”, мы просто не знаем, что они у нас есть. “Так на поле бедняка лежат в потенции большие богатства, которые он нашел бы, если бы знал, что они там есть, и должным образом искал их.”(Там же, с. 334).

“Податель светов” (Кузанский), “просвет бытия” (Хайдеггер) открывает нам потаенные сокровища через посредничество тех, кто ревностно заботится о бытии, “пасет” истину бытия, радеет о духовном возделывании. Как и в восточной традиции, восхождение западного духа начинается с осознанного стремления к постижению потаенности бытия и осуществляется с помощью определенных методов и духовных упражнений, развивающих интеллектуальную силу ипущего до той стадии, когда его, как говорит Кузанский, уже ничто из разнообразия человеческих предположений не может смутить: ни слова того, кто утверждает, что бог есть всё, ни речь того, кто считает, что бог есть ничто или вообще не есть. “Он знает, что несказанный бог выше всякого утверждения и отрицания, кто бы и что бы о нем ни говорил, и всё кем бы то ни было говоримое о боге есть лишь некий модус говорить о несказанном.” (Там же, с. 318). Неизреченность, немыслимость Бога - Того, что пребывает за границами всяких человеческих определений, осознается мастерами духовного экстаза и на Западе, и на Востоке.

Экстатическое состояние сознания всегда сопряжено с выходом переживающего это состояние человека за границы пространственно-временных определений и субъективных ограничений, присущих человеческому восприятию и познанию. Вот, например, какой случай приводит В. Джемс в своих лекциях о мистицизме, как подтверждение состояния мистической одаренности, которое, по его мнению,

“известно большему числу лиц, чем мы это предполагаем” (Джемс, 1992, с. 307). Это описанное Саймондсом (J.A.Symonds) его собственное яркое переживание:

“Неудержимо овладевал он [экстаз- И.У.] моим рассудком и волей, длился, как мне казалось, целую вечность и закончился целым рядом ощущений, похожих на пробуждение после наркоза. Я не мог бы их описать... Это было постепенное и вместе с тем быстрое исчезновение пространства, времени, ощущения и многочисленных элементов опыта, из которых, по-видимому, составляется то, что нам нравится называть нашим Я. По мере того, как исчезали условия нормального сознания, просыпалась подсознательная сфера и в конце концов оставалось лишь чистое, абсолютное, абстрактное Я. Мир терял и форму, и содержание. Но Я продолжало существовать, с ужасной тоской, с мучительной остротой чувствуя, что действительность готова уничтожиться, как уничтожается мыльный пузырь. Что же дальше? Страх близкого распада, ужас, уверенность, что эта минута уже последняя, что я на краю бездны, что сейчас я постигну Майю, вечную иллюзию - всё это, казалось, вызывало меня из этого состояния. Возвращение к нормальным условиям восприятия начиналось обыкновенно с чувства осязания. Потом одно за другим быстро притекали обычные впечатления и заботы дня. И, наконец, я начинал чувствовать, что я человек; загадка жизни стояла передо мною по-прежнему неразрешимой, но я испытывал благодарное чувство, что я избежал бездны - это страшно посвящения в мистирию скептицизма.” (Джемс, с. 308).

В приведенном экстатическом переживании содержится очень важный, на мой взгляд, момент: при выходе из состояния экстаза ощущение, что “я - человек”, возвращается в последнюю очередь. В мистическом переживании человек существует, судя по опыту Саймондса, не как обычный человек, а как часть того невыразимого единства, которое пребывает за границами всех конечных определений, за пределами пространства и времени. Но Саймондс оказался всё же типичным европейцем: ощущение, что он находится на краю бездны, и что наступила его последняя минута - страх и ужас конца, свойственные банальному опыту человека, помешали ему пережить “посвящение в мистирию” - вытянули из экстаза, и он ещё счастлив, что избежал “бездны”. Помните Каита: ему страх запредельного помешал отпустить страховку здравого смысла. И Саймондс из-за того же самого европейского страха бытия не сделал последнего, решающего шага. Не так - на Востоке.

Саймондс, счастливо избежав “посвящения”, продолжает мучиться: *“Какова же в самом деле истинная ирреальность? Не сводится ли она к этому жгучему сознанию своего пустого, мятежного, сомневающегося Я, к этому состоянию, в котором я был сейчас? Или, напро-*

тив, - ирреальны внешние явления, которые скрывают за собою мое интимное Я и строят Я условное из плоти и крови. И не игрушка ли сновидения человек, если их ирреальность он постигает лишь в такие исключительные моменты? И что было бы, если дойти до конца этого экстаза?" (Grown, 1895, з. 29-31 цит. по: Джемс, с. 308). Типичный западный человек не в состоянии преодолеть свой страх, чтобы сделать тот первый шаг, с которого и начинается Знание, являющееся основой духовной практики на Востоке. И типичный западный человек назовет случай с Саймондсом "явлением несомненно патологического свойства", как это сделал Джемс. (Там же). Но если здесь присутствуют приметы патологии, то совсем не в том психиатрическом смысле, который имел в виду Джемс, а в том смысле, что экстаз есть трансцендирование, выход за пределы маленького, условного человеческого "я", за границы сущего в Ничто, которое является всеобъемлющей Пустотой - "Подателем светов"

Западные мистики - нетипичные люди Запада, они в стороне от магистрального пути европейского интеллектуализма, идя "проселочными дорогами" (Хайдеггер), выработали специальные техники достижения молитвенного экстаза. Неоплатоники посвятили тысячи страниц экстазу, а мистическое христианство разработало подробнейшую и сложнейшую физиологию молитвы. "У отцов и подвижников православного Востока точно определены стадии молитвы: она начинается словесно, на языке, опускается в горло и грудь, сцепляется с дыханием (так что всякое дыхание уже молитвенный вопль), наконец, переходит в сердце, где и собирается как ум, так и всё естество человека в один горящий пламень молитвы, в одну нерасчлененную точку слияния с Богом." (Лосев, 1993б, с. 870).

Детальные разработки в этой области были сделаны исихастами (см.: ИТ, 1994, с. 174). Классическое описание техники исихастов дано в XI веке монахом Ксероксерского монастыря в Константинополе Симеоном: "...затвори двери твоей кельи, сядь в углу и отвлеки мысль твою от всякого земного, телесного и скоропреходящего. Потом склони подбородок твой на грудь свою и устреми чувственное и душевное око на пупок свой; далее сожми обе ноздри свои так, чтобы едва можно было дышать и отыщи глазами приблизительно то место сердца, где сосредоточены все способности души. Сначала ты ничего не увидишь сквозь тело твое: но когда проведешь в таком положении день и ночь, тогда, о чудо, увидишь то, что иногда не видал, увидишь весьма ясно, что вокруг сердца твоего распространяется божественный свет." (цит. по: ИТ, с. 174-175).

Это описание свидетельствует о том, что в христианской мистике молитва была основана на медитативной технике созерцания, которая обнаруживает принципиально общие черты с буддийской техни-

кой медитации, в частности, с практикой достижения *шаматхи* - способности однонаправленной концентрации (48). И в христианской медитации, и в восточной духовной практике речь идет о концентрации сознания и о его очищении. Здесь и там медитативная практика была связана с регуляцией дыхания. Выдающийся мистик XIV века Григорий Палама писал об исихастическом "делании": *"У людей не совсем опытных в духовной жизни ум, направленный внутрь, часто отскакивает вовне. Таким людям дается совет воздерживаться от частого дыхания, чтобы вместе с дыханием и ум удерживать в себе. При усиленном размышлении о чем-либо дыхание происходит медленно и тихо. Так совершается очищение сознания .... Сделавшись как бы нечувствительной и безгласной, душа предстает Богу и наслаждается небесным покоем. Духовным ощущением она слышит неизреченные глаголы и видит невидимое."* (Там же, с. 172-173).

К характерным особенностям мистического христианства и центрально-азиатского буддизма относится также то, что оба они - физиологичны: существует детально регламентированная физиология молитвы в христианстве и физиология медитации в буддизме. Так, в частности, предписываемые во время молитвенной или медитативной концентрации визуализации связаны с сердцем, сердечным центром. В буддийской медитации центральное значение имеет созерцание божеств - объектов медитации - восседающими в сердце практикующего и излучающими во всех восьми направлениях свет и благословение. В мистическом православии сердце является последним сидалищем молитвы, ниже сердца она не опускается.

Существует, как видим, мистическая физиология экстаза, которая представляет собой, судя по данным и западным, и восточным, многоступенчатое восхождение, в котором особое место занимают визуализации на сердце. Само по себе наличие мистической физиологии молитвы или медитации говорит о том, что для создателей подобных духовных техник бытие не сводится к телу. Для них тело *"только посетитель и осуществитель подлинного бытия"*, и этот взгляд *"очень подробно и четко различает ту или другую значимость тела с точки зрения этого бытия, и он устанавливает целую иерархию соответствующей внутренней жизни тела."* (Лосев, с. 871).

Мистическая физиология христианской молитвы в сущности похожа на мистическую физиологию медитативной практики с помощью мантр (49). Во время состояния *гартус* - так теологи называют мистический экстаз, - дыхание и кровотечение так слабы, что возникает вопрос, не отделяется ли временно душа от тела во время подобных состояний. (Джемс, с. 407). Аналогичные физиологические явления широко известны в классической йоге и в буддизме.

В восточных практиках сердце тоже имеет особенное значение. У каждого буддийского божества есть так называемая сердечная мантра. Сердце в буддийской медитативной практике так же, как и в христианстве, служит местом, где сознание “стягивается” в точку или каплю - “*тигле*” по-тибетски (50), являющуюся иррациональным выражением единства медитирующего с божеством. В духовном сердце концентрируется благословение будд и бодхисаттв, всех объектов буддийского Прибежища. Так, к примеру, во время медитации с мантрой *Манджушри* (51) медитирующий “собирает” на кончике языка желтый свет, исходящий от божества Манджушри и в конце визуализации “проглатывает” её, опуская до сердца, где и остается его благословение, - так объяснял Геше Джампа Тинлэй механизм практики с мантрой Манджушри. Духовная практика в буддизме основана на знании “тонкой” телесной организации - расположения энергетических каналов и т.д.

В центральноазиатском шаманстве тоже есть своя мистическая физиология, основанная на представлении о том, что тело или отдельные органы тела имеют особую значимость с точки зрения настоящего бытия человека - имеется специальная мистическая схема жизнедеятельности тела. Выше уже упоминалось о *жулдэ* - той части организма человека, где сосредоточена жизненная сила человека. По бурятским - вообще монгольским- представлениям, существует двенадцать точек, через которые *хунэнэн* душа может выйти и войти, *хунэнэн* постоянно меняет свое местонахождение, так что в определенное время года нельзя трогать (оперировать и т.д.) это место, где в данный момент находится *хунэнэн*. Шаманские полеты и “астральное каратэ” - битвы, которые вели в прошлом шаманы и ламы, находясь в тонком теле, были основаны на знании этой мистической физиологии. Сам шаманский экстаз, судя по сведениям, полученным мной от монгольского исследователя шаманизма Г. Гантогтоха, и касающимся тех изменений сознания, которые наступают во время шаманского экстаза, имеет черты сходства с молитвенным экстазом западных мистиков и с медитативным экстазом буддийских монахов - сознание монгольского шамана тоже “стягивается” в точку, сосредоточенную в сердце - в центральном сердечном канале, в сердечной чакре (52).

Совпадение некоторых важнейших особенностей духовного экстаза и мистической физиологии в столь разных традициях, каковыми являются мистическое христианство, буддизм, классическая йога и центральноазиатский шаманизм, само по себе говорит о существовании некоей универсальной общей природы духовного экстаза, которая и была открыта в этих самостоятельно существующих традициях.

Европейская по своему происхождению современная медицина объясняла традиционно психофизическое состояние экстаза гипнотизмом, возможность которого основана физически - в вырождении и патологии. Но серьезные исследователи вроде В.Джемса признавали ценность, которую могут иметь для современного человечества состояния сознания, называемые экстазом, для расширения границ нашего познания.

И хотя истина мистического характера существует лишь для того, кто испытал экстаз и непостижима для обычных людей, чистота экстатического состояния святых и мудрецов всех народов измеряется степенью пригодности его результатов для жизни - для дела самоизменения и практической помощи ближним. У переживших духовный экстаз происходит перемещение духовной энергии к новому центру - как это происходило со св. Терезой, которая выходила из экстаза с обновленным здоровьем, рвущаяся к деятельности. Испытавший это состояние человек переходит из замкнутого и тесного пространства своего повседневного существования со всеми присущими ему проблемами, которые порождаются человеческим "я", к необъятному широкому кругозору, и в то же время это переход от суеты и смятения к покою. Это состояния оптимизма и монизма. *"В них безграничное воплощает в себе все границы."*(Джемс, с. 409).

В.Джемс, анализируя многообразие религиозного опыта, справедливо проводит параллели между мистическим опытом христианских святых, мудростью Упанишад, мистикой мусульманских суфиев и философией неоплатоников. Он выделяет в них некие общие черты, присущие мистическому сознанию - они свойственны и Западу, и Востоку. Среди них, в частности, - пантеизм и оптимизм, а также идея **дважды рожденного сознания**.(Там же, с. 412, 413).

Экстатическое движение к божественному - путь к Богу в западной мистической традиции - представляет собой практическое воплощение сущностной способности человека к трансценденции, той способности, которая была осмыслена в западной философии, но не реализована практически - как Путь. Движение от "земли" к "небу" - к Богу, осуществляемое в христианской мистике - это наиболее адекватный способ утверждения европейской экзистенции, и это такой способ, который по ряду важнейших духовных параметров совпадает с восточным опытом движения к бесконечному. На Востоке мыслительное движение бесконечного удалось, в отличие от Запада, совместить с бесконечным самоизменением "эмпирического" человека, знание - с верой.

Предпринятый экскурс в область европейского осмысления фундаментальной онтологической проблематики и практики восхождения духа позволяет убедиться, насколько выше и глубже мысль и дух

Запада по сравнению с тем упрощенным мифом, который лежит в фундаменте современной науки и современного здравого смысла, в пространстве и в системе координат которых происходит до сих пор восприятие исследователями реальности вообще и в том числе центрально-азиатской старины с присущей этому миру *урайн* тайной явления бытия и экзистенции человека. Этот высокий мыслительный и духовный опыт Запада поможет нам, восточным людям, узнать в этом опыте Другого что-то свое и понять собственный - наших центрально-азиатских предков - опыт бытия, который в течение тысячелетий они бережно хранили и передавали в устной и письменной традиции.

По крайней мере становится ясно, что в самой европейской культуре имеется опыт сознания, который совершенно дискредитирует притязания рационального сознания на исключительное право устанавливать определения того, что существует и чего не существует, и во что мы можем верить.

Как считает В.Джемс, экстатический опыт является особым родом познания. *"Мистический опыт подрывает авторитетность немистического или рационалистического сознания, основанного только на рассудке и чувствах. Он показывает, что последнее представляет собою только один из видов сознания."* (Джемс, с. 336). Это более глубинное сознание, обладающее повышенной энергией, и поднимающее дух за пределы человеческого опыта, он называет "сублиминальным сознанием". Конечно, все, что приходит из опыта "сублиминального сознания", *"должно быть просеяно, испробовано и подвергнуто испытанию, подобно тому, как это происходит с нашими обыкновенными чувствами"* (Там же, с. 340).

Правда, люди, не переживавшие духовного экстаза, не достигшие "сублиминального сознания", не обязаны признавать открытия "сублиминального сознания" истиной для себя - подобно тому, как слепорожденные не обязаны - особенно если бы они составляли абсолютное большинство человечества - считаться со зрительными данными людей зрячих - цветовыми характеристиками и т.п., для того чтобы создать свой собственный консенсус мира и жить в нем. Но ведь они не отрицают существования всего того, что видят те, кто может видеть! Аналогичным образом та часть человечества, которая не способна пережить состояния "сублиминального сознания", не должна отрицать, что, по крайней мере, остается открытым вопрос, не являются ли мистические состояния такими *"возвышенными точками зрения, такими окнами"* - *"через которые наш дух смотрит на более обширный и более богатый мир"* (Там же).

Мистическое сознание, так же, как обычное сознание, связанное жестко со здравым смыслом, отвечает прагматическому "принципу

Пирса” - дает человеку практическую пользу и уверенность в жизни. Мистические открытия имеют даже больший практический эффект, чем обычные знания, и сообщают пережившему божественное озарение человеку уверенность в практической жизни гораздо более сильную. Можно сказать, что это опыт *“действительной причастности к жизни”* (Джемс, с. 388). Говоря словами Гурджиева, человек возвращается к собственному центру и становится существом **сознательным** по-настоящему.

ГЛАВА 3

ПРОЛЕГОМЭНЫ К ПОНИМАНИЮ ШАМАНСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОПЫТ ИНДЕЙСКОЙ МАГИИ И МИРОВОГО ТАЙНОВЕДЕНИЯ

3.1. Философия индейского шаманизма и опыт К. Кастанеды

Я обращаюсь к учению индейского шамана - *нагваля* дона Хуана, изложенному в трудах К. Кастанеды, который был до своего знакомства с нагвалем типичным западным ученым-антропологом, но после многих лет ученичества у мага сумел освободиться от характерных для современного человека и в особенности для человека науки врожденных и приобретенных привычек мировосприятия, образующих условности современного консенсуса, и сумел далеко продвинуться по пути настоящего индейского шамана, усвоив с помощью своего наставника-нагваля тот способ отношения к миру, который в течение тысячелетий практиковался индейскими "людьми знания". Знакомство с опытом ученичества, пережитым и описанным Кастанедой, представляет большой интерес для всякого человека, который хотел бы понять - как возможно проникновение в "параллельные" миры и что есть вообще **реальность**? Кастанеда, будучи представителем современной цивилизации, излагает этот уникальный опыт самотрансформации языком, понятным современному человеку. Кроме того, сам по себе феномен индейской шаманской магии интересен для меня, как потомка бурят-монгольских шаманов: индейский опыт *людей знания* очень сильно напоминает таинственное знание наших предков, которое, как и индейская магия, было "*серьезной, достоверной практикой, сопоставимой по своему положению с современной наукой*" (Кастанеда, 1991б, т. 2, с. 12).

Через ряд ассоциаций с индейской магией я глубже осознала наше, бурят-монгольское, шаманство как особое *знание* и как Путь, а также то глубокое внутреннее духовное родство между шаманской традицией наших предков и центральноазиатским буддизмом, которое высветилось именно благодаря интерпретации Кастанедой учения дона Хуана. Вглядываясь вслед за Кастанедой в мир мексиканских нагвалей, типичный современный человек лучше сумеет постигнуть нашу духовную традицию со стороны древней "фундаментальной онтологии" - в той универсальности, которой отмечено вообще духовное знание.

С другой стороны, некое внутреннее, идущее изнутри, знание шаманской онтологии - старобурятского мира *урайн* - говорит мне, что в текстах Кастанеды отражен достоверный личный опыт, пережитый им в ходе ученичества. То, о чем он повествует, я воспринимаю

отнюдь не как литературу, а как подлинный опыт самоизменения и постижения реальности - опыт, радикальный по отношению к нормальному самочувствию современного человека, существующего в весьма ограниченном регистре бытия. Пусть критики литературные и научные спорят о том, реален ли дон Хуан Матус, или он есть лишь порождение разыгравшегося или галлюцинирующего сознания. Для меня это опыт, несущий истину бытия. Важен именно духовный, онтологический смысл переданного Кастанедой Учения. Мистическая интуиция, взращенная в духовных исканиях, не может не чувствовать бытийной достоверности описанного Кастанедой опыта. И этот опыт тем радикальнее для современного мира, чем более ограниченными и условными являются используемые в этом мире критерии существования. А в предыдущей главе я как раз пыталась довести до сознания читателя, что всё то, что современные люди, воспитанные на новоевропейской идеологии и мифологии, считают объективной реальностью, познаваемой и осваиваемой человечеством, есть на самом деле результат принятия определенной метафизики: традиционная европейская онтология, которая всегда недомысливала бытие и человека, заложена, как бы встроена в современную "картину мира", которая является лишь одним из способов консенсусного конституирования реальности - она не является единственно возможным консенсусом.

И сам консенсус не есть нечто навсегда установленное. Мир относителен в принципе - по существу своего конституирования, по существу наименования вещей. Имя, язык - это, говоря словами Хайдеггера, есть **дом бытия людей**. Люди живут в разных мирах не в переносном, а в прямом смысле слова. Правда, стершиеся слова людей поселяют их в одном и том же, одинаково для всех бедном и безликом доме, как это имеет место с современным человечеством. За - именем, за - языком таится реальность, и какова она - это всегда загадка. А люди обычно именно этого не понимают в скуке повседневной жизни. Консенсусная основа реальности не только не подвергается сомнению большинством людей, но даже не осознается. *"Вещи становятся реальными лишь тогда, когда ты научился соглашаться с их реальностью."* - Эта простая истина, известная индейскому шаману дону Хуану (Кастанеда, книга 4, 19926, с. 25), не приходит в голову ни простым обывателям, ни профессорам философии и современных наук.

То фундаментальное одиночество, которое прозрела интуиция Кьеркегора и Хайдеггера, есть одиночество **человека знания**, одиночество **воина (53)**, о котором поведал Карлосу дон Хуан, - оно известно людям разных народов, людям, научившимся **видеть** и действовать на основе видения с бесстрашием воина. *"Как только человек обучается видению, он оказывается один в мире, где есть только глупость."* (Кастанеда, 19916, с. 70). Не от этой ли глупости мира сего отказаться

призывает христианское Священное Писание в Первом послании Апостола Павла к Коринфянам: "...если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтоб быть мудрым.

Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом..." (Глава 3. 18-19)?

Что значит видеть в смысле индейского шамана? Что такое - быть "воином"? Кастанеда, как ученик дон Хуана, раскрывает духовный, онтологический, энергетический смысл этих понятий постепенно, по мере обретения опыта восприятия **другой реальности**, столь непохожей на привычный мир современной цивилизации - "постава" на языке Хайдеггера.

Способность "видения", которой учит Карлоса индейский шаман, связана с той характеристикой человека - "пастуха бытия", которая у Хайдеггера относится к **выдвинутости в Ничто** и предполагает чуткость в восприятии потаенности бытия. "Видение" есть, по существу, практическое *движение бесконечного*, которое было осмыслено Кьеркегором. Предпосылкой шаманского видения в школе дон Хуана является отношение к миру "*как к тому, чем он является, как к чудесной загадке*" "*Мы никогда не сможем понять его; мы никогда не разгадаем его тайны.*" (Кастанеда, 1991б, с. 187) - поэтому человек знания и воин относятся к миру "*как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, как к бесконечной глупости.*" (Там же, с. 188). Обычный же человек в своем глупом замешательстве воображает, что в мире больше нет загадок, и полагает, что его можно перестроить, изменить и с удобствами устроиться в нем - в соответствии с "*чувством собственной важности*", как называет дон Хуан своевольное человеческое эго.

Отсутствие в мире тайн и чудес - вот поистине ужасная цена, которую приходится людям платить за уют мира повседневности, за щиты, которыми консенсус ограждает людей от неведомой бездны бытия. В старости обычный человек, уставший от скуки повседневности, обнаруживает, что больше незачем жить. Но в действительности старый человек "*не исчерпал мира*" - "*он исчерпал только то, что делают люди*" Иначе говоря, он исчерпал лишь нашу обычную человеческую глупость.

Говоря о принципиальной таинственности мира, индейский шаман имеет в виду отнюдь не банальную неизвестность, которая существует в пределах любого повседневного опыта, а именно **чуждость** реальности - за пределами наших условностей по её поводу. *Человек знания* учится относиться к вещам правильно...

Правда, в самое последнее время, на исходе XX столетия люди науки, работающие на её переднем крае, начали глубже, чем ученые классического типа, постигать относительный, многомерный и бесконечно превосходящий возможности научного мировосприятия харак-

тер реальности вообще и реальности сознания. (См.: Тарт, 1992; Юнг, 1992; Налимов, 1989; Акимов, Шипов, 1994 и др.). *“И всё же, - признается Ч.Тарт, один из тех, кто осознает границы современного консенсуса и пытается их раздвинуть, - наш жизненный путь в гораздо большей мере, чем нам хотелось бы, ограничен колесом колеса, механически катящегося по дороге нашего повседневного бытия.”* (Тарт, 1992, с. 233).

Пересмотр границ условной реальности предпринимается на Западе, как правило, в форме нетрадиционных вариантов психологии, которые являются как бы ответом на вызов спиритуалистических учений Запада и Востока, бросаемых рационалистической традицией мышления, лежащей в основе современной науки. Но, что характерно при этом, сам консенсус о “нормальном” сознании остается непоколебимым и, как заметил Ч.Тарт, *“почти никто из западных психологов даже не пытался применить это знание по отношению к самому себе!”* (Там же, с. 247). Иначе говоря, знание условности реального мира не побуждает, как правило, западных исследователей проникнуть в **другую реальность** через трещины консенсусной реальности, за щиты, создаваемые всем тем, что делают обычно люди, к тайне и чуду бытия. Западные люди науки, даже если и говорят об **иной** реальности, то исключительно в смысле психологическом, подчеркивая **субъективный** характер этой реальности - “измененные состояния сознания”, - но никогда в онтологическом смысле - как о действительности сущего, бытия!

Даже Тарт, чьи идеи оценивают как вызов, брошенный ортодоксальной науке, не продвинулся в постижении **иной реальности** далее признания, что человек не обязан верить, будто “на самом деле” мир таков, каким он предстает “нормальному” сознанию, и что западной психологии *“придется согласиться с тем, что наше “нормальное” состояние есть “самсара”(54) и заняться проблемой, как использовать тот огромный потенциал, каким обладает наука, вместе с тем ценным, что содержится в спиритуалистических учениях Востока и Запада, чтобы искать выход.”*(Там же, с. 248). Выход откуда? У Тарта речь идет о тупике психологическом. И, кажется, он надеется найти выход из него, перестроив с помощью “спиритуалистических учений” свое знание - но со “знанием” он продолжает иметь дело в европейском его смысле, а такого рода знание ещё не раскрывает **другую реальность** - реально таинственный мир, в котором и сам человек способен действовать и жить таинственным образом.

А учение дона Хуана содержит именно такое **знание о другой реальности**, которое позволяет **знающему** человеку проникать в эту “другую” реальность и даже совсем переселиться в неё. И в этом главное отличие учения индейского шамана от всех психологических вер-

сий альтернативной реальности - для него *другая реальность* является другим миром не только в его сознании, но и на самом деле. В то же время именно эта особенность учения, излагаемого Кастанедой, сближает его с духовными учениями, известными во всех регионах мира, в рамках которых существуют веками практикуемые методы введения человека в альтернативную реальность, которая существует за границами консенсуса и за пределами употребления имен.

Для входа в “иную” реальность требуется состояние, называемое на языке Кастанеды *“остановкой мира”*. На Востоке достижению этого состояния посвящена целая “наука безмолвия”, разработанная мастерами даосизма и буддизма. *Остановка мира* известна также в суфийской практике - в XX столетии этот суфийский метод применял Г.Гурджиев в занятиях со своими учениками, помогая им выйти из заколдованного круга привычных поз, жестов, движений, мыслительных ассоциаций и ощущений (См: Гурджиев, 1993; Гурджиев, 1994; Успенский, 1994; Аватара, 1996 и др.).

Остановка мира в объяснении дона Хуана означает прежде всего остановку нескончаемого внутреннего диалога, который человек обычно ведет, - в этом индейский шаман повторяет восточную истину о значении внутреннего молчания и медитативного успокоения ума для целей духовной реализации. Мы постоянно поддерживаем существование мира своим непрекращающимся внутренним разговором. *“Мы обновляем его, наполняем его жизнью, поддерживаем его своим внутренним разговором. Но не только это - мы также выбираем свои пути, говоря с собой. И так мы повторяем одни и те же выборы снова и снова до тех пор, пока не умираем, потому что продолжаем повторять тот же самый внутренний разговор снова и снова вплоть до дня, когда умираем.”* (Кастанеда, 1991б, с. 186).

В отличие от обычного человека тот, кто ступает на Путь - человек знания, воин - *“сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить с самим собой, и должен быть готов к этому колоссальному событию.”* (Там же). Остановить мир можно, говорит дон Хуан, методом *неделания*. Опять поразительные ассоциации с восточными учениями с методом *“недеяния”*. Помните, в *“Дао дэ цзине”*: *“Поэтому совершенномудрый, совершая дела, предпочитает недеяние; осуществляя учение, не прибегает к словам; вызывая изменения вещей, [он] не осуществляет их сам; создавая, не обладает [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагает к этому усилий; успешно завершая [что-либо], не гордится.”* (ДКФ, 1972, с. 115). Или ещё: *“Кто служит дао, изо дня уменьшает [свои желания]. В непрерывном уменьшении [человек] доходит до недеяния. Нет ничего такого, что бы не делало недеяние. Поэтому овладение Поднебесной всегда осуществляется посредством недеяния. Кто действует, не в состоянии овладеть*

Поднебесной.” (Там же, с. 129). *Недеяние*, как говорят даосы, дает возможность человеку уже не бояться ни носорога и тигра, ни вооруженных солдат. *“Носорогу некуда вонзить в него свой рог; тигру негде паложить на него свои когти, а солдатам некуда поразить его мечом. В чем причина? Это происходит оттого, что для него не существует смерти.”* (Там же). В отличие от мудреца, овладевшего *недеянием*, каждые трое из десяти обычных людей *“умирают от своих деяний”*, ибо в них *“слишком сильно стремление к жизни”* (Там же). Совершенно-мудрый *“следует естественности вещей и не осмеливается [самовольно] действовать”* (подч. мною - И.У.). (Там же, с. 134).

Упражнения в *неделании*, рекомендованные индийским магом своему ученику, основаны на чем-то очень похожем в своей онтологической истине и тоже связаны с уменьшением *“чувства собственной важности”*, с отказом от обычного человеческого своеволия, от диктата эго. Достижение *неделания* - это событие колоссальной значимости для обучающегося индийской магии, ибо *неделание* и есть *“всегда безупречное состояние”*, которое достигается при развитии определенного уровня *личной силы* и которое отличает *воина* от обычного человека. Проходит длительное время предварительной подготовки, пока станут доступны техники *неделания* - специальные упражнения.

Остановка внутреннего разговора входит в эту систему предварительной подготовки. Для того, чтобы перестать постоянно говорить с самим собой, индийский маг рекомендует *“использовать уши, чтобы снять часть нагрузки со своих глаз”* (Кастанеда, 1991б, с. 187). Ведь зрение для современного человека, как и для древнего эллина, и для новоевропейского человека, является главным критерием реальности и достоверности всех суждений о мире. *“Не поверю, пока не удостоверюсь собственными глазами”*, - вот кредо здравого смысла в его обычном восприятии сущего. *“Воин сознает это и прислушивается к миру; он прислушивается к звуками мира.”* (Там же).

Карлос лишь после двухмесячных упорных тренировок в прислушивании к *“звукам мира”* оказался способен выключать внутренний диалог на короткие промежутки времени и слышать *“звуки”*. А слышим ли мы, умеем ли мы *слышать звуки мира*? Или по привычке полагаем, что мир такой-то или такой-то только потому, что нам в семье, школе, вузе говорили, что он - такой-то? *“Если мы перестанем говорить себе, что мир такой, то мир перестанет быть таким”*, - эти слова дона Хуана, звучащие парадоксально для *“нормального”* сознания, оказываются на практике самым настоящим ударом для вступившего на путь ученичества, и последствия его непредсказуемы, если ученик не осуществляет *“уничтожение мира”* медленно, постепенно.

Катастрофичность ощущения *“остановки мира”* - когда кажется, что мир рухнул, мне отчасти знакома по тем моментам из раннего

детства, когда я усваивала имена вещей и обнаружила, что наименования некоторых предметов не “хотят” приклеиваться к обозначаемым ими объектам в том порядке, в каком люди не задумываясь пользуются названиями. Позднее это ощущение “остановки” в восприятии предметности возникало при бесконечном повторении одного и того же слова - когда остается одно только звучание, без всякой соотнесенности с предметами. Но это были крайне редкие и кратчайшие по длительности мгновения, когда приходило ощущение: “остановки мира”, когда воспринималась сознанием зияющая трещина между условными наименованиями и реальностью. Обычно же нашей личной *силы* не хватает, чтобы разрушить консенсусную реальность и прорваться сквозь неё к реальности - бесконечно таинственной и чудесной.

Учение о технике “остановки мира” индейского шамана, переданное нам Кастанедой, очень созвучно наставлениям буддийских мастеров. В одном из своих устных комментариев по поводу буддийских техник - правильного слушания, размышления и медитации Геше Тинлэй обратил наше внимание на то, что мы, как правило, “неправильно слушаем” и наша задача заключается в том, чтобы научиться “правильно слушать и слышать” Уход в горы и затворничество буддийских практиков отнюдь не означает бегства от общества, а связан прежде всего именно с тем, чтобы прекратить “неправильное слушание” и научиться слушать и слышать правильно. Это касается техники отказа от обыденных концептов по поводу реальности и формирования мудрости, постигающей пустоту. И здесь, в буддийской практике осознания реальности, тоже важна духовная сила.

Но что это такое - *личная сила*? В учении донна Хуана и Кастанеды речь идет о состоянии бытия, которое называется “неделанием”, у даосов оно было известно как “недеяние” В буддизме это состояние является результатом постижения пустоты, того, что абсолютная природа всех вещей - это пустота от объективного, независимого от сознания существования.

Личная сила была и у наших предков - монгольских кочевников, научившихся “остановке мира”, созерцая **Вечно Синее Небо** (*Хухэ Мунхэ Тэнгэри*). Но так уж получается, что мы, их потомки, оказались в положении “забвения бытия”, и ищем сегодня путь к *реальности* за границами условностей и человеческих наименований, дорогу к истине и к самим себе истинным, усваивая опыт западной философии и науки, проходя через мосты, возведенные между Западом и Востоком Хайдеггером, Гурджиевым, Кастанедой. Иначе, наверное, преодолеть наше “отпадение от бытия” и не получится, если мы не хотим отказаться от старобурятского мира *урайн* как чего-то банального, иллюзорного или вообще ложного, если стремимся постигнуть его в мас-

штабе тайны реальности человека. Хотя, наверно, было бы проще осознать древнюю бурят-монгольскую мистику в контексте восточной духовности, ведь это типично восточная традиция - наша традиция *боо-мургэл* (религия "боо"). Но где гарантия, что мы не кружимся в вечных пределах своих восточных иллюзий о *реальности*? Что не пребываем в плену сна, как и большинство западных людей? Да и возвращены мы, нынешние бурят-монголы, всё же в духе современного мировосприятия, и для многих из нас мир старобурятский *урайн* - такой же миф и история, как для западных людей. "*Мы выучиваемся думать обо всем, и затем приучаем наши глаза видеть так, как мы думаем о вещах, на которые смотрим.*" (Кастанеда, 1991б, с.70). Мы привыкли думать по-европейски, а затем приучили свои монгольские глаза смотреть на мир так, как мы думаем. И мир *урайн* стал исчезать. Он уже почти исчез. Усвоенное бурят-монголами чужое мировоззрение оказалось катастрофическим. Современное, ведущее к планетарной катастрофе мировосприятие должно быть преодолено изнутри, чтобы мы, потомки бурят-монголов, могли прорваться сквозь его границы к своей экзистенции.

Чтобы выйти из ограничивающих нас пределов, мы должны постепенно ослабить силу привычного мировосприятия, подобно тому, как это делают ученики дона Хуана. Индейский маг предложил своему ученику *прислушивание к звукам* при этом происходит снятие нагрузки с глаз и обнаруживаются дыры в реальности. По учению дона Хуана, всё вокруг имеет дыры, и звуки имеют дыры.

"Обычному человеку не хватает скорости, чтобы поймать дыры, и поэтому он идет сквозь жизнь без защиты. Черви, птицы, деревья - все они могут сообщить нам невообразимые вещи, если только хватит скорости схватить их сообщения... Но мы должны быть в хороших отношениях со всем живым в этом мире. В этом причина того, почему мы должны разговаривать с растениями, которых собираемся убить, и извиняться, причиняя им вред; то же самое мы должны делать по отношению к животным, на которых охотимся. Мы должны брать только то, что достаточно для наших нужд, иначе растения, животные и черви, которых мы убили, обернутся против нас и будут причиной нашей болезни и несчастья. Воин осознает это и старается угодить им, поэтому когда он смотрит сквозь дыры, деревья, птицы и черви дают ему правдивые сообщения." (1991б, с. 193). Аналогичным образом рассуждали наши предки во времена Чингис-хана, когда устанавливали нормы отстрела дичи в заповедниках. Древнемонгольские источники сообщают, что один монгольский царевич был наказан пятьюдесятью палочными ударами за то, что взял дичи в своем лесу больше нормы. А совет индейского мага разговаривать с растениями или животными напоминает предания о Малаани Гэргээсээ, которого

рано утром пташка-вестник вызывала на “дежурство”, после которого он передавал сельчанам новые пророчества. До сих пор бурятские шаманы воспевают рвать полевые цветы без особой на то надобности (на лекарства).

Мысль индейского шамана о том, что человек обычно живет на низких скоростях, но что ему доступны более высокие скорости, совпадает с духовными учениями о *восхождении* в более разреженные и подвижные области бытия - от “земли” к “небу”, известными в европейской традиции. Как уже говорилось, ещё древние греки различали “*стихии*” как различные типы организации пространства и движения. Сходным образом трактует “*стихии*” и “*первоэлементы*” Восток: это как бы типы “материи” или первичные силы, структуры бытия, из которых состоит и человек. В зависимости от преобладания того или иного начала человек может жить на более низких или более высоких скоростях и вибрациях, у него меньше или больше личной *силы* и энергии.

Дон Хуан учит Карлоса также известному на Востоке с древности учению о всеобщей взаимосвязи сущего. В древней философии монгольских народов и в буддизме это учение тесно связано с представлениями о *карме* (55) и с учением о свободе. Именно в силу всеобщей взаимозависимости *бодхисаттва* в буддизме принимает обет *бодхичитты* (56) и развивает в себе великое сострадание ко всем живым существам, чтобы помочь им всем достигнуть Просветления и освобождения от *сансары* - достигнув сам Освобождения, бодхисаттва не может быть вполне счастлив, когда в мире ещё существует страдание и ради окончательного освобождения всех живых существ и уничтожения сансарического, несвободного бытия он принимает свои обеты.

Каков смысл *неделания* в философии дона Хуана? *Неделание* - это нечто столь трудное и столь могущественное, что ученик мага не имел права говорить об этом до тех пор, пока не научился останавливать мир, и пока в результате овладения определенной техникой не заставил обрушиться мир, который мы знаем. Чтобы объяснить Карлосу о “*неделании*”, старый индеец говорит о “*делании*” “*Делание является тем, что делает скалу скалой, а куст кустом. Делание является тем, что делает тебя тобой, а меня мной.*” (Кастанеда, 1992а, с. 165). “*Мир является миром потому, что ты знаешь делание, из-за этого он становится таким, - сказал он. - Если бы ты не знал этого делания, мир был бы другим.*” (Там же, с. 166).

Типичному антропологу, кем был Карлос в начале своего обучения у мага, трудно понять именно этот момент, - что мир таков, ибо мы создали его формы определенным образом знаем, как делать мир. Хотя в этом же смысле ещё Кант говорил, что формы чувствен-

ного восприятия априорно заложены в рассудке. Дон Хуан поясняет суть “делания” на примере маленького камешка: “...первое, что делает с ним делание, это сжимает его до таких размеров”. Для того, кто хочет остановить мир, правильным “было бы увеличить камешек или любую другую вещь неделанием”. (Там же, с. 167). Аналогичным образом в буддизме и в других духовных системах существуют тренинги по изменению восприятия размеров окружающих предметов как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения, по осознанию их относительности. Буддист учится осознавать, что предмет, воспринимаемый нами как маленький предмет, может выглядеть для другого живого существа как гигантский: например, для нас - “стакан”, а для муравья - целый “танк” или “скала”, то есть совсем по-другому.

Тот же самый камешек, если его изучить, отбросив обычное наше “делание” его галькой - отдельным предметом, лежащим рядом с валуном, то он может быть воспринят совсем иначе в его “склеенности” с валуном, и самая тень, отбрасываемая галькой на валун, вдруг станет очень интересной вещью. Первый опыт Карлоса по неделанию был связан именно с изучением этой тени. “Она напоминала клей. Она двигалась и смещалась. У меня было ощущение, что она вытекает из-под гальки.” (Там же, с. 167). “Неделание” в данном случае осуществлялось как видение. Глаз человеческий способен смотреть в обычном восприятии, к которому нас приучают с детства. Но он может и видеть. В этом случае галька, которую Карлос видел, пропиталась Карлосом, и его пристальное внимание изменило гальку. Деланием было бы, как пояснил маг, оставить эту гальку валяться по-прежнему. Неделанием будет выкопать ямку и похоронить камешек, дать земле впитать тяжесть измененной гальки. А если бы у Карлоса достало личной силы, он мог бы превратить гальку в объект личной силы.

“Деланием” является также задаваемый Карлосом вопрос: “И это всё правда, дон Хуан?” “Деланием” было бы ответить “да” или “нет”. В состоянии “неделания” “не имеет никакого значения, правда всё это или нет.” (Там же, с. 168). Воин действует - осуществляя делание или неделание. Вопрос об истинности или ложности не имеет для него значения. В состоянии “неделания” главное - это чувствовать мир через линии. Поэтому самое трудное на пути, которому учит дон Хуан, “это понять, что мир является чувством” (Там же, с. 170). Научиться чувствовать линии мира - это дело не понимания, а овладения. Поэтому существуют специальные упражнения, которым индейский маг обучил Карлоса. Они похожи на упражнения, выработанные в других традициях знания. В частности, Г.Гурджиев использовал метод “стой” (См.: Гурджиев, 1993, с. 237). В сочинении современного суфийского мастера И.Шаха упоминается особое суфийское упражнение “стой”,

изобретенное одним из величайших суфийских учителей Аттаром (XIIв.) для Остановки Времени. (См.: Шах, 1994, с. 139). Видимо, Гурджиев вынес свой метод оттуда.

Неделание не требует понимания, а предполагает овладение. А это "очень просто, но и очень сложно" (Кастанеда, 1992а, с. 170). Чтобы дать знать своему ученику, что есть "неделание", дон Хуан велел ему выполнить простое упражнение.

"Он заставил меня лечь, взял мою правую руку и согнул её в локте. Затем он начал поворачивать мое предплечье, пока ладонь не стала смотреть вперед. Он согнул мои пальцы так, словно рука держала дверную ручку. Затем он стал двигать моей рукой взад-вперед круговыми движениями, которые напоминали толкание педали, прикрепленной к колесу.

Дон Хуан сказал, что воин выполняет это движение каждый раз, когда хочет вытолкнуть что-то из своего тела что-нибудь вроде болезни или незваного ощущения. Идея состояла в том, чтобы толкать и тянуть воображаемую враждебную силу, пока не ощутишь тяжелый объект, твердое тело, препятствующее свободному ходу руки. Неделание при этом упражнении состояло в повторении его до тех пор, пока не почувствуешь рукой тяжелое тело, несмотря на то, что нельзя было поверить в возможность такого ощущения." (Там же, с. 169).

Карлос, попытавшись выполнить это упражнение, двигал рукой до тех пор, пока не ощутил какую-то вязкость, будто греб рукой сквозь какую-то вязкую субстанцию, рука при этом стала холодной как лед, а тело "задрожало, как будто его трясла невидимая сила" И маг остановил упражнение, объяснив, что у ученика ещё недостаточно личной силы, и он захватывает рукой "разные пугающие вещи". Задача же воина - теплой рукой чувствовать линии мира: из движущейся руки исходит линия, которую можно поместить или забросить куда угодно. Позднее Карлос был свидетелем эпизода, когда другой маг, дон Хенаро, прикрепляясь своими "линиями", мог подниматься без всяких приспособлений и усилий по отвесной скале, или прыгнуть с неё вниз на камни или делать ещё другие поразительные вещи.

По-видимому, для "нормального" человека эти страницы книги Кастанеды кажутся фантастикой. Но я бы не стала обращать такого серьезного - онтологического - значения излагаемой им философии, если бы тоже считала описанные в них чудеса литературным вымыслом или плодом научной фантастики. Дело в том, что я вижу некоторые параллели между первым опытом *неделания*, предпринятым Карлосом, и собственным опытом занятий биоэнергетикой и экстрасенсорикой, когда я приступила к этому в 1991 г. после того, как открылась легальная возможность приобщения к тайным знаниям на различных курсах и появилась соответствующая литература. На этих курсах,

проводимых ясновидящими и специалистами-практиками в области энергоинформационного познания, я научилась физически ощущать энергоинформационный комплекс человека, биополе, в существование которого впервые поверила много лет назад, но убедилась только теперь, а также усвоила некоторые методы работы с тонкими энергетическими оболочками человека.

Новое знание как знание не шокировало меня, так как моё сознание всегда отводило место в мире тайне, непостижимым вещам и высшим силам. И пока практические занятия проходили на уровне овладения методами биолокации - с помощью рамок (лоза) и маятника, чувства и ощущения протекали в обычном режиме восприятия. Но вот начались занятия более высокой ступени по особым методам целительства, связанным с коррекцией и очищением тонких энергоинформационных оболочек человека. Здесь пришлось испытать возможности наших органов восприятия. И оказалось, при соответствующей настройке на *тонкий* режим восприятия, у большинства из нас органы осязания способны воспринимать вещи, о существовании которых я не могла раньше и подозревать - и нечто холодное, и нечто вязкое, и инородные образования в биополе человека, и "мыслеформы", и полевые дыры, сквозь которые происходит утечка энергии, и деформации энергетических оболочек, и даже их разрыв. Даже ощущение собственного биополя, лежащее обычно за границами нашего восприятия, становится не только делом возможным, но и просто нормальным. Постепенно я научилась не только *осязать*, но и *видеть поле*, а также убедилась, что эти "сверхспособности" наших органов не являются чем-то сверхестественным - они имеются в потенции у каждого из нас - просто обычно мы не "включаем" их, и они ослаблены, но в результате тренинга развиваются.

Тогда я получила не только новое знание о человеке - знание о его многослойной энергоинформационной и психоэнергетической природе, о биоэнергетическом строении тела, но и практически ощутила, что есть видение. И уже этого было достаточно, чтобы навсегда отказать в кредите доверия вульгарно-материалистическим и позитивистским концепциям о человеке, жизни и смерти, которые я и прежде не воспринимала как слово Истины. Этот новый тип знания настолько увлек меня, что я прошла ещё много различных курсов, чтобы проверить практически те сведения, которые излагаются в эзотерической литературе. И эти знания являются действительно эффективными, - я имела возможность в этом неоднократно убедиться, когда приходилось использовать их для оказания кому-нибудь помощи.

Так, в частности, один случай имел место во время одной из моих поездок в Монголию: внезапно опухло горло племянницы квартирной хозяйки - внешне это была очень заметная опухоль, и девушка не

могла глотать. Ввела её в состояние полутранса с помощью метода, которому меня обучили во время занятий в моих “университетах”, я провела необходимые в этом случае манипуляции, убирая рукой болезнь. А наутро велико было и её, и мое собственное изумление, когда оказалось, что опухоль исчезла и вообще с горлом обстоит всё в порядке.

Другой памятный случай из моей практики связан с эпизодом в семье брата - это было несколько лет назад. Пришла я тогда к ним в гости и обнаружила обеих девочек - моих племянниц - плачущими.

- В чем дело?

- Котенок подавился костью и никак не может выплюнуть её - вот-вот помрет!

Что делать? Создала фантом котенка - его энергоинформационную копию и на этом двойнике проделала манипуляции по удалению застрявшей косточки из горла. Пока я всё это выполняла, котенок - удивительное дело! - стоял не шелохнувшись, как-то по-особому внимательно стоял, вытянув мордочку в направлении фантома, как будто осознавал, что от моих действий зависит его жизнь. Буквально через полминуты после моей “операции” он содрогаясь выплюнул злополучную кость. Старшая девочка потом всё вспоминала о том, как тетя спасла котенка.

Хотя я и допускаю вмешательство случая в благополучный исход описанных эпизодов, всё же они и ряд других примеров из моего опыта обладают убедительной силой достоверности этого небанального опыта изучения “тонких” вещей. Достоверными, на мой взгляд, являются и те вещи, о которых говорил и которым учил Карлоса дон Хуан - *личная сила, линии мира, пузырь восприятия, неделание* и др.

При постоянной практике с тонкими объектами рука способна развиться настолько, что становится *ясновидящей*, как это имело место, например, у шамана Юрия Антоновича Хараева, с которым мы вместе начинали осваивать подобные упражнения. В результате биоэнергетического тренинга он достиг сенсорного состояния, когда рабочей рукой он мог “видеть” невидимые глазом предметы, различные тонкие сущности и использовать это “видение” в своей целительской практике. Очевидно, глаза, изображаемые на ладонях буддийских божеств, символизируют как раз такого рода способность - биоэнергетического “видения”

В ходе знакомства с учением дона Хуана обращают на себя внимание многие параллели с центрально-азиатским шаманизмом. В частности, отношение к *тени*. “*По тени воин может сказать всякого рода вещи.*” (Кастанеда, 1992а, с. 167). *Тень* в восприятии и индейского шамана, и наших предков бурят-монголов - это не просто тень. *Тень* может следовать за Карлосом и старым индейцем. *Тень* - это *сила*.

Горы наполнены ими, - говорит дон Хуан. Ночью *сила* предстает существом, способным напугать, а в дневное время человек может почувствовать её присутствие. Ученику мага было непонятно, почему тот называет нечто, что следует за ними, тенью, хотя это явно не похоже на тень от булыжника. *“Он ответил, что то и другое имеет одинаковые линии, поэтому то и другое является тенями.”* (Там же, с. 171). Согласно философии дон Хуана, тени *“похожи на двери, двери в неделание”*, и *“человек знания может проникнуть в глубочайшие чувства людей, наблюдая за их тенями”*. В тенях *“видны линии мира”* *“через них приходят ощущения”*. (Там же, с. 171). То есть тени - это вовсе не тени, а силы, а тенями их делает просто наше делание.

Для наших предков тени имели тоже очень важное онтологическое значение настолько важное, что традиционно существовала целая отрасль возникшей в глубокой древности особой науки - *зурхай*: шаманский *зурхай* или гадание по теням - *дурсоор харха*. Этим методом хорошо владеет, например, монгольская шаманка Батчимэг, проживавшая некоторое время в Бурятии. А бурятские шаманки в прошлом умели *остановить* время, воткнув иголку в тень. До сих пор буряты, сохранившие традиционные знания, соблюдают предосторожности в отношении теней - возбраняется, например, наступать на тень человека.

Тени - это силы, говорит дон Хуан. И чтобы иметь дело с ними, воин должен обладать необходимой для этого личной силой. Для достижения *силы* и нужно уметь *останавливать мир*, а чтобы научиться этому, нужно длительное время упражняться в том, чтобы воздействовать на *делание* посредством другого делания. *“Вместо того, чтобы говорить себе правду, что ты отвратителен, что ты насквозь прогнил и ни к чему не приспособлен, ты будешь говорить себе, - учил дон Хуан Карлоса, - что ты прямая противоположность, зная в то же время, что ты лжешь, и что ты абсолютно безнадежен.”* (Кастанеда, 1992а, с. 175). Ложь может притянуть к другому деланию, *“и тогда ты сможешь понять, что то и другое делание лживо и нереально, и что цепляться за любое из них трата времени, потому что единственная реальная вещь - это то существо в тебе, которое умрет. Достигнуть этого существа является неделанием самого себя.”* (Там же).

Для достижения состояния *“неделания”*, таким образом, особое значение имеет осознание смерти. Поневоле возникает ассоциация с Хайдеггером: человек - это бытие-к-смерти, существо, способное умирать. Аналогичным образом буддийские учителя говорят: научись умирать - и ты научишься жить! (См.: Геше Тинлэй, 1995). Карлос ещё в начале ученичества слышал от нагваля, что *“идея смерти - это единственная вещь, которая закаляет наш дух”* (Кастанеда, 1991б, с. 42). Но в индейской традиции идея смерти не является лишь отвлеченной

идеей и “точкой интенсивности”, вокруг которой углубляется осознание бытия, хотя и это имеет место - дон Хуан говорит, что *если не думать о своей смерти, то вся жизнь “будет только личным хаосом”* (Там же, с. 83).

Впервые от мага урок восприятия собственной смерти как *реальности* Карлос получил во время поездки по Мексике. *Ночью, на безлюдном шоссе, когда движение на дороге почти исчезло и в зеркале заднего обзора машин не было... Тут вдруг Карлос заметил в зеркале яркое сияние, а затем две светящиеся точки, которые были видны некоторое время, а потом их как-будто выключили. Карлосу пришло в голову, что машина нагоняет их, и он нажал на педаль газа. Дон Хуан, узнав, что его спутник беспокоится по поводу внезапно появившейся позади них машины, хмыкнул и спросил, действительно ли ему кажется, что это машина? “Я ответил, что это должно быть машиной, и тогда он сказал, что по моему интересу к этому свету он понял - я чувствую, что позади нас нечто большее, чем просто машина, и когда намеки мага привели Карлоса на грань срыва, он объяснил, что имеет в виду.”* (Там же, с. 43). *“Это огни на голове смерти... Смерть надевает их, как шляпу, а затем галопом срывается с места. Это огни смерти, галопом несущейся за нами и подбирающей всё ближе.”* (Там же). *А когда через некоторое время Карлос взглянул в зеркало и, не заметив огней, сказал, что машина, должно быть, остановилась или свернула с дороги, дон Хуан, не оборачиваясь, сказал: “Нет. Смерть никогда не останавливается. Иногда она гасит свои огни, только и всего.”*

Если, истолковывая данный фрагмент из текста Кастанеды, я стану задаваться вопросом, была машина на самом деле или нет, а если это была машина, то зачем понадобилось дону Хуану пугать Карлоса, называя это смертью, которая гонится за ними, и придти к версии, что учитель хотел преподать в символической форме смысл смерти, которая *“никогда не останавливается”*, то следует признать, что это очень глубокий смысложизненный урок. Геше Тинлэй тоже постоянно говорит своим ученикам, что они должны быть готовы к смерти в любой момент, - она может случиться завтра с каждым из нас, ибо момент её наступления в принципе неизвестен, но неизбежен. Но такое истолкование урока дона Хуана и наставлений Геше Тинлэя ещё не выводит нас из состояния *делания*. Когда дон Хуан говорит о том *нечто*, что должно быть машиной, - что это смерть за ними мчится, надев огни как шляпу, - он осуществляет урок *неделания*. Он говорит о присутствии *другой реальности*, которую ученик лишь почувствовал - судя по его особому интересу к этим странным огням позади них, - понял, что это несется *“нечто большее, чем просто машина”*, но из-за онтологического страха, присущего всякому типично западному человеку, и скованности восприятия схематизмом здравого смысла он твердил, что

это должно быть машиной. Для человека знания, для воина не стоит вопрос о том, была ли это машина или нет. Он, как дон Хуан, осуществляет *неделание*, приняв ответственность “за то, что находишься в этом странном мире...” (Кастанеда, 1992а, с. 77), и тогда каждый поступок “идет в счет” Здесь особенно отчетливо проступает глубинное сходство учения дона Хуана с буддизмом. Особенно когда маг задает вопрос ученику: “Тогда, если ты не думаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно, чего ты ждешь? Почему ты не решаешься измениться?... То, что ты сейчас делаешь, может оказаться твоей последней битвой. Нет такой силы, которая могла бы тебе гарантировать, что ты проживешь ещё одну минуту.” (Там же, с. 78). Аналогичным образом Геше Тинлэй доводит до осознания учеников смысл смертности человека и драгоценности человеческой жизни, учит пониманию безотлагательной необходимости духовной практики, которая одна может дать Прибежище и спасти от сансарического перерождения в низших мирах.

Принять вызов смерти - значит измениться тут же, сейчас, а не тратить “свой последний поступок на земле на глупые эмоции” (Там же, с. 78). Люди знания, воины - это те, кто чрезвычайно осторожен в своих поступках и действует “с полным знанием, что у них нет времени, поэтому их действия имеют особую силу” (Там же, с. 79). Подобно наставникам других духовных традиций, индейский шаман учит **использовать смерть - сфокусировать внимание между тобой и твоей смертью**. Это отношение к жизни через фокус смерти он называет поведением охотника - он отмеряет каждый свой поступок. Осознавать каждый совершаемый поступок учат мастера тантры - и в буддизме, и в индуизме, мастера суфизма и других эзотерических школ. А осознание смерти - это универсальная духовная практика. В шаманской традиции наших предков **смерть** и тот **предел**, который с нею связан, тоже имсет важнейшее значение в становлении шамана - традиционно и до сих пор. Многие бурятские шаманы принимали шаманское посвящение, лишь будучи поставлены на грань жизни и смерти.

Без осознания смерти у человека отсутствует “необходимая потенция, необходимая концентрация, которая преобразует его обычное время на земле в волшебную силу.” (Кастанеда, 1991б, с. 129). Через отношение к смерти, через её переживание человек перестает быть “листом на ветру”, каким был сам Карлос Кастанеда до встречи с индейским шаманом, - по собственному его признанию, сделанному в интервью журналу “Psychology Today” (См.: Кастанеда, 1992а, с. 230-239). Само это сравнение современного человека с листом на ветру опять же заставляет вспомнить буддийские наставления в изложении Геше Тинлэя - учение о смерти и о том, что человек должен научиться

умирать, чтобы осознать смысл драгоценной человеческой жизни, не тратить её попусту, не быть под влиянием кармического ветра (Геше Тинлэй, 1995).

В интервью, о котором идет речь, Кастанеда объясняет, что подход дона Хуана к пониманию человека, жизни и смерти отличается от идей старых западных философов и от определения Хайдеггером человека как бытия-к-смерти незнакомым для западной философии поворотом, характерным для магической традиции. Согласно последней, *“смерть - это физическое присутствие, которое можно почувствовать и увидеть...смерть стоит слева от вас”*. (Кастанеда, 1992а, с. 236). Кастанеда подчеркивает, что данная глосса магии не есть **умственное** положение, каковыми являются философские идеи о смерти. Это - **восприятие**. *“Когда ваше тело нужным образом настроено на мир и вы поворачиваете глаза влево, вы можете стать свидетелем необычного события - тенеобразного присутствия смерти.”* (Там же).

Эти строки Кастанеды о **физически ощутимом присутствии смерти за плечами** открытие, сделанное им благодаря урокам индейского шамана, просто поразили меня - подобное ощущение мне знакомо из собственного опыта. В 1980 году умер от рака наш отец - талантливый человек с тяжелой жизненной долей, сын репрессированного в 1938 г. “кулака”, который бесследно сгинул на Колыме. Отец пережил круглым сиротой годы тяжелого в нравственном и физическом отношении детства, безусым юнцом участвовал во второй мировой войне на восточном фронте, и после войны ещё несколько лет не был демобилизован из армии, проведя в приграничных войсках самые трудные, голодные послевоенные годы, доходя - вместе с другими солдатами - до полного физического истощения. Оставаясь в армии, он заочно получил диплом педтехникума. Затем, когда война, армия и самые голодные годы остались позади, он женился - на маме, стали вместе учительствовать, растили пятерых детей и заочно учились в пединституте, честно трудились, вкладывая в работу всю свою энергию и чистые помыслы, вместе “поднимали” сельские школы, в которых отец директорствовал. Жизнь всегда была для нашей семьи, как я помню, несладкой. Но отец всегда оставался человеком, способным на полет воображения и мысли, с ним всегда было интересно беседовать о самых разных вещах. Меня он научил мыслить, докапываться до сути вещей - иногда доводя мысль до парадокса или абсурда, совсем как мастера дзена. Так вот, когда жизнь его была на самом взлете зрелости - ему не было тогда пятидесяти трех лет, - он умер от рака. Он умирал постепенно, борясь со смертью и одновременно незаметно для нас подготавливая свою семью к будущей жизни без него - позаботившись, как потом оказалось, о самых разных вещах, которые могли быть полезными семье. И хотя он знал, что умирает, до последнего

мгновения хотел жить и жил. Именно в это самое тяжелое для нас время мы поняли, что человек - это прежде всего дух, духовное начало. Его умирание было примером настоящей жизни и человечности. До самого его конца мы не верили в неизбежность наступления близкой смерти и пытались найти всевозможные нетрадиционные (или наоборот - традиционные) целебные средства, но всё оказалось бесполезно. Когда отец умер, мы долго не могли пережить его смерть - каждый по-своему. Конечно, много раз в памяти возвращались к минувшим событиям, связанным с отцовской болезнью, вспоминали о его страданиях и драматической судьбе.

Но среди прочих чувств меня поразило одно ощущение, не связанное непосредственно с отцом. Это было чувство **физически ощутимого присутствия смерти за плечами**. Не впереди - как чего-то, к чему мы приближаемся, а именно за плечами - как нечто такого, что всегда готово постигнуть нас, и что всегда бдительно пребывает у нас за спиной. И это чувство **смерти за моей спиной** заставило впервые со всей серьезностью отнестись к собственной жизни, приняв на себя ответственность за то, как она состоится. Это тогда я задумалась - а чем же я, собственно занимаюсь? И поняла, что я не могу позволить себе растрачивать впустую свои силы и способности, на то, чтобы повторять всю жизнь одно и то же - диамат и истмат, - да ещё вкладывая в работу душу, - я работала тогда преподавателем философии.

Смерть, когда мы ощущаем её присутствие, учит нас быть решительными. Поступки обретают силу. Человек открывает тогда впервые, что **мир является чувством**, - это открытие, наиболее трудное для типичных интеллектуалов, осуществимо легче, если удастся ощутить физическое присутствие смерти за плечами. Смерть помогает нам "свести концы с концами" и "обрести целостность самого себя" - говоря словами дона Хуана. Индейский шаман рекомендует воину осознать смерть в качестве "*ключа к магической схеме существования*" (1992б, с. 516). Кастанеда в своих работах снова и снова подчеркивает колоссальную важность идеи смерти для становления мага. *Для магов "смерть является единственным стоящим противником, который у нас есть. Смерть это вызов для нас."* "*Смерть является действующей силой, жизнь - это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников - сам человек и его смерть... Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неумолимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок, или же пока мы не совершим невозможное и не победим смерть*". (1993в, с. 113).

В философской части тайное учение старого индейца очень близко и к восточным учениям, и к мистическому христианству, и к мистическому мусульманству. То, что дон Хуан называет смирением воина, в других традициях известно как преодоление "эго". В *смирении воина*,

в ограничении своевольного человеческого “я” - тайна силы, и когда человек обретает её, к нему приходит уверенность. Поскольку для духовной жизни наших предков понятие силы было очень значимым, попробуем с помощью дона Хуана и Кастанеды разобраться в эзотерическом смысле силы.

Это странное для современного человека учение о силе есть учение о самом человеке в его отношении к миру. “Сказки о силе”, рассказанные индейским шаманом, содержат знание о существе человека - знание столь радикально отличающееся от того типа знания, который связан с современной антропологией, что в обычном восприятии это необычное знание кажется сказкой. Карлосу понадобились годы ученичества, чтобы увидеть людей тем способом, каким их видят люди знания, и обнаружить, что каждый человек - это светящееся яйцо (57) или пучок светящихся волокон, сообщающийся с миром через пучок волокон, выходящий из центра живота. Это собственная форма бытия людей, когда человек знания их видит. “Все имеет свою собственную форму бытия, когда ты видишь” (Кастанеда, 19916, с. 36). Другие вещи выглядят для видящего тоже не так, чем тогда, когда на них смотришь, а не видишь.

“Слабые люди имеют очень короткие, почти незаметные волокна; сильные люди имеют волокна длинные и яркие... По этим волокнам можно сказать, здоров человек или болен, зол он или добр, надежен или нет. По этим волокнам можно сказать также, может ли человек видеть.” (Там же, с. 92). Используя эти волокна, другой индейский маг, друг дона Хуана, мог демонстрировать Карлосу уроки подъема по отвесной скале к вершине водопада - повиснуть на голой скале, как муха, а затем прыгнуть вниз, в середину водопада, на скользких камнях и точно приземлиться. Этим же пучком волокон Хенаро мог сиять множеством огней. С помощью специальных техник воин может сделать себя и мир текучими, поместив всё это за границы обусловленности. *“Текучий воин не может больше принимать мир в хронологическом порядке. Для него мир и он сам не являются больше предметными и плотными. Он - светящееся существо в светящемся мире.”* (Там же, с. 50).

Обучаясь индейской магии, Карлос должен был постигнуть тот факт, что *“все мы - светящиеся существа, что мы не объекты, а чистое сознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, не более. Однако наш разум забывает об этом, и мы сами себя заключаем в заколдованный круг, из которого редко вырываемся в течение жизни.”* (Там же, с. 101). Мы сами заключаем себя в тюрьму консенсуса о внешнем материальном мире, и верим, что это и есть реальность. Дон Хуан, а вслед за ним Кастанеда

очень точно понимают эту традиционную черту западного мировосприятия, о которой мы говорили в предыдущей главе, обращаясь к историко-философскому материалу.

Согласно дону Хуану, воспринимаемый обычно нами мир является иллюзией. *“Он создан описанием, которое внушали нам с рождения.”* (Там же). Мы и о самих себе имеем иллюзорное представление как о чем-то прочном, плотном. В этом индейский маг рассуждает подобно буддийскому философу. В действительности, в собственной форме бытия мы являемся светящимися существами, говорит индейский шаман, и это тоже напоминает буддийское учение об изначально присутствующем каждому существу Ясном Свете. Не только человек имеет светящуюся сущность. Сущность самой Вселенной, согласно древней онтологии индейских магов, это светящиеся нити. (Там же, с. 20). Это не философия в западном смысле. Это - опыт *видящего*. Благодаря комментариям Кастанеды это древнее знание, вынесенное из опыта *неделания*, приближается к понятиям, вынесенным сегодня из исследований переднего края науки. И тогда учение старого индейца уже не выглядит мистикой, которая никак не укладывается в рациональное понимание мира и потому лежит за пределами всякой науки и познания. Напротив, *знание*, передаваемое Карлосу доном Хуаном, предстаёт как наука, но наука, основанная на гораздо более глубокой и радикально иной онтологии, чем те аксиомы бытия и познания, которые лежат в фундаменте классической и современной науки. Это наука, исходящая из иного понимания и человека, и мира, и отношения человека к миру, в том числе человеческого восприятия и сознания. И эта наука содержит внутренний тайный ключ, который помогает постигающему данное знание человеку перестроить свое восприятие реальности и режим работы сознания. Это практическое знание, которое приближает человека к собственному его существу, обычно скрытому слоем представлений, навязанных воспитанием, образованием, привычкой.

Сознание людей, которые впервые на примере философии Кастанеды сталкиваются с альтернативной концепцией человека, столь радикально отличающейся от всех известных в истории западной и родившейся от неё современной цивилизации идей о человеке, жизни и смерти, - сознание таких людей, если они имеют жестко фиксированную схему мировосприятия, может оказаться совершенно непроницаемым для идей дона Хуана, или может наступить шок, если они всё же отнесутся к ним всерьёз. И в этой ситуации они будут действовать так, чтобы спасти свой мир - консенсус, который они принимают за мир. Во имя сохранения опоры под ногами, во избежание распада своего сознания они объявляют книги Кастанеды “литературой”, “фантастикой”

Однако мы, аборигены центрально-азиатских степей, чьи предки были возвращены в лоне совсем другой цивилизации и являлись носителями другого мировосприятия - древней традиции *боо-мургэл* и учения Будды, - люди, которые продолжают чтить сохраняемые здесь осколки древнего *знания* и практиковать буддизм, - мы можем узнать в учении, переданном индейским шаманом через Кастанеду современному миру, большую правду о самих себе в каждом слове этого учения - в словах о *светящейся сущности человека и мира*, о *сознании как настройке на "линии мира"*, о *всеобщей взаимосвязи живого*, о *жизни неорганического мира*, о *способах накопления личной силы человека*, о *силах*, пронизывающих реальность, о *помощниках и союзниках существах с "той стороны"* и т.д.

Благодаря текстам Кастанеды обнаруживается, что, с одной стороны, шаманская магия индейцев, восходящая к тайным знаниям толтеков, очень близка по многим её понятиям и проявлениям к "чудесам" и к так называемым "трюкам" центрально-азиатских шаманов, а с другой стороны, индейское учение в принципе совпадает с важнейшими основоположениями эзотерической философии и Запада, и Востока - мистического христианства, суфизма, буддизма, даосизма, индуизма. Учение о шаманской магии, изложенное Кастанедой, помогает осознать то обстоятельство, что шаманские "трюки", которые, по мнению отечественных этнографов, должны объяснять профессиональные фокусники, коренятся в глубочайших тайных знаниях, носителями которых во все времена были лишь некоторые люди те, у кого было достаточно для этого *личной силы*.

Возвращаясь к шаманскому пониманию человека как светящегося существа, замечу, что такое понимание отнюдь не требует веры во что-то такое, что бы вообще не совпадало со знанием о человеке, достигнутым современной наукой. В тех её постсовременных областях, которые являются самыми эпицентрами нового мировосприятия, является уже "нормальным" понимание человека как энергоинформационного комплекса и полевого образования, ведутся исследования кармы, энергетических тел человека и многих других вещей, которые остаются за границами "ортодоксальной" науки. *"Разрыв между наукой и мистикой в настоящее время постоянно сокращается, хотя ещё недавно он казался абсолютным и непреодолимым."* (Гримак, 1994, с. 26). По мнению физика-теоретика Ф.Капры, постсовременная наука накопила много данных, подкрепляющих мистические учения о мире. (Карга, 1983).

Шаманская концепция дона Хуана об энергетической, светоносной сущности человека не является чем-то необычным и "ненаучным" В восточной философии давно известна светоносная природа истин-

ной сущности человека и светоносная сущность всех существ, достигших высоких духовных реализаций.

Осознание этой “светящейся” сущности человека невозможно без достижения им целостности, о которой говорит дош Хуан, о которой говорят и другие эзотерики. Индейский шаман учит Карлоса вовлекать всё свое существо в целостность самого себя и в осознание своей светящейся части через *неделание* - специальную практику, которая развивает умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений, то умение, которое является предпосылкой магической науки. (Кастанеда, 1993а, с. 15, 18). В основе такого рода упражнений лежит работа с восприятием. Перестройка восприятия чрезвычайно важна, ибо человек “находится в пузыре восприятия” (Кастанеда, 1992б, с. 258). Этот “пузырь восприятия” формируется социальными интерпретациями реальности - именами. Возможность восприятия внутренней сущности существующих вещей появляется, когда воспринимающий отбрасывает ту часть восприятия, которая связана с наименованиями, интерпретациями, языком - то есть с социокультурной основой восприятия. При непосредственном восприятии само качество физической определенности должно стать иным. *“В первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом - миром объектов.”* (Кастанеда, 1993а, с. 20).

В восприятии индейских магов сущность вселенной напоминала светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслимых направлениях из бесконечности в бесконечность, - светящиеся нити, обладающие собственным непостижимым для человека самосознанием. Для *видящего* и люди являются светящимися “пузырями энергии”, и любое живое существо - “пузырь энергии” (Кастанеда, 1993а, с. 299). Маг отличается от обычного человека тем, что осознает свою светящуюся часть, и может придать пучку светящихся волокон - в зависимости от желания бесчисленное количество форм. (См.: Кастанеда, 1992б, с. 277). *Человек знания* не цепляется за свою плотную привычную человеческую форму.

Когда впервые случай свел меня с человеком, который *видел* человека как “светящееся яйцо” - во внутренней энергетической сущности, и определил по серебристым нитям в ауре наличие у меня шаманской родословной, я была, наверное, шокирована, но не отвергла это *знание*, а стала копаться в нем сама - все глубже. С тех пор прошло уже много времени, и я знаю, что эти знания об энергетической природе человека и мира являются достоверными. Это - тоже наука, но в отличие от классической и современной науки, эзотерическая наука обладает достоверностью не одного лишь рассудочного восприятия. Она имеет дело с гораздо более широкой базой явлений и более широкой полосой человеческого восприятия и осознания.

Знание этого типа говорит о том, что способности нашего восприятия и, соответственно, нашего поведения могут быть изменены, **ибо они обусловлены энергетически**. Это древнее открытие привело к разработке в тайных школах разных регионов практических методов по сохранению и накоплению энергии, по изменению мировосприятия и возможностей человеческих действий в мире. Среди методов, разработанных индейскими магами, моё внимание привлекли техники увеличения энергии “воина” с помощью так называемых мест силы и благоприятных мест, а также техники катания по земле для увеличения энергии - особые для мужчин и для женщин. (Кастанеда, 1992а, с. 97; 1992б, с. 555, 572). Эти методы основаны на тех же самых энергетических представлениях, которые существуют и в бурят-монгольской традиции знания. У бурят бытуют до сих пор представления о том, что для каждого человека, рода, народа есть места наиболее благоприятные и наиболее неблагоприятные: (*халуун газар* и *хуйтэн газар* - букв. “холодная земля” и “горячая земля”), представления о “сильных местах” (*хатуу газар*), в которых можно увеличить свою энергию и силу, если знать, как это сделать, или потерять энергию и здоровье, если вести себя неправильно. Практикуется современными бурятами и старинный метод набирания энергии на земле своих предков - *хульбэрхэ* (букв. - катание по земле).

Концентрация энергии и личной силы сопряжена, согласно многим традициям нашей планеты, с тяжелой битвой, которую человек должен вести со своим маленьким человеческим “я”. Самое существование последнего представляет собой наиболее энергозатратный фактор человеческого бытия. Поэтому так много внимания уделяет Дон Хуан тому, чтобы его ученик расстался с чувством собственной важности - так он называет проявления “я”. Безупречность, необходимая для развития личной силы, есть не более чем адекватное использование энергии. (Кастанеда, 1993б, с. 270).

Тоска, тревога, непонятная печаль сопровождают прорыв человека к подлинному бытию сквозь заграждения повседневности и щиты консенсуса совсем не случайно. Оказывается, увеличение энергии воспринимается человеком как “убийственная тревога” (Кастанеда, 1993в, с. 146). Этот прорыв человека к силе и свободе всегда осуществляется через битву с собственным “я”, “которое лишает человека его силы” (Там же). Жалость к себе, ложное сострадание, чувство собственной важности, чрезмерная озабоченность собственной индивидуальностью, постоянная саморефлексия всё это жестко фиксирует “точку сборки” и определяет энергетическую конфигурацию мира, в котором живет человек, и “который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма” (Там же, с. 150).

Маги отличаются от обычных людей, - говорит дон Хуан, - тем, что умеют перераспределять свою энергию, максимально сокращая лишние энергозатраты. Это и есть "путь шамана", "путь воина", - он основан на изменении основы нашего отношения к самой жизни. В этом источник силы. Буддийский философ Геше Тинлэй, как и индейский шаман, учит нас - своих духовных учеников - менять свое отношение к нашему "я" и к миру, начиная с тех обычных повседневных осуществляемых оценок и сравнений вещей, из-за которых мы чувствуем себя несчастливymi.(58)

Обычному человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией. Карлос учился у дон Хуана, собственно говоря, не магии, а именно умению сохранять энергию. *"Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев."* (Там же, с. 9). А когда видишь энергетическое излучение вокруг собственных пальцев, это служит лучшим подтверждением, что мир является чувством, и что чуткость чувства обусловлена энергетическим качеством того "пузыря восприятия", каковым является каждый из нас - независимо от того, осознаем мы это или нет. И в этом я не просто принимаю на веру слова старого индейца, переданные Кастанедой, - я свидетельствую собственным чувством видением энергетики своих пальцев, - что мир есть чувство, и мы можем чувствовать в разных регистрах восприятия.

Энергетически обусловленным является не только восприятие, но и качество, и структура сознания. То "нормальное" сознание, которое соответствует европейской субъективности, и которое лежит в основе современной науки, есть лишь одна из возможных конфигураций осознания, причем конфигурация, соответствующая низкой энергетике. Поэтому современным людям, воспитанным на социокультурных образцах западной цивилизации, не хватает личной силы, чтобы реализовать данный каждому человеку шанс ответить на вызов смерти. А когда личной силы хватает, то всего одного сказанного нам слова бывает достаточно, чтобы изменить нашу жизнь, - говорит дон Хуан Карлосу. В свое время Будда Гаутама после Просветления сказал своим первым ученикам лишь несколько слов, но их оказалось достаточно, чтобы эти ученики достигли Просветления, - в предыдущих жизнях они уже накопили достаточную для этого положительную энергию сознания. *"А если её мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости - это ничего не даст..."* (Кастанеда, 1992б, с. 14).

Можно сказать, что всё магическое учение дон Хуана - это рассказ о Силе, который Кастанеда переводит в энергетические понятия. На разных этапах ученичества Карлос учился постигать силу через

различные её проявления и имена, использовавшиеся доном Хуаном - *тень, дух, союзник, помощник, страж, воля*. Всё это имеет отношение к тому, что ведет война к свободе - через изменение восприятия и осознания к соответствующему действию и “безупречному отношению” к миру, и что не поддается описанию, но что можно назвать “силами, духами, ветрами или чем угодно вроде этого” (Кастанеда, 1992а, с. 81). Стать доступным силе - задача человека, ступившего на путь война. Но что это - сила, - то, к чему должен стремиться человек на “пути война”? *“Сначала это нечто настолько невозможное, что об этом даже трудно подумать. Именно это происходит с тобой сейчас, - говорит дон Хуан Карлосу во время одной из самых первых встреч ученика с силой. - Затем сила становится серьезным делом. Можно не иметь её или даже полностью не понимать, что она существует, но знать, что что-то такое есть. Что-то такое, что не было заметно раньше. Затем сила проявляет себя как нечто неконтролируемое, что приходит само по себе. Я не имею возможности сказать, как она приходит или что это в действительности. Это ничто, и в то же время оно творит чудеса прямо перед твоими глазами. И, в конце-концов, сила становится чем-то внутри тебя самого. Чем-то таким, что контролирует твои поступки и в то же время послушно твоей команде.”* (Там же, с. 91). Сила - это нечто вначале невозможное, немислимое, постепенно превращаясь в “серьезное дело” для того, кто вступил на “путь”, проявляется как “что-то такое, что есть”, затем наступает неконтролируемо - “приходит само по себе”, и в конце концов это нечто становится частью внутреннего существа “война”. Этот описанный Кастанедой процесс обретения личной силы напоминает духовную практику буддиста: в самом начале своего пути практикующий, визуализируя во время медитативного сосредоточения то или иное божество - Будду, Авалокитешвару, Тару, Манджушри, Ваджрапани, ещё не видит отчетливо визуализируемое божество, но, читая мантру данного божества, чувствует, что оно находится здесь, перед ним и от него исходят потоки света и нектара, которые даруют благословение и очищение, со временем, по мере углубления практики, он научается чувствовать во время медитации созерцаемое божество внутри себя - в сердце, а уже опытный буддийский практик - практик тантры чувствует себя неразделимо тождественным с тем божеством, чьей ритуальной практикой он занят.

В чем тайна силы? Древние индейские маги никогда не предпринимали попыток раскрыть эту тайну. *“Они просто принимали её как нечто священное”* (Там же, с. 91) и научились действовать магическим образом. Благодаря тайне силы, которую они не понимали, но умели применять, были созданы их секретные практики. Может быть, для магии вообще главное - не понимание, а умение действовать? Древние

толтеки, далеким потомком которых является дон Хуан, создали целую систему тайного знания, не пытаясь понять саму тайну силы, по замечанию Кастанеды. Так, они создали тайное знание земли, оно касалось всего, что находится на земле. Это были определенные наборы движений, слов и снадобий, применявшихся для того, чтобы манипулировать людьми, животными, насекомыми, деревьями, растениями, камнями, почвой. Секретные практики этой категории знания сделали древних магов жуткими существами, - говорит дон Хуан. Дополнением к тайному знанию земли служило тайное знание областей тьмы, - это были самые опасные практики, имеющие дело с неорганическими формами жизни, то есть с существами, населяющими землю параллельно с организмами. Это открытие, что органическая жизнь не является единственной формой жизни, присутствующей на земле, дон Хуан считает наиболее ценным открытием древних толтеков.

Эти знания толтеков, о которых современный человек узнает в передаче К.Кастанеды, кажутся невероятными, фантастическими и потому их источником считают воображение самого Кастанеды. Но мой личный опыт изучения бурятского шаманизма, буддизма и общения с новой категорией людей, число которых стремительно возрастает, особенно у нас в Бурятии, - с контактерами, ясновидящими и др., словом, с "космиками", - говорит, что нет оснований отрицать существование разумных существ, населяющих нашу планету параллельно с нами, как и возможность неорганических форм жизни. В связи с этим последним замечанием я вспоминаю, как недавно во время международного конгресса по экософии мира, прошедшего на прекрасном северном побережье Байкала, я познакомилась с удивительными людьми - художником, последователем Порфирия Иванова, умеющим "держат" погоду, с другим художником, получающим эзотерическую информацию непосредственно от Высшего Разума, с целительницей, тоже получившей свой дар свыше. Как раз эта целительница - то и обнаружила, что некоторые камни являются "живыми" и с ними можно разговаривать. И я сама была свидетельницей и участницей одного такого разговора с валуном, похожим на метеорит.

Здесь наступает момент, пожалуй, самый существенный для понимания философии магического отношения к миру. Философия, о которой идет речь, является не результатом логической деятельности ума, а выражением опыта, несоизмеримо превышающего возможности человеческой логики. Речь идет об опыте *в и д я щ е г о*

С точки зрения *в и д я щ е г о*, то есть мага, понятие жи в о -го является иным, отличающимся от того понятия жизни, которое известно в повседневном словоупотреблении, будь то рядовой обыватель или ученый. Совершенно иное значение для *в и д я щ е г о* имеют также понятия "сознание" и "осознание": для обычного человека осозна-

вать значит быть организмом, причем организмом с достаточной степенью развития нервной системы, для воина и мага “осознавать - значит иметь некую форму, как бы оболочку, в которой заключены эманации, образующие сознание” (Кастанеда, 19936, с. 332). А быть живым в понимании *видящих* - это значит *осознавать*. Аналогичным образом дает определение живым существам Его Святейшество Далай-лама IV Тензин Гьятсо, когда связывает с ними наличие сознания. В смысле *видящего* индейского мага живыми существами являются и люди, и животные, и духи, и различные неорганические существа, словом, все сознающие, то есть имеющую некую форму, в которую заключены космические эманации, которые и образуют сознание.

Но и сознание, способность *осознавания* в философии *видящего* - воина или мага - есть нечто, пребывающее за пределами обычного понимания сознания. Речь идет об энергетической природе сознания - непонимание этого прежде всего отличает обычные концепции сознания, вообще действующий в человеческом мире консенсус сознания, от концепции дона Хуана и Кастанеды, вообще от “сознания” в мировоззрении *видящих*. Эманации, образующие сознание, о которых шла речь, означают именно эманации энергии: всё во вселенной суть свечающиеся энергетические нити. Человеческое существо есть сгусток, пузырь энергии, это определенная энергетическая конфигурация, в которой осознание есть лишь её часть. Древние толтеки не постигли тайну *силы*, но они разгадали тайну осознания как явления и процесса, подчеркивает Кастанеда. (Там же, с. 263). С помощью этого знания они создали секретные методики, использовавшие *видение*, то есть *чувство знания*, для продолжения жизни любой ценой. Как это стало возможным для них?

В понимании этого открытия древних индейских магов ключевое значение имеет постижение самой возможности энергетической перестройки кокона свечащихся волокон, каковым является любой человек. Энергетический кокон человека можно перестроить, оказывается, за счет сдвига “*точки сборки*” мира - того механизма, который обеспечивает энергетическую интегрированность человеческого существа в той или иной форме - в обычной человеческой или в любой возможной для “человеческого знания” форме. И одновременно этот механизм - за счет положения “*точки сборки*” - задает физическую определенность реальности. Сдвиг “*точки сборки*” приводит к изменению диапазона восприятия и действия.

Человеческие существа являются свечащимися пузырями или коконами, на которые извне давят вселенские энергетические эманации. Согласно учению дона Хуана, осознание возникает как результат давления внешних эманаций на внутренние. Древним *видящим* удалось *увидеть* осознание человека как особую область светимо-

сти янтарного цвета, отличающуюся от остальных волокон кокона повышенной яркостью, - это узкая вертикальная полоса, протянувшаяся по правой стороне поверхности кокона сверху донизу. (Там же, 1993б, с. 306). Древние толтекские маги научились смещать эту полосу светимости, заставляя её расширяться. *Видение* есть результатом этого искусства расширения и углубления светящейся части кокона, и как таковой не имеет отношения к зрению как функции глаз. "*В и д е н и е - это н а с т р о й к а т е х э м а н а ц и й, к о т о р ы е о б ы ч н о н е з а д е й с т в о в а н ы*" (Там же, с. 310). Степень развитости у человека этой способности осознания зависит от того, насколько человеческий "пузырь" энергии позволяет большим эманациям вести его.

Восприятие же, по учению дон Хуана, есть следствие осознания и возникает, когда эманации внутри светящегося кокона настраиваются на большие эманации и становится оно возможным благодаря "точке сборки". В зависимости от того, в каком месте кокона находится в данный момент "точка сборки", имеет место конкретный вариант настройки на светящиеся нити, на эманации вселенной. И этот конкретный вариант настройки люди воспринимают как мир. Так говорит дон Хуан.

Это явление известно нам как "консенсусная реальность". Люди конституируют свой мир в зависимости от энергетической конфигурации своего сознания и от его активного регистра, а также в зависимости от его настроенности или ненастроенности на высшие вибрации. Если у человека достаточно свободной энергии, то он может научиться сдвигать "точку сборки", как это научились делать древние индейские маги. Для этого и существуют различные практики, расплывающиеся жесткую фиксацию "точки сборки" мира. Важнейшая практика - практика *неделания*, как это называет вслед за доном Хуаном Кастанеда. Здесь речь идет, по сути, о вещах, известных в эзотерических традициях мира - и в даосизме, и в буддизме, и в центральном-азиатском шаманизме, и связанных с методами расширения сознания и его преобразования.

Подобно всем духовным практикам, секретные практики индейцев имеют эффект лишь в тех случаях, когда кокон сознания человека ещё не отвердел от самопоглощенности. Обладатели отвердевшего энергетического кокона - это люди с весьма ограниченным мировоззрением, живущие в очень узком интервале бытия, закрытые от влияния "больших эманаций". А в тех случаях, когда человек становится *в и д я щ и м* и достигает полного осознания, имеет место энергетическое его слияние с "большими эманациями", и оболочка кокона, или яйца, рассеивается, происходит взрыв света и *в и д я щ и й* скрывается в вечности, как это произошло с доном Хуаном и доном Хенаро, о которых повествуют книги Кастанеды. В некоторых буддийских сис-

темах и в традиции дзогчен (59) существуют практики преобразования обычного человеческого тела в “радужное тело”, и практики, достигшие реализации на этом пути, уходят, как бы растворившись в тонких энергиях. Так когда-то ушел из земного плана бытия индийский йогин Нагарджуна (ок. II в.н.э.). Так, по бурятским преданиям, ушел баргузинский лама-йогин Цыден Содоев, считающийся реинкарнацией Нагарджуны (см.: Содоев, 1996). В буддизме подобный описанному Кастанедой энергетический эффект известен как Прозветление.

В связи со сказанным следует заметить, что ни буддийская *нирвана*, ни *уход* индейских нагвалей не следует понимать как исчезновение в небытии, и тем более как просто смерть. Но вместе с тем эти явления, связанные с достижением цели Пути и для буддийского посвященного, и для индейского шамана, не следует понимать как бессмертие в обыденном смысле этого слова. Дело в том, что достижение конечной цели “безупречных действий” индейского нагваля, как и восточного йогина, не поддается постижению и изложению в терминах *делания* - а понятия “жизнь”, “смерть”, “бессмертие”, используемые людьми, относятся именно к *деланию* мира, то есть к его конституированию в том узком интервале существования, в котором живет обычный человек, но не маг.

Но можем ли мы надеяться постигнуть феномен *ухода* магов в терминах *неделания*, то есть отказавшись от обычной жесткой фокусировки нашего мировосприятия? Пожалуй, то явление, о котором идет речь, представляет наиболее трудный для нашего понимания момент, он связан с той тайной *силы*, которую Кастанеда называет *даром Орла*. Образ Орла вызывает прямые параллели с бурятским шаманством: Орел, по представлениям наших предков, подарил шаманское искусство людям. Белоголовый орел с черным клювом является особым объектом почитания и у современных бурят, и у американских индейцев. Для наших предков орел имел значение не просто родового тотема, его символика выражает эзотерический исток шаманского дара. Думается, многие до сих пор малопонятные моменты бурятского шаманства можно прояснить, постигая “дар Орла” в учении донна Хуана.

Орёл - это тайна *силы*. *Дар Орла* - это возможность свободы, и принять этот дар, согласно дону Хуану, может человек, у которого для этого достаточно свободной энергии. “Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орёл или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для *в и д я щ е г о* оно выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орёл, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.” (Кастанеда, 1993б, с. 141). Вспышка света, освещающего

его сущность, открывает *в и д я щ е м у*, что “*Орёл пожирает осознание всех существ, живших на земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина и причину того, что они жили.*” (Там же, с. 141).

Каждому из живых существ Орёл сделал дар: каждое из них имеет, если пожелает, возможность сохранить силу осознания, не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть сожранными. “*Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него...Для того, чтобы к этой лазейке существовал проводник, Орел создал Нагваля. Нагваль - это двойное существо, которому было открыто правило, будь он в форме человека, растения или чего угодно живого...*” (Там же). Правило, открытое Орлом Нагвалю, бесконечно и охватывает каждую грань поведения война, а *в и д я щ и е* интерпретируют и накапливают правило, их единственной задачей во все века “*было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком...Невыразимые указания Орла могут быть восприняты в и д я щ и м и, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил.*” (Там же, с. 145).

Так вот, *п р а в и л о* гласит: “*возможно сохранить осознание, распадающееся в момент умирания.*” (Там же). Но чтобы это оказалось возможным - сохранить осознание при встрече со смертью, должно измениться качество осознания. Дон Хуан, будучи проводником, нагвалем, вел своих учеников “*таким образом, чтобы они приняли п р а в и л о как карту к проходу в другой мир, затем чтобы поняли, что можно достичь высшего осознания, раз оно существует и, наконец, привел к фактическому проходу в иной, скрытый мир осознания.*” (Там же, с.146).

Буддизм, говоря о продолжении существования после смерти и о реинкарнации, имеет в виду именно продолжение сознания после разрыва его связи с физическим телом. Но чтобы сохранилась непрерывность сознания человека после физической смерти, он должен при жизни заниматься духовной практикой и добиться качественного преобразования состояния своего сознания. А если не достигнуто качественное изменение человеческого сознания, если отсутствует Просветление, то чем отличается будущая участь такого человеческого сознания, находящегося под неконтролируемым самим человеком воздействием кармического ветра, от участи быть сожранным *Орлом*? Аналогичным образом Г.Гурджиев говорил, что большая часть человечества существует, чтобы служить “*пищей для Луны*”, ибо Луна “*питается*” органической жизнью, и только немногим удастся обмануть силы, которые противодействуют эволюции больших масс человечества. (Гурджиев, 1993, с. 170). Эволюция человека - это результат

сознательной борьбы, это эволюция сознания. В этом же смысле дон Хуан говорит о битве, которую ведет воин.

Орёл, о котором сообщил своим ученикам дон Хуан, есть не просто символ высших сил, в настройке на которые, в противостоянии которым и под руководством которых *воин* пробирается к “проходу”: это тайна *силы*, представляющая чувству *в и д я щ и х*. Но, по-видимому, нет ничего невозможного в том, что сдвигая “точку сборки” мира, некоторые *в и д я щ и е* способны увидеть *Орла* - то Нечто, куда направляется сознание людей, в образе Луны, пожирающей наше сознание. Если задаться вопросом: что есть на самом деле та *тайна*, которая выглядит для индейского нагваля как Орел? - это значило бы пытаться постигнуть эту тайну в терминах нашего обычного *д е л а н и я* мира. “Уяснить же истинную сущность того, что существует на самом деле, не в состоянии ни одно живое существо.” (Кастанеда, 1993, с. 298). Гораздо важнее, согласно учению индейского шамана, другое - “что именно *видящий* делает с тем, что он видит” (Там же). Способность *в и д е н и я* сама по себе имеет относительную ценность. Сила шамана - не в умении *видеть*, а в том, что он умеет *делать*, используя *в и д е н и е*.

Для мага, йогина, вообще *человека знания* существенно то, что *Орёл* дает ему шанс сохранить своё сознание от распада, неизбежного для большинства людей в результате наступления физической смерти. Но этот шанс может быть реализован, если он как *воин* будет безупречен и накопит необходимую свободную энергию, обретёт целостность самого себя, управляя своим осознанием мира и “точкой сборки” Что означает “обрести целостность самого себя”?

Согласно учению индейского шамана, в энергетическом образовании, которым является человеческое существо, есть восемь особых точек - энергетических центров. Осознание всех восьми центров в их взаимосвязи и взаимодействии приводит к “целостности самого себя” Мы, люди, лучше всего знаем два центра - разума и воли, тогда как другие - центры *в и д е н и я*, *с н о в и д е н и я* (60) и т.д. - многим из нас даже неизвестны, - говорит индейский маг. Об аналогичных энергетических центрах человека известно в восточных системах йоги. Наши предки тоже знали о их существовании.

Согласно дону Хуану, люди, будучи светящимися существами, рождаются с двумя кольцами силы. Одно из них есть разум и его компаньон разговор, и для создания мира люди обычно пользуются этим кольцом силы. Второе кольцо воля. Именно оно составляет секрет магов. (Кастанеда, 1992б, с. 101). Центр воли сосредоточен в середине тела. Воин учится настраивать свою волю, фокусировать, где захочет, как если бы его воля была единственной светящейся нитью, которую он может направить в любое воображаемое место. “*Эта нить*

- дорога к нагуалю. Можно сказать также, что воин погружается в нагуаль с помощью этой единственной нити. Как только он погрузился; способ выражения нагуаля - дело его личного темперамента." (Там же, с. 182). Нагуаль (нагваль) в учении дона Хуана и в философии Кастанеды - это та часть нас самих, с которой мы обычно не имеем никакого дела.

Внутри каждого человеческого существа есть гигантское темное озеро безмолвного знания, поясняет Кастанеда понятие "нагуаль". (61) Для того, чтобы его выразить, человек должен иметь и использовать гораздо больше энергии, чем та, которой располагает обычный человек. Нагуаль это безбрежное море вокруг острова тоналя, то есть всего того, что мы способны видеть, что мы знаем и делаем как люди. (См.: там же, с. 123, 127). Понятия "я", "моё" и им подобные, производные от "я", - это, если следовать мысли индейского шамана, есть создания тоналя. Но это означает, что обычное человеческое "я" есть лишь остров в огромном море нашего возможного самоосознания. Человек знает себя лишь в той части айсберга, верхушка которого выступает наружу (62). Кто может знать истинные масштабы айсберга в беспредельности нагуаля?

Центр, пребывая в котором, человек может стать свидетелем нагуаля - это, согласно дону Хуану, есть воля. Дело война - научиться управлять пучком восприятия, исходя из формы человеческого существа и смещая "точку сборки" Есть бесчисленное количество других форм, которые может принять энергетический пучок человека, перераспределяя свои частицы. Сила жизни - вот что позволяет перестраивать "пузырь восприятия", чтобы коснуться иных ощущений - не только в полосе человеческого восприятия, но и, например, вороны, койота, сверчка, или порядка других миров в этом бесконечном пространстве...

"Крылья восприятия могут унести нас в отдаленнейшие пространства нагуаля или невообразимые миры тоналя... Тональ каждого из нас является просто отражением неопишуемого неизвестного, наполненного порядком, а нагуаль каждого из нас является только отражением неопишуемой п у с т о т ы, которая содержит всё." (Там же, с. 281).

Понятие воли и волевого энергетического центра, изложенное дон Хуаном, в принципе совпадает с пониманием воли как энергетического явления в других эзотерических традициях и отличается от обычного психологического понятия воли. Воля, согласно учению индейского мага, это энергетический просвет в коконе светящихся волокон, это наиболее важная и чувствительная часть человека. Это также область, через которую смерть входит в наше существо. (См.: Кастанеда, 1991б, с. 169). *"Воля - это сила. И поскольку это сила, она должна быть контролируемой и настроенной, а это требует времени."*

(Там же, с. 83). На развитие *воли* у *воина* уходят многие годы. Существуют специальные упражнения для этого упражнения, благодаря которым *воин* дает вовлечь себя в *неделание*, как говорит дон Хуан. Задача индейского *воина* - научиться *неделанию* сродни упражнениям даосских монахов по *недеянию* или суфиев - по *остановке мира*. И даосы, и суфии, и буддисты являются тоже *воинами* в этом специфическом эзотерическом смысле: они добиваются *силы*. При достижении *воином* *силы* тренировки становятся уже ненужными.

Итак, *воля* - это и есть *сила* внутри нас. Она является истинным звеном между нами и миром, это "*отношение между нами самими и воспринимаемым миром*" "*Когда мы воспринимаем мир волей, мы знаем, что он не настолько "вне нас" и не так "реален", как мы думаем.*" (Там же, с. 127).

Рассказы дон Хуана о путешествиях в иные миры "на крыльях восприятия" - это не полет воображения и не грезы наяву. Это реальные путешествия: управление энергетическим пучком светящихся волокон дает контроль над контактом между самим воспринимающим и миром воспринимаемым, контроль над формой восприятия и физическим образом конституируемого этим контактом мира. Аналогичные *реальные* путешествия в иные миры совершают практики, работающие в других традициях *неделания*. Так, в частности, маги из Одессы, несколько лет назад побывавшие в Бурятии, не только рассказывали о подобных путешествиях и о мирах, которые они посещали, но и преподавали некоторые методики, с помощью которых осуществляются подобные вещи. А бурятские и монгольские шаманы и ламы не видят ничего экстравагантного в том, чтобы погулять в энергетическом теле в местах, удаленных на много сотен и тысяч километров от местонахождения своего физического тела. Весной 1995 г. бурятская шаманка Валентина Балдахимова совершила поездку к хубсугульским дархатам (63) и во время этой поездки встретила одного монгольского ламу, которого прежде, в 1994 г. видела, когда он в *тонком* теле посещал её знакомого - земляка, в то время проживавшего в Улан-Баторе. Этот её знакомый бурят тоже *воин* в том смысле, что обладает *знанием* и *силой*, а в тот период он изучал буддизм в Монголии. Так вот, тот монгольский лама из любопытства, оказывается, *посещал* его, оставив свое физическое тело дома.

Когда дон Хуан рассказывает своему ученику о древних индейских магах, которые, экспериментируя с "точкой сборки", научились существовать в полосе восприятия, которая соответствует жизни неорганических существ и обрели, таким образом, практически, бессмертие или, по крайней мере, возможность многократного увеличения продолжительности жизни - жизни как *осознания*, это не кажется мне сюжетом из научной фантастики, ибо онтологически это воз-

можно, и эта возможность обоснована индейским магом, а вслед за ним К.Кастанедой.

Те, кто владеет бурятским языком, не могли бы не обратить внимание на встречающееся в шаманских материалах выражение *"һунһээ шингээхэ"*, означающее буквально *"растворить сознание (жизненную силу)"* Прежние бурятские шаманы могли "растворить" своё сознание в чем угодно, очень часто в дереве, например, березе. По-видимому, с этим связано существование у бурят и монголов до сих пор так называемых *"эзэнтэй"* предметов, то есть вещей, у которых есть *"хозяин"* например, *"эзэнтэй модон"* (дерево, имеющее "хозяина"). Считается, что любой ритуальный предмет, шаманский или буддийский, имеет "хозяина" Это напоминает *"предметы силы"*, о которых говорил Карлосу и другим своим ученикам дон Хуан, предупреждая их, чтобы они не шутили с камнями, костями и другими предметами, которые могут найти в земле. Когда Ла Горда, несмотря на предостережения, взяла с собой камень из развалин древнего города Оахака, с ней стали происходить ужасные вещи - это оказался как раз *камень силы*, в котором сфокусировалась очень опасная и воинственная часть сознания воина, когда-то являвшегося его владельцем, и камень стал источником несчастья. Ла Горда ощутила, как за владельцем камня идет погоня, и испытала страх. Он был очень сильным магом, но тот, кто преследовал его, оказался сильнее и *"хотел не только убить его, но и съесть"*, и когда владельца убивали, *"он держался за этот камень для того, чтобы собрать всю свою концентрацию"* и *"сила этого человека ушла из его тела в его камень: он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили его силу, съев его тело"* (Кастанеда, 1993б, с. 14).

В точности такие же представления о том, что *съев* врага, обладающего *силой*, можно присвоить его *силу*, имеются и у монгольских народов. Однако речь при этом не идет о каннибализме. Понятие *"съесть"* имеет в этом контексте прежде всего мистическое и психоэнергетическое значение. *"Съесть"* своих врагов стремились не только шаманы, но буддийские ламы в прошлом, особенно в эпоху острого противоборства последователей буддизма со сторонниками древней народной религии Центральной Азии. Но следует заметить, что *"поедание"* магами друг друга не вытекает из центрально-азиатской философии и этики и даже находится в противоречии с нравственными принципами, на которых основаны учения *боо- мургал* (шаманизм) и буддизма. Но и учению дон Хуана противоречит практика *"поедания"* чужой *силы*: он учит, что безупречный *воин*, то есть настоящий человек *знания*, маг, собравший свою целостность, не может причинить вред окружающим людям. (Кастанеда, 1992б, с. 62).

Тогда почему всё же маги и шаманы в жизни “поедают” друг друга и применяют свои магические силы во зло людям? С точки зрения учения дона Хуана объяснение этому может быть дано такое: с помощью специального тренинга человек может научиться сдвигать “точку сборки” и накопить определенную силу, но если он акцентирует злую фиксацию “точки сборки”, то станет страшным злом для людей, поэтому важна роль и велика ответственность нагваля - учителя, который ведет людей, стремящихся к *знанию* и к *безупречности*, по пути “с сердцем”. Аналогичным образом буддийские учителя подчеркивают, что для того, кто стремится получить знания в области *тантры* (64), первостепенное значение имеет практика *бодхичитты* - возвращение в себе сострадательной устремленности к Просветлению ради оказания помощи всем живым существам. Да и для центрально-азиатских шаманов соблюдение этического кодекса является обязательным - в ритуал шаманского посвящения входит принятие присяги, слова которой имеют глубокий нравственный смысл.

Поскольку всё же существует возможность злоупотребления *знанием* со стороны недостаточно подготовленных людей, *знание* связано с таинством и с устной линией передачи от учителя к ученику. Роль индейского нагваля аналогична роли бурятского или монгольского классического шамана: они являются посредниками между обычным миром обычных людей и миром высшей свободы. В других духовных традициях роль учителя-гуру - аналогичная.

Представление о том, что в земле могут находиться предметы *силы*, присуще и нашим шаманам. Бывают случаи, когда с помощью метода “узел узэхэ” обнаруживается, что источником несчастья или болезни оказался камень, взятый туристом “на память” со святого места или с места, имеющего “хозяина”. В этом случае шаман рекомендует вернуть камень на место, угощая “хозяина” и вымаливая у него прощение. Шаманы особым образом обращаются с камнями. У них, как правило, есть свои камни *силы*. Очень *сильными* являются камни с Байкала. В лечебнице шаманки Валентины Балдахиновой имеется целая коллекция камней *силы*, от которых целительница постоянно “подзаряжается” после работы с каждым пациентом.

Индийское представление о том, что в костях *воина* содержится сила, известно и бурятским шаманам. Буряты хоронили своих шаманов в особом месте, отдельно от обычных мертвецов. Аналогичным образом индийские воины, люди знания, “никогда не бывают похоронены на кладбище”. (Кастанеда, 1992а, с. 99).

Знание бурят о том, что в земле бывают скрыты предметы *силы*, проявляется и в их отношении к археологическим находкам: нашедший древние предметы человек мог стать шаманом, ибо считалось, что он таким образом получил *силу*. Возможно, эти представления

восходят к древнему знанию сродни с “тайным знанием земли”, описанным К.Кастанедой со слов дона Хуана. Судя по тому, что в Центральной Азии с глубокой древности существует особая традиция исполнения специальных магических обрядов земли (а также воды), которую вобрал в себя распространившийся здесь буддизм, это область древнейшей эзотерики.

Совпадает с бурятской и монгольской шаманской практикой также индейская магия текущей воды и водных источников вообще. Созерцая воду, древние индейские маги позволяли глазам открыть путь в неизвестное. По их представлениям, вода не только поддерживает жизнь, но и служит звеном, ведущим к нижележащим уровням бытия, которых древние толтеки насчитывали семь уровней. (Кастанеда, 1993б, с. 339). Текущей водой они пользовались для перемещения в наш уровень, а водами глубоких озер и водных источников - для погружения в более глубокие уровни.

Когда я в детстве вглядывалась в воду озера около нашего дома, мне казалось, что под водой есть сквозное отверстие, уходящее в неведомые глубины. Как близка к истине я была тогда! А о толтекских семи уровнях подводного бытия я вспомнила, когда осенью 1996 г. познакомилась с Н.В.Надеждой, удивительной женщиной-космологом, которая бросила домашний уют и все дела свои в Москве и Ярославле и приехала на север Байкала, чтобы начать здесь, на том месте, которому предназначено космическими силами стать центром новой земной цивилизации, миссию, возложенную на неё светлыми силами Космоса. Так вот, объясняя мне, почему именно Байкалу предназначена эта особая роль в новой эволюции человечества, передавая эту эзотерическую информацию, она рассказала о существовании семи дниц Байкала и о том, что именно через Байкал осуществляется прямая связь между силами земного ядра (уровнями реальности, которые тоже населены неизвестными нам сущностями) и *солнечным логосом* (65).

Любой водный объем, согласно дону Хуану, служит для встречи с существами нижних уровней. И эти встречи небезопасны, ибо их сила может затянуть. Не это ли происходит в тех странных случаях, когда непонятным образом в “луже” тонут люди, хорошо умеющие плавать, - буряты в этих случаях говорят: “шалбаг унансоо орожо ухээ” Учение дона Хуана гласит, что существам, покинувшим свой уровень бытия, очень трудно вернуться обратно. Так и с людьми. (Кастанеда, 1993б, с. 347).

Можно отметить и ряд других важных черт сходства между индейской магией в учении дона Хуана и шаманством бурят-монголов. У дона Хуана говорится о тайном знании верха и низа - у монголов известны тэнгрии верха и низа. А к конкретным тэнгриям, как пра-

вило, и восходят шаманские “удха”(мистические линии преемственности). Иначе говоря, тэнгрии верха и низа распоряжаются особыми разрядами шаманского знания.

Индейцы обладают тайным знанием звука и безмолвия - наши предки тоже знали магию слова и значение безмолвия. Индейцы владели тайной движения и покоя - в Центральной Азии тоже были разработаны медитации на движении, в том числе магический круговой танец “ёхор”, и медитации на покое. Так же, как индейские маги, центрально-азиатские шаманы научились использовать “союзников” и “помощников” - существ другого мира. “Союзник - сила, способная вынести человека за границы его самого, именно таким образом союзник может открыть ему те вещи, которые не способен открыть никто из людей” (Кастанеда, 1991а, с. 45). У шаманов монгольского мира есть множество “союзников” - так называемые *онгоны*, которые являются духами умерших шаманов, вознесшихся на небо, а также множество “помощников” - *мерегдэнов* и *далбуна* (66), а также различных вещей зверей, птиц, змей, рыб, изображениа которых тоже присутствуют обычно на шаманском костюме. Все они помогают, советуют, дают шаману силы, необходимые для его действий, будь они большими или малыми. Во время своей поездки весной 1995 г. к дархатским шаманам Валентина Балдахина познакомилась с одной шаманкой, у которой в “помощниках” -37 онгонов, и часть из них она призывала и “впускала” в себя во время обряда, устроенного в честь гостя. Онгоны монгольской шаманки встретили нашу шаманку и её спутника, монгольского этнографа О.Пурэва, давно изучающего шаманскую традицию дархатов, ещё задолго до того, как они приблизились к селению, в котором живет эта монгольская шаманка, о которой идет речь. Они, по словам Валентины, “изучали” и “пробовали” её *силу*.

В нашей шаманской традиции шаман до тех пор, пока не накопил достаточно личной силы, чтобы “впустить онгона” (*онгоо оруулха*), не считается настоящим шаманом, ибо в этом случае шаман по своим способностям почти ничем не отличается от обычного человека.

Индейское учение о *силе* и о *даре Орла*, составляющее ядро науки, которой владеет дон Хуан, является, с одной стороны, очень близким к энергетическим и полевым (67) идеям, развивающимся в лоне пост-современной науки, а с другой стороны, оно совпадает с основоположениями восточных учений о мире и о человеке, а главное, является очень и очень близким к нашему шаманству.

Рассмотренные в предыдущей главе понятия о бытии, сущем, существовании, о мире и о человеке, обнаруживающие относительность реальности и бесконечность тайны человека, в какой-то степени подготовили восприятие мира дона Хуана как реальности, не более иллюзорной, чем обычная реальность повседневного существования

людей. Вслед за нагвалем из книги Флоринды Доннер, очень близкой по своему духу и по мировосприятию к работам К.Кастанеды, можно сказать, что *“ни при каких обстоятельствах ни человек, ни мир не могут считаться доказанными и определенными”* (Доннер, 1993, с.6), продолжая тем самым высказанное ещё Сократом великое сомнение в самоочевидности человеческой реальности: *“Я не знаю, человек ли я или зверь, ещё более пёстрый, чем Тифон.”*

Что есть человек? Вопрос, не существующий для здравого смысла и являющийся камнем преткновения для глубочайших умов человечества на протяжении тысячелетий, продолжающий занимать человеческую мысль сегодня с особой остротой - из-за случающихся в последнее время чаще, чем прежде, явлений необычных, раскрывающих огромный неведомый потенциал человеческих возможностей, выходящих за границы привычных представлений о природе человека, - этот вопрос лежит за границами интеллектуальных споров для мудрецов, людей знания, воинов, тех, кто благодаря знанию сумел преодолеть жестко фиксированные границы человеческого рассудка и “нормального” сознания “нормальной” науки и философии, кто научился *видению* - способности непосредственно созерцать сущность вещей. Они воспринимают человека как энергию, как светящуюся сущность. А “жить” в этой системе жизненных отношений означает “сознавать”. Но сознание в понимании человека знания есть нечто более глубокое и необычное по сравнению с понятием сознания в классической западно-европейской философии и в современной науке, основанной на классической метафизике.

Пытаясь на языке привычных понятий осмыслить *сознание* как реальность дона Хуана, мы можем сказать: сознание - это великая энергия, которая способна накапливаться, возрастать и трансформироваться, сознание - это реальная возможность освобождения от уничтожения, которое несет с собой смерть. И это способ отношения человека к миру, достойный того, чтобы ради этого жить со всей полнотой жизненной энергии, а мир, конституируемый при этом способе проживания жизни, непредсказуем, ибо погружен в таинство бытия, но он и бесконечен как жизненная реальность человека. Как можно предпочесть ему мир узкой колеи повседневности - с ограниченным горизонтом мировосприятия, присущим здравому смыслу и построенным на нем современной науке и философии? Будущая эволюция человечества зреет сегодня - в тех открывающихся ныне для *пробужденных* людей древних тайных знаниях, благодаря которым лишь некоторые из людей обретали до сих пор возможность высшей свободы. Тем более важно понять возможности, которые несет с собой *знание*, сравнить с позиций *единого знания* различные эзотерические учения и системы практики. Учение дона Хуана, изложенное К.Кастанедой,

помогает понять, осознать внутреннее глубинное тождество разных духовных традиций, выработанных разными народами в ходе накопления исторического опыта преодоления жестко фиксированных границ реальности человека. Мне впервые удалось благодаря работам Кастанеды почувствовать реальную эзотерическую близость шаманской и буддийской традиций наших предков, когда я сравнивала ту и другую с учением дона Хуана.

3.2. Оккультизм и эзотерическая философия о мире и человеке

3.2.1. Определение оккультизма и эзотеризма

Латинское слово “*occultus*” означает “тайный, тёмный, сокровенный”. Впервые понятие “оккультная философия” (*philosophia occulta*) было употреблено в XVI веке Агриппою Неттесгеймским. Далее оно было использовано французскими розенкрейцерами и мартинистами (XIX в.) для обозначения пропагандируемого ими движения изучения тайных сил природы и человека. Они охарактеризовали оккультизм как “высшую науку”, создав для своих последователей приманку из тайных знаний. “В широком значении слова оккультизм обозначает явления магии, телепатии, астрологии и вообще малоисследованные загадочные явления физической и психической природы”, - такое определение оккультизма давалось в справочнике Русского оккультного центра, подготовленном в Шанхае в 1938-1939 гг. (см.: ИТ, 1994, с.270).

Если говорить об оккультизме как науке, то приверженцы такого понимания оккультного знания рассматривают данный вид наук как “науку-посредницу” между “чистой спиритуальностью философии, метафизической абстракции” и так называемыми позитивными науками (о природе), иначе говоря, между “метафизикой” и “физикой” (См.: Барле, 1991, с. 7). С этой точки зрения оккультизм есть наука, “одновременно обладающая свойствами как физики, так и метафизики”, и она “дает нам возможность не только мысленно, но и посредством реального, т.е. чувствуемого при известных условиях восприятия, - узнать существа и вещи, соединяющие нас с Первой Причиной и служащие посредниками между нами и Ею.” (Там же). Эта *практическая наука* есть по необходимости “наука религиозная”. Если учесть, что постсовременные научные исследования и в области “метафизики”, и в области “физики” ведут к тому, что пропасть, когда-то существовавшая между научным знанием и мистическим направлением познания мира, исчезает, то существование “науки-посредницы” между ними, с древности помогавшей человеческому

сознанию воссоединить разрывы в онтологической ткани Универсума, есть явление, во-первых, нормальное, во-вторых, оккультизм по мере взаимопроникновения позитивных наук и мистики всё более значительной частью своего содержания и проблематики делится с современной “позитивной” наукой и философией и понятие “оккультизм” всё более становится историко-научной категорией. Вместе с тем, в содержании этого понятия остается то методологическое ядро, благодаря которому оккультизм как форма познания все ещё принципиально отличается от “позитивной” науки: это обращенность к *потайности бытия* или стремление к тайноведению. В этом смысле оккультизм был и остается системой тайного знания. Другой важный момент отличия “позитивного” знания от оккультного заключается в том, что последнее, в отличие от “позитивного” описания и объяснения так называемой объективной действительности, обращается к механизмам *творения* мира сознанием, к *тайне творения*. Способность сознания управлять *силой* выражается в известных явлениях, когда “*идея-сила*” творит вещи, и эти явления “доказывают правильность определения Оккультизма словами: “думать значит творить” (Там же, с. 13)

Современные приверженцы тайноведения постепенно углубили и расширили содержание оккультизма как системы **оглашенного тайного знания** “введением сокровенной истории развития Земли и человечества; открытием священных тайн, полученных от Великих Посланных, которые ранее передавались из поколения в поколение; освоением каббалы; арабской и азиатской мудрости и учености; легенд о жрецах Зороастра; скандинавских саг; истории Греции, главным образом, её философии; апокрифов христианства и творений гностиков.” (Варшавский, 1990, с. 163).

Оккультизм, как мы уже поняли, это лишь часть тайных наук, которые имелись и отчасти имеются у всех народов, - та часть, которая стала достоянием гласности и получила систематизацию. Подлинная эзотерика имеет всегда субъективный и замкнутый характер, тщательно охраняется от профанации. Чистый эзотеризм имеет сверхчувственное происхождение и природу и потому не может быть выражен словами. Это особый опыт, истины которого способны в какой-то степени передать в повествовании чувства, возникающие через смыслообразность притч, аллегорий, а в зрительном восприятии - через представления-мистерии. Эзотерический опыт и знание сверхчувственного характера могут существовать не только в системе оккультной философии и науки, но также и на пути религии: религиозные мистики считаются настоящими эзотериками и, чтобы понять их, подчеркивает современный исследователь тайноведения, - нужно пережить нечто аналогичное их опыту. (Там же, с. 166).

В современной оккультной литературе понятие эзотеризма встречается также в методологическом его истолковании: "Эзотеризм - особый метод исследования в философии, религии и науке, рассматривающий все явления в мире материи и духа с позиции осознания и понимания их основ путём раскрытия духовной потенциальности природы всего живого, раскрывая тайну причинности и следствия того, что может охватить гений человека" (Рогальская, 1990, с. 184).

Систему современного оккультного, то есть оглашенного эзотерического (тайного), знания принято делить на две части в зависимости от того, на какой традиции это знание базируется - на западном или восточном тайном предании. Западная традиция, в своих древних проявлениях известная в Персии, Халдее, Вавилоне, Ассирии, Иудее, христианском мире и берущая начало из египетских святилищ, именуется также герметизмом - по имени греческого бога Гермеса, покровителя тайных знаний, являвшегося путеводителем душ. Ему соответствуют египетский Тот и римский Меркурий. В этой традиции тайповедения существуют три степени *посвящения*: каббалистическое, магическое и алхимическое. (См. там же). Из известных эзотерических учений нашего столетия к этой традиции примыкает, пожалуй, антропософия, основанная Р.Штайнсом. (См.: Штайнер, 1991; 1992; 1992a; 1993 и др.).

Современную оккультную философию, основанную на арийском предании древней Индии и адаптированную для европейского образа мышления, принято называть теософией. У истоков теософии известная русская путешественница, исследовательница, мистик Е.П.Блаватская, значение творчества которой для мировой эзотерики и духовной культуры получило адекватное осмысление только к концу нашего столетия.

Если говорить о древних эзотерических источниках современного тайноведения, то происхождение того предания, которое служит основой посвящения в каждой эзотерической традиции, есть чрезвычайно важный вопрос, ответ на который требует специальных исследований, выходящих за рамки "нормальной" науки. Вместе с тем, не менее важное значение - в интересах обоснования эзотерического знания - имеет причастность "нормальной" науки или хотя бы ученых, имеющих авторитет в "нормальной" науке, к этим исследованиям. В связи с этим обращают на себя внимание работы доктора медицины и доктора каббалы Ж.Анкосса, более известного под именем Папюса. Опираясь на результаты, полученные авторитетными исследователями древнего знания, такими как Фабр д'Оливье, Дютан, Сент Ив д'Альвейдр и др., Папюс с достаточным основанием говорит о существовании древней науки, которой было известно всё то, что считается достоянием - открытиями и изобретениями классической и современной науки

- движение Земли вокруг Солнца, всемирное тяготение, естественно-научные законы, в том числе законы Ньютона, микроскопы, телескопы, пушки, мины, фотографии и т.д., а также и многое такое, чем современная наука не владеет, - например, древние владели молнией, как мы электричеством. Корпорация этрусских жрецов защищала ударами грома свой город от Алариха, а химия древних стояла на гораздо более высоком уровне, чем современная Папюсу наука, - утверждает он. Были известны технологии искусственного изготовления драгоценных камней, египетский способ мягкого стекла, бальзамирование трупов, технологии окрашивания тканей в прочные цвета и др. Но древняя наука, в отличие от современной, была закрыта от тех, кто не прошел через три испытания - физическое, нравственное и умственное, - чтобы вступить в храм науки. (Папюс, 1993, с.29). И эта древняя наука была наукой сокровенной - *Scientia occultati* и наукой, скрывающей открытия - *Scientia occultans*.

К этой древней оккультной по своей природе науке восходит, по словам Папюса, та часть тайного предания, которую можно отыскать в сочинениях всех герметистов, какой бы то ни было эпохи и национальности, и которая является инвариантной для всех оккультных традиций - благодаря существованию этой части *Знание* неизменно в своих основах для всех времен и для всех народов. Эта неизменная часть оккультизма содержит:

а) существование **триединства**, как основного закона действия во всех планах вселенной;

б) существование соответствий, тесно связывающих все части вселенной видимой и невидимой;

в) существование мира невидимого - точного отражения и непрерывного созидателя мира видимого. (Там же, с. 22)

Идея синтеза научного знания, долженствующего соединить в нескольких неизменных законах огромное количество конкретных исследований, произведённых в течение последних столетий, остается всё ещё отдаленной мечтой современной и постсовременной науки. Но этот синтез уже существовал в прошлом, считает Папюс: египетские жрецы, современники Моисея и Орфея, обладали его законами вполне. (Там же, с. 24) Постепенно, шаг за шагом, изучая книгу природы и высшие откровения, посвященные получали "возможность, благодаря познаниям, возноситься до богов и опускаться в недра земли к праху покойников, потому что религия обнимала все отрасли знаний, и не было ничего сокровенного для достигшего высшего посвящения." (Там же, с. 28)

Но где начало таинств и как узнать древность их происхождения?
"Это можно найти, - пишет Папюс вслед за Фабром д'Оливье, - в основании всех древних цивилизаций." (Там же, с. 29). И вот здесь-то в

нашем представлении о древнем мире, полученном из источников “нормальной” науки, обнаруживается провал, - в том месте, где философы и жрецы, посвященные в храмах науки в древние таинства, сообщают, что задолго до известных “нормальной” науке древних цивилизаций Египта, Индии, Китая, Тибета существовали более древние циклы земных цивилизаций, сменявших друг друга (восточные учения о *кальпах*, а в древней Греции - платонизм, пифагореизм, собственно тайные учения). Возникновение древней науки, развивавшейся в храмах науки, сокрыто во тьме этих первоначальных циклов. Однако эзотерики всех времен и народов не сомневались, что первоисточник этих сокровенных знаний, служащих основой тайного предания в любой региональной традиции, имеет внепланетарное происхождение - небесное или божественное.

Согласно исследованиям С.Ив д'Альвейдра, направление письма указывает на происхождение знания, которым располагает данный народ. Он полагает, что “народы, пишущие подобно китайцам с неба к земле, образованием близко подходят к первоначальному источнику...

Все народы, пишущие подобно евреям с Востока на Запад,- заимствовали образование из восточного источника. И, наконец, все народы, пишущие санскритским способом с Запада к Востоку, почерпнули образование из первоначальных главных святилищ Запада, преимущественно у друидов...” (см.: Папюс, с. 123).

В контексте нашего исследования эта эзотерическая информация делает примечательной особенность древнемонгольской письменности, доставшейся монголам XIII в. по наследству от их предков древних уйгуров, обитавших вдоль реки Селенги, что впадает в Байкал: та система письма, на которой она основана, направлена сверху вниз - от неба к земле. Получается, что из всех известных древних народов немногие - и в их числе монголы и китайцы, во многом представляющие собой этническую помесь аборигенов Великой Китайской равнины с монголами и другими центрально-азиатскими племенами, - обладают в лице своих посвященных эзотерическим знанием, наиболее близким к древнейшему первоисточнику небесного происхождения. Может быть, именно с этим связано то, что в духовных традициях и монгольских народов, и китайцев ключевое значение имеет культ *Неба*. Логично будет предположить, что центрально-азиатская эзотерика имеет наиболее ранее по сравнению с другими известными духовными знаниями происхождение. Иначе говоря, монгольские народы (Центральная Азия?) сопричастны к самым первым циклам земных цивилизаций, от которых и следов почти не сохранилось. Но можно надеяться отыскать следы этой первоначальной древности, зная о существовании инвариантного ядра **тайного предания** и используя это

ядерное знание в качестве ключа для эзотерического прочтения сохранившейся до сих пор древней религиозной традиции монгольских народов, именуемой самими монголами *боо-мургэл*. По крайней мере гипотеза о существовании в монгольском мире традиции *знания*, более древней, чем известные оккультные традиции мира, не кажется невозможной.

С точки зрения тайноведения, различные народы находятся на разных ступенях духовно-исторической эволюции: есть народы более древние и более молодые, как и “расы” (68). У каждой “расы” имеется свое *предание*, послужившее первоначальным истоком эзотерической традиции. Что касается “*белой расы*”, самой молодой из всех человеческих “рас”, то истоки её предания и состав самого предания специально проанализированы Папюсом. Вот что он пишет:

“Дошедшее до нас предание происходит из двух различных источников.

1) Под именем Герметической философии, Каббалы и других подобных названий, современное нам предание происходит непосредственно от Красных и Черных, и перенесено на Запад Моисеем, жрецами Египта, еврейскими Каббалистами, Алхимиками и Розенкрейцерами.

2) Под именами Восточного предания, Таоизма, Браманизма, Буддизма и др. мы можем одинаково изучать некоторые части предания Черных, соединенного с преданием Желтых и измененного кельтами, основавшимися в Индии.

Это предание, перенесенное к расам востока, с одной стороны: Рамой, Кришной и Буддой, а с другой - Фо-хи, Кун-Цзы, Сан-Му и Зороастрами, учит нас тем же истинам, как и западное предание, но не совсем ясно для наших понятий.” (Папюс, с. 159). Эти “два великих исконных течения” неоднократно в ходе истории пересекались, и спорить о первенстве одного из этих преданий было бы выражением невежества или фанатизма, - говорит Папюс.

Христианство, в котором каббалистическое предание оказалось возрожденным и разъясненным пророками таким образом, чтобы обновленное, высокое и синтетическое учение стало доступным понятиям Запада - людям самой молодой расы, является самой юной системой “знания”, адаптированной к особенностям белой расы. Здесь Папюс затрагивает очень важный момент: несмотря на неизменность основ самого “знания”, оно имеет для каждой расы свою эзотерическую форму, отражающую её возраст и особенности, так что *знание Желтых* “расы” самой древней на земле выражает опыт этой “расы”, древнейший на земле опыт. И не во всём этот опыт может быть понятен людям совсем молодой “расы” *Белой*. Циклические законы, управляющие Востоком, неприменимы к Западу. (См.: там же,

с. 141). По мнению Папюса, “Белая раса” имеет “собственные циклы эволюции, по времени и пространству противоположные индийским” (Там же, с. 184). Эволюция Белой расы - это эволюция атлантической традиции, полученной иудеями через Моисея и египтян, и развитой в христианстве. А Каббала - это ядро западной традиции эзотеризма. Несмотря на более молодой возраст по сравнению с восточными эзотерическими учениями, западно-тайноведение гораздо более известно современному миру и детально исследовано авторитетными учеными-эзотериками. Восточная и особенно центрально-азиатская эзотерика - тайное знание “Желтой Расы”, древнейшее на планете, - известна человечеству в гораздо меньшей степени. И в этом смысле то действительно эзотерические, сокровенные знания, в отличие от оглашенных знаний западной традиции. Поэтому в контексте нашего собственного исследования в дальнейшем термин “окультизм” будет применяться для обозначения западного тайноведения, а термин “эзотерика” представляется более уместным использовать при анализе восточных учений или вообще по-настоящему древних и не ставших достоянием гласности традиций посвящения. Я буду также пользоваться понятием эзотеризма как метода исследования потаенности бытия.

3.2.2. Атлантическое наследие человечества

Сведения о существовании материка под именем Атлантида и о высокоразвитой цивилизации атлантов донес до исторического человечества Платон. В его диалоге “Тимей” история Атлантиды приводится в контексте воспоминаний Солона, одного из “семи мудрецов” древней Греции (69), повествующего о посещении им Египта и о беседах со знаменитыми египетскими жрецами (70) о прошлом. Сведения Солона, безусловную правдивость которых засвидетельствовал дед Крития, от лица которого ведет диалог Платон в “Тимее”, касались древнейших греческих мифов - о первом человеке, потопе и летоисчислении. Почитаемые самими греками времен Солона за древнейшие, мифы о Фороне, о Ниобе и о том, как Девкалион и Пирра пережили потоп, а также хронология, которую пытались греки исчислить со времени потопа, выражают, но высказыванию египетского жреца, лишь то, что эллины остаются вечными детьми, “ибо не сохраняют в себе никакого предания, искони переходившего из рода в род, и никакого учения, посевшего от времени” (Платон, 1971, с. 463). Но почему?

Египтянин объяснил Солону:

“Уже были и ещё будут многократные и различные случаи гибели людей, и притом самые страшные - из-за огня и воды, а другие, менее значительные - из-за тысяч других бедствий. Отсюда и рас-

прстраненное у вас сказание о Фазтоне, сыне Гелиоса, который будто бы некогда запряг отцовскую колесницу, но не смог направить её по отцовскому пути, а потому спалил всё на Земле и сам погиб, испелённый молнией. Положим, у этого сказания облик мифа, но в нём содержится и правда: в самом деле, тела, вращающиеся по небосводу вокруг Земли, отклоняются от своих путей, и потому через известные промежутки времени всё на Земле гибнет от великого пожара. В такие времена обитатели гор и возвышенных либо сухих мест подпадают более полному истреблению, нежели те, кто живет возле рек или моря; а потому постоянный наш благодетель Нил и в этой беде спасает нас, разливаясь. Когда же боги, творя над Землей очищение, затопляют её водами, уцелеть могут волопасы и скотоводы в горах, между тем как обитатели ваших городов оказываются унесены потоками в море; но в нашей стране вода ни в такое время, ни в какое-либо иное не падает на поля сверху, а, напротив, по природе своей поднимается снизу. По этой причине сохраняющиеся у нас предания древнее всех прочих, хотя и верно, что во всех землях, где тому не препятствует чрезмерный холод или жара, род человеческий неизменно существует в большем или меньшем числе. Какое бы славное или великое деяние или замечательное событие ни произошло, будь то в нашем краю или в любой стране, о которой мы получаем известия, всё это с древних времен запечатлевается в записях, которые мы храним в наших храмах; между тем у вас и прочих народов всякий раз, как только успеет выработаться письменность и всё прочее, что необходимо для городской жизни, вновь и вновь в урочное время с небес низвергаются потоки, словно мор, оставляя из всех вас лишь неграмотных и неученых. И вы снова начинаете всё сначала, словно только что родились, ничего не зная о том, что совершалось в древние времена в нашей стране или у вас самих... Так, вы храните память об одном потопе, а ведь их было много до этого; более того, вы даже не знаете, что прекраснейший и благороднейший род людей жил некогда в вашей стране.” (Там же, с. 464).

И жрец рассказал, что за девять тысяч лет до них были основаны Афины той же богиней, что и тысячелетие позднее - египетский Саисс. Именно то древнее эллинское государство явило миру, по рассказу жреца, “блестательное доказательство своей доблести и силы”.

“Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо ещё существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов - на весь противолежащий материк, который охватывал то море... На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, воз-

ник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по ту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении. И вот вся эта сплоченная мощь была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство и ваши, и наши земли и все вообще страны по эту сторону пролива.” (Там же, с. 466). Именно тогда эллинское государство, даже о существовании которого не знают греки эпохи Солона, спасло от угрозы завоевания тех, кто обитал по эту сторону Геракловых столпов. “Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся ваша воинская сила была поглощена развернувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину. После этого море в тех местах стало вплоть до сего дня несудоходным и недоступным по причине обмеления, вызванного огромным количеством ила, который оставил после себя осевший остров.” (Там же).

В другом платоновском диалоге - в “Критии” - тоже есть рассказ об Атлантиде. Это история заселения Атлантиды богом Посейдоном и детьми его от смертной женщины. Первым из сыновей Посейдона, получившим царство, был Атлант, по его имени и остров, и море называется Атлантическим. Потомки Атланта “скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будет когда-нибудь ещё...” (Там же, с. 553). Многое ввозилось из подвластных стран. Но большую часть всего необходимого давал сам остров. “Полезуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну, придав ей следующий вид.” И далее в платоновском тексте идет подробный рассказ об устройстве этой древней цивилизации: о каналах для судов, о водных кольцах в самой середине острова, об устройстве дворцов и храмов, о культах и законах. Это было богатое, справедливое и разумное общество, а божественная природа сохраняла свою силу. Но когда в конце концов “возобладал человеческий нрав (подч. мною - И.У.), они оказались не в состоянии долее выносить своё богатство и утратили благопристойность”, и вот Зевс, бог богов, соблюдающий высшие законы, решил наложить кару на этот развращенный род, “дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию”. (Там же, с. 660).

Среди последователей Платона стало традицией признавать достоверность истории, рассказанной Платоном. Непосредственный ученик Платона и комментатор “Тимея”, Крантор, принимал Атлантиду за подлинный факт истории. (См. там же, с. 665).

Рассказ об Атлантиде, принимаемый обычно за миф, всегда привлекал интерес мистиков, ученых, философов. Генрих Шлиман, исходя из этого интереса, начал свои поиски Трои и нашёл её в 1871 г. А

Артур Эванс через 30 лет после этого предпринял раскопки древнего Кносса на Крите и открыл современникам знаменитую Миносскую цивилизацию. По справедливому замечанию П.Рогальской, до этих раскопок ученые считали, что описанные Гомером Троянские войны, а также легенды о Минотавре - просто мифы, не имеющие никакой исторической достоверности, как и платоновская Атлантида или легенда об Олимпийских богах, но тщательно проанализировав гомеровские саги, нашли доказательства, что события Троянских войн действительно имели место, и открыли Трою, а также лабиринты и расписные стены, подтверждающие существование миносского культа быка, - "почему мы должны отбросить версию Платона о существовании Атлантиды?" (Рогальская, 1990, с. 182). По её мнению, метод эзотеризма позволяет с помощью хроники Акаши собрать сведения, касающиеся Атлантиды. Работа эзотериков - анализ данных современной науки и материала, собранного с помощью способностей ясновидения, - приводит их к следующим выводам: "Современная наука со всей достоверностью доказала, что наша земля не один раз претерпевала изменения своей поверхности. После очередного катаклизма Земли, приблизительно пятьдесят тысяч лет тому назад, там, где сейчас находится Перу и далее в сторону Тихого океана, вплоть до островов Говайи, Таити, Полинезии, существовал материк, который назывался Лемурия. Примерно в то же самое время на другой половине Земли находился другой материк - Атлантида. Географически он простирался от восточных берегов современной Америки, включая прибрежные районы, где сейчас штаты Джорджия, Северная и Южная Каролина, Вирджиния, Вест-Индские острова, Бразилия и почти до западного побережья Африки. Первыми правителями были высоко развитые личности, которые могли общаться путем передачи мыслей на расстоянии, поэтому вначале они не нуждались в письменности...Эта жизненная энергия способствовала созданию таких удивительных изобретений, которых не смогло достичь ни одно последующее население на земле. Именно Атлантида создала впоследствии летательные аппараты, подводные транспортные средства и приборы, напоминающие современные лазеры, что в конечном итоге превратило Атлантиду в самую передовую технически развитую цивилизацию...Цвет кожи атлантов напоминал цвет современных африканских индейцев, которые, полагают, произошли от атлантов...Имя Бога почти никогда не произносилось вслух, его могли только изображать символически в виде сочетания солнца и полумесяца, а если приходилось произнести это имя, то губы округлялись как для произношения звука "о" (солнце), а затем переходили в полумесяц - звук "м", т.е. всё слово произносили как священное **"ОМ"**.

В тот Золотой Век атланты жили по несколько сот лет... Вся накопленная информация хранилась в специальных цилиндрах, сделанных из кожи животных... Атланты сами решали, когда покинуть свою физическую оболочку, то есть умирать. Они концентрировали свою волю и внимание, так ясно представляли себе другой мир, что переходили в него с полным сознанием и полным правом сделать этот шаг." (Там же, с. 185-187).

Как узнаваемы в этом описании атлантической цивилизации некоторые характерные черты моей родной, центрально-азиатской, цивилизации! Взять хотя бы запрет на произношение имени Бога - бурят-монголы и халха-монголы до сих пор сохранили эту традицию: последователи *боо-мургэл* никогда не обращаются к своим божествам, называя их собственными именами, а используют всевозможные сакральные эпитеты типа "Ээ, *Хайрхан!* (О, Всемилостивый!)" и др. точно также в прошлом наши предки никогда не произносили вслух собственное имя хана - сына *Неба*, наделенного божественными полномочиями, буддисты поддерживают эту же традицию, называя Будду Шакьямуни "*Бурхан Багши*" (71), то есть "Божественный Учитель". Или возьмем древнюю символику монгольской государственности, сохранившуюся в государственных символах современной Монголии и Бурятии. В ней тоже присутствует сочетание полумесяца и солнца, называемое в монгольских языках *соёмбо*. А звук "ОМ" с незапамятных времен является священным в Центральной Азии. А практика умирания атлантов очень напоминает существующую в буддизме практику *Пхова* - переноса сознания в чистые земли (72). Те, кто её практикует, тоже, как атланты, очень ясно визуализируют ещё при жизни ту чистую землю (73), в которую хотели бы перенести своё сознание после смерти.

Эти удивительные сходства имеют, очевидно, эзотерическое объяснение и могут быть рассмотрены как признаки духовного родства погибшей Атлантиды и древней центрально-азиатской цивилизации, пока почти неизвестной человечеству, но не исчезнувшей бесследно, - ведь и цивилизация древних хунну (74), и сяньбийские каганаты (75), и более поздние государства на территории нынешнего монгольского мира - древнетюркский (76) и древнеуйгурский (77) каганаты, империя киданей (78), Великое Монгольское Государство (*Йекэ Монгол Улус*) (79) - это всё звенья одной и той же Традиции (см.: Урбанаева, 1999). Нынешние буряты, калмыки, халха-монголы, а также тибетцы, исторически и духовно близкий монголам народ, являются потомками создателей цивилизации, если не родственной, то, по крайней мере, типологически очень близкой к цивилизации атлантов. И к тому же не следует отбрасывать возможность переселения атлантов в горы Центральной Азии, - ведь часть из них, согласно данным эзотериков, пе-

реселилась ещё до катастрофы, постигшей Лемурию и Атлантиду, в возвышенные места на территории Испании, на Кавказ, в Америку (Рогальская, с. 189). По крайней мере глобальные изменения природы Центральной Азии, которые сформировали её облик, связаны с атлантической катастрофой: происхождение пустыни Гоби обязано тем же самым катаклизмам, которые уничтожили древние цивилизации Лемурии и Атлантиды. (Там же, с. 191). Какие тайны времен Атлантиды скрывают пески Гоби? Проблема Атлантиды и атлантического наследия для наследников древней центральноазиатской цивилизации - это вопрос отнюдь не праздный.

Сказание о потопе, встречающееся в мифах всех народов, отражает, по мнению специалистов в области тайноведения, реальный факт атлантической катастрофы, имевшей глобальные последствия для географии и заселенности планеты, - после гибели Атлантиды начались продолжительные переселения народов с Запада на Восток, и наследие атлантической эпохи распространилось по земле, смешиваясь при этом с ошибочными идеями. Так называемое "сумеречное ясновидение" (Штайнер, 1992, с. 178; 1993, с. 112 и др.) некоторых людей - это наследие атлантического времени, говорят Р.Штайнер и другие посвященные.

Что они имеют в виду, говоря об атлантическом наследии? "Атлантидой" называют в духовных науках область Земли, расположенную некогда между современной Европой, Африкой и Америкой. (См.: Штайнер, 1992, с. 167). "Развитие в атлантической области было, собственно говоря, временем распределения на людей Сатурна, Солнца, Юпитера и Марса" и возникновением *посвященных* в мудрость Сатурна, Юпитера, Марса. (Там же, с. 167, 169). Это был определенный этап становления земного человечества, связанный с "нарастанием материального в человеке до гигантских размеров" В экзотерической литературе, говоря об атлантической эпохе, имеют в виду цивилизацию, созданную "*Красной Расой*". Всего же в эзотерической истории человечества известно несколько доисторических "*рас*", последовательно господствовавших и сменявших друг друга в роли духовного лидера человечества. "Эти группы расы имеют мало общего с современным расизмом и основываются не на цвете кожи и составе крови, а на известной общности идей, свойственных тем или иным народам в отношении религии, философии и оккультных знаний." (ИТ, 1994, с.3). Это *Желтая, Красная, Черная, Белая Расы*, - об их существовании известно из оккультных преданий и из *Акаша-Хроники* (80). Каждая такая *раса* осуществила собственный цикл духовной эволюции, сопряженный со *знанием* и с *преданием*, - эволюции, удостоверенной проявлением Божественного Начала в данной *расе*. Поэтому каждой из этих *рас* присущи собственный код и система тайнознания,

опирающиеся на религию или философию. В периоды между мировыми катаклизмами поочередно господствовали все эти расы. Цикл *Белой расы* начался 7-8 тысячелетий назад. (Шюре, 1914, с.19). Атлантида была центром *Красных*. А религиозные центры *Черных* находились в Верхнем Египте и в Индии. “Их циклопические города увенчивали зубцами горные кряжи Африки, Кавказа и Центральной Азии.”(Там же, с. 22). Жрецы *Черных* владели звездным культом, который под именем сабеизма проник и к *Белым*.

Возможно, оттуда же - из эзотерической традиции *Черных* - происходит и центрально-азиатский культ звезд, сохранившийся отчасти у современных бурят и у других групп монголов. В этом нет ничего невозможного, коль посвяtitельные центры *Черных* (81) имелись в горах Центральной Азии.

За основной эзотерический код *Желтой Расы* современные оккультисты принимают учение Лао-цзы, хотя, по их мнению, правильнее было бы такой статус признать за “так называемым Шаманизмом” (ИТ, с. 3). Иначе говоря, получается, что центральноазиатская духовная традиция, известная этнологам под названием “шаманизм”, восходит к системе тайнознания самой древней *Расы* - *Желтых*. Близость шаманства наших предков с даосизмом получает, таким образом, глубокий эзотерический смысл: то и другое относится к эзотерике *Желтых*, самой древней на планете системе духовного знания. Вообще Центральная Азия владела тайным знанием, относящимся по эзотерическому происхождению к различным традициям - и *Желтой*, и *Красной*, и *Черной Расы*, судя по данным оккультизма. Но до сих пор центральноазиатская духовность как особая Традиция ещё не была исследована в контексте мировой эзотерики, и не было тем более попытки опознания и вычленения в центральноазиатском наследии тех эзотерических элементов, которые относятся к каждой из последовательно доминировавших на планете традиций тайноведения - к религиозно-философской системе *Желтых*, *Красных*, *Черных*, *Белых*.

О посвяtitельной традиции *Красной Расы*, занимавшей, согласно Хронике Акаши, огромный материк, ныне представляющий дно Атлантического океана, оккультисты пишут намного подробнее, чем о коде *Желтой* или *Черной Расы*, прежде всего потому, что через египтян атлантическое наследие стало собственным достоянием *Белой Расы*, к чьей традиции восходит оккультизм. Об оккультных знаниях атлантов можно судить по некоторым памятникам *Красной Расы*, сохранившимся в Мексике, Юкатане и Перу, и по записям египетских жрецов, ведущих своё учение от посвяtitенных атлантов, эмигрировавших с родины в Нильскую долину. Об оккультном коде египетской традиции посвяtitения можно судить по Пятикнижию Моисея, воспитанного при египетском дворе и посвяtitенного в мистерии Изида, а

также по гадательным картам Таро, являющимся посвященным алфавитом египетских школ, по сохранившимся фрагментам герметических книг, по работам современных египтологов.

Параллельно с египетской посвященной линией атлантическое наследие сохранялось в Америке индейскими потомками толтеков Атлантиды. По-видимому, учение дон Хуана Матуса, переданное современному миру в работах К.Кастанеды, восходит к тому же тайному коду Атлантиды. И обнаруженная мной глубинная близость этого учения к центрально-азиатскому шаманизму и буддизму может иметь объяснением их общее происхождение. Примечательно, что с точки зрения теософии туранцы и монголы являются четвертой и седьмой подрасами коренной *Красной Расы*, обитавшей и погибшей в Атлантиде. (Безант, 1994, с. 36). Таким образом, духовные истоки центрально-азиатской цивилизации идут из глубочайшей древности, предшествовавшей водворению Арийской расы в Индии, из доисторической дали атлантической эпохи и более древних циклов земных цивилизаций. Подлинные корни посвященной традиции, которая хранится в Центральной Азии, и видимые формы которой известны ныне под названием “шаманизм”, покрыты непроницаемым мраком, но можно надеяться пробиться к свету, двигаясь изнутри сквозь эту тьму, знакомясь с сокровенными традициями и эзотерическими учениями, существующими в других регионах, опираясь на фундаментальные труды авторитетных исследователей-эзотериков. Здесь одна лишь академическая научная литература о шаманизме в принципе недостаточна, тем более если речь идет о востоковедной науке, - она по своим возможностям очень далека от адекватного понимания внутренней жизни Востока, если только исследователь не обладает аналогичным духовным опытом.

По справедливому замечанию Е.П. Блаватской, западные ученые, как правило, не владеют ключом к пониманию тайного знания Востока, кроме того, самые сокровенные тайны и тексты “скрыты в странах и местах, недоступных европейским ученым” (Блаватская, т.1, с. 35). Подобным же образом от современной науки скрыты тайны и египетской, и халдейской, и вавилонской, и арийской культуры, ибо ученые не располагают ни сокровенными текстами, ни ключом даже к тем текстам, которыми владеют. Европоцентристские и антропоцентристские стереотипы мировосприятия, до сих пор свойственные большинству людей науки, мешают увидеть взаимосвязь и тождество богов многочисленных народов, наличие инвариантной эзотерической основы в религиозной и философской культуре разных регионов. Многими из ученых “даже знание письма отрицается у некоторых древнейших народов и, вместо культуры им приписывают варварство.” (Там же, с. 37). Именно так поступали до сих пор большинство иссле-

дователей истории и культуры монгольских народов, предки которых относятся к древнейшим народам мира. Судя по данным эзотерики, они существовали в атлантическую эпоху, а их духовная традиция содержит древнейшие коды тайнознания. Но вопреки этому цивилизация кочевников Центральной Азии описывается до сих пор преимущественно в терминах варварства.

Не только интуиция и ясновидение, но и *Знание*, которым она располагала, давали право Е.П. Блаватской писать, что следы обширнейшей цивилизации в Центральной Азии “подлежат ещё нахождению”, и эта цивилизация является преисторической. Она говорила, что следы такой цивилизации имеются, и они вместе с сохранившимися преданиями “дают нам право доверять и другим легендарным традициям, засвидетельствованным учеными и образованными уроженцами Индии и Монголии, говорящими об обширнейших библиотеках, возвращенных песками вместе с различными реликвиями древнего магического знания, которые все были сокрыты в безопасности.” (Там же, с. 39). Некоторые из этих сокрытых до времени библиотек уже обнаружены и стали достоянием современного человечества, как, например, тангутские ксилографы, неизвестные тибетские документы, тексты на различных азиатских языках, обнаруженные в результате экспедиций А. Стейна и П. Пельо в Таримском бассейне и в Дунхуане. О существовании спрятанных в горных пещерах буддийских текстах, которые должны быть заново открыты в будущем, хорошо известно буддистам, и ряд таких *терма*, восходящих к Гуру Ринпоче (82) и к его супруге, великой тибетской йогине Еше Цогель, уже были открыты. О том, что у монголов имелась тайная ханская библиотека, я слышала из авторитетных источников в Монголии, - до сих пор жив представитель семьи потомственных хранителей этой библиотеки, человек по имени Дамдинсурэн. Я не сомневаюсь, что Центральная Азия, в том числе и наши горы, всё ещё скрывает свои великие тайны.

Нет оснований сомневаться в словах Е.П. Блаватской, что существует наука, именуемая Гупта Видья, источник всех религий и философий, некогда забытый и утерянный на протяжении веков, но теперь возвращенный человечеству через посланников Учителей Мудрости. То, что сообщает “Тайная Доктрина” об антропогенезисе, противоречит данным официальной науки, но находит много подтверждений в преданиях народов.

Так вот, атлантическая катастрофа, согласно Тайной Доктрине, данным атропософии и теософии, действительно имела место, как и множество других Потопов, начиная с самого раннего, который относится к 850 000 г. до н. э. Потоп, поглотивший последние полуострова Атлантиды, был последним по своему гигантскому размаху.

“Малый потоп, следы которого барон Бунзен нашел в Центральной Азии и который он относит приблизительно к 10000 г. до Р.Х., не имеет ничего общего ни с полувсемирным Потопом или же Потопом Ноя - последний чисто мифическая передача древних традиций - ни даже с погружением последнего острова Атлантиды; или, в крайнем случае, он имеет с ними лишь моральную связь.

Наша Пятая Раса - непосвященная часть её - слыша о многих потопах, смешала их и ныне знает лишь один из них. Именно тот, который изменил весь аспект нашей планеты...” (Блаватская, т.2, с. 171). Эзотерическим источником об этом великом катаклизме, обрушившемся на Четвертую Расу (83), уже действительно человеческую, которая предшествовала арийской, являются древнеиндийские Пураны и другие индусские тексты, повествующие о циклах Майи. Подтверждением цикличности эволюции человечества служат и буддийские сведения о мировых калпах. Согласно теософии, физическое человечество уже существовало на земном шаре на протяжении последних 18000000 лет, эволюционируя от эфиробразной, студенистой формы, уплотняясь на протяжении миллионов веков, “пока не утвердилась в огромную физическую форму Человека Четвертой Расы...” (Там же, с. 181). Аналогичным образом об эволюции первоначального человечества на земле пишет Р. Штайнер. (См: Штайнер, 1992, с. 90-192). Если же иметь в виду “весь процесс духовного, астрального и физического развития”, то эта цифра 18000000 должна быть сильно увеличена” (Блаватская, там же, с. 187).

Эзотерики говорят, что до атлантической эпохи “человек был точным отображением своего душевного существа”, а из-за “событий атлантической эпохи” появился *постатлантический человек*, “который в своем физическом облике является твердым и сравнительно мало зависимым от душевных качеств” (Штайнер, цит. соч., с. 171). В чем же заключается тайна, связанная с этими событиями? Как говорит Штайнер, “к середине атлантической эпохи развития в человечестве стало постепенно сказываться некое бедствие”. Произошло “великое разращение атлантического человечества”. Выдача *тайн* человечеству оказала на него негативное влияние.

Оккультисты говорят также о “развращающем” влиянии *люциферических существ и Аримана*. “И прежде всего оно сказалось в том, что у человека все более и более отнималось чувство духовного.” (Там же). Штайнер называет события атлантической эпохи словом предательство, имея в виду предательство со стороны человечества - предательство интересов *высшей эволюции*. Тайные знания и сверхчувственные силы люди стали использовать для служения своим низшим влечениям, вожделениям и страстям. И не только обыкновенные люди, но и некоторые *посвященные*, хранители тайн оракулов Христа, Сатурна,

Юпитера и др., подпали под искушение со стороны низших существ, действовавших “в таком направлении, что человек начал недуховным образом вживаться в чувственно-физический мир.” (Там же). Результатом этого широкого распространения зла стало разрушение атлантической области и выселение атлантического человечества на вновь образовавшиеся материки, которые ныне известны как Европа, Азия, Африка, Америка. Для современного человечества “особенно важны те кочевья, которые направлялись из Атлантиды на восток.” (Там же, с. 172).

Последствия атлантической катастрофы для человечества были таковы, что духовный мир закрылся перед большей частью людей, “физическое и жизненное тело человека всё более и более начали совпадать в своих границах”, оказались утраченными “прежние неограниченные силы памяти”, “и у человека началась жизнь мышления” (Там же, с. 175). Остатки древних состояний сознания сохранились у массы, рассеявшейся по земле, в самой различной степени.

Атлантида погибла, но осколки *Знания* атлантов сохранились во всех регионах планеты - в Египте и Греции, Персии, Вавилоне и Халдее, Китае, Тибете, Монголии, Индии и даже в Америке, благодаря индейцам, потомкам древних толтеков. Так, в частности, это учение о центрах, существующих в “тонком” теле человека, есть не что иное как наследие атлантического времени, сохраненное у многих народов и Запада, и Востока в их собственной эзотерической традиции. Шаманская культура многих народов восходит, очевидно, к атлантическому наследию. Но как особая посвятельная традиция *Знания*, основанная на тайном предании, она ещё не изучена до сих пор в этом качестве. И тому есть свои причины - отсутствие источников, текстов, носителей *Знания*; к тому же шаманство 20 в. есть явление остаточное в сравнении с классической шаманской традицией, и большинство новых шаманов не владеют основами шаманского *Знания*, а ученые, изучавшие шаманство, воспринимали, как правило, только внешнюю его часть, не будучи в состоянии уловить его внутреннюю суть. Чтобы понять шаманство как особое знание, исследователь должен быть сам носителем данной традиции. А метод сравнительного эзотеризма может как раз помочь пролить свет на тёмные стороны шаманского *знания*. Для понимания бурят-монгольского и шире центрально-азиатского - шаманства ключевое значение будут иметь, как я полагаю, оккультные и эзотерические учения о бытии и о человеке. И в западной, и в восточной традициях это детально разработанные концепции.

Каббала, или оккультная традиция Израиля, происходит одновременно из Египта, Халдеи и Персии. Она сохранена в устной традиции Зогиара и Сефера, разъяснена в комментариях Маймонида (1134-

1204). “Таинственно скрытая в книге Бытия и в символике пророков, она выступает поразительным образом в прекрасном труде Фабра Д’Оливе “La Langue hébraïque restituée”, который стремится воссоздать истинную космогонию Моисея по египетской методе, сообразно тройному смыслу каждого стиха и почти каждого слова первых десяти глав книги Бытия.” (Шюре, 1914, с. 7).

Христианский эзотеризм изложен Евангелиями, освещенными преданиями эссеев и гностиков.

Индусский эзотеризм выражен Пуранами. Халдейская традиция - это “Книга Чисел”

В исследовании Е.П. Блаватской говорится, что и Siprah Dzeniouta, и Сефир Иецира, приписываемые еврейскими каббалистами их патриарху Аврааму, и китайская книга “Шу-цзин”, и священные тома египетского Тот-Гермеса, и Пураны Индии, и халдейская “Книга чисел”, и само “ПЯТИКНИЖИЕ” - все эти тексты происходят от одного основного источника. “Предания говорят, что эта книга была записана на Сензарском языке - тайном священном языке - со слов Божественных существ, продиктовавших её Сынам Света в Центральной Азии (подч. мною - И.У.), при самом начале нашей Пятой Расы; ибо было время, когда язык (Сензар) был известен Посвящённым каждого народа, когда прародители тольтеков так же легко понимали его, как и жители погибшей Атлантиды, в свою очередь, nasledовавшие его от мудрецов Третьей Расы, Мануши, изучавших его непосредственно от Дэв Второй и Первой Расы.” (Блаватская, т.1, с.47).

Эта древняя книга, “описав космическую эволюцию и, объяснив начало всего на Земле, включая физического человека и дав истинную историю рас от первой до нашей Пятой, не продолжается дальше; она остается у начала Кали Юги, именно 4989 лет назад, со смертью Кришны, Светлого Бога Солнца, однажды жившего Героя и Обновителя.” (Там же).

Как видим, данные теософии, атропософии и других направлений оккультизма подтверждают идею о том, что подлинный антропогенез и эволюция человечества происходили иначе, чем это представлено в научной картине мира, изображенной классической и современной наукой, и что в этих древнейших циклах эволюции, сопряженных с высочайшим интеллектуально-духовным развитием, со *Знанием, Восток* - некая сокрытая область в сердце Азии - служил **тайным центром духовного выживания человечества**. Е.П. Блаватская утверждает, что этот высший духовный центр находится в глубинах Центральной Азии, где впервые Знание Откровения, имеющее божественное происхождение, было передано человечеству через посвященных. Иначе

говоря, “атлантическое наследие”, то есть древнее ядро *Знания* посвященных, рассыпанное среди человечества, обязано своим происхождением, возможно, центральноазиатским посвященным, которые, в свою очередь, получили его непосредственно от Неба (Тэнгэри). Или, по крайней мере, нет ничего невозможного в том, что Центральная Азия владела (и владеет) независимо от атлантов древним *Знанием*. И другие авторитеты тайноведения не противоречат утверждению Блаватской относительно азиатского центра высших *посвященных*. О “некоторой области внутри Азии”, куда направился после атлантической катастрофы “Христов посвященный” с семьей избранными приверженцами “вождя Христова оракула”, пишет Р. Штайнер (Штайнер, 1992, с. 175).

3.2.3. Тайноведение о космической эволюции человечества

Все тайные учения - западные и восточные - едины в понимании основных принципов эволюции вселенной, человечества, человеческих существ (сознания). И западный оккультизм традиции Каббалы, и восточный эзотеризм, будь то брахманизм, буддизм или другие учения вневременной мудрости, излагают, по сути, одну и ту же Тайную Науку, несмотря на все внешние и терминологические различия.

Значение работ Е.П. Блаватской, написанных, как она отмечает, в сотрудничестве с одним из тибетских Учителей, состоит в том, что впервые для непосвященной части человечества представлена система этого единого для всех эпох и народов тайного знания, начиная с основополагающих принципов эзотерической философии. И при этом известные философские учения прошлого и священные предания разных религий выступают в контексте исследований Е.П. Блаватской, несмотря на их идейные различия и исторические споры между собой, в качестве фрагментов универсальной Тайной Доктрины.

Отличительной особенностью тайноведения новой мировой эпохи, в которую вступает человечество, является антидогматизм Знания. До недавнего времени оккультисты, особенно западные, имели привычку излагать тайные учения, исходящие из высшего источника Откровения, Учителей Человечества, - в качестве полного выражения истины, несомненная достоверность которой удостоверена авторитетом источника. При этом забывали, что “Единое, о Котором Ничто Не Может Быть Сказано” (Бейли, 1993а, с.16), пребывает за пределами человеческого осознания и рассуждения. “Всё, что может быть сказано, будет в конце концов лишь частичной констатацией великой завуалированной Истины и должно быть предложено читателю и изучающему в качестве всего лишь рабочей гипотезы и наводящего на

мысль объяснения”, - так пишет в предисловии к “Трактату о Космическом Огне” А.А. Бейли, которая, как она утверждает, продолжила “Тайную Доктрину” Е.П. Блаватской, став учеником того же Посвященного, чьим великим Учеником была Елена Петровна. (См.: Бейли, 1993б, с. 10).

В указанном смысле и “Тайная Доктрина” Е.П. Блаватской выражает такую же “рабочую гипотезу”, которая дана человечеству из высшего авторитетного источника и, поскольку превышает возможности обычного человеческого сознания, не может быть принята человечеством сразу. И теперь, когда прошло уже более ста лет после первого издания труда Е.П. Блаватской, в мире всё ещё немного найдется людей, сознание которых готово воспринять эту “рабочую гипотезу”. Но предчувствие громады Истины, намек на который дан Е.П. Блаватской, побуждает искать путь к ней. И если мы принимаем учение, изложенное в “Тайной Доктрине”, в качестве “рабочей гипотезы”, то это происходит не оттого, что мы просто доверяем авторитету исследовательницы или авторитету того Учителя, в союзе с которым была написана книга. “Тайная Доктрина” стимулирует духовное развитие и расширение сознания, и как всякое по-настоящему духовное учение, доказывается “не схоластикой, историческими корнями и авторитетом, но результатом его действия на проживаемую жизнь и её практической пользой в разрешении проблем человечества,”- эта мысль, выраженная А.А. Бейли (Там же, с. 7), мне представляется справедливой.

Тайная Доктрина в изложении Е.П. Блаватской - это наиболее развернутый и систематически выстроенный “Фрагмент Истины”, который телепатически передают человечеству великие *Посвященные*, которые гораздо ближе, чем обычные люди, находятся к Тайне Мира. “Атлантическое наследие”, рассыпанное и во многом утраченное современным человечеством, здесь восстановлено в его глубокой эзотерической основе Вневременной Мудрости.

Е.П. Блаватская была ученицей восточных Посвященных. Восток, в отличие от Запада, хранит больше древних тайн и лучше скрывает эзотерические книги от непосвященных. Однако всё более расширяющийся в течение последних двух веков интерес к Востоку вызвал на Западе волну востоковедной литературы, в том числе и о вещах, относящихся к сокровенной философии Востока, которая дает искаженное толкование рассматриваемых предметов. На основе искаженных интерпретаций восточных учений на Западе наблюдается то “варварское подражание Востоку”, о котором говорил Юнг. (Юнг, 1994, с. 312). Это обстоятельство, а в гораздо большей степени приближение Новой мировой эпохи и срока, когда происходит ускоренное развитие человечества, побудили Посвященных Востока раскрыть до определенной

степени тайное знание, хранителями которого они являются, чтобы подготовить или предупредить мир, особенно западное общество, о возможных последствиях неразумной эволюции, направляемой слепой эгоистической волей людей.

Книга “Дзиан”, Станцы которой цитирует и комментирует Е.П. Блаватская, это, как она пишет, один из древнейших источников, которыми владеет Восток, - он древнее, чем известные священные писания мировых религий. И этот тайный источник Знания подтверждает, что существовало и существует единое для всех народов и религий Знание Откровения: С помощью этой книги и тибетского Учителя, посвященного во Вневременную Мудрость, Е.П. Блаватская делает “лишь один поворот “ключа”” и тем самым позволяет глазу непосвященного заглянуть в тайну.

Как объясняет сама Е.П. Блаватская, Знание Откровения, излагаемое в “Тайной Доктрине”, исходит от “божественных, но всё же конечных Существ, проявленных Жизней, но никогда не от Непроявленной ЕДИНОЙ ЖИЗНИ; от Сущностей, называемых - первородным человеком, Дхиани-Буддами, или Дхиан-Коганами, Риши-Праджапати у индусов, Элохимами или Сынами Божьими у евреев, Планетарными духами всех народов, ставшими Богами для людей.” (Блаватская, т.1, с. 59). Поскольку это конечные Существа, они имеют определенные границы своей компетентности в сфере тайны Бытия, и о реальности за пределами этих границ неведомо и им самим - этим человеческим богам.

Так что же говорят Посвященные о космогонии и эволюции человечества в тех пределах, в которых тайна бытия может быть передана людям?

“Что есть то, что было, есть и будет, несмотря на то существует ли Вселенная или нет, будут ли боги или нет?” - спрашивает эзотерический катехизис Сензара, цитата из которого приводится в “Тайной Доктрине” (Там же, с. 58). Ответ дается - “пространство”. Древняя мудрость учит, что “пространство является сущностью” (Бейли, 1993а, с. 12). Это положение является основополагающим для эзотеризма: *существует только пространство*. А те сущности, которые почитаются людьми в качестве богов, есть на самом деле лишь *силы бесконечного пространства*, формы проявления ЕДИНОЙ ЖИЗНИ.

Эзотерический анализ значений имен двух главных индусских божеств - Браммы и Вишну - приводит Е.П. Блаватскую к выводу, что “Брама-Вишну, таким образом, есть бесконечное Пространство, в котором Боги, Риши, Ману и всё, что существует в этой Вселенной, являются лишь Силами (vibhūtaayah)”. (Блаватская, т.1, с. 58).

Персонифицированные боги мировых религий - это большой шаг в сторону от древней мудрости, совершенный ограниченным челове-

ческим умом. Но ещё Дионисий Ареопагит, один из ранних христианских мистиков, Бога определял вслед за Плотинем и каббалистами как божественную темноту и пустоту. “Как может этот Бог быть персонифицированным Богом христианства?...” - спрашивает автор современной работы об оккультизме. (См.: Уилсон, с. 91).

Пространство, в котором действуют *силы* это представление, очень созвучное шаманскому учению о мире - в той его форме, которая выражена К. Кастанедой, и в той форме, которая присуща *боо-мургэл* монгольских народов. Понятие *силы* является основополагающим для шаманской философии и вообще для эзотеризма.

ПРОСТРАНСТВО, СИЛА, ЭНЕРГИЯ в их физическом и эзотерическом смысле являются понятиями ключевыми, можно надеяться, и для понимания тайн наших предков. Но для овладения ключом необходимо понять основоположения Тайной Мудрости. Вот её “три фундаментальные, основные положения” в формулировке Е.П. Блаватской:

1. “Вездесущий, Вечный, Беспредельный и Непреложный ПРИНЦИП, о котором никакие рассуждения невозможны, ибо он превышает мощь человеческого понимания и может быть лишь умален человеческими выражениями и уподоблениями... Это скорее Бытийность, чем Бытие - Сат по-санскритски и превышает мышление и рассуждение.” (Там же, с. 63). Это бесконечная и Вечная Причина, “Бескорный Корень” всего, что было, есть и когда-либо будет. “С одной стороны - Абсолютное, Абстрактное Пространство, представляющее чистую субъективность, то единственное, что никакой человеческий ум не может ни изъять из своего миропонимания, ни представить его как само по себе; с другой стороны - Абсолютное, Абстрактное Движение, представляющее Безусловное Сознание...” Этот последний аспект Единой Реальности также символизируется Вечным Дыханием. О “Божьем дыхании”, носившемся над водами, когда в начале творения “создал Бог Небеса и Землю”, и не было ещё даже Света, а лишь Тьма, - говорится в Книге Бытия. О Дыхании Браммы говорится в священных текстах Индии.

Таким образом, Первая Основная Аксиома Тайной Доктрины, признаваемая и западными, и восточными оккультистами, это **ЕДИНОЕ АБСОЛЮТНОЕ БЫТИЕ**. Западным философам тоже с глубокой древности была известна эта истина - взять хотя бы учение Парменида. А восточная философия вся построена на принципе *Единого*. Эзотерики воспринимают данную аксиому как признание одного Беспредельного Непреложного Принципа, одной Абсолютной Реальности, предшествующей любому проявленному Бытию и пребывающей вне пределов любой человеческой мысли или выражения. (См.: Бейли, 19936, с. 14). Всё Сущее, проявленная Вселенная, - заклю-

чено в этой Абсолютной Реальности и является её обусловленным символом. В совокупности проявленной Вселенной А.А. Бейли выделяет три аспекта:

“Первый Космический Логос, безличный и непроявленный, предшественник Проявленного.

Второй Космический Логос, Дух-Материя, Жизнь, Дух Вселенной.

Третий Космический Логос, Космическое Мышление, Универсальная Мировая Душа.” (Там же). Они считаются базовыми творческими принципами, благодаря которым “последовательно, в определенном порядке исходят бесчисленные Вселенные, включающие в себя бесконечное число Проявленных звезд и Солнечных Систем. Каждая Солнечная Система есть проявление энергии и жизни великого Космического Существования, Которое мы за неимением лучшего термина, называем Солнечным Логосом. Этот Солнечный Логос воплощается или вступает в проявление через посредство солнечной системы. Солнечная система есть тело или форма этой космической Жизни и сама по себе троична.” (Там же). Христианская Троица является теологическим символом троичности солнечной системы. Согласно А.А. Бейли, вот каков эзотерический смысл символа Троицы:

“Электрический Огонь или Дух. 1-е Лицо. Отец. Жизнь. Воля. Цель. Позитивная энергия.

Солнечный Огонь или Душа. 2-е Лицо. Сын. Сознание. Любовь-Мудрость. Уравновешенная энергия.

Огонь Трения или Тело, или Материя. 3-е Лицо. Святой Дух. Форма. Активный интеллект. Негативная энергия” Каждое из этих проявлений также троично, образуя таким образом:

- Девять Могуществ или Эманаций.
- Девять Сефирот.
- Девять Причин Посвящения.

“Они вместе с совокупностью проявления или Целым составляют десятку совершенного проявления или совершенного ЧЕЛОВЕКА.

Эти три аспекта Целого присутствуют в каждой формс.” (Там же, с. 15).

Учение о *триединстве* является основополагающим в западном оккультизме, а деление на три - его основным методом. (См.: Папюс, 1993, с.4). Человеческое существо, с точки зрения оккультных наук, тоже троично, проявляясь как Дух, Душа и Тело или как Монада, Эго и Личность - в терминологии А.А. Бейли. И все формы в солнечной системе являются не изолированными единицами, а частями Целого. “Это основа братства, святого причастия и астрологии.” (Бейли, с. 15).

Бог, Солнечный Логос и Центральная Энергия или Сила - это всё оккультные синонимы. В своих трёх аспектах они демонстрируются через **семь центров силы**. “Эти семь центров логической Силы сами составлены так, что образуют самостоятельные Сущности. Последние известны как

- семь планетарных Логосов,
- семь Духов перед Престолом,
- семь Лучей,
- семь Небесных Людей.” (Там же).

Эти семь Логосов воплощают семь типов дифференцированной силы и в “Трактате о Космическом Огне” А.А. Бейли известны как Владыки Лучей.

Итак, важнейший в тайноведении принцип троичности является символом трехаспектности солнечной системы. Но наша солнечная система - это лишь форма проявления *Солнечного Логоса* или *Великого Космического Существования*, это лишь одна из бесчисленных форм *существования*, которые исходят из *Абсолютной Реальности*, невысказанной и невыразимой человеком.

Следует заметить, что учитывая здесь эзотерическую информацию, которую оглашает тот или иной *посвященный*, будь то Блаватская или Бейли, или кто-нибудь ещё, я отнюдь не воспринимаю её как самую истину о Бытии, - эта информация может быть использована как “рабочая гипотеза” о Бытии, при этом я должна признаться, что не располагаю никаким способом проверки “доброкачественности” этой информации, полученной методами, коими я не располагаю. Я не имею также возможности однозначно установить, действительно ли Е.П. Блаватская работала в союзе с одним из великих тибетских Учителей, и на самом ли деле А.А. Бейли тоже была ученицей того же Посвященного и её книги являются продолжением “Тайной Доктрины” Единственное, что я могу сделать в этом направлении - это установить, согласуются ли между собой эзотерические положения, оглашаемые различными эзотериками и согласуются ли они с моей глубинной интуицией о бытии. И в случае, если они не противоречат друг другу, из этих “рабочих гипотез” я могу выстроить более общее представление о закономерностях проявления Сил Бытия, но лишь в качестве “рабочей гипотезы”

Непознаваемость и непостижимость Высшей Божественной Сущности древние передавали символом *Огня*. (См.: ИТ, с. 82). Е.П. Блаватская подтверждает эзотерическую достоверность распространенного у всех народов символа огня, когда дает пояснения относительно *Фохата* или Космического Электричества. Это - первичная энергия, Первичное излучение из Корня Мулапракриги недифференцированной космической субстанции - “Море Огня” или Высший Астральный

(т.е. Ноуменальный) Свет - именуется также “Огненным Змием” “Дух Бога, носящийся над Хаосом”, изображался каждым народом в виде Огненного Змея, выдыхающего огонь и свет на предвечные Воды до тех пор пока он не приведет космическую материю в состояние инкубации и не придаст ей кольцеобразную форму Змия, закусившего свой хвост “(84).

И восточные, и западные оккультисты признают тождественность Единого, творящего андрогинного начала - “Отца-Матери” - с Первичным Эфиром или *Акашей* (Астральный Свет), а также “сго единую сущность до эволюции “Сына”, космически Фохата, ибо это есть космическое электричество.”(Блаватская, т.1, с. 121). *Фохат* - это божественная мысль или энергия (*Шакти*), проявляющаяся на любом плане Космоса. Это взаимодействие между Духом и материей. Семь дифференциаций Фохата суть: 1. Планетарные божественные жизни - Ади (Море огня). 2. План монадической жизни - Анупадака (Акаша). 3. План Духа - Атма (Эфир атмы). 4. План интуиции - Буддхи (Воздух). 5. План Ума - Ментальный (Огонь). 6. План желания - Астральный (Астральный Свет). 7. План плотности - Физический (Эфир).

Эти семь называются в оккультной литературе “семь Братьев” Каждый из них воплощает один из семи принципов. Они являют собой семь центров тела Космического Владыки Огня, которого Е.П. Блаватская называет “Фохат” Фохат или “Огненный Змий” как космический “Сын” - это единственный посредник всех форм и жизни. В западной оккультной литературе он именуется также *Од*. “Од есть чистый свет, дающий жизнь или магнетический флюид...Могут ли объяснить филологи, почему Од, термин, употребленный Рейхенбахом для определения жизненного флюида, есть также тибетское слово, означающее свет, ясность, лучезарность? Так же оно означает “небо” в оккультном значении. Откуда корень этого слова?”(Там же). Действительно, откуда?

В монгольских языках этот же самый корень *од/уд* лежит в основе слов, обозначающих “звезда” (*одон*), “шаманка” (*одигон /удаган*), шаманский корень (*удха*), а также в основе древнемонгольского (и древнетюркского) слова “*Утэгэн*”, являющегося именем божества(85) и обозначением женского лона (86). Даже поверхностные филологические изыскания подводят к осознанию того, что шаманская традиция восходит к тем же эзотерическим основаниям - *ясному свету* в оккультном смысле, что и тибетская традиция, и западный оккультизм.

Змий/ Фохат/ Од в Каббале изображается еврейской буквой Teth, которой соответствует число 9. Число 9, таким образом, является всемирным значением Фохата, “ибо Teth есть девятая буква еврейского алфавита и девятая дверь из пятидесяти врат или путей, ведущих к сокровенным тайнам Бытия.” (Там же, с. 122). Заметим, что число 9

является также одним из важнейших сакральных чисел монгольского мира. Возможно, и в этом проявляется универсальная оккультная символика Владыки Огня - Фохата. Ведь культ Огня является для нашей культуры основополагающим - с глубочайшей древности и до сих пор.

Итак, *Змий, Фохат, Од* - это имена символа огненного первоэлемента и первичной творческой энергии Абсолютного Бытия. "Корень Жизни" был в каждой Капле Оксана Бессмертия, и Океан был Светом Лучезарным, который был Огонь, и Тепло, и Движение. Тьма исчезла и более не существовала; она исчезла в своём Естестве, в Телe Огня и Воды, Отца и Матери", говорится в Станце III Книги Дзиан. (Блаватская, т.1, с.77).

Семеричная Иерархия создателей Вселенной и Учителей человечества - это *Сыны Огня*. В этой же Книге Дзиан говорится: "Познайте то, что мы, исшедшие от Первозданных Семи, мы, рожденные Предвечным Пламенем, узнали от наших Отцов... Из Лучезарности Света - Луча Вечной Тьмы устремились в Пространство Энергии, вновь пробужденные; Единый из Яйца, Шесть и Пять. Затем Три, Один, Четыре, Один, Пять - Дважды Семь, Сумма Всего. И эти суть Естества, Пламена, Начала, Строители, Числа, Аруна, Рупа и Сила или же Божественный Человек - Сумма Всего. И от Божественного Человека произошли Формы, Искры, Священные Животные и Вестники Сокровенных Отцов, заключенных в Пресвятой Четверице." (Там же, с. 78).

О созидательной деятельности "*Семерых*" и *Фохата* Станцы общаются и более подробно. Нас же всё это интересует прежде всего как искомый "ключ" к пониманию эзотерических символов духовной культуры культуры бурят-монголов, прежде всего - *огня*. Ведь для наших предков магия огня имела важнейшее значение в их системе выживания в этом мире, и мастера *боо-мургал* умели использовать оккультную силу огня. Тайная Доктрина дает ключ к тайне *Огня* и в то же время помогает понять по-новому мифы народов мира, в которых содержатся в аллегорической форме, в иной кодовой системе будучи зашифрованы, по сути, фрагменты того же самого эзотерического знания, о котором повествует Тайная Доктрина.

Первая Аксиома Тайной Доктрины - о Триединстве - имеет универсальное выражение в мифологии народов мира. Так, в языческой греческой мифологии, которая в VI-V вв. до н.э., казалось, уже переживала свою гибель, но в V в. н.э. получила новое развитие в мистико-символической диалектике Плотина и Прокла, устройство мира невидимого выглядит так:

I. Божественный мир: единое - божество неизреченное;

II. Мир умный: сюда причисляются "отчий боги", Уран, Сатурн, Гея, Зевс; а также "творящие силы, или демиургические боги" (Зевс,

Нептун, Плутон, Вулкан), “хранящие силы” “боги-хранители” (Гестия, Артемида, Арес), “жизнеродительные боги” (Деметра, Гера, Диана); “силы возводящие” - “боги-возводители” (Гермес, Афродита, Аполлон);

III. Мир чувственный: низшие силы (ангелы, демоны, герои, души) - боги низшие. (См.: Лосев, 1993, с. 346).

Характерно, что неоплатоники, осмысливая мистическое значение древнегреческого пантеона, употребляли именно выражение “силы”, говоря о богах. Несмотря на зримые, персонифицированные образы, символическая суть учения неоплатоников - та же самая, что и “рабочая гипотеза” “Тайной Доктрины”

Анализируя тэнгрианский пантеон Центральной Азии, также можно убедиться в том, что Первая эзотерическая аксиома действует и в нашей мистической традиции: трехуровневое строение бытия и природы человека (“три души” человека в шаманских представлениях, “три тела Будды - *трикайя*” - в буддийских представлениях) прослеживается и в учении *боо-мургал*, и в буддийской космологии. (См.: Михайлов, 1996а; Галданова, 1987; Васубандху, 1994; Говинда, 1993 и др.). Числовая триада широко использовалась в культуре монгольских народов. Например, как объясняет В.А. Михайлов, сезоны года буряты и монголы складывали традиционно из трех периодов - двух переходных (начало и конец) и типичного (середина). Месяц лунно-солнечного календаря тоже делится на три части, каждая по десять дней. “Светлые и темные половины суток имели четкое трехчастное распределение: утро, день, вечер и вечер, ночь, утро. Вообще любое явление и предметы материального мира, в их представлениях, состояли из трех частей - начала, середины и конца. Даже очажные камни (*дули*) юрты устраивались из трех глыб, не говоря уже о таких популярных спортивных состязаниях, как *эрын гурбан наадан* - три игрища мужей, - представлявших конные скачки, борьбу и стрельбу из лука.

Пиктографические фигуры в виде горизонтальной черты, на центр которой опущен вертикальный отрезок, и равнобедренного треугольника применялись в качестве *тамг* (знаков собственности) у бурят и монголов...

Таким образом, все представленные символы числа три свидетельствуют о том, что они олицетворяют неразрывную связь земли (горизонтальная линия) с небом (вертикальная прямая), с всемогущим добродетельным божеством монголоязычных народов.”(Михайлов, 1996, с. 106).

Другой важнейшей аксиомой Тайной Доктрины является утверждение об абсолютной всемирности закона периодичности, прилива и отлива, чередования Дня и Ночи, Жизни и Смерти, Сна и Бодрство-

вания. (Блаватская, т.1, с. 66). Этот базовый закон - Закон Периодичности - управляет всяческим проявлением, - как проявлением солнечного Логоса через посредство солнечной системы, так и проявлением человеческого существа через посредство форм, а также контролирует царства природы, - объясняет Е.П. Блаватская. Есть ещё космические законы, системно связанные с этим законом Периодичности. Например, три закона, управляющие тремя аспектами: закон Экономии, управляющий материей или третьим аспектом; закон Притяжения, управляющий душой или вторым аспектом; закон Синтеза, управляющий духом или первым аспектом. Существуют также семь системных законов, управляющих проявлениями нашего солнечного Логоса: Закон Вибрации; Закон Сцепления; Закон Распада; Закон магнетического Контроля, Закон Фиксации; Закон Любви; Закон Жертвы и Смерти. Каждый из них проявляется на том или ином из семи планов солнечной системы. Каждая проявленная жизнь характеризуется тремя большими циклами. Знание циклов включает знание числа, звука и цвета. Полным знанием циклов владеют только совершенные адепты. (см.: Бейли, 1993б, с. 16).

Нам, неискушенным в тайноведении людям, все эти законы неизвестны и должно пройти много ступеней эволюции сознания, прежде чем мы сможем понимать их действие. Но вот что обращает опять-таки наше внимание в связи с этими законами: магия числа, звука и цвета лежит в нашей, центрально-азиатской традиции, в самом основании системы знания о проявлениях высших космических законов, единых законов существования мира и человека. В Центральной Азии исчисление времени тоже было основано на *Знании Посвященных*: не только каждое шестидесяти- и двенадцатилетие, но и каждый день и час имеют оккультную символику, будучи связаны с определенным оккультным первоэлементом и стихией, а также с цветом и вибрацией. Можно найти много соответствий между Тайной Доктриной и центрально-азиатским тайноведением.

Наконец, третьим основоположением Тайной Доктрины является признание “Основной тождественности всех душ с Всемирной Превышной Душой”, которая “сама есть аспект Неведомого Корня” К этому положению относится и обязательное странствование каждой души - искры Превышной Души - через цикл Воплощений или Необходимости, согласно Закону Циклов и Кармы, на протяжении всего срока.” (Блаватская, т.1, с. 66). “Все души тождественны Сверхдуше”, - формулирует эту же аксиому А. Бейли. Она разворачивает её далее:

“1. Логос солнечной системы это Макрокосм. Человек это Микрокосм. 2. Душа - это аспект каждой формы жизни, от Логоса до атома. 3. Связь между всеми душами и Сверхдушой образует основу научной веры в Братство. Братство - это факт природы, а не идеал. 4.

Закон соответствий объясняет подробности этой взаимосвязи. Закон Соответствий или Аналогии - разъясняющий закон системы и объясняет Бога человеку. 5. Как Бог есть Макрокосм для всех царств природы, так человек есть Макрокосм для всех дочеловеческих царств. 6. Цель эволюции атома есть самосознание, как оно выражено в человеческом царстве.

Цель эволюции человека есть групповое сознание, как оно выражается планетарным Логосом.

Цель планетарного Логоса есть сознание Бога, как оно выражается солнечным Логосом.

7. Солнечный Логос есть совокупность всех состояний сознания внутри солнечной системы.” (Бейли, с. 17).

Эта Аксиома тайноведения о тождественности каждой души Превышней Душе находит выражение в стремлении *пробужденных* к подлинной человеческой эволюции - к тождеству с самим собой, со своей истинной природой. В буддизме эта универсальная, высшая природа, которая в потенции присутствует во всяком живом существе и объединяет все живые существа, и к реализации которой стремится всякий буддийский практик, именуется *природой Будды*. Это *Ясный Свет* сознания, единый с Иллюзорным Телом или тонким энергетическим телом Великого Блаженства. В древней традиции *боо-мургал* бурят и монголов эта высшая разумная реальность, в которой человек по настоящему тождествен себе, мудро-разумен, могущественен и бессмертен, - известна как *Хухэ Мунхэ Тэнгэри* (Вечно Синее Небо).

Заметим, что Тайная Доктрина не утверждает ничего о существовании и законах реальности за пределами нашего солнечного Логоса. В сокровенных книгах древней Индии тайна Мировой Сущности передается метафорами Дней и Ночей Браммы. “В эзотерической фразеологии Брама есть Отец-Мать-Сын или Дух, Душа и Тело одновременно. Каждый аспект есть символ одного атрибута и каждый атрибут или качество есть последовательное исхождение Божественного Дыхания в его циклической, инволюционной и эволюционной дифференциации. В космическом смысле это есть Вселенная, Планетарная Цепь и Земля; в чисто духовном - Непознаваемое Божество, Планетарный Дух и Человек - сын обоих, существо из Духа и Материи и проявление их в его периодических выявлениях на Земле во время “колес” или Манвантар.” (Блаватская, т.1, с. 89).

Согласно Тайной Доктрине, «Выдыхание “Непознаваемой Сущности” рождает мир, а вдыхание заставляет его исчезать. Этот процесс продолжается вечно, и наша Вселенная есть лишь одна из бесконечных серий, не имеющих ни начала, ни конца.» (Там же, с. 54). О Вели-

ком Дыхании, то есть о появлении и исчезновении Вселенной в Книге Дзиан говорится: “То, что есть и в то же время нет”.

Это означает, что о Великом Дыхании Браммы “мы можем лишь говорить, как об Абсолютном бытии, но не можем представить в нашем воображении, как какую-либо форму существования, которую мы могли бы отличить от Не-Бытия. Три периода - Настоящее, Прошедшее и Будущее - являются в эзотерической философии сложным временем; ибо все три являют составное число только по отношению к феноменальному миру, но в области ноуменов (вещи-в-себе. - И.У.), они не имеют абстрактного значения... В конце концов, все наши понятия о продолжительности и времени произошли из наших ощущений... Будучи безвыходно связаны относительностью человеческого знания, понятия эти, тем не менее, не могут иметь иного существования, кроме как в переживаниях индивидуального Эго, и они исчезают, когда его эволюционное продвижение рассивает Майю феноменального существования. Что есть время, например, как не панорамическая последовательность состояний нашего сознания!” (Там же, с.91).

Отношение к прошлому, настоящему и будущему как к единому сложному времени свойственно монгольскому миру с глубокой древности, - об этой особенности центральноазиатского мировосприятия я уже писала в другой своей книге (Урбанаева, 1995). Относительность и условность различения трех времен естественным образом присущи восточному мировоззрению и являются аксиоматическими, само собой разумеющимися положениями для бурятских и монгольских мудрецов, которые, в отличие от западных философов, были далеки от того, чтобы исчислять мир, центрируя его вокруг себя самого. Наши предки и пространство воспринимали не так, как европейцы. Люди монгольского мира понимали пространство как нечто, оживотворенное *Силами*, неоднородное, содержащее выделенные центры *силы*, аналогично тому, как в Книге Дзиан говорится: “Пространство - это то, что было, есть и будет, несмотря на то, существует ли Вселенная или нет, будут ли боги или нет (Там же, с. 58).

Изучая Тайную Мудрость в изложении Е.П. Блаватской и других эзотериков, я обнаруживаю в ней важные параллели с мировоззрением наших степных мудрецов прошлого. Это ещё раз подкрепляет давно зародившуюся у меня мысль о том, что Центральная Азия располагает собственной, независимо от известных религиозно-культурных центров мира полученной эзотерической традицией, которая в силу ряда причин гораздо менее известна современному миру, нежели другие учения. Эзотеризм кочевников ещё подлежит глубокому исследованию.

Возвращаясь к учению *посвященных* об эволюции мира и человека, обратим внимание на ту первую страницу архаического мануск-

рипта из пальмовых листьев, расшифрованного для нас Е.П. Блаватской, где изображен чистый белый диск на черном фоне. В оккультной символике это изображение Космоса и Вечности перед новым пробуждением ещё дремлющей энергии. Точка в центре того же диска Пространство и Вечность в состоянии Пралайи - указывает на первую дифференциацию в периодических проявлениях извечной Природы, бесполой и бесконечной. Единый Круг есть Божественное Единство, откуда всё исходит и куда всё возвращается, его окружность - предпосылает отвлеченное, вечно-непознаваемое ПРИСУТСТВИЕ, а его площадь Вселенскую Душу. Тем, что лишь площадь Круга белая, а окружающая плоскость черная, указывается, что этот план является единственным, доступным человеку, знанием.

Как видим, исходная - в плане космогенезиса - эзотерическая символика белого и черного отличается от позднейшей по своему происхождению противоположности белого и черного как символов добра и зла. В первоначальном эзотерическом смысле *белое* символизирует то *знание* о Бытии, которое доступно человеку. *Черное* же символизирует то, что пребывает за пределами человеческого знания, и в этом смысле *черное* является более *тайным*. По-видимому, по этой причине в шаманских заклинаниях бурят эпитет “черный” употребляется как синоним “сакрального”, “вечного”, “бесконечного”, “глубокого”, когда встречается в выражениях типа “*хара удха*” (Черный шаманский Корень), “*хара тэнгэри*” (Черное Небо), “*хара далай*” (Черный Океан) и др.

Простой диск - это первая фаза космогенезиса. Диск с точкой в центре - вторая фаза.

“В третьей фазе точка превращается в диаметр, символизируя этим божественную, девственную Матерь-Природу, внутри всеобщей, абсолютной Беспредельности. Когда горизонтальный диаметр пересекается вертикальным, он становится крестом мира. Человечество достигло состояния Третьей Коренной Расы; это знак зарождения человеческой Жизни. Когда же окружность исчезает, оставляя лишь крест +, это знаменует, что падение человека в материю совершилось, и Четвертая Раса началась. Крест внутри круга есть символ чистого Пантеизма. Когда же окружность исчезает, крест становится фаллическим; то же значение, кроме ещё других, он имел, как Тау, вписанный в круг ..., или как Молот Тора, так называемый Крест Джайна, или же Свастика в круге” (Там же, с. 54).

Эволюция мира и человечества, согласно Тайной Доктрине, направляется и контролируется разумными Существами. Они известны непосвященным как “Законы Природы”, но не являются “олицетворениями” “Сил Природы” “Зародыш” Вселенной, согласно

Тайной Доктрине, дифференцируется в семеричную Иерархию сознательных, Божественных Сил, которые являются деятельными проявлениями Единой Высочайшей Энергии. “Они строители, ваятели и, в заключении, создатели всей проявленной Вселенной в едином смысле, в котором наименование “Создатель” доступно пониманию; они вдохновляют и направляют её; они являются разумными существами, которые согласуют и контролируют эволюцию...” (Там же, с. 70). Эти “Семь Превышних Владык”, о которых говорится в Станце 1 Книги Дзиан, суть Семь Духов-Творцов или Дхиан-Коганы (Дхиани-Будды) в терминологии Е.П. Блаватской. Они же известны как Элохимы в еврейской традиции, как Риши-Праджapati - в индусской. В христианстве это Иерархия Архангелов (Св.Михаил, Св.Гавриил и др.). В догматическом, латинском богословии, отмечает Е.П. Блаватская, “только Св. Михаилу разрешено блюсти над всеми вершинами и безднами”, в эзотерической же системе Иерархи последовательно контролируют один из Кругов эволюции и одну из великих Коренных Рас нашей Планетной Цепи. Говорится также, что они посылают Бодхисаттв соответствующих им человеческих заместителей Дхиани-Будд на протяжении каждого Круга и Расы. “Из “Семи Истин” и Откровений или, вернее, разоблаченных тайн, лишь четыре переданы нам, ибо мы всё ещё в Четвертом Круге, и мир тоже имел до сих пор лишь четырех Будд...”

До сих пор “имеются лишь Четыре Истины и Четыре Веды” - говорят буддисты и индусы. На этом основании Ириной настаивал на необходимости Четырех Евангелий. Но так как каждая новая Коренная Раса, при начале Круга, должна иметь своё, ей надлежащее Откровение, также и носителей его, то ближайший Круг принесет Пятое, следующий за ним Шестое и так далее.” (Там же, с. 90).

Первая Коренная Раса, то есть первые “Люди” на земле были потомством “Небесных Человеков”, названных в индусской философии “Лунными предками” или же *Питрисами*, которых имеется 7 степеней или иерархий. В бурят-монгольской традиции принято “сыновей Неба”, спустившихся на землю (*буумал бурхад*), именовать “хаад” (*хат*), в древней общемонгольской традиции было распространено понятие “*тэнгэрийн ху*” (сын неба). В звездном культе наших предков “*долоон убугэд*” (семь старцев) выражает, по моему глубокому убеждению, эзотерическое представление о Семи небесных Иерархах.

Эволюция жизни происходит, согласно доктрине семеричных Цепей Миров в Солнечном Космосе, на семи телах или глобусах, от Первого до Седьмого, на протяжении семи Кругов или Семи Циклов. Наша Земля тоже должна существовать на протяжении семи Кругов. Её человечество вполне развивается лишь в Четвертом - нашем Круге. “Человек, или, вернее, то, что становится Человеком, проходит через

все формы в течение двух следующих Кругов... В течение будущих трех Кругов человечество, подобно Глобусу, на котором оно живет, будет постоянно стремиться снова принять свою первоначальную форму Воинства Дхиан-Коганов. Человек, как и каждый атом во Вселенной, стремится стать Богочеловеком и затем - Богом.” (Там же, с. 200).

Человечество в целом пребывает в Четвертом Круге эволюции, но люди Пятого и даже Шестого Кругов приходили в наш Круг в течение последних тысячелетий: Платон и некоторые другие из великих философов принадлежали к “Пятому Кругу”, а Будда Гаутама, - объясняет Е.П. Блаватская, был человеком “Шестого Круга” (Там же, с. 202). В эзотерическом смысле принадлежность к более высокому Кругу означает, что каждый Круг приносит с собой “новое развитие и даже полное изменение в умственном, психическом и физическом строении человека”. (Там же).

Человеку непосвященному трудно, конечно, разобраться во всех этих эзотерических понятиях, встречающихся в “Тайной Доктрине” и в других работах по теософии, в таких понятиях, как “Коренная Раса”, “подраса”, “Круг”, “Планетная Цепь” и др., с помощью которых излагается эзотерическое учение об эволюции космоса и человечества. Как разъясняет А.А. Бейли, “семь боковых рас составляют одну подрасу, семь подрас составляют одну *коренную расу*; семь коренных рас составляют один *мировой период*; семь мировых периодов составляют один *Круг*; семь кругов составляют одну *планетарную схему*; десять планетарных схем составляют одну *солнечную систему*” (Бейли, 1993б, с. 45).

Планетная Цепь - это ряд из семи глобусов или миров, которые составляют эволюционное поле в течение планетарного цикла, т.е. в продолжение манвантары. (88) А *глобус* с семью расами соответствует конкретному ряду воплощений человека, но не все *глобусы* явлены на физическом уровне.

Так же часто употребляемый в оккультной литературе термин “план” означает “пределы или область какого-либо состояния сознания, или способность восприятия конкретных чувств, или действие конкретной силы, или состояние материи...” (Там же, с. 48).

Излагая учение об эволюции человека, оккультисты, следуя принципу троичности, говорят обычно о физическом, астральном и ментальном планах эволюции, хотя всего планов - семь, включая ещё четыре высших, до которых большая часть людей ещё не продвинулась. Вот они: 4. План Буддхический; 5. План Нирванический; 6. План Паранирванический; 7. План Маха Паранирванический. (Бейли, с. 41). Эти семь планов человеческой эволюции соответствуют семи планам нашей солнечной системы. А последние являются лишь семью

подпланами низшего - физического - космического плана (всего семь космических планов). Как объясняет А.А. Бейли, человек, достигший в своем развитии буддхического плана, “поднимает свое сознание до сознания Небесного Человека, клеткой тела Которого он является” - это происходит при четвертом Посвящении, называемом освобождающим Посвящением. При пятом Посвящении человек восходит вместе с Небесным Человеком на пятый план (с человеческой точки зрения), а при шестом овладевает вторым космическим эфиром и имеет монадическое сознание и непрерывность функционирования. При седьмом же Посвящении он овладевает всей сферой материи низшего космического плана и функционирует на космическом астральном плане (см.: Бейли, с. 87).

Человеческая эволюция, таким образом, с точки зрения теософии как “рабочей гипотезы”, заключается в том, чтобы преодолеть три низших плана, то есть победить в себе “низшего человека”. О существовании “низших членов человеческой природы” говорят и тайноведы антропософского направления, правда, схема строения человека у них выглядит несколько иначе, чем у теософов, будучи изображенной в виде квадрата, образованного “низшими членами” (*физическое тело, эфирное тело, астральное тело, Я*), над которым возвышается треугольник высшей сущности человека (*Манас, Буддхи, Атма*) (см.: Штайнер, 1993, с. 112-113).

Если говорить о *расовой* эволюции человечества, то, согласно этой же “рабочей гипотезе”, в настоящей манвантаре, или в нынешнем Круге на нашей планете, человеческое существо, перевоплощаясь, проходит через семь главных типов, или “*коренных рас*” “В первых двух расах, известных как “*адамическая*” или “*гиперборейская*”, одушевленные формы были соответственно астральными и эфирными: “*исполинскими и неопределенными*” они были, с низким или вонне направленным сознанием, которому было присуще одно чувство (слух) - у первой расы и два чувства (слух и осязание) - у второй расы. В третьей же расе, лемурийской, развился более плотный тип человека, усовершенствовавшийся в четвертой, или атлантической, расе. Пятая раса, арийская, развивается на нашем глобусе в настоящее время вместе с большей частью четвертой расы и немногими остатками третьей... Из существующих народов татары, китайцы и монголы принадлежат к четвертой расе, а австралийские аборигены - к третьей” (Там же, с. 87).

Наши предки, монгольские кочевники, являются, таким образом, прямыми потомками атлантической расы и носителями атлантического наследия, восстановленного для современного человечества в “Тайной Доктрине” Е.П. Блаватской. И центральноазиатское тэнгрианство (шаманизм), и центральноазиатский по своему происхож-

дению китайский даосизм, и тибетский буддизм исходят, получается, из тех же великих аксиом, о которых говорит “Тайная Доктрина” Из этих аксиом тайноведения мы догадываемся о существовании высшего Сознания, способного воплощаться с тем, чтобы осуществить свои Цели во Вселенной, но эти подсказанные “Тайной Доктриной” догадки - лишь частичное отражение *Реальности*, рабочий базис, опираясь на который, ограниченный в своих возможностях постижения истины на данном этапе эволюции человек нынешнего Круга может предпринять усилия по прорыву в высшие планы - во имя своей космической эволюции.

Очень важно уяснить, что эта Сущность, которую оккультисты называют *Солнечным Логосом*, никоим образом не есть то же самое, что и *Бог* христиан.

Последний есть “не более и не менее, как сам Человек, увеличившийся до существа ужасающего могущества и подверженный добродетелям и порокам самого человека. Солнечный Логос больше, чем человек, так как Он - сумма всех эволюций во всей солнечной системе, включая человеческую; человеческая эволюция - средняя по отношению к остальным эволюциям. По одну сторону от неё - существа, превышающие человека, которые в предыдущих кальпах достигли и прошли стадию, на которой сейчас находится человек; по другую сторону - множество дочеловеческих эволюций, которые в будущих кальпах достигнут стадии человечества. Человек стоит посреди, между ними, в точке равновесия; в этом его проблема.” (Бейли, с. 164).

Человек есть *срединное существо*. Шаманское учение о человеческом мире как мире срединном выражает, по-видимому, те же эзотерические представления.

Чтобы воспринять эзотерическое учение о космогенезисе, космической и человеческой эволюции, о строении сверхчувственных миров и т.д. адекватно, а не так, как мы обычно относимся к мифам, - лишь как к памятникам прошлой культуры, - важно признать особое познавательное значение *Откровений* и миссии *Посвященных* в ходе земной эволюции. *Посвященный*, действующий на земном плане бытия, - это прежде всего человек, не ограниченный в своем восприятии мира “нашим настоящим сознанием Существования” Сознание посвященного - это явление универсальное, а не специфическое, как у обычных людей. Сознание обыкновенного смертного, будь это рядовой обыватель или великий философ Кант, ограничено в познании реальности неким пределом, обусловленным природой человеческого чувственного восприятия. Самое большее, на что способен познающий человеческий рассудок, опирающийся на чувственное восприятие, - это осознать наличие своего познавательного предела и не претендовать на постижение “вещей-в-себе”, что и сделал Кант. Но обычно люди не

сознают этого или не считаются с этим фактом ограниченности *нормальной* познавательной способности человека и верят, что знания, получаемые с помощью наших органов чувств и нашего интеллекта, являются истиной. Они спорят друг с другом, доказывая: “Только моя “истина” есть Истина, только моя философия - настоящая философия, только мой Бог - настоящий Бог” Мы, люди, полагаем, что ограниченным умом “низшего человека”, а мы и существуем на низших уровнях возможного бытия человека, мы можем познать Мировую Сущность, Бога, Реальность. Наши споры нескончаемы и притязания маленького человеческого ума беспредельны. И лишь немногие поступают как Сократ: он неизменно отказывался обсуждать тайну Мировой Сущности. Это - путь посвященных, а последние знают, что это не предмет познания и обсуждения людей с их обычным, неразвитым, человеческим сознанием. Те, кто знаком с эзотерической философией Востока, понимают, почему Будда Шакьямуни не затрагивал в обращении к рядовым слушателям тайну Бытия в её онтологической и гносеологической проблематике, служившей издревле для западных философов предметом дискуссий. Задаваться подобными великими вопросами о бытии без того, чтобы измениться самому и очистить свое мировосприятие и сознание, это всё равно что упорно стучаться в наглухо замурованную дверь, не ведая, что настоящий вход находится в другом месте. Истина Бытия открывается в буддизме постепенно и на различных уровнях, по мере расширения и развития сознания в ходе его очищения от негативной кармы, загрязняющей восприятие реальности. В этом и заключается эзотерический характер буддизма. Сокровенные Истины открываются посвященным. И на уровне *реализованных* эти Истины - одни и те же для различных традиций, - как признают это сами буддисты различных направлений. По мнению Е.П. Блаватской, тайное учение Будды не отличалось от Доктрины Посвященных браминов. (Блаватская, т.1, с. 27). Эзотерические основы всех учений, известных на нашей планете, близки между собой и нет смысла в дискуссиях о том, которое из них - истинно. Эзотерические знания существуют не для обсуждения и дискуссий, а для помощи в практической эволюции людей к своей высшей природе.

“Открытый глаз” или “глаз Дангмы”, которым обладает человек с очищенной душой, означает внутреннее духовное зрение, ясновидение. Способность, которая проявляется при этом, не есть ясновидение в обыденном смысле, то есть, сила видения на расстоянии, а “скорее способность духовной интуиции, через которую получается непосредственное и достоверное знание” (Там же, с.93). Посвященному, или адепту, открыто древнее знание о том, что Абсолютное Бытие есть Сознание, и оно есть Абсолютное Не-Бытие и Бессознание, что каждая видимая и невидимая вещь проникнута сознанием *Алайей*, то

есть Душой Мира или *Anima Mundi* западных оккультистов, что жизнь вообще есть Единая Форма Существования, и что все вещи “являются живыми предметами, будь то атомы или планеты” (Там же, с.96).

Восточные посвященные научились посредством медитации достигать тождества своего сознания с *Алайей* или с *Ясным Светом*. Потенциальная тождественность индивидуальности с космическим сознанием - это предмет эзотерической философии Востока и всех систем йоги. (Мы сознательно не касаемся здесь некоторых принципиальных отличий буддизма от других восточных духовных учений). Однако само это духовное движение от обычного индивида к *Алаье*, к *состоянию Будды* или Мировой Душе, Мировому Духу в западной терминологии возможно постольку, поскольку периодически имеют место *Аватары* воплощения небесных Сил. В буддийской традиции это Будда, Бодхисаттвы, Арьи, Тулку и иные манифестации Будды. В христианской Иисус Христос. В монгольской народной традиции воплощением сына Неба является Чингис-хан.

В кочевой Центральной Азии, как будет видно из дальнейшего изложения, имелась своя, тщательно оберегаемая от чужестранцев и профанов, система тайноведения и посвятительная традиция. Памятник древнемонгольской культуры - “Тайная история монголов” - это типичный пример тайнознания монголов. В Улан-Баторе живет человек по имени Дамдинсурэн, который совсем недавно сделал достоянием гласности факт существования целой библиотеки тайных книг, предназначенных исключительно для образования представителей ханского рода. Человек этот - последний представитель потомственных хранителей этого тайного знания рассказывает удивительное предание о происхождении царей древней Монголии откуда-то из северной Африки и о постепенном перемещении предков монгольских ханов через Шумер и Вавилон в монгольские степи. К сожалению, у меня не было возможности лично побеседовать с этим стариком. Но моим информатором является человек весьма серьезный и уважаемый в Монголии, видный ученый, государственный и политический деятель, президент Всемирной Ассоциации монголов Д. Бямбасурэн, который лично встречался и беседовал с Дамдинсурэном.

Сколько ещё тайн скрывают монгольские просторы! И сколько было оазисов среди пустыни, подобных тому, о котором Е.П. Блаватская говорила, что он “часто посещается монголами и буддистами”! (Там же, с. 30).

Все древние тексты непонятны в своем эзотерическом символизме без адекватного “ключа”, а “ключи” ко многим памятникам, будь то египетские, халдейские, арийские, иудейские или даже раннехристианские памятники Откровения, скрываются или утрачены. Без подходя-

шего “ключа” даже такой текст, в священной природе которого вряд ли кто сомневается, как “Пятикнижие” Моисея - выглядит всего лишь легендарной историей еврейского народа и мифом о договоре между Израилем и Богом. Вряд ли при таком восприятии текста “Пятикнижия” можно догадаться, каким образом этот текст передает *предание* и *знание*, которое восходит к египетской и атлантической науке, творившей чудеса техники и магии. А дошедший от Лао-цзы текст книги “Дао дэ цзин” выглядит обычным сборником мудрых изречений, каковые в немалом количестве встречаются у любого народа. Подобным же образом - при отсутствии адекватного философско-эзотерического “ключа” центрально-азиатские предания о Гэсэр-хане воспринимаются лишь как памятник поэтического творчества народов Центральной Азии. Вряд ли фольклористы способны увидеть в текстах Гэсэриады какой-нибудь намек на тайное знание. И пока не найден “ключ”, то и Гэсэриада, и “шаманские” тексты имеют только значение фольклорных памятников. Однако “ключ” к эзотерическому их прочтению всё же существует. И автор этих строк как раз пытается найти код к пониманию тайн мира своих предков, изучая пути и опыт западной и восточной мысли в постижении загадки Сфинкса (89).

Опыт сравнительного эзотеризма и знакомство с тайноведческими традициями Запада и Востока, усвоение неизменного для всех времен и народов эзотерического ядра всех традиций и религий - всё это необходимо для поиска “ключа”, который поможет прочесть шаманскую “литературу”, оставшуюся от наших предков, и истолковать шаманский мир бурят-монгольского прошлого и современности, заглянуть в будущее. Особое значение имеют в этом направлении исследования Е.П. Блаватской, которая приоткрывает завесу, скрывающую Древнюю Мудрость, “делая лишь один поворот ключа” Крупицы этого *знания*, благодаря которому древние египтяне строили свои пирамиды, жители Атлантиды - свои водные каналы, протянувшиеся через весь материк, и др. - эта древняя мудрость рассыпана в текстах Платона и неоплатоников, в высказываниях Лао-цзы и в Ведах.

На протяжении последних двух тысячелетий положения Тайной Мудрости не раз уже осторожно выдавались непосвященному человечеству и были изложены западными посвященными. Есть основания считать, что по крайней мере несколько Отцов Христианской Церкви - Ориген, Синезий и даже Климент Александрийский - были посвящены в Мистерии до принятия ими христианства. Но тем не менее эзотерическая философия в течение веков и тысячелетий скрывалась от основной массы человечества. Почему? Разве может быть опасна такая чисто философская доктрина, как например, учение о Планетной Цепи? Е.П. Блаватская на подобный вопрос отвечает: “Опасность

была бы в том, что такие доктрины, как Планетная Цепь или Семь Рас, тотчас же дают ключ к семеричной природе человека, ибо каждый принцип соответствует известному плану, планете и расе, и человеческие принципы на каждом шагу соответствуют семеричным оккультным силам, которые на высших планах обладают ужасающей мощью. Таким образом, семеричное деление дает ключ к страшнейшим оккультным силам, злоупотребление которыми причинило бы неисчислимое зло человечеству.” (Там же, с. 40). Вот почему Е.П. Блаватская приоткрывает лишь малую часть тайного знания. “Счастлив тот, кто поймет всё!” (Там же, с. 43).

Хотя я и знакома с другими эзотерическими исследованиями, всё же признаю ведущий авторитет Е.П. Блаватской в ходе собственных поисков эзотерического “ключа” к пониманию центрально-азиатской традиции тайноведения и посвящения - шаманства наряду с другими оккультистами, такими, например, как Папюс, Шюре или Штайнер, прежде всего потому, что в отличие от этих последних, работающих почти исключительно с посвянительной традицией Запада (каббала, христианство), она, зная все оккультные предания и традиции тайноведения - и западные, и восточные, - имеет более полные, чем у европейских оккультистов, и более древние источники, а также доступ в посвянительные центры более древние, чем западные и ближневосточные. Ведь и Папюс признает, что “восток, а в особенности Азия, находятся в эпохе мудрости, старости, тогда как Европа оканчивает молодость, а Америка, выходящая из могилы, вступает из детства в юность.” (Папюс, 1993 с. 141). Поэтому и более авторитетным является то изложение эзотерической философии, единой для всего человечества, которое ведется устами мудрости, а не молодости или юности.

Завеса тайны, окутывающая эзотерическое знание, существует потому, что это знание понятно лишь людям с достаточно расширенным сознанием, поэтому тот, кто желает получить доступ к этим знаниям, должен пройти многоступенчатую подготовку - в школах мистерий или посвянительных центрах храмов. Соккрытие эзотерических учений вызвано, как это объясняет один из современных посвященных, Лама Анагарика Говинда, не намерением помешать другим в приобретении таких сил и знаний, а мотивом защиты невежественных людей от опасности, которую несет злоупотребление ими, поверхностное экспериментирование с этой практикой. (См.: Говинда, 1993, с. 319). Буддизм предусматривает механизм безопасности практикующего, заложенный в самой системе буддийской практики: практику буддийской *тантры* разрешено концентрироваться не прямо на шакти или центрах, а “на тех качествах сознания и тех психических центрах, которые регулируют и преобразуют поток энергии” (Там же). А буд-

дизм махаяны, в традиции Чже Цзонкапы практикуемый в течение многих веков тибетцами, монголами, бурятами, калмыками, тувинцами и теперь широко распространяющийся в России, ещё более усиливает эту систему безопасности использования духовных знаний, предлагая своим последователям постепенный Путь - *Ламрим*, основанный на развитии *бодхичитты* - сострадательной устремленности к состоянию Будды ради Освобождения и Просветления всех живых существ. Этический аспект посвященных традиций и эзотерического знания - пожалуй, важнейшая их составляющая.

Действительная эволюция мира и человечества - так, как об этом известно из тайноведения, - может быть изложена для людей непосвященных без того, чтобы причинить шок, в форме, максимально щадящей незрелый ум - в образах аллегорий и притч. Если интеллекту и удастся ухватить случайные проблески истинной природы вещей, это чаще всего имеет для непосвященного печальные последствия: его мир заканчивается разрушением и хаосом. "Для духовно неподготовленного незрелого ума природа Реальности, обнаженная Истина, кажется невероятной и предстает в ужасных формах.

А потому переживания, связанные с прорывом к высшему Знанию или сознанию Реальности, представляются в ужасающих образах Херук пьющих кровь божеств" (Там же, с. 353). Именно щадя нас, обычных людей с нашим хрупким и маленьким умом, посвященные передают нам истину в аллегорической форме.

В такой форме последовательница Е.П. Блаватской, А. Безант, излагает ту часть Тайной Доктрины, которая повествует об истории нашей Цепи миров и эволюции человечества. Если бы мы могли обозреть ход всей эволюции, пишет она, можно было бы всё это изобразить в картине.

"Мы бы увидели в пространстве большую гору, а кругом горы до самой вершины вьющуюся тропу. Эта тропа огибает семь раз гору, и на каждом повороте тропы привал, где путники могут отдохнуть от усталости. Дорога поднимается спиралью всё выше и выше, до самой вершины, где стоит Храм из белого мрамора; он ярко сверкает на фоне голубого эфира. Этот Храм - цель пути, и те, кто вошел в него, закончили горнее странствование и остаются там лишь для того, чтобы помочь тем, кто всё ещё поднимается. Внимательно всматриваясь в Храм, мы увидим в самой середине его Святая Святых и четыре притвора, кольцеобразно его охватывающих и находящихся в самом Храме. Таким образом, в Храме четыре притвора, отделенных друг от друга стеной, и в каждой по одной двери. Путник, желающий проникнуть в Святая Святых, должен последовательно пройти через эти четыре двери. Кроме того, кругом Храма тянется внешняя ограда, вмещающая значительно больше народа, чем сам Храм. Храм, его ограды

и выходящая вокруг горы тропа составляют картину человеческой эволюции; это путь, по которому оно идет; цель его достигнуть Храма. По горней дороге шаг за шагом, медленно поднимается человеческая толпа, так медленно, что движение её едва заметно... Миллионы лет проходят в пути, миллионы лет странник неустанно поднимается в гору, и в течение этих веков путник переживает бесконечное число жизней и продолжает шаг за шагом двигаться вперед. Глядя на всех этих бесчисленных путников, невольно спрашиваешь себя: "Отчего они идут так медленно? Зачем все эти миллионы людей совершают такой длинный путь? Зачем они так стремятся к тому Храму, что стоит на вершине горы?"

Глядя на них, невольно приходит нам мысль, что они идут так медленно потому, что не видят своей цели и не сознают направления, по которому двигаются. Путники постоянно сбиваются с пути, увлекаясь то в одну, то в другую сторону; они не идут прямо по дороге, как люди, сознательно стремящиеся к цели, а рассыпаются во все стороны, как дети, бегающие за цветами и за бабочками.

Время как будто проходит даром, и когда ночь наступает, кажется, что путники очень мало продвинулись вперед. И более развитые не намного опережают других; неразвитые же засыпают на том самом месте, где они толпились весь день и где их застала почва... А между тем к преддверию Храма, которого достигают передовые отряды путников, ведет не одна только спиральная дорога. Из многих её точек поднимаются тропинки, ведущие прямо вверх, по которым сильные и мужественные путники могут подняться, если у них хватит смелости и силы. Первый шаг по прямому пути к Преддверию Храма путник делает тогда, когда его душа, миллионы лет стихийно поднимавшаяся по спиральной дороге, понимает, что его путь имеет цель: он впервые поднимает глаза и на мгновение видит вершину, озаренную светлыми лучами, исходящими от Белого Храма. Время от времени, оторвавшись от бабочек и цветов, тот или иной путник внезапно замечает этот свет; он поднимает взор и на мгновение видит Храм. После этого молниеносного откровения он больше никогда уже не останется тем, чем был: он увидел цель и конец пути; он видел вершину и ту крутую, отвесную тропу, которая ведет прямо к Сияющему Храму. В эту минуту озарения, когда путник видит, что вместо того, чтобы столько раз огибать гору по спиральной дороге, можно подняться быстрее к вершине, он понимает, что крутая тропа имеет целью Служение и что вступающие на неё должны пройти через врата, над которыми сверкает золотая надпись: "Служение человечеству"

После этого первого видения душа озаряется светом снова и снова, и каждый новый луч разгорается ярче и ярче. Те, кто хоть на одно

мгновение осознал цель и смысл жизни, начинают подниматься с большей уверенностью.” (Безант, 1990, с. 58-61).

В течение всего нескольких человеческих жизней тот, кто принимает обет служения человечеству, может совершить то, что человечество осуществит через мириады лет - добраться до вершины горы по крутой и опасной тропе, ведущей в Святая Святых. И с этой решимостью он стучится во врата Храма. Врата раскрываются, шаг за шагом душа продвигается и доходит до Преддверия Храма. А всех врат четыре - каждые врата символизируют одно из великих Посвящений. (Там же, с. 63).

Поднятие человека по ступеням эволюции означает не перемещение с места на место, а “всё более утончающуюся способность впечатления”, “вибрации более тонкой материи”, пробуждение в самом человеке высших сил и деятельности. (Безант, 1994, с. 98, 99). Храм - это символ, известный во всех регионах нашей планеты и означает он Вечность и Единение. В Центральной Азии широко распространен сюжет о строительстве Храма. (См. работы Г.Н. Потанина). Работать на Вечность и Единение - эти характерные черты центральноазиатской цивилизации наиболее отчетливо проявились в деятельности Чингис-хана - *строителя Храма*.

“Тому, кто вступил в состояние Единения, призрачность и неостоянство физической, материальной жизни представляются как бы во сне.” (Безант, 1990, с. 65). Только бескорыстие создает кристальную чистоту этого состояния, и только любовь ведет к этому состоянию. Поэтому все те, кто из корысти или из-за эгоистической мотивации вступают на путь оккультной практики, “становятся злыми силами, сынами тьмы и, следовательно, оказываются ещё грубее самих материалистов и ещё более, чем они, погруженными в материю” (Там же, с. 66).

О значении бескорыстного мотива и о необходимости преодоления ограниченного человеческого “я” говорят все оккультисты. Папюс об этом же говорит: “Итак, есть средство быстро открыть дверь нашего внутреннего неба, а именно: принести в жертву небольшую часть нашей *эгоистичности* в пользу части нашей *универсальности*. Наша эгоистическая жизнь - в нас, а наша жизнь моральная - в других.” (Папюс, 1993, с. 264). Как пишет Р. Штайнер, для людей возможность совершать ошибки, грешить обусловлена уже тем, что человек вообще достиг *самостоятельности* - это и указывается в мифе о рае. Поэтому антропософия настроена так решительно против человеческого Я и связанного с ним самоугодия, эгоистичности. Понятие *зло* в тайноведении обозначает преступления, исходящие именно из Я. (См.: Штайнер, 1993, с. 121).

Люди, преодолевшие состояние Я и пребывающие в оккультном Единении, никогда - может так случиться, - не воплощались в одно и то же время, никогда не общались друг с другом на каком-нибудь человеческом языке, но их связь реальна и могущественна. Пример подобной связи я уже приводила, говоря о Молоне-багши, еравнинском мудреце, и о Хорчид-гэгэне. Мистические узы способны соединить Учителя с учеником, Адепта с его последователями, человека с Архангелами или Дхиани-Буддами через время и пространство, через всю Вселенную. Вот почему такое важное значение придается в эзотерике линии *духовной преемственности*, исходящей из одного эзотерического источника, из единого Откровения.

Однажды установленная, связь буддийского Учителя и ученика сохраняется из жизни в жизнь: до тех пор, пока ученик не достигает Просветления, Учитель ведет его по Пути, помогая в достижении духовных реализаций, Он находится всегда рядом со своим учеником, готовый в любой момент помочь ему, даже если ученик в этой жизни забыл о Дхарме и погряз в житейских мелочах. Но для того, чтобы такая прочная - из жизни в жизнь связь Учителя и ученика установилась, недостаточно лишь стать слушателем данного Учителя. Хотя досточтимый Геше Джампа Тинлэй, Духовный представитель Его Святейшества Далай-ламы XIV уже в течение многих лет читает лекции в Бурятии и других регионах России, и мы, его ученики-буряты, с самого начала восприняли его как своего Учителя, он, по его собственному признанию, лишь на третий год своих лекций установил между собой и нами отношение Учитель-ученик. Это событие имеет оккультную природу и предполагает взаимную кармическую ответственность - как Учителя за своих учеников, так и учеников - за своего Учителя. Особенно важным в этом смысле является наличие согласия между учениками одного и того же Учителя. "Пожалуйста, не ссорьтесь между собой, просит своих бурятских учеников при каждом посещении Улан-Удэ Геше Тинлэй, - мне будет плохо, если вы не станете жить в дружбе." И связь, установленная им со своими учениками, является уже настолько крепкой, что она проявляется в той или иной форме.

Посвященный, член оккультного Единства вступает в область особых отношений и возможностей, однако он всегда несет свет всем тем, кто находится рядом с ним на физическом плане бытия. И чем выше ступень восхождения, тем большую ответственность несет человек за тех, кто стоит в духовном развитии ниже него. Как пишет А.А. Бейли, "нет ни одного человека, стремящегося к совершенству, борющегося за достижение и нацеленного на расширение сознания, который не оказывал бы воздействия - по всё более расходящейся спирали - на всех, с кем он соприкасается: на дэв, на людей и на животных."

(Бейли, 1993б, с. 319). Это - оккультный закон, работающий независимо от того, известно ли духовному практику об исходящей от него тонкой стимулирующей эманации. Ни один человек не может совершить духовный прогресс в одиночку, не повышая одновременно всеобщего сознания группы или не стимулируя членов группы, не оказывая целительного и объединяющего эффекта на смежные группы.

Согласно учению Г. Гурджиева, на пути, которому он учит, “в силу особых условий восхождения по лестнице”, человек не в состоянии подняться на более высокую ступень, пока не поставит на свою ступень другого человека. “Таким образом, чем выше поднимается человек, тем более он зависит от тех, кто следует за ним. Если они останавливаются, останавливается и он.” (Успенский, 1994, с. 231). Как учил Гурджиев, ученик не может идти вперед без учителя, а учитель не может идти вперед без ученика или учеников. Кто выше, тот и учитель. “То, что человек получил, он должен немедленно отдать; лишь тогда он сможет получить больше. Иначе у него будет отнято даже то, что уже было дано.” (Там же, с. 233). Но отдавать при этом не означает рассеивать знание в массах: эзотеризм препятствует рассеянию.

Человек, достигший врат Храма, вступивший в сферу *Буддхи*, т.е. *Просветленный*, преодолел не только ограниченность индивидуально-го сознания и корысть человеческого “я”, но и родовой человеческий эгоизм, в силу которого обычно люди претендуют на исключительное положение в иерархии живых существ. Член эзотерического братства признает не только всечеловеческое братство, но и всеобщее братство Единой Жизни. Буддисты в своих молитвах называют все живые существа “Мои добросердечные Матери” и посвящают свои духовные заслуги освобождению их от страданий.

Эволюция человечества имеет, с точки зрения Тайной Доктрины, определенное значение в космической эволюции, и очень важно, чтобы люди могли осознать это значение и место человека в космической схеме, преодолев свою обычную самоцентрированность и предрассудок об исключительном родовом положении человека в ЕДИНСТВЕ ЖИЗНИ. Человек играет, с точки зрения оккультизма, очень важную, своеобразную роль, будучи местом соединения трех аспектов Бога, то есть Солнечного Логоса, “тем не менее он очень незначителен, так как является не вершиной треугольника, но всего лишь средней точкой, если рассматривать треугольники: Духа-Отца, Сына или человека, Материи-Матери” (Бейли, с. 166). Но следует учитывать, что человек, как и всякая сущность, - это прежде всего возможность дальнейшей эволюции, вплоть до единения с Солнечным Логосом. В своем цикле эволюции человек имеет проблему, аналогичную той, которую решает и солнечный Арджуна, борясь за Свое совершенное самосознание, за

свободу и освобождение от формы, и “так сражаются на небесах Михаил со Своими Ангелами или божественные Небесные Люди, чья проблема - та же, на высшей шкале”, а человек “борется за те же идеи на своей крошечной шкале” (Там же).

С точки зрения буддизма земное человечество также должно осознать свое истинное положение более адекватно: люди, как и все другие существа Шести Лок, вращаются в сансаре, и даже не все люди обладают *драгоценной человеческой жизнью*, отмеченной 18 характеристиками. Только те люди, чья жизнь обладает этими 18 благоприятными условиями и свободами, сможет практически осуществить духовную эволюцию к подлинной свободе. С другой стороны, все живые существа, не только люди, наделены потенциалом буддовости, и даже ничтожный червяк имеет, как и человек, принципиальную возможность когда-нибудь стать Буддой. Но именно “срединное” человеческое рождение всё же дает живущим возможность реализовать этот потенциал буддовости.

Несмотря на все терминологические и концептуальные различия, которые имеются между западной Тайной Доктриной и буддизмом, имеющиеся там и здесь представления об эволюционных возможностях человечества всё же не так принципиально далеки друг от друга, как кажется. Буддийская онтология также может дать ключ для интерпретации *боо-мургэл* и *тэнгрианства*, но в настоящем исследовании внимание сосредоточено на тех аспектах изучаемой нами духовной традиции, которые хорошо поддаются пониманию при привлечении данных Тайной Доктрины.

Конечная цель земного человека, с точки зрения тайноведения это первое космическое Посвящение. Его принятие означает эволюцию сознания и жизни в качестве уже Небесного Человека, Планетарного Логоса, конечная цель которого - второе космическое Посвящение, поднимающее эволюцию до Солнечного Логоса, цель которого - третье космическое Посвящение. Получается, что земной Человек имеет своей задачей всего пять посвящений, планетарный Логос или Небесный Человек имеет задачей семь посвящений, а Солнечный Логос - девять посвящений. Так А. Бейли расшифровывает тройственный космический Путь. (Бейли, с. 263).

Поскольку предметная область тайноведения есть нечто принципиально открытое для “рабочих гипотез” о реальности, то эта информация, излагаемая А.А. Бейли, не будучи доступной проверке, учитывается как элемент нашего собственного расширения сознания, а не как истина о реальности. По крайней мере, следует считаться с тем, что все эзотерические данные говорят о том, что земной человек способен на эволюцию, непостижимую обычным рассудком, и закономерности, формы подобной эволюции, наконец, опыт эволюционной

трансмутации человека, накопленный в посвячительных традициях нашего мира, не просто интересен, но и полезен для тех, кому удалось, подняв голову, увидеть цель своего пути - Храм на вершине горы.

Тайная доктрина учит также, что человеческая эволюция имеет место не только на планете Земля, но и в других мирах нашей солнечной системы, и человеческая Иерархия работает там тоже. Хотя условия жизни, среда и форма могут различаться, каждая форма человеческой жизни выполняет собственные задачи и в то же время содействует выполнению более крупных космических задач. Об этом же говорит и буддизм, признавая существование других человеческих миров - в частности, с отличными от земных способами появления на свет и с иными сроками продолжительности жизни.

На нашей планете истинно человеческий род, согласно оккультным преданиям, произошел во времена третьей Коренной Расы, когда, согласно этим источникам, произошло соединение Духа-материи с умом и манасом (манасическим принципом). Это произошло благодаря телесному приходу на Землю в качестве Аватар некоторых великих Сущностей из другой Планетной Цепи, которые взяли на себя руководство земной эволюцией. (См.: Бейли, с. 253). Это оккультное событие имеет аналогию в пробуждении жизненного принципа на четвертом месяце существования человеческого зародыша. Аналогия между небесно-оккультными и земными явлениями эволюции верна и в том, что созревание Небесного Человека охватывает девять циклов, прежде чем он родится в ещё более высокие миры и примет главное свое Посвящение.

Господь нашего мира и есть, согласно оккультизму, прибывший из другой Цепи Аватара, и он является Единым Посвятителем человеческих существ нашей планеты, а Великие Посвященные - Его представители, говорит А.А. Бейли, которая называет его имя - Санат Кумара. Не только А.А. Бейли, но и многие другие эзотерики, в том числе и современные, говорят, что часть нынешнего земного человечества стоит на Пути Испытания. А другая часть человечества, согласно оккультистам, находится на Пути Посвящения. И после "Судного Дня" в Пятом Круге совершенно новая группа человеческих существ придет к воплощению в нашей земной схеме. Остальная часть нынешнего человечества, неспособная "выучить" свой урок, будет после временной пралайи перенесена в другую планетную схему, которая будет способна обеспечить ей адекватное место обучения. (Там же, с. 266). Как говорят современные исследователи-эзотерики, в частности, члены Международного фонда "Ноосферное будущее человечества", которые работают в области медицины и педагогики, дети Новой Расы уже появляются на планете. У этих детей даже состав крови совершенно иной, чем у обычных людей. Так, в частности, с

таким низким гемоглобином, как у **этих** детей, люди обычно не живут. Об этих и других фактах, свидетельствующих о начавшейся оккультной мутации человечества, говорилось в научно-эзотерических сообщениях во время III Международного конгресса по ноосферным проблемам, прошедшего в сентябре 1996 г. в г. Северобайкальске.

Таким образом, понятие о человеческой сущности и об эволюции человечества, обоснованное в оккультных науках, сильно отличается от теории человека и человеческой эволюции, принятой в официальной, академической и университетской, науке нашей планеты. Тайная Доктрина говорит не столько о человеке в обыденном понимании, сколько о **ЧЕЛОВЕКЕ**, понимая под этим Небесного Человека или человеческое существо, являющееся проявлением космической эволюции. Человек, обычный, земной, существо хорошо известное каждому из нас, - способен к космической эволюции при достижении определенного качества вибрационной активности. В этом качестве он осознает себя как звено **ЕДИНОЙ ЖИЗНИ** и тогда начинается *путь ученичества* или *путь человека знания, воина* - в терминологии дона Хуана Матуса.

Известны три оккультные формулы, которые выражают уровни эволюции человека. Первая формула: "*Я есть*" - относится к сознанию обычного современного человека, знающего себя как отдельную единицу сознания, как самосущее "я", существующее отдельно от других объектов. Это сознание присуще ступени человеческой эволюции трёх низших планов - "*нижнему человеку*" Этому уровню эволюционного развития человека соответствует идеал самоцентрированности, свойственный западно-европейской культуре и наукам. Вторая формула: "*Я есть То*" выражает уже более высокую ступень развития сознания - осознание человеком всеобщего единства и взаимосвязи Жизни. Это - сознание человека *пробужденного*, Ученика и Посвященного. В восточной философии это одно из важнейших положений.

Третья формула: "*Я есть то, что Я есть*" - это формула сознания Посвященного, уже соединившегося со своей божественной сущностью и освободившегося от формы. Это - состояние дона Хуана перед его "уходом", состояние Будды в момент Просветления.

Эти оккультные формулы имеют значение мантрических фраз, которым соответствует определенная вибрационная сила. И потому различие между ними связано с Посвящениями. Энергетическую силу слов "*Я есть То*" посвященный понимает при третьем посвящении. (См.: Бейли, с. 288).

Проблема *Бытия и существования человека* ставится в тайноведении в масштабе, настолько превосходящем представления непосвященных людей о бытии, что этому следовало бы посвятить особый труд. Сравнивая с оккультной громадой тайны существования

ЕДИНОЙ ЖИЗНИ онтологические учения земной философии, невольно ловишь себя на ощущении, что все её мучительные поиски и потрясающие мысль теории - несмотря на их глубину и интеллектуальную изысканность напоминают бег на месте, если не считать нескольких философов-посвященных, которые были посвящены в Древнюю Мудрость атлантов. Вся европейская философия растянулась на длинный, медленный путь восхождения к Храму, и те, кто идет по этому пути, даже не подозревают, что есть более прямые, правда, и более опасные, крутые, тропы, ведущие к вершине.

Духовно-интеллектуальная специфика европейской цивилизации проявляется и в особенностях западного оккультизма, в том, что последнее в значительной степени опирается на европейскую мыслительную традицию - философии и религии и в гораздо меньшей степени - на Древнюю Мудрость, к которой ближе восточная традиция сознания, нежели западная. По-видимому, из-за этой своей черты оккультная традиция Запада представляется мне по сравнению с восточной эзотерикой менее глубокой, западные оккультисты меньше внимания в своих работах обращают на космическую мудрость и акцентируют внешнюю сторону тайнознания операционально-магическую, вычислительно-астрологическую. А чрезмерное увлечение внешней силовой стороной оккультизма при недостаточном развитии *мудрости* чревато опасностями, о которых предупреждают эзотерики. Речь идет о *черной магии*. Говорят, она заложена как возможность во все религии.

Опасность черной магии с точки зрения человеческой эволюции заключается прежде всего в том, что практикующие её люди направляют свои усилия не на освобождение Жизни благодаря внутреннему развитию и подготовке, а на разрушение форм внешними средствами; они *силой* - будучи сами не подготовлены психофизическим развитием - пытаются присвоить возможности, естественным образом присущие человеку более высоких ступеней эволюции и тем самым подвергают себя опасности разрушения. Именно в связи с существованием подобной опасности велика роль духовного наставника. Учителя мудрости направляют духовную алхимию и трансмутацию, стимулируя внутреннюю энергию практикующего, пока постепенно эта концентрированная энергия, взращенная на мудрости, не вспыхнет очистительным огнем и не осветит внутреннее пространство излучением Ясного Света, - тогда становится возможным для практикующего существование в более тонком теле. Поэтому очень важно, предупреждают настоящие духовники-наставники, каковым был и есть Будда, правильно выбрать своего *коренного духовного учителя* после тщательной его проверки.

Но как отличить *черных* от *белых учителей*? Геше Тинлэй учит своих слушателей: “Не спешите принимать того или иного учителя в качестве своего духовного наставника и выполнять духовную практику, которую он передает. Сначала слушайте наставления, размышляйте и сравнивайте их с другими учениями, исследуйте в течение долгого времени этого учителя - соответствует ли он сам в своей практике своему учению, а также установите, есть ли у него *сострадание* к людям и к живым существам, - тот учитель, у кого есть развитое чувство *сострадания*, берет на себя ответственность за своих последователей.” И подлинный духовный учитель не станет, говорил он нам, своим ученикам, - собирать многотысячные толпы и давать высокие посвящения. Сам Геше Тинлэй, как уже отмечалось, лишь на третий год после того, как он стал давать Дхарму, установил с нами отношение “учитель-ученик”, и отныне он ответственен за своих учеников из жизни в жизнь.

А *Темное Братство*, как объясняет А.А. Бейли, “центрирует свое внимание на форме, старается расшатать и сломать эту форму... Это мешает эволюционному плану задействованной жизни, откладывает итог, нарушает предустановленный ход развития...” (Бейли, с. 337). Адепты черной магии манипулируют материей формы. Духовная Иерархия, напротив, “работает с душой внутри формы, производя интеллектуальные, самоинициированные и устойчивые результаты” (Там же). С этой точки зрения А.А. Бейли отмечает вред хатха-йоги и аналогичных методов, практикуемых в некоторых религиозных и оккультных орденах на Западе. Об опасности увлечения Западом йогой когда западные люди заимствуют лишь внешнюю её сторону, без понимания её духовной сущности и не будучи психологически подходящими для подобной практики, - предупреждал К.Г. Юнг в статьях “Йога и Запад” и “Проблема души современного человека”. (Юнг, 1992, с. 287-292; 1994, с. 293-316).

Стремление к прорыву с помощью “незаконных” методов к психическим силам, естественным для следующего качественного уровня эволюции, - это опасность, которую можно предотвратить, разъясняя человечеству глубинные эзотерические основы философии и этики, - Мудрости, - на которой построена система Тайного Знания. Именно поэтому тибетские учителя организовали в XX веке движение буддизма на Запад, - особенно велика в этом заслуга Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьятсо, чтобы современное человечество познакомилось с основами этого величайшего Знания, существующего на нашей планете для того, чтобы вести всех людей к Просветлению и Освобождению. Настоящие буддийские наставники предостерегают своих учеников от стремления преждевременно ускорить движение по пути ученичества: занятия *тантрой* могут оказаться очень опасными,

если практикующий ещё недостаточно подготовлен для этого, и даются посвящения в тантрийские практики только при наличии *бодхичитты* устремленности к обретению состояния Будды из великого сострадания ко всем живым существам.

Наличие *бодхичитты* может служить надежным критерием отличия *белого учителя* от *черного* в любой духовной традиции - не обязательно только в буддизме (91). Дело в том, что тот критерий различия адептов Белого и Черного Братств, который принят в оккультной литературе (см. выше), позволяет опознать лишь черных магов, то есть те силы, которые работают весьма грубо, манипулируя с материей формы, не оказывая собственно духовного воздействия на эволюционные процессы, и не дает возможности опознать тех представителей Черного Братства, которые работают на более тонких, духовных, уровнях и тоже говорят о Целях Космической эволюции и т.п. высоких эзотерических вещах и так могут запутать людей малосведущих, что те способны стать их легкой добычей и управляемым орудием вмешательства в эволюционные процессы.

Путь развития *сострадательного сердца и мудрости*, постигающей природу реальности, является постепенным, но и более надежным, безопасным для тех, кто идет к Храму. Это - тот фундамент, имея который, практик может искать возможности ускоренного продвижения. Учителя Мудрости рекомендуют людям в качестве наиболее быстрого продвижения вперед и проявления всех скрытых сил эволюции осознание Законов Кармы и Жертвы и применение их в практике. Этот путь оккультисты даже именуют “законом эволюции для человека” (Безант, 1994, с. 192). Закон Кармы на Востоке известен с незапамятных времен. Понятие кармы с глубочайшей древности известно и в монгольском мире. Это традиционное для всей Центральной и Восточной Азии понятие *кармы* (92), лежащее в основе восточной эзотерики и религии Мудрости, обозначает природный механизм *причинности*, которая связывает все поступки человека, совершенные им в бесчисленных воплощениях.

Каждое действие может быть едва заметным, как самая тонкая нить, так что сотни их могут быть сдвинуты одним дуновением, но когда они скручены друг с другом, образуют канат, с помощью которого можно тащить тяжелые суда, так и сцепления причин и последствий поступков образуют карму, которая подобно канату, тащит человека и определяет его судьбу в последовательных воплощениях. Вообще карма (санскр. *niyati, samaya*; тиб. *sngon-las*), буквально означает *поступок, деяние*. В качестве закона причинно-следственной связи, действующей в эволюции и жизни живых существ, карма в буддизме имеет глубокий смысл в связи с пониманием природы сознания, механизма перевоплощений и с пониманием природы реальности в ас-

пекте пустоты от самобытия и в аспекте Взаимозависимого Возникновения. Карма в буддизме интерпретируется как закон причинности, определяющий несвободное существование живых существ в условиях Неведения и Непросветленности, т.е. это закон *сансарного*(92) бытия, проявляющийся как причинная способность непросветленного прошлого вызывать зависимое, неконтролируемое перерождение существ и их существование, тотально подверженное страданиям. Он гласит, что каждый сознательно-волевой акт, совершаемый телом, речью и умом, приводит к определенному результату. Буддизм пользуется понятием кармы, имея в виду специфический аспект волевого, намеренного и мотивации, связанный с мощной энергией, приводящей к последующим результатам. В моменты переживания человеком таких чувств, как гнев, зависть, жадность и т.д., возникают болезненные энергии, а в момент переживания любви — позитивные энергии, результаты действия которых проявляются как непосредственно (в ближайшее время), так и в отдаленное время (будущие жизни). Энергия, проявляющаяся в момент гнева, обладает свойством не затухать никогда, творя будущие результаты в будущих жизнях данного человека, одним из которых станет грядущее уродство. Полагают, что тяжесть кармы, её инертность связаны с действием первоэлемента *земля*.

Кармическая причинность в жизни людей состоит из их собственной кармы, кармы коллектива, к которому они принадлежат — семейной, родовой, национальной, — а также кармы планеты Земля и других типов кармы, связанных с более крупными планами эволюции, влияние которых на человеческую сферу бытия проявляется так или иначе.

Неведение и в силу *неведения* возникающая *привязанность* человека к ложному мировосприятию, ложным критериям существования-несуществования, добра-зла, к ложным ценностям, обрекающим его на волю кармического ветра, — в этом коренится сансарная несвобода человеческого существования. О том, как действует сансарический механизм привязанности, обрекающий человека на циклическое несвободное существование, хорошо сказано в древневедическом стихе:

**“К чему привязан его разум, с тем связано деянием
[его] внутреннее существо.**

**Достигнув конца какого-либо деяния, которое он
здесь делает,**

**Он снова приходит из того мира в этот мир для
[нового] деяния”.** (БУ, 1964, с. 125)

Человек, стремящийся к Освобождению, должен действовать таким образом, чтобы уничтожить индивидуальную карму, обрекающую его на неконтролируемые перерождения. В этом сходны позиции многих духовных школ. А для того, чтобы это удалось осуществить, духовные наставники рекомендуют *отречение*. Оккультисты и вос-

точные духовные наставники говорят об отречении от “плодов деятельности” В буддизме *отречение* означает прежде всего, в ближайшем смысле, доступном обыденному сознанию, отречение от своих *привязанностей* к иллюзии собственного “я” и самобытия феноменов, к отрицательному образу мышления и поведения, к ложным ценностям. Отречение от “плодов деятельности” здесь не самоцель, но естественное логическое следствие подобного подхода. Буддийские практики посвящают свои добродетели и заслуги делу освобождения всех живых существ от страданий. Бескорыстие - это обязательное условие духовного прогресса, а освобождение от страстей и привязанностей помогает духовному практику разорвать ту цепь, которая приковывает человека к колесу неконтролируемых перевоплощений, осуждает на вращение в сансарс. Почему? Это объясняется существованием в карме связывающего элемента - а именно *Привязанность (Страсть, Желание)* и есть этот связывающий элемент. Хорошая карма тоже *привязывает* человека к определенному объекту, людям, месту, учителям - возникает особая связь.

Привязанность к “плодам деятельности” побуждает человека ковать всё новые и новые кармические цепи. Освобождение от желаний, от вожделения - это, согласно духовным учениям, есть способ сохранения энергии и жизни от напрасного рассеяния, не способствующего эволюции. “Кто лишен желаний, свободен от желаний, достиг [исполнения] желаний, имеет желанием [лишь] Атмана, из того не выходят жизненные силы,”- говорится в Брихадараньяка Упанишаде: “Будучи Брахманом, он идет к Брахману”. (БУ, с. 125).

В буддийской практике *отречение*, то есть освобождение от желаний и аффектов-клевс сознания, не связано, как в древнеиндусской традиции, с аскетизмом и умерщвлением плоти: буддист акцентирует внимание на очищении сознания от привычки к отрицательному образу мышления и к цеплянию за иллюзии существования. Вожделения и страсти естественным образом исчезают, когда человек освобождается от главного корня всех аффектов - *неведения*. Поэтому основной путь буддийской практики - это путь *взрачивания мудрости*.

Духовное восхождение означает все большее очищение сознания - от жажды славы, богатства, почитания и других желаний, сопутствующих *неведению* человека, пребывающего в иллюзиях по поводу своего истинного положения и потому привязанного к этим иллюзиям. Это и есть очищение кармы - поля сознания от “каменей” и прочего мусора, препятствующего возделыванию и посеву благих “семян” Более высокое духовное восхождение сопряжено также с очищением сознания даже от следов негативной кармы, созданной когда-то в прошлом. На этом пути необходимо *Знание*. Оно дает человеку воз-

возможность нейтрализовать причинный импульс, идущий из прошлого и тем самым “сжечь карму”

Между Законом Кармы и Законом Жертвы имеется непосредственная оккультная связь, проявляющаяся на Востоке в общераспространенной традиции жертвоприношений божествам и предкам. Шаманский культ жертвоприношения предкам получает некое новое освещение со стороны известных духовных учений. Обратимся к комментарию, который современный Учитель А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада дает тому фрагменту “Бхагават-гиты”, в котором говорится о древневедической традиции почитания предков.

“Ведические традиции, касающиеся деятельности, совершаемой ради материальных благ, предписывают периодически приносить в жертву пищу и воду предкам своей семьи. Эти подношения совершаются через поклонение Вишну, так как прием в пищу остатков еды, предложенной Вишну, освобождает человека от последствий всех его греховных поступков. Получается, что предки терпят страдания за свои прошлые грехи, а иногда некоторые из них даже не могут обрести грубое материальное тело и вынуждены пребывать в тонком теле в виде привидений. Но если потомки предлагают предкам *прасадам*, пищу, поднесенную сначала Вишну, они получают освобождение от существования в виде духов или иных форм страданий. Оказание такой помощи предкам является семейной традицией.” (Бхагават-гита, 1986, с. 77).

Аналогичная забота о предках заставляет многих бурят и монголов до сих пор совершать обряды, посвященные предкам. Совершаемые при этом жертвоприношения предназначены не собственно предкам, а всем тем божествам, которые, по традиции, являются покровителями семьи и рода, - предки “вкушают” после божеств.

Каким образом взаимосвязаны Закон Жертвы и Закон Кармы? Древнеарийская мудрость дает объяснение их взаимосвязи. Дело в том, что понимание Закона Жертвы растет в зависимости от очищения Кармы, от возрастания способности человека к отречению от плодов своей деятельности. Ведь неблагую карму можно истолковать и как деятельность ради её плодов. Тот же, кто очистил свою карму и сжег последствия негативной кармы “огнем совершенного знания” (Бхагават-гита, с. 240), тот достиг состояния, которое современные последователи ведической традиции называют “сознанием Кришны”. Буддисты называют состояние пресечения отрицательной кармы и омрачений сознания Освобождением. Правда, буддийское понимание механизмов Освобождения - несколько иное, нежели в индуизме и у современных кришнаитов. Путь к этому состоянию в ведической традиции отмечен чистой любовью к Единой Жизни и Жертва проявляется как добровольное Отдавание и Служение. В буддизме Великие

Любовь и Сострадание - ко всем живым существам - это то, без чего недостижимо состояние Будды. В свою очередь, Великие Любовь и Сострадание, то есть *бодхичитту*, невозможно взрастить, не имея такой основы, как *отречение*, в том числе от плодов своей деятельности. Высшее воплощение жертвенности человека в духовном смысле - это *бодхисаттва* (93), тот, для кого освобождение от стаданий и счастье всех живых существ превыше собственного счастья и собственной нирваны.

Жертвенность в космической эволюции как Закон эволюции проявилась, согласно Тайной Доктрине, уже на этапе первичной дифференциации "Единого, о Котором Ничто Не Может Быть Сказано", она могла иметь место лишь благодаря Его добровольной жертве. Первичная Жертва, которая вызывает рождение существ, называется *Действие* ("Карма", говорит Бхагават-Гита...) Эта жертва Логоса продолжается, согласно Тайной Доктрине, на протяжении всей жизни Вселенной. "Отсюда - признак духа состоит в отдавании, ибо дух и есть деятельная божественная жизнь в каждой форме" (Безант, с. 186).

Жертва в эзотерическом смысле всегда есть *радость отдавания* во имя эволюции и вечной гармонии Блаженства, Разума и Жизни. Посвященные способны жизнью пожертвовать, радостно воскликнув: "Да свершится воля Твоя, Господи, я готов!", ибо отождествляют себя с Единой Жизнью и знают, что любая форма, в том числе и человеческая, есть лишь преходящее выражение жизни и средство для её роста. Они не цепляются за формы жизни и за плоды деятельности. Незрелое же сознание ещё не способно осознать подлинный смысл жертвы и потому для него жертва - это страдание, вызывающее ужас и протест. Даже когда люди добровольно принимают страдание во имя жертвенного служения, понимая жертву как добровольное страдание - то это ещё не настоящее понимание смысла жертвы. "И пока человек не перестанет отождествлять себя с формой, до тех пор неизбежен и элемент страдания в жертве". (Там же, с. 187).

Сама первоначальная *молитва* людей имела смыслом отнюдь не испрошение для себя чего-нибудь у Бога, а отдавание себя воле Бога во имя высшего единения с ним. "Отче, да минует Меня чаша сия, однако не Моя воля, а Твоя да будет", - в этом случае молитвенная формула становится средством восхождения в более высокие духовные области и все большего единения с высшей *Реальностью*. (См: Штайнер, 1993, с. 111).

Человек, стремящийся к расширению своего сознания, должен усвоить, что жертва - необходимый элемент эволюции, делающий возможным переход от одного уровня развития жизни к другому. Человек, живя за счет принесенных в жертву его жизни чужих жизней, "должен пожертвовать - в свою очередь - чем-либо своим для поддер-

жания других жизней; он должен питать других так же, как питался сам; принимая в свою пользу плоды деятельности астральных существ, которые управляют физической природой, он должен пополнять их затраченные силы соответствующими приношениями. Отсюда возникли все жертвоприношения “силам природы”, как называет их наука, разумным духам, управляющим физическим строем вселенной... (подч. мною - И.У.)” (Безант, с. 189).

Жертвоприношения учили людей отказываться от чего-либо ценного из чувства долга, правда, “другая часть жертвоприношений состояла в желании снова пользоваться дарами природы” (Там же). Религиозные обряды, отправляемые людьми, тоже имели смысл жертвы, способствуя более глубокому осознанию жертвы и преодолению инерции низшей природы, “низшего троичного человека” в терминологии Тайной Доктрины.

На конечной ступени осознания и применения Закона Жертвы человек освобождается от кармы, связывающей его с тремя низшими мирами, и продолжает вращаться в колесе бытия лишь потому, что это нужно во имя помощи живым существам, а не потому, что он привязан к жизни. В традиции северного буддизма идея жертвенности выступает в форме бодхисаттвенской практики даяния и радостного служения делу освобождения всех живых существ. Но и на уровнях дободхисаттвенского поведения осознается необходимость жертвы как условия результативности духовной практики: ничем не пожертвовав невозможно достигнуть высоких реализаций. Поэтому буддист занимается накоплением заслуг - подношениями, даянием и другими предназначенными для этого практиками. Здесь практик жертвует кратковременным и иллюзорным счастьем ради освобождения и высшего счастья, собственным счастьем - ради освобождения и просветления всех живых существ.

В шаманской традиции бурят-монголов представлены разные уровни понимания и применения Закона Жертвы: существуют обряды жертвоприношения божествам-покровителям рода и духам предков, духам-эжинам, “хозяевам местности”, покровителю огня и домашнего очага (*галай эжин*), божествам дверей (*Уүдэши бурхад*) и др., предназначенные для обретения материальных плодов, здоровья и благополучия в этой жизни, а также обряды, более наполненные духовным смыслом и сопряженные с жертвоприношениями более высокого ранга - божествам высшего уровня тэнгрианского пантеона, “владыкам судьбы” (*Заяаши-бурхан*), солнечному и лунному началам (*Наран-эхэ, нара-эсэгэ*), “семи старцам” (*долоон үбэгэд*), самому высшему Небу (*Тэнгэри*) и *тэнгриям*, владеющим судьбами всего народа, а также *хаатам* - сыновьям тэнгриев. В прошлом у бурят существовали специальные очистительные обряды (*Арюуни хэрэгэ*), исполнявшиеся раз в

столетие, и призванные очистить коллективную карму. В соответствующей главе данной монографии будет возможность убедиться в том, что бурят-монголам не был чужд идеал высокого жертвенного служения - об этом свидетельствует кодекс шаманской этики. Столь разнообразные и глубокие представления о жертвенности в эзотерическом смысле свидетельствуют об оккультном понимании бурятскими и монгольскими шаманами эволюционного Закона Жертвы, выражающего механизм Единой Жизни.

В восточной духовности Закон Жертвы и Закон Кармы были тесно связаны с культом предков, занимающим совершенно исключительное место в ведической культуре Индии, в древнекитайской цивилизации и в тэнгрианской традиции Центральной Азии. В культуре древней Индии почитание предков, как и почитание богов, было обязательным элементом практики человека, стремящегося к духовному совершенству. **“О мои молитвы три раза в день, хвала вам. О омовения, хвала вам. О полубоги! О предки! Не вините меня за неспособность почитать вас. Где бы я теперь ни находился, я вспоминаю великого потомка династии Яду (Кришну), врага Камсы, и таким образом освобождаюсь из оков греха”**, говорится в **“Бхагават-гите”** (Бхагават-гита, 1986, с. 145).

В индийской религиозной философии важное значение имеют понятия **“путь богов”** и **“путь предков”**, восходящие к Ригведе. (См.: БУ, с. 33, 34), имеющие, без сомнения, важный оккультный смысл. В эзотерическом смысле **“путь богов”** или **дэваяна** - это путь тех, кто отрекшись от мирской жизни и наделенный **“знанием Брахмана”**, достигает **миров Брахмана (94)** и больше не возвращается в этот мир. **“Путем предков”** или **питрияна** следуют те, кто ведет обычную человеческую жизнь, выполняя предписанные обряды, и после ряда превращений снова рождается в человеческом облике. Люди доброго поведения рождаются в высшей касте, люди дурного нрава и поведения - **“в образе чандалы, собаки, свиньи”**. А **“те, кто не знают ни одного из этих путей, рождаются птицами, насекомыми и т.п.”** (БУ; с.33).

Судя по древнему тексту, знание этих **“двух путей”** касалось важных моментов эволюции людей из жизни в жизнь.

“2. [Правахана спросил]: “Знаешь ли ты, как эти люди, уходя [из жизни], направляются в разные стороны?” “Нет”, - сказал он. “Знаешь ли ты, как они снова попадают в этот мир? - “Нет”, - сказал он. - “Знаешь ли ты, почему не наполняется тот мир, хотя многие снова и снова уходят туда?” - “Нет” - сказал он. - “Знаешь ли ты, при совершении какого подношения воды обретают дар человеческой речи, поднимаются и говорят?” - “Нет”, - сказал он, - “Знаешь ли ты о достижении пути, ведущего к богам или [пути], ведущего к предкам, - каким

деянием достигается путь, ведущий к богам, или [путь], ведущий к предкам? Ибо слышали же мы речь риши:

“О двух стезях для людей слышал я -

[Ведущей к] предкам и [ведущей к] богам.

По ним движется вместе все,

Что существует между отцом и матерью”.

“- Ничего из этого я не знаю” - сказал он.” (БУ, с. 144)

Ничего из всего, что говорил мальчику Шветакету господин Правахана Джавайли, тот не знал, хотя и был хорошо обучен своим отцом Гаутамай, который сообщил сыну всё, что знал сам. “...И Гаутама пошел туда, где находился Правахана Джайвали. Тот предложил ему сиденье, приказал принести воду, оказал ему почетный прием и сказал: “Мы предлагаем почтенному Гаутаме [выбрать] дар”.

5. Он сказал: “Вот обещанный мне дар: скажи мне ту речь, которую ты произнес перед мальчиком”.

6. Тот сказал: “Поистине, Гаутама, это - из божественных даров. Назови [что-нибудь] из человеческих”

7. Он сказал: “Ты хорошо знаешь, что я в изобилии владею золотом, коровами, лошадьми, рабынями, приближенными, одежаниями. Не лишай же меня великого, бесконечного и беспредельного”. - “Так, иоистине, Гаутама, ищи этого предписанным способом”. - “Я приближаюсь к тебе как ученик”. А с такой речью древние приближались к [паставнику] как ученики. И так он остался [у Праваханы]...”. (Там же, с. 144).

И Правахана передал Гаутаме божественное знание о “пути богов” и “пути предков”, которое до сих пор, как сказал Правахана, “не пребывало ни с одним брахманом”

Анализируя приведенный древний текст, можно сделать вывод о том, что распространенный в Центральной и Восточной Азии культ предков относится к самым сокровенным тайнам Древней Мудрости, связанным с оккультным восхождением и с эволюцией человечества. Как разъясняет “Брихадараньяка Упанишада”, это знание относится к тайному учению об огненной сущности всего.

“Поистине, тот мир, Гаутама, это [жертвенный] огонь. Солнце - его топливо. Лучи - дым. День - пламя. Страны света - угли. Промежуточные стороны - искры. На этом огне боги совершают подношение веры...Поистине, этот мир, Гаутама, это огонь. Земля - его топливо. Огонь - дым. Ночь - пламя. Луна - угли. Звезды - искры. На этом огне боги совершают подношение дождя. Из этого подношения возникает пища...

...Поистине, человек, Гаутама, это огонь. Открытый рот - его топливо. Дыхание - дым. Речь - пламя. Глаз - угли. Ухо - искры...

Когда же он умирает,

14. То его несут к [погребальному] огню. Его огонь и есть огонь. Топливо - топливо. Дым - дым. Пламя - пламя. Угли - угли. Искры - искры. На этом огне боги совершают подношение человека. Из этого подношения возникает человек, покрытый сиянием.

15. Те, которые знают это, и те, которые в лесу чтут веру и истину, идут в пламя, из пламени - в день, из дня - в светлую половину месяца, из светлой половины месяца - в шесть месяцев, когда солнце движется к северу, из этих месяцев - в мир богов, из мира богов - в солнце, из солнца - в молнию. И придя к молнии, [состоящий] из разума, пуруша ведет их в миры Брахмана. В этих мирах Брахмана они живут вдали возвеличенные. Для них больше нет возврата.

16. Те же, которые приобретают миры жертвоприношением, подаянием, подвижничеством, идут в дым, из дыма - в ночь, из ночи - в темную половину месяца, из темной половины месяца - в шесть месяцев, когда солнце движется к югу, из этих месяцев - в мир предков, из мира предков - в луну. Достигнув луны, они становятся пищей. Там боги вкушают их, подобно тому, как [они вкушают] царя Сому, [говоря:] "Возрастай, уменьшайся". Когда это происходит у них, то [люди] попадают сюда в пространство, из пространства - в ветер, из ветра - в дождь, из дождя - в землю. Достигнув земли, они становятся пищей. Снова совершают подношение их на огне человека, и затем они рождаются на огне женщины. Так совершают они круговорот, поднимаясь в миры. Те же, которые не знают этих двух путей, становятся насекомыми, птицами и кусающими тварями." (Там же, с. 146).

Это довольно трудный для понимания текст, на языке Упанишад повествующий о тайне человеческой эволюции: есть два пути, из которых один ведет к высшему восхождению в "миры Брахмана" и к освобождению от перевоплощений, и другой - удел тех, кто становится "пищей" для богов и обречен перевоплощаться в круговороте. Путь перевоплощений, то есть "путь предков" связан с движением солнца к югу, это лунный путь, связанный с тайной Луны. Здесь на память приходят слова Г.Гурджиева о том, что большая часть человечества служит пищей для Луны, а также учение дона Хуана Матуса об Орле, пожирающем сознание живых существ, и о том, что у некоторых людей есть шанс избежать участи быть сожженным Орлом - шанс свободы, которым можно воспользоваться, ступив на путь человека знания и воина.

Тайноведение говорит о том, что восхождение - это одинокая и крутая тропа, по которой поднимаются немногие из людей. Об этом же говорит и древний текст Брихадараньяка Упанишады:

"Узкий, далеко идущий, старый,

Путь лежит передо мной, найден мной.

По нему мудрецы, знающие Брахмана,

Идут в небесный мир, вверх, освобожденные.

9. Говорят, что на этом [пути] есть белый, синий, Красновато-коричневый, зеленый и красный [цвета].”

(Там же, с. 126). И ещё:

**“13...Кто пробудился и нашёл Атмана,
Проникшего в опасное недоступное место,
Тот - творец вселенной, ибо тот - творец всего;
Ему принадлежит мир, ведь он и есть мир.**

14. Находясь здесь, мы можем это знать;

**Если же не [знаем], то невежественны и [подвержены]
великому разрушению.**

Кто знает это, те становятся бессмертными,

А остальные, поистине, идут лишь к бедствию.”

(Там же, с. 126-127)

Эзотерическая символика пяти цветов, о которой говорит древнеиндийский текст, имеет универсальный характер - в центрально-азиатской традиции присутствует тот же набор священных цветов. Из-за *неведения* люди подвержены “великому разрушению” и те, кто не знает пути, ведущего вверх, “идут лишь к бедствию” - в этом ведическая традиция солидарна с буддизмом и современным тайноведением. (Здесь мы не касаемся того, что понимание *неведения* и *мудрости* в буддизме - принципиально иное, чем в других духовных учениях).

Древняя Мудрость рассматривает существование живых существ в человеческом теле как драгоценную возможность, предоставленную живущим для разрешения эволюционных задач, для обретения высшего смысла Жизни. Человек, предавший свою высшую природу и покидающий этот мир, словно кошка или собака, не осознав науку восхождения, подобен, как говорит А.Ч.Бхактиведанта Свами Прабхупада, скупцу, не умеющему пользоваться своим богатством. Особенно подробное разъяснение смысла *драгоценной человеческой жизни* дают буддийские наставники (95), объясняя, что родиться человеком - это сама по себе уникальная возможность, столь же редкая, что и вероятность того, что раз в столетие всплывающая со дна моря черепаха попадет в золотой обод, плавающий на поверхности океана, а кроме того, не всякая человеческая жизнь, к тому же, обладает признаками драгоценной человеческой жизни - ведь человек, родившийся в месте, где льется кровь и люди причиняют друг другу одни лишь страдания, не имеет условий, необходимых для практики Дхармы, или человек, родившийся в то время, когда в мире отсутствуют Учителя, тоже не имеет возможности использовать свою жизнь как “драгоценную человеческую жизнь” (См. *Ламрим-ченмо* Чже-Цонкапы, книги и лекции Геше Тинлэя).

Предпринятая нами попытка высветить основные положения эзотерического учения об эволюции мира и человека была обусловлена поисками адекватного ключа к пониманию шаманских тайн. Осуществленный до этого обзор возможностей изучения потаенности бытия, которые предоставлены философией и классической наукой, подвел к осознанию принципиальной недостаточности и относительности этих возможностей и к необходимости расширения горизонта науки при истолковании проблематики *существования и сущности человека*. Знакомство с учением мексиканского шамана дона Хуана, изложенным К.Кастанедой, антропологом, сумевшим усвоить альтернативный современному способ мировосприятия и миропонимания, присущий традиции индейских магов, помогает автору этих строк осознать всю глубину открытия об относительности и условности *реальности*, почувствовать пропасть, которая разделяет два мира современного человека и мира традиционной духовности. В то же время возникает ощущение глубокой внутренней близости учения дона Хуана к традиционному мировоззрению наших предков и их общего сходства с другой укоренившейся в монгольском мире духовной традицией - буддийской. Каждое из них выражает некое глубокое и почти неведомое современной науке Знание.

Обращение к духовному знанию в его разнообразных формах - каббалистической традиции, суфизма, спиритизма, теософии, антропософии, йоги, буддизма, шаманизма, изучение их философских и практических аспектов приводит к выводу, что *единое Знание* действительно существует, и восточная философия давно учит людей этой Древней Мудрости. Это *Знание* помогает людям совершенствоваться и становиться мудрее и лучше, впервые поняв, что путь познания и совершенствования нашей человеческой природы бесконечен, ибо человек - это сама бесконечная Единая Жизнь, её неуничтожимая часть. Конечно, в любой конкретной формулировке на существующих земных языках это Знание есть *рабочая гипотеза о Реальности*, а не сама Истина о ней, пребывающая за пределами всех человеческих слов и понятий. Но чрезвычайно важно то, что эта "рабочая гипотеза" выражает не ограниченный опыт человеческих индивидов, а универсальный в планетарном масштабе опыт космического самопознания человечества, и она, эта "рабочая гипотеза", оказывает эффективную помощь в реальной психофизической эволюции людей. Один из наиболее ярких примеров эффективного применения Знания для радикального самоизменения - это великий тибетский йогин Миларепа, сумевший в течение одной жизни осуществить духовное восхождение по крутой тропе и достичь состояния Будды.

С точки зрения космической эволюции человека и мира становятся понятными относительность и условность понятий "человек", "мир

человека” и других понятий, связанных по смыслу с “человеком” Понятие “человек” относится к человеческим существам, находящимся на разных эволюционных уровнях и обладающим психическими и духовными свойствами разного качества. Человеческие существа включены в эволюционные циклы Единой Жизни, каждый из которых связан с повышением качества вибрационной активности и способности реагирования на космические эманации Единого, О Котором Ничто Не Может Быть Сказано. Есть люди, очень восприимчивые к *тонким уровням реальности*, к Небу, и есть люди с настолько тяжелым качеством “низшего троичного человека” (физическое, астральное, ментальное тело), что они недалеко ушли от состояния животной природы. В буддизме аналогичным образом говорится, что не все люди есть обычные человеческие существа: среди живущих на земле людей иногда встречаются воплощения и эманации Будды и позднее живших буддийских Учителей, бодхисаттв, а есть и такие, которые ещё в предыдущем существовании были животными или духами, или иными существами Шести Лок. По крайней мере, тех, кто обретает *драгоценное человеческое тело* и сопряженную с этим всё более возрастающую способность к духовной практике, в сравнении со всеми живущими в человеческом теле, так же мало, как звезд на утреннем небе в сравнении со звездами в ночном небе. Так говорят коренные буддийские тексты и Учителя.

С точки зрения духовных учений, в зависимости от эволюционного уровня *сознания*, являющегося всеобщим свойством *Живого*, люди способны в большей или меньшей степени настраиваться на высшие вибрации и осуществлять духовное восхождение. Какова мощь сознания человеческого существа - такова и его вселенная. Сознание человека творит его мир - тот интервал бытия, в котором он существует. Но психоэнергетическая сила людей может развиваться. Они располагают для этого бесконечными возможностями, в силу бесконечности потока существования и кармы. Карма помимо наличия естественного механизма детерминации прошлым настоящего и будущего означает преемственность сознания в разных воплощениях.

Какова эволюционная мощь человеческого сознания - таковы и человеческие боги. Богом может выступать само *Неизреченное, Немыслимое Единое* ведической традиции, *Дао* (Путь) древних китайцев, *Вечно Синее Небо* (Хухэ Мунхэ Тэнгэри) наших предков, То, что пребывает за пределами всех человеческих определений, и является основой всего воплощенного и развоплощенного сущего. Богом для других людей может мыслиться Господь многих вселенных, или одной вселенной, или любой части вселенной, воспринимаемой как вселенная. Человеческие понятия о *существовании, Боге, вселенной, человеке* очень разнообразны, хотя все они отражают *высшую реальность*. Они

“варьируются в зависимости от мощи сознания; такое количество универсальной мысли, которое отдельное сознание способно максимально помыслить, т.с. на которую оно может наложить свою собственную реальность, думать о ней как о существующей подобно ему самому, - это его Вселенная.” (Бейли, с.36).

Чем ближе к внешнему эволюционному кругу человечества находится в эволюционном процессе человеческий индивид, тем меньше и беднее его Вселенная, - говорят представители разных духовных учений. Чем ближе к внутреннему кругу человечества, тем необъятнее громада мира, существующего для людей этого уровня развития. В самом внутреннем, эзотерическом, круге отсутствуют, согласно тайноведению, разногласия и различия в понимании вещей, но и никто не притязает на обладание истиной. Зато внешний круг человечества - это круг *вавилонского смещения языков*, из-за которого никто не понимает друг друга, и каждый претендует на обладание истиной.

“Человечество, к которому мы принадлежим, т.е. всё историческое и доисторическое человечество, известное науке и цивилизации, - говоря словами Гурджиева, - составляет лишь внешний круг человечества...” (Цит.по: Успенский, 1994, с. 355). Между внешним и внутренним кругом, состоящим из всего нескольких людей или небольшой группы людей, есть ещё “мезотерический” круг людей, обладающих знаниями космического масштаба, как и люди эзотерического круга, но знание “мезотерического” круга имеет более теоретический характер. Есть ещё “экзотерический” круг, являющийся внешним кругом внутренней части человечества, - люди этого круга обладают космическими знаниями эзотерического и мезотерического круга, но их знания носят более философский, абстрактный характер, чем знания “мезотерического” круга. Но для обычного человека “экзотерический” круг - это уже что-то “эзотерическое”, как говорит Б.Успенский, последователь Г.Гурджиева.

Есть четыре входа во внутренний круг, - это четыре пути, согласно Гурджиеву. Кстати, об этом же пишет и А.Бейли. Это напоминает и буддийскую мандалу, которая имеет тоже четыре входа. Для людей внешнего эволюционного круга, не обладающих космическими знаниями, очень важно *верить* в способность высшей реальности непосредственно общаться с людьми. “Позвольте Небу воспользоваться вашим сознанием, чтобы расширить окно в беспредельное, и затем узрите, наконец, прекрасные возможности, присутствующие даже в самых ужасных внешних условиях”, - рекомендует “вознесенный мастер Сен-Жермен” через своих посланников Марка Л.Профета и Элизабет К.Профет. (Сен-Жермен, 1994, с.44).

Освобождение от “шлака человеческого опыта” начинается с осознания, что человек заключен в своем теле не более, чем в собст-

венном жилище. Человеческое сознание расширяется одновременно с расширяющейся Вселенной. В сердце человека находится “тигель вечной сущности, белый камень, эликсир и полная сила Жизни” (Там же, с. 87). По ассоциации невольно вспоминается, что в тибетской медицине говорится о каплевидных *тигле*, в частности, в форме *тигле способно* концентрироваться сознание в центральном канале (96) человека, и это *тигле* сознания человека, освобождаясь от грубой физической оболочки тела, способно продолжать существование в новых телах или стать свободным от колеса телесных перевоплощений в зависимости от психоэнергетической развитости и мощи человеческого сознания.

Учение о сознании на Востоке и в Тайной Доктрине есть одновременно космология: с учением о космосах связана идея возможного расширения человеческого сознания. “В обычном состоянии человек осознает себя в **одном космосе** и рассматривает все космосы с точки зрения одного космоса. Расширение его сознания и повышение интенсивности психических функций приводят его в сферу жизни и деятельности **ещё двух космосов**, одного высшего и одного низшего, т.е. большего и меньшего. Расширение сознания происходит не в одном направлении, скажем, в направлении большего космоса; направляясь вверх, оно одновременно направляется и вниз. “ (Успенский, с. 236). В указанном смысле оккультисты говорят, что **путь вверх есть в то же время путь вниз**.

Космическое сознание человека, таким образом, в отличие от обыденного сознания, связано с учением о трех космосах или трех мирах: человек познает относительность своего космоса, т.е. “среднего мира”, в сравнении с большим и с меньшим космосами. Космосов в действительности больше. Г.Гурджиев называет семь космосов древних систем тайнознания, и каждый космос относится к другому, большему - как нуль к бесконечности. (См.: там же).

Расширение человеческого сознания до космического сознания - сразу в двух направлениях - к большему и меньшему космосам - происходит как осознание одновременно трех космосов. Верхний, средний и нижний миры шаманской космологии соответствуют этой универсальной закономерности. Вообще шаманское учение о трех мирах отражает, по-видимому, именно этот, универсальный для тайноведения, принцип космической эволюции человеческого сознания.

Космическое сознание - это не просто философия и космология, - это практическая идея множественности (как минимум - трех) космосов, позволяющая установить законы относительности и аналогии. Шаманская космология выражает, следовательно, самое ядро Тайной Мудрости человечества.

Сравнивая эзотерические учения Востока и Запада о космической и человеческой эволюции с философскими и научными концепциями, известными с древности в западно-европейской культуре и составляющими идейный генофонд современной земной цивилизации, нельзя не заметить, что те и другие являются “рабочими гипотезами”, но в первом случае у человечества в целом и у каждого человеческого существа признается космический масштаб эволюции и Жизни, и этот тип учений является не только теорией, но и апробированной во многих региональных посвяtitельных традициях практикой самотрансформации человека, во втором же случае общей непреодолимой проблемой, связанной с существованием человека и человечества, является смертная природа человека и неизбежный конец истории человечества, - поэтому такое значительное место в европейской культуре занимает тема трагизма судьбы и рока. Смерть и время, которые являются главными составляющими европейского и всего современного понимания судьбы, оказались камнем преткновения европейского духа, с ними же связаны и главные в теме судьбы и рока антиномии божественного предопределения и свободы воли человека. “Роковая” подоплека человеческой жизни связана на онтологическом уровне, как об этом сказали русские философы Н.Ф.Федоров и В.С.Соловьев, с самим статусом вещественного бытия, отличающегося, по словам Федорова, принципиальной “неродственностью”, или, говоря словами Соловьева, “двойной непроницаемостью” тел и явлений - во времени и в пространстве, - которая делает внешнюю среду несообразной внутреннему всеединству идеи. Русские религиозные мыслители поставили задачу преодоления нынешнего природного порядка вещей, являющегося корнем судьбы и рока, на пути объединения человеческих и божественных энергий. Взяв за образец Воскресение Христово как “первую решающую победу над законом тления и смерти, законом рока”, на этом пути движения к богочеловечеству и преображения этого мира в соборно-любивый тип бытия, Царствие Небесное, начав осуществлять повеление Спасителя во всем его объеме, “человечество призвано прийти к тотальному успеху” (Семенова, 1994, с.33).

То, что С.Г.Семенова считает “самым серьезным за всю историю вызовом Року”, на наш взгляд, является эзотерической попыткой прорыва к тайне космической эволюции: эзотерической, ибо это только философия, абстрактно-спекулятивные рассуждения, а не практический метод богочеловеческой эволюции людей.

Европейские философские размышления о судьбе и роке отражают понимание, что в основе неумолимости судьбы и неотвратимости рока лежит закон причинности, господствующий в природе и мире людей. Ещё древние греки понимали судьбу как извечную причинную

связь бытия. И начиная с древности, европейские мыслители пытались бросить вызов року. Но все известные в западной традиции философские вызовы судьбе и року не затрагивают их тайны - **тайны причинности**. А с точки зрения эзотерики, здесь кроется большая тайна эволюции, тайна единности временного и вечного, Смерти и Жизни. Христианские мистики, Бозций, Абеляр и другие, на пути молитвенного экстаза прозрели эту сторону судьбы как спасения души на пути веры, настоящей на усилении всех волевых душевных движений и на ответственных поступках субъекта, открывшего себя.

Но глубже их знали природу человеческой судьбы гностики, ибо были причастны к древнему тайноведению. Гностики тоже говорят о принудительной силе судьбы - *Геймармене* и *Мойры*, но ей противостоит разрешающая сила света, и смерть здесь мыслится “только ступенью на длинном пути высвобождения и спасения света, заключенного в душе человека” (Трофимова, 1994, с. 15). Этот концепт судьбы изложен в коптском гностическом тексте “Пистис София” (IV в. н.э.), фрагменты из которого переведены М.К.Трофимовой. Примечательно, что вопрос о Геймармене излагается в той части текста, где описаны экзегетические упражнения, составляющие часть посвящения в тайное знание. Судя по тому, что рукопись содержит гораздо более обширный материал о Геймармене и Мойре, нежели те выдержки, что приведены в издании Трофимовой, это часть обширного эзотерического учения об эволюции человека.

“Геймармене в рукописи трактуется по-разному. Это и мифологический образ - весьма переменчивый: то сфера мироздания с её Эонами, Архонтами, Литургами и т.д., то главный Архонт; это и достаточно отвлеченное понятие. Всё определяется планом, в котором в том или ином месте рукописи разворачивается тема судьбы.” (Там же, с. 16). В другом, одном из ранних, гностическом памятнике, в кодексе II Наг Хаммади приводится миф о порождении Геймармене: “Он (Иалдабаоф) держал совет со своими властями, теми, что его силы, и они вместе совершили прелюбодеяние с Софией, и они породили постыдную Геймармене, последнюю узу, которая изменчива и такого рода, что (в ней) одно сменяет другое. И она ужаснее и сильнее, чем та, с которой соединены боги и ангелы и демоны, и все роды по сей день. Ибо от этой Геймармене происходит всякое бесчестие, и насилие, и всякие узы забвения, и незнание, и всякая тяжкая заповедь, и тяжкие грехи, и великие страхи - и так что всё творение стало слепым, дабы не познали Бога, который надо всеми ними...” (Там же, с. 18).

Приведенный фрагмент прямо указывает, что понятие судьбы, Геймармене, связано с сокрытием некими высшими силами тайны Бога, а также то, что это страшная уза - несвобода, от которой происходят забвение, незнание и грехи. В “Пистис София” устами Иисуса,

открывающего сокровенные знания, в том числе о переселении душ, своим ученикам, говорится: “Архонты Геймармене, они суть те, которые побуждают человека грешить”, “...они подносят прежней душе чашу забвения из семени злобы, наполненную разными желаниями и забвением; и тотчас, как только эта душа выпьет из этой чаши, она забудет все места, куда ходила, и все наказания, которые прошла, и эта чаша воды забвения становится телом снаружи души, становится похожей на душу всем видом, то есть становится подобной ей, - тем, что называют духом обманным...” (Там же, с. 16).

Получается, что человек грешит, пребывая в состоянии забвения об истинном опыте души, и переполненность “разными желаниями” сопутствует забвению. Миссия исторического Иисуса - передать человечеству тайное знание, объясняющее эту страшную несвободу человека, и освободить человеческую душу. “Вот, потому таким образом я принес в этот мир тайны, которые развязывают все путы Духа обманного и все печати, связавшие душу, те, которые делают душу свободной, и освобождают её от Архонтов, и делают светом чистым, и влекут её в царствие её Отца, первого исшествия, первой тайны навеки.”(Там же, с. 17).

Но, оказывается, человеческая душа способна и сама освободиться и уйти из-под власти Духа обманного, Архонтов и Геймармене, судя по контексту наставлений, которые дают Архонты Духу обманному: “...а если она (душа - И.У.) говорит тайны, если она развязывает все печати и все путы и оправдания Места и если она идет, дай ей уйти, ибо она принадлежит к тем, кто от Света высшего, и она стала чужой нам и тебе, ты не сможешь отныне схватить её. Но если она не говорит тайны развязывания твоих пут и твоих печатей и оправдания Места, хватай её, не давай ей уйти, влечи её к наказаниям и во все места судилищ за грехи, которые ты побудил её совершить.” (Там же).

Если интерпретировать древний коптский текст на языке современной эзотерики, то его смысл очень близок к тому, о чем поведал миру Г.Гурджиев или дон Хуан Матус через Кастанеду: лишь немногим удастся ускользнуть от Орла и не оказаться пищей для него - они “уходят”, как дон Хуан, к настоящей свободе; большая часть человечества живёт, чтобы стать, по словам Гурджиева, “пищей для Луны”, для них неотвратимы природные законы, законы причинности и другие - планетарные и космические, и лишь единицам удастся обмануть эту общую судьбу человечества и ускользнуть из-под их власти. О том же - о таинстве связи судьбы и свободы - говорится и в “Пистис Софии”:

“Ответила Мария, она сказала: “Так, значит, все люди, которые в мире, или все, что им предназначено от Геймармене, будь то хорошее, будь плохое, будь грех, будь смерть, будь жизнь, - словом, всё, что им

предназначено Архонтами Геймармене, - случится ли это?" Ответил Спаситель, он сказал Марии: "Воистину говорю я тебе, все, что предназначено каждому от Геймармене, будь то хорошее, будь какой грех, словом, всё, что ему предназначено, случится с ним. Вот, из-за этого принес я ключ тайн Царствия Небес, или иначе - никакая плоть не будет спасена в мире, ибо без тайны, ведь, никто не вникнет в Царствие Света, ни праведник, ни грешник..." (Там же, с. 17).

Преодоление неотвратимости судьбы и смерти в мистическом христианстве - это предмет тайны Царствия Небес, ключом к которой владел Иисус как посвященный и о которой он говорит своим ученикам в коптском гностическом тексте. Христианская мистика, как и другие эзотерические учения, содержит тайное знание о такой эволюции человека, для которой не страшна смертность человека - смерть является лишь ступенью эволюции.

Существующее в монгольских языках понятие судьбы - *заяа* (зол заяа) в своей древней философско-религиозной семантике отличается от европейского концепта судьбы и является типично восточным, будучи связано с важнейшим для азиатских народов учением о перевоплощении и о карме, с иным, чем на Западе, восприятием времени - не как последовательности временных моментов прошлого, настоящего и будущего, а как единой тройственной временной реальности, в которой прошлое и будущее сосуществуют наряду с настоящим в тонкой форме. В этой мировоззренческой системе судьба как концепция эволюции человека воспринималась в контексте Большого Времени, в масштабе кармической детерминации жизненных воплощений индивида и семейной (родовой) кармы, определяющей жизнь родового организма в единстве прошлого-настоящего-будущего. И как уже об этом говорилось выше, понятие "заяа" в смысле человеческой судьбы было связано с творческой способностью человека: судьба или эволюционный уровень существования человека были обусловлены, помимо предначертания Неба (Тэнгэри), творческой мощью человеческого сознания. В нашей традиционной культуре смерть не имела столь трагической сопряженности с судьбой, а судьба не наделялась неумолимым, неотвратимым характером, как в культуре европейских народов. И наши предки бросали смерти не философский вызов - бессильный что-либо изменить в трагизме смертного бытия человека, - а реальный, практический вызов на уровне самого бытия: мастера боомургэл владели тем тайным знанием, благодаря которому смерть становилась управляемым, контролируемым явлением и лишалась той роковой силы, которая присуща ей в европейской культуре. Смерть не занимала такого исключительного положения в мировосприятии и бытии людей Центральной Азии в силу самого их отношения к бытию и естественного космического характера мировоззрения: древний

эзотерический опыт научил относиться к смерти адекватно её значению в космической эволюции человека, совершенно спокойно и без трагизма, присущего молодой цивилизации Запада, неискушенной в тайне бытия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Мистика бурятской старины и наше мировосприятие.....	4
1.1. От “сотворения мира <i>урайи</i> ” по следам таинственных феноменов.....	4
1.2. Повседневность и шаманская реальность.....	43
1.3. Возможности науки в познании шаманской культуры.....	87
Глава 2. На подступах к онтологии таинственного: опыт философии о тайне бытия и проблема существования.....	110
2.1. Философская мысль Запада о человеке и бытии.....	110
2.2. Философствующее “я” европейца и страх бытия.....	130
2.3. Экстатическое выступление человека в истину, или Экстаз как способ познания потаенности бытия: путь восхождения европейского духа.....	143
Глава 3. Прологомены к пониманию шаманской реальности: опыт индейской магии и мирового тайноведения.....	160
3.1. Философия индейского шаманизма и опыт К. Кастанеды.....	160
3.2. Окультизм и эзотерическая философия о мире и человеке.....	198
3.2.1. <i>Определение оккультизма и эзотеризма.....</i>	198
3.2.2. <i>Атлантическое наследие человечества.....</i>	204
3.2.3. <i>Тайноведение о космической эволюции человечества.....</i>	216

Ирина Сафроновна Урбанаева
Шаманская философия бурят-монголов:
центральноазиатское тэнгрианство
в свете духовных учений

В двух частях
Часть 1

Научное издание

Утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН

Редактор *В. И. Сиунова*
Художник *Д. Т. Олоев*

Лицензия ЛР № 040936 от 13.01.99 г.

Подписано в печать 18.07.2000 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага тип. № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 15,52. Уч.-изд.л. 18,30. Тираж 100. Заказ № 106.

Издательство БНЦ СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.